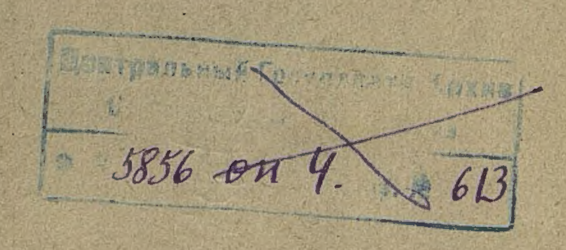
М. В. ВИШНЯКЪ

ВСЕРОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

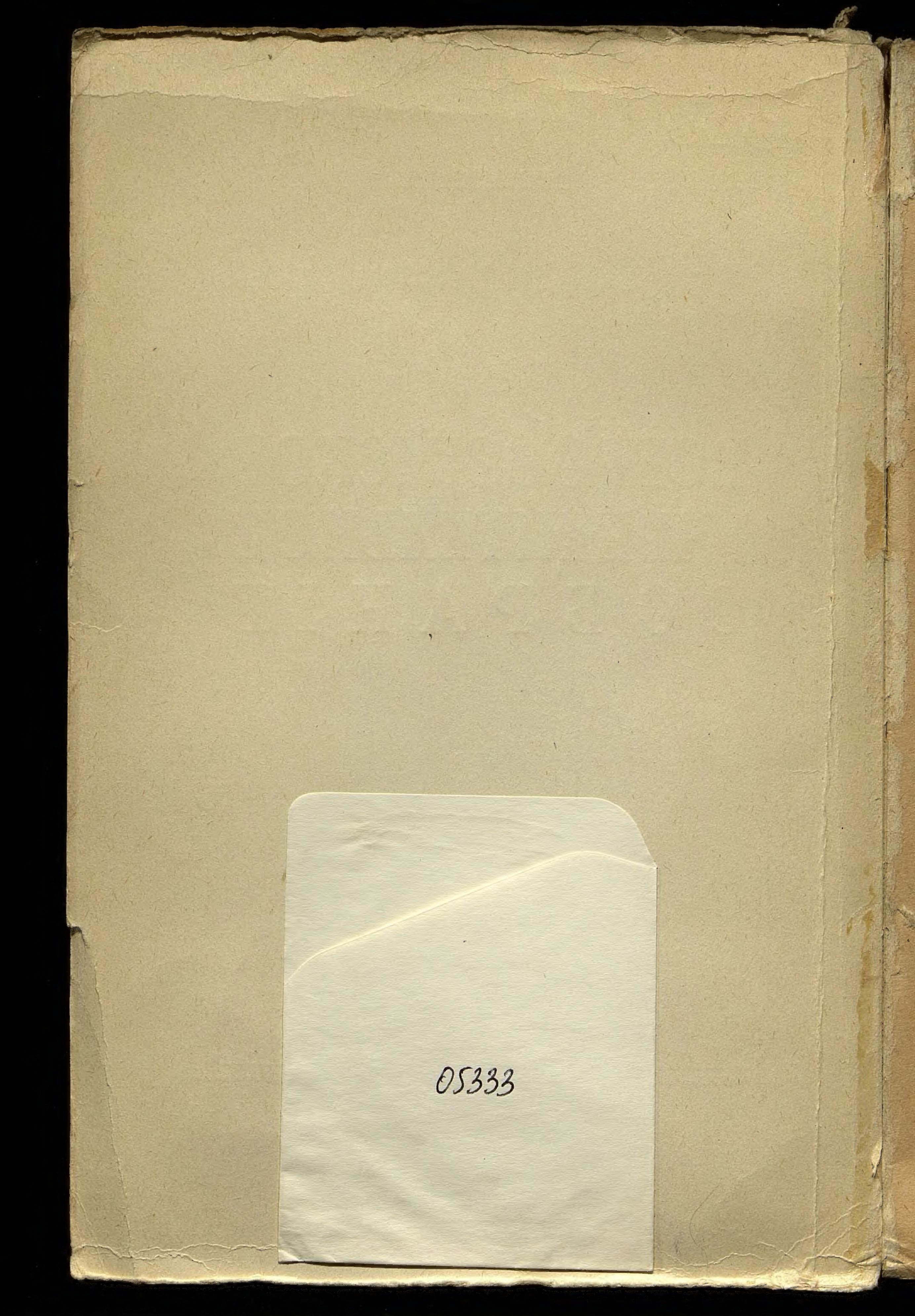

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

В С

ВСЕРОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

1932

05333

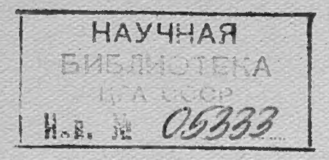
П. Н. Милюкову историку = политику
от автора = политика, случайного историка.

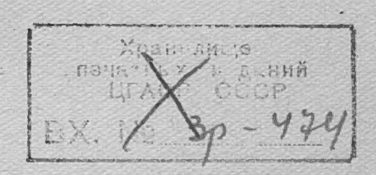
Париж.
Сентябрь 1932 г.

[illegible]

М. В. ВИШНЯКЪ

ВСЕРОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

Парижъ 1932 г.

Editions et Imprimerie
Rapide de la Presse
E. I. R. P.
4, r. Saulnier, Paris 9e

Посвящается жертвамъ борьбы
за Всероссійское Учредительное Собраніе.

Предисловіе

Предлагаемая книга — историческаго, юридическаго и политическаго содержанія. Она касается исторіи идей и исторіи учрежденій; права бывшаго и права будущаго; политическихъ устремленій и политическихъ актовъ, или политики въ узкомъ смыслѣ и въ болѣе глубокомъ и общемъ смыслѣ творчества права.

Въ множественности сюжетовъ методологическій ригоризмъ можетъ усмотрѣть серьезный и непоправимый недостатокъ. Намъ, наоборотъ, казалось безплоднымъ искуственно выдѣлять отдѣльные элементы изъ того, что въ жизни слито и только въ слитномъ видѣ реально и существуетъ. Теоретически можно, конечно, отвлечь все отъ всего. Но предметное знаніе вовсе не требуетъ «отвлеченія» отъ подлиннаго, искусственнаго разложенія сущаго и произвольнаго воспроизведенія реально бывшаго.

Историческая по матеріалу, по фактамъ и документамъ, въ ней приводимымъ, работа эта — не только историческаго порядка. По глубокому убѣжденію автора, предметъ, трактуемый въ ней, неотдѣлимо связанъ, если не съ злободневнымъ въ Россіи, то съ ея неотмѣнимымъ будущимъ. Живыя и легко нащупываемыя нити связываютъ былую политическую борьбу за Учредительное Собраніе эпохи царскаго абсолютизма съ борьбой, которая предстоитъ Россіи за освобожденіе отъ пореволюціоннаго деспотизма.

Отсюда и трактовка предмета не безстрастно - эмпирическая, которую диктуетъ чисто - историческій подходъ къ отошедшему въ безвозвратное прошлое, а дѣйственная, правно - политическая, апологетическая въ однихъ случаяхъ, осудительная въ другихъ. Заданіе,

можетъ быть, поставлено и неправильно. Во всякомъ случаѣ не случайно и не по оплошности книга составлена не въ призрачно - безпристрастномъ или мнимо - объективномъ стилѣ.

«Всероссійское Учредительное Собраніе» — не только сказаніе о томъ, что было, но и призывъ къ тому, чтобы сбылось, наконецъ, то, что еще не было.

I. — ПРОБЛЕМА УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ВЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ И УЧРЕЖДЕНІЙ

Идея учредительной власти въ историческомъ развитіи. — Американская практика и европейская теорія. — Доктрина французской революціи. — Конституанта и Конвентъ. — Духъ и стиль 18-го вѣка и современное правосознаніе въ ученіи объ учредительной власти. — Общественное провозглашеніе, какъ первичная норма права и какъ источникъ учредительной власти. — Внѣзаконное преобразованіе государства, какъ принципъ французскаго публичнаго права и какъ фактъ русской исторіи. — Учредительное Собраніе, какъ порядокъ преобразованія фактической власти въ власть регулярную и правовую.

I.

Идея учредительной власти стара, какъ влеченіе человѣка къ лучшему будущему, какъ извѣчное его стремленіе къ активному переустройству своего общежитія. Общежитія учреждались и переустраивались, конечно, и до того, какъ осознаны были проблема и существо учредительной власти. Но въ этомъ сказалось общее правило развитія людскихъ учрежденій: человѣческая рѣчь и логическое мышленіе возникали и развивались *до* того, какъ появлялись соотвѣтствующія ученія о нихъ, системы логики и грамматики. И учредительная власть осуществлялась уже за много вѣковъ до того, какъ сложились соотвѣтствующія ученія о ней.

Античная эпоха не ставила вопроса о *правомѣрности* государственной власти, объ *основаніи* къ политическому властвованію и принужденію. Въ этомъ отношеніи Аристотель не отличался отъ Платона и Цицеронъ отъ Полибія. Всѣ они одинаково принимали политическую власть, какъ фактъ, и говорили о реальныхъ условіяхъ управленія и осуществленія «общенароднаго дѣла» (res publica) или объ идеальныхъ формахъ общежитія. Однако, и древніе писатели различали между обыкновенными законами и чрезвычайными, конституціонными*). И въ критическіе моменты своей государственной жизни римляне

*) Отсюда — отъ rem publicam constituere — и терминъ «конституція», въ смыслѣ государственнаго устройства, вошедшій въ общее употребле-

облекали своихъ чрезвычайныхъ магистратовъ особыми, неограниченными полномочіями для соотвѣтствующаго измѣненія государственнаго строя.

Античная демократія была не только политическимъ учрежденіемъ, но и религіознымъ. Древне - греческое государство (Polis) мыслилось, какъ твореніе боговъ, почитаніе коихъ признавалось первѣйшей обязанностью и гражданъ, и власти. Связанное такимъ образомъ съ язычествомъ, государство древняго міра допускало, однако, множественность культовъ. Лишь съ идеей единобожія пришедшее раздѣленіе на правовѣрныхъ, еретиковъ и невѣрующихъ привело къ различенію и между учрежденіями и порядками властвованія — на праведныхъ и неправедныхъ*). И здѣсь ветхозавѣтная теократія — еврейское государство въ изображеніи библіи — власть, *учрежденная* «общественнымъ договоромъ» между Іеговой, его пророками и еврейскимъ народомъ, остается на долгіе вѣка образомъ и образцомъ, къ которымъ обращены взоры послѣдующихъ строителей новаго града. Къ старому завѣту и «завѣту», заключенному Израилемъ съ Богомъ, обращаются и христіанскія сознаніе и совѣсть, не мирившіяся съ новымъ, апостольскимъ завѣтомъ — (Omnis potestas a Deo) **).

Съ момента зарожденія сомнѣнія въ неподвижности установленнаго порядка и въ истинности положенія — «Всякая власть отъ Бога» предрѣшено было рожденіе новаго строя идей и новаго порядка осуществленія власти. Ибо за сомнѣніемъ: *всякая* ли власть отъ Бога? - неминуемо слѣдовало: если не всякая, то *какая?* А, можетъ быть, власть вообще *не отъ Бога?* Тогда отъ *кого?* Отъ діавола? Отъ человѣка? Отъ одного, отъ нѣкоторыхъ, отъ всѣхъ? Отнынѣ дѣло было лишь во времени и срокѣ, которые понадобятся для того, чтобы эти индивидуальныя сомнѣнія и вопросы о правомѣрной власти (potestas legitima) пріобрѣли всеобщую значимость.

Возникнувъ въ средѣ вѣрующихъ и томившихся вопросами о злѣ и грѣхѣ на землѣ, о праведномъ служеніи Богу и сопротивленіи діаволу, проблема возникновенія и оправданія власти переступила предѣлы религіозныхъ круговъ, въ которыхъ сосредотачивалась главная масса духовной энергіи и духовныхъ исканій среднихъ вѣковъ. Въ богословіи 12 и 13 вѣковъ заложены истоки тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи взорвали средневѣковье и проложили путь къ тому *новому* міру идей и вещей, которыя борются за свое утвержденіе и по сей день. И въ такой же мѣрѣ, въ какой современная демократія идейно - исторически свя-

---

ніе лишь въ 18-мъ столѣтіи. — Ср. у **Г. Еллинека:** Общее ученіе о государствѣ. — Изд. 2-ое. 1908 г. — Стр. 371.

*) Тамъ - же стр. 220.

) Ср. **Н. Н. Алексѣевъ: Идея «земнаго града» въ христіанскомъ вѣроученіи. — Журналъ «Путь» № 5. Стр. 25. — Парижъ. 1926.

Русскій изслѣдователь «Законодательства Моисея» А. П. Лопухинъ былъ въ 1882 г. «невольно пораженъ» сходствомъ политическаго устройства въ моисеевомъ государствѣ и федерально - республиканской организаціи управленія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки... Израилевы «колѣна по своей административной самодѣятельности вполнѣ соотвѣтствуютъ штатамъ, изъ которыхъ каждый представляетъ демократическую республику».

зана съ французской и англійской революціей, — послѣдняя неотрывна отъ Реформаціи.

Схоластическое въ своей основѣ разграниченіе *принципа* власти (отъ Творца всѣхъ вещей) и *способа* осуществленія власти (отъ народа, единственно управомоченнаго дать себѣ организацію соотвѣтственно своимъ цѣлямъ), это разграниченіе было освящено величайшимъ авторитетомъ средневѣковья, Фомой Аквинскимъ и въ теченіе вѣковъ оно оплодотворило не одно только католическое правосознаніе. Когда «Теологическая Сумма» доказывала: «Тираническое правительство несправедливо потому, что оно стремится не къ общему благу, а къ частному благу того, кто правитъ, и потому возстаніе, поднятое противъ такого правительства, не имѣетъ мятежнаго характера... Мятежникомъ является скорѣе самъ тиранъ», — она закладывала основы ученія и тираноборцевъ (монархомаховъ) 16 и 17 вѣковъ, и «договорнаго» происхожденія власти, народнаго суверенитета.

Идея происхожденія власти отъ народа — отъ Бога власть проистекаетъ лишь *косвенно*, а отъ народа *непосредственно*, училъ Суарецъ въ началѣ 17-го столѣтія, — и законности не только возстанія противъ мятежнаго тирана, нарушившаго свой неписанный договоръ съ народомъ, но и прямого уничтоженія тирана, была воспринята у католическихъ писателей протестантскими. Послѣдніе, съ своей стороны, внесли значительную лепту въ развитіе и завершеніе теоріи «Отмщенія тиранамъ или законнаго властвованія князя въ отношеніи къ народу и народа въ отношеніи къ князю», какъ озаглавлено извѣстное сочиненіе неизвѣстнаго автора (подписанное Стефаномъ Юніемъ Брутомъ и приписываемое Дюплесси - Морнэ). Истребленіе протестантовъ въ варфоломеевскую ночь и убійство Генриха III католическимъ монахомъ Жакомъ Клеманомъ жизненно свидѣтельствовали о волновавшихъ тогдашнія сердца страстяхъ. Они наглядно иллюстрировали, какъ сѣрая и отвлеченная теорія переходитъ въ «кинетическое» состояніе — изъ аккуратно выписанныхъ богословскихъ фоліантовъ въ разнузданные выкрики уличной толпы.

Парадоксъ — или діалектика — исторіи выразилось въ томъ, что тираноборцы, будучи ненавистниками того или другого исторически даннаго тирана, оказывались въ то же время борцами противъ восходившаго на историческую авансцену абсолютизма. Въ этомъ от-

---

Въ Палестинѣ, оказывается, уже въ эпоху Судей образовалась «союзная республика, въ которой самостоятельность отдѣльныхъ колѣнъ доведена была до степени независимыхъ государствъ»...

Въ этомъ уподобленіи, преувеличенномъ до карикатуры, истинное зерно сводится къ тому, что строившіе американскіе штаты пуритане дѣйствительно вдохновлялись библейскими образцами и въ ихъ лицѣ — и чрезъ нихъ — новая и новѣйшая исторія идеи и организаціи учредительной власти связывается съ исторіей древнѣйшей. См., напримѣръ, ссылки на «книгу Исхода XXIV, 3, 4; первую книгу Паралипоменона XI, 3 и четвертую книгу Царствъ XI, 17» въ договорѣ, заключенномъ 19 поселенцами изъ Провиданса при основаніи въ 1638 г. второй колоніи Родъ - Айланда — Эквиднекъ. — **Г. Еллинекъ:** Декларація правъ человѣка и гражданина. — 3-ье русское изданіе. 1906. — Стр. 52.

ношеніи являясь силой, противоборствующей прогрессу, они вмѣстѣ съ тѣмъ много способствовали положительной постановкѣ вопроса о правомѣрности власти, объ ея истокахъ и взаимоотношеніи между властью и ея «дарителемъ» — народомъ. Все, что волновало и вдохновляло взошедшую на религіозныхъ дрожжахъ англійскую революцію 17 вѣка и что практически привело въ 17-омъ вѣкѣ къ Петиціи правъ, Habeas corpus и Биллю о правахъ, въ своей основѣ было подготовлено развитіемъ идей предшествующей эпохи.

Съ трактатами Джона Локка о государственномъ управленіи вопросъ объ ограниченіи королевскаго произвола и разграниченіи властей народа и короны пріобрѣлъ болѣе общій характеръ. Локкъ указалъ *безусловныя* границы всякой власти, вытекающія изъ самой цѣли государства. Онъ отмѣтилъ *изначальныя* и *неотчуждаемыя* права народа, условія, при которыхъ народъ освобождается отъ всякаго повиновенія по отношенію къ власти и, возвративъ себѣ первоначальную свободу, имѣетъ право учрежденіемъ новой, ему угодной законодательной власти позаботиться о своей собственной безопасности. «Народъ всегда сохраняетъ суверенную власть на самоосвобожденіе отъ дѣяній всякаго рода лицъ, даже своихъ *законодателей,* если они становятся настолько безумны или злонамѣренны, что умышляютъ противъ свободы и собственности подданныхъ»*).

У англійскаго философа неотчуждаемыхъ правъ и изначальнаго ограниченія властвованія учились тѣ, кому впослѣдствіи довелось практически формулировать основы новаго порядка и идею учредительной власти въ Новомъ Свѣтѣ и на европейскомъ континентѣ. Изъ трактатовъ Локка — какъ и изъ «Духа законовъ» Монтескье — черпали свою мудрость одинаково авторы Декларацій правъ отдѣльныхъ штатовъ сѣверной Америки и Декларацiи независимости Соединенныхъ Штатовъ и творцы, такъ называемой, доктрины французской революціи, въ частности, ея ученія объ учредительной власти.

2.

Прологомъ къ новой постановкѣ проблемы учредительной власти, какъ и ко всей новѣйшей политической исторіи, явились «завѣты», учредительные акты и поселенческіе договоры, которые заключали выходцы изъ Англіи, въ поискахъ религіозно - чистой и свободной жизни эмигрировавшіе въ Америку.

Теорія происхожденія общежитія изъ добровольнаго сговора людей и правомѣрности принудительной власти только въ томъ случаѣ, если, исходя отъ всѣхъ, власть обопрется на волю и согласіе каждаго, получила жизненное воплощеніе въ колоніяхъ Новой Англіи. Изъ міра отвлеченныхъ идей и спорныхъ предположеній возможность созданія новаго общежитія становилась здѣсь «самоочевидной», — какъ говорится въ Декларацiи независимости американскихъ штатовъ.

*) John Locke: Two treatises of Government. — London. 1688. — P. 297.

Первый актъ такого рода заключенъ былъ 11-го ноября 1620 г. «отцами - пилигриммами» передъ тѣмъ, какъ они покинули свое историческое суденышко «Ландышъ» (Myflower), доставившій ихъ изъ Плимута. Въ этомъ документѣ прибывшіе — всего 102 человѣка — заявляютъ: «предпринявъ во славу Божію, для распространенія христіанской вѣры и въ честь короля (Якова) и отечества, путешествіе, чтобы основать первую колонію на сѣверѣ Виргиніи, настоящимъ торжественно и взаимно, въ присутствіи Бога и каждаго изъ насъ, объединяемся въ одно политическое и гражданское цѣлое для лучшаго управленія, самосохраненія и выполненія указанныхъ выше цѣлей. Вслѣдствіе этого мы учреждаемъ и устанавливаемъ время отъ времени справедливые и хорошіе законы, предписанія, акты, конституціи, и исполнителей, которые покажутся намъ подходящими и пригодными для общаго блага колоніи, и обѣщаемъ имъ все нужное подчиненіе и повиновеніе»*).

Скрѣпленный 41 подписью документъ этотъ пріобрѣлъ значеніе символа того, *какъ* надлежитъ устанавливать «справедливые и хорошіе» законы, когда время отъ времени возникаетъ потребность въ ихъ пересмотрѣ, и *на чемъ* должна зиждиться возникающая съ этой цѣлью новая власть. За 142 года до «Общественнаго Договора» въ жизни, а не въ доктринѣ, общежитіе возникло изъ договора, и въ основу его положена была воля «совокупнаго я», moi commun, какъ требовалъ Руссо. Въ теченіе ряда поколѣній послѣ этого, на собственномъ жизненномъ опытѣ, пріучались творцы заатлантической республики положительно расцѣнивать учредительные акты своихъ далекихъ предковъ и въ волѣ всѣхъ видѣть единственно - правомѣрное основаніе политическаго властвованія.

При небольшой численности новоселовъ вначалѣ — въ 1640 г. въ Нью - Плимутѣ было всего 3 тысячи человѣкъ, въ Коннектикутѣ менѣе 2 тысячъ — рѣшенія принимались всѣми членами колоніи на особыхъ сходахъ (town meetings). Въ представительныхъ органахъ нужды не было. Но и въ послѣдующемъ, когда съ ростомъ населенія возникла необходимость представительства для отдѣльныхъ штатовъ и для Соединенныхъ Штатовъ въ цѣломъ, — народъ, какъ единственная основа и источникъ всѣхъ властей, остается непреложнымъ для американскаго правосознанія. «Мы, народъ (отдѣльнаго) штата», и «Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ», остаются неизмѣнно средоточіемъ всей власти. «Мы» издаемъ и учреждаемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки, какъ и для отдѣльныхъ штатовъ Пенсильваніи, Георгіи, Виргиніи и т. д. Отъ «насъ» исходятъ всѣ полномочія, которыми надѣлены или которыя сообщены конституціей отдѣльнымъ органамъ власти, и только «мы» въ правѣ видоизмѣнять самую конституцію и вносить въ нее поправки, при чемъ все, что «нами» не передано Соединеннымъ или отдѣльнымъ штатамъ, сохраняется по прежнему за «нами», т. е. за народомъ въ цѣломъ.

---

*) **E. Hazard**: Historical collections. — Vol. 1. P. 118. — Philadelphia. 1792.

Идея неограниченной учредительной власти, принадлежащей совокупности суверенныхъ гражданъ и осуществляемой ими по своему усмотрѣнію, получила широкое распространеніе благодаря европейскимъ теоретикамъ, такъ называемаго, естественнаго права, въ первую очередь — Локку, Пуффендорфу и Вольфу. Но практическое свое воплощеніе эта идея нашла раньше всего въ сѣверной Америкѣ: въ Декларацiяхъ правъ отдѣльныхъ штатовъ, въ Деклараціи независимости и въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ*).

Въ обладаніи американскими образцами — теоріей и практикой американской учредительной власти — подошла къ своей великой революціи Францiя. Эти образцы встрѣтились здѣсь съ могучимъ вліяніемъ идей Жана - Жака Руссо. Съ развитіемъ революціи вліяніе это все болѣе возрастало, сказывалось на выработкѣ всѣхъ идей и документовъ эпохи, съ тѣмъ, чтобы послѣ 1793-го года исчезнуть и перейти въ исторію въ качествѣ главнаго источника вдохновенія Конвента. Если за дѣянія террористовъ 93 года историческая вульгата возложила главную отвѣтственность на *принципы* 89 г., то на Руссо та же вульгата съ тою же произвольностью возложила двойную отвѣтственность. Руссо объявили одновременно и анархистомъ — за его «Разсужденія» (О роли наукъ и искусствъ въ ухудшеніи нравовъ и О происхожденіи неравенства) и «Эмиля», и сторонникомъ крайняго народнаго абсолютизма — за его «Общественный Договоръ».

Правда, отъ Мирабо и Шатобріана и до нашихъ дней существовалъ и другой взглядъ на Руссо, согласно которому постоянныя ссылки на Руссо и аргументація отъ «Общественнаго Договора», характерныя для дѣятелей Конвента, отнюдь не рѣшаютъ вопроса о подлинномъ смыслѣ «Общественнаго Договора» и обликѣ его автора. Иначе и евангеліе могло бы оказаться въ отвѣтѣ за религіозныя войны и истребленіе еретиковъ, за сожженіе Джордано Бруно и Іоанна Гуса, за Томаса Мюнцера и т. д. Существо «Общественнаго Договора», конечно, не въ договорномъ происхожденіи общества, а въ поискахъ *правового* основанія и смысла въ явленіяхъ общественной жизни, въ установленіи *начала,* которое возвысило бы фактическое и произвольное до степени внутри - обязатель-

---

*) Ср., напримѣръ, первую по времени Декларацію правъ человѣка и гражданина, составленную «представителями добраго народа Виргиніи въ полномъ, свободно - избранномъ конвентѣ» 12 іюня 1776 г. Здѣсь въ п. II провозглашалось, что «всякая власть покоится въ народѣ и, слѣдовательно, исходитъ отъ него; должностныя лица — его повѣренные и слуги и всегда отвѣтственны передъ нимъ». А въ п. XIV: «народъ имѣетъ право устанавливать единое правительство, и, слѣдовательно, — на ряду съ правительствомъ Виргиніи въ предѣлахъ его властвованія не должна дѣйствовать или учреждаться никакая другая власть независимая или отдѣльная отъ него».

Въ Деклараціи правъ штата Масачузетса отъ 2 марта 1780 г. говорится во Введеніи: «Государственный союзъ установленъ по добровольному соглашенію отдѣльныхъ его членовъ; это — общественный договоръ, по которому весь народъ вступаетъ въ соглашеніе съ каждымъ и отдѣльнымъ гражданиномъ и каждый гражданинъ со всѣмъ народомъ о томъ, чтобы всѣ они управлялись по опредѣленнымъ законамъ къ общему ихъ благу».

Въ Деклараціи независимости 7 іюля 1776 г. —: «каждый разъ, когда

наго и «закономѣрнаго» (légitime), сотвѣтствующаго разуму и справедливости и примирило бы противоборствующіе интересы части и цѣлаго, индивида и общества, каждаго и всѣхъ. Центральный пунктъ Деклараціи правъ 1789 г. — понятіе о законѣ, какъ выраженіи всеобщей воли (ст. 6), взятъ полностью изъ «Общественнаго Договора», какъ взято оттуда же и установленіе законныхъ границъ свободы (ст. 4-ая Деклараціи).

Въ этомъ главное отличіе французской Деклараціи правъ отъ предшествовавшихъ ей по времени Декларацій американскихъ. И этимъ главнымъ — попыткой не просто только констатировать и провозгласить рядъ правъ, но и опредѣлить тѣ условія и границы, въ которыхъ политическая власть становится *правомѣрной,* Франція, а за ней міръ, обязаны прежде всего генію Руссо.

Было бы неправильно доктрину французской революціи отождествлять съ взглядами Руссо. Эта доктрина складывалась подъ воздѣйствіемъ многихъ и разныхъ идейныхъ и жизненныхъ факторовъ и вліяній. И взгляды Руссо чаще всего сопоставлялись и противопоставлялись воззрѣнію Монтескье. Историки политическихъ идей того времени съ полнымъ основаніемъ принимаютъ за доктрину революціи нѣкое «среднее ученіе» — сочетаніе идей Руссо и Монтескье, наиболѣе авторитетнымъ выразителемъ коего единодушно признается «оракулъ третьяго сословія», аббатъ Сіиесъ*).

Съ именемъ Сіиеса ближе всего связано и ученіе объ учредительной власти въ эпоху французской революціи, усвоенное общеевропейскимъ сознаніемъ и принятое за образецъ.

3.

На томъ, что принято называть доктриной французской революціи, нетрудно замѣтить наслоенія разныхъ ея періодовъ, — прямые слѣды событій, которая эта доктрина пыталась осмыслить. Тѣмъ знаменатель-

---

существующее устройство правительственной власти будетъ препятствовать достиженію этихъ цѣлей (обезпеченію неотчуждаемыхъ правъ), народъ въ правѣ измѣнить или отмѣнить его, поставить новое правительство и учредить его на такихъ основаніяхъ и такъ распредѣлить его власть, какъ это представится наиболѣе цѣлесообразнымъ и лучше всего обезпечитъ счастье народа».

Конституція 1787 г. предусматриваетъ порядокъ своего измѣненія путемъ внесенія «поправокъ», сохраняющій силу и сейчасъ.И сейчасъ при возвышеніи американской «территоріи» до уровня штата (спеціальнымъ постановленіемъ конгресса) — государственное самоопредѣленіе новаго штата происходитъ уже волею «народа» этого штата, проявленной въ Учредительномъ Собраніи. — Эта практика не ограничивается американскимъ континентомъ. Во вновь образовавшемся въ Австраліи штатѣ «Новая Англія» собравшійся 7 апрѣля 1931 г. въ Учредительномъ Собраніи «народъ» далъ себѣ конституцію.

*) Ср. **П. Новгородцевъ:** Кризисъ современнаго правосознанія, — Москва. 1909. Стр. 67.

нѣе, что именно автору «Что такое среднее сословіе?», сумѣвшему, въ числѣ очень немногихъ, ужиться и приспособиться ко всѣмъ режимамъ революціи, именно Сійесу довелось стать какъ бы систематизаторомъ идей великой революціи и идеологомъ ея, какъ цѣлаго.

Что народъ или нація — «источникъ» и «даритель» власти, единственно правомочный устанавливать порядокъ и законы, это было безспорной истиной и политической аксіомой для всѣхъ дѣятелей революціи. Трудности и споры начинались съ того, какъ *примирить* различныя власти, законныя и незаконныя, въ ихъ конкретномъ воплощеніи, какъ сочетать въ единство противорѣчивыя воли составляющихъ его частей: власть монарха съ властью генеральныхъ штатовъ, права третьяго сословія съ претензіями двухъ высшихъ и привиллегированныхъ, интересы и представительство отдѣльныхъ «общинъ» и «провинцій» съ интересами и представительствомъ страны въ цѣломъ, власть народа съ полномочіями народныхъ представителей и т. п.

И тутъ ученіе Монтескье о представительствѣ и умѣряющемъ значеніи раздѣленныхъ властей, когда власть останавливаетъ власть, имѣло огромное значеніе. При его посредствѣ Сійесъ, Мабли и другіе смягчали и умѣряли крайности Руссо. Какъ говоритъ нѣмецкій изслѣдователь «Ученія объ учредительной власти» эпохи французской революціи Эгонъ Цвейгъ, — «Сійесъ примѣнилъ терминологію Монтескье къ мыслямъ Руссо и тѣмъ дезоріентировалъ основательно міръ политическихъ понятій»; въ ученіи о «pouvoir constituant націи Сійесъ нашелъ формулу практическаго осуществленія догмата о суверенитетѣ (народа) Руссо»*).

Эта формула Сійеса — *«Конституція — не дѣло учрежденной власти, а власти учредительной»*. «Нація не только не подчинена конституціи, но и не можетъ и не должна быть ей подчиненной, что равносильно тому, чтобы сказать, что она ей и не подчинена». «Нація существуетъ *до* всего; *все* ведетъ происхожденіе отъ нея. Ея воля всегда законна, она самъ законъ». Въ случаѣ расхожденія отдѣльныхъ элементовъ власти верховнымъ судьей (le juge suprême) является (l'ensemble),нація. Для созданія конституціи нужно представительство съ *чрезвычайными* полномочіями на нѣкоторое время для выполненія этого *спеціальнаго* порученія**).

Съ развитіемъ революціонныхъ событій Сійесъ сталъ отходить отъ своей первоначальной точки зрѣнія, болѣе близкой къ Руссо. Представляя свой проектъ Деклараціи правъ, онъ доказывалъ: «вовсе не необходимо, чтобы члены общежитія осуществляли учредительную власть каждый въ отдѣльности; они могутъ довѣриться представителямъ, которые соберутся для этой одной цѣли безъ того, чтобы осуществлять какую либо изъ властей учрежденныхъ»***).

---

*) **E. Zweig:** Die Lehre vom Pouvoir Constituant. — Tübingen. 1909; — S. 137 & 135.

) **Abbé Sieyès: Qu'est ce qu'est le Tiers Etat? — Paris. 1882. — P. 160, 162 et 189.

***) Cf. **R. Carré de Malberg:** Contribution à la Théorie Générale de l'Etat. — Paris. 1922. — T. II. P. 488-9 et 522.

Делегацію учредительной власти признала и конституція 1791 г. (сохранившая монархическую форму правленія). «Суверенитетъ единъ, нераздѣленъ, неотчуждаемъ и не подлежитъ давности. Онъ принадлежитъ народу; никакая часть народа и никакое лицо не могутъ присвоить себѣ его осуществленія», — говорится въ ст. 1 тит. III. Но рядомъ съ ней ст. 2-ая подчеркиваетъ «представительный характеръ французской конституціи»: «Народъ, отъ котораго одного исходятъ всѣ власти, можетъ осуществлять ихъ *только по делегаціи*». И ст. 3-ья уточняетъ: «Законодательная власть делегируется Національному Собранію, состоящему изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ». Соотвѣтственно съ этимъ конституція вручаетъ учредительную власть не непосредственно народу, а народно - представительному органу, у котораго, въ качествѣ исключенія, отнимается право измѣнять конституцію въ теченіе двухъ ближайшихъ законодательныхъ періодовъ, а для послѣдующихъ требуется, чтобы измѣненіе было предложено единодушно тремя послѣдовательными законодательными собраніями и было вотировано четвертымъ, спеціально для того избраннымъ (тит. VII ст. 1-8).

Съ упраздненіемъ монархіи послѣдующія конституціи того времени приводятъ гораздо послѣдовательнѣе принципъ народнаго суверенитета. Конституціи 1793 и III гг. признаютъ учредительную власть принадлежащей народу не только въ принципѣ, въ ея конечномъ — или первичномъ — смыслѣ, но и въ ея непосредственномъ и практическомъ осуществленіи: конституція должна быть санкціонирована голосованіемъ народа - учредителя.

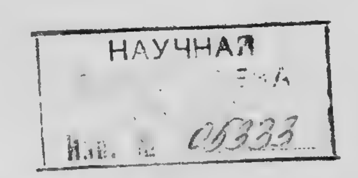
Впослѣдствіи — уже въ Конвентѣ — 2 термидора III г. (20 іюля 1795 г.) Сійесъ приписывалъ французамъ и лично себѣ заслугу установленія еще въ 1788 г.*) «здоровой и нужной идеи раздѣленія учредительной власти и властей учрежденныхъ». Онъ считалъ, что эту идею «будутъ числить среди тѣхъ открытій, которыя дѣлаютъ шагъ къ знанію». Однако, противникъ и постоянный оппонентъ Сійеса Лафайетъ съ полнымъ основаніемъ отмѣтилъ, что такое различеніе было сдѣлано за 2 года до французской революціи въ текстахъ конституцій отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки и въ общей конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Правъ былъ Лафайетъ и въ другомъ своемъ указаніи на то, что среди дѣятелей французскаго Учредительнаго Собранія распространено было «большое невѣжество относительно американскаго принципа конвентовъ». Ибо конвентъ въ американскомъ смыслѣ не есть «ни собраніе, осуществляющее всѣ полномочія, — оно не осуществляетъ ни одного, — ни верховная диктатура». Конвентъ долженъ быть опредѣленъ, какъ «делегація національнаго суверенитета для изслѣдованія и видоизмѣненія конституціи»**). Какъ формулировалъ впослѣдствіи Боржо, американскій учредительный конвентъ — простая конституціонная

---

*) Вышедшая изъ печати въ первыхъ числахъ января 1789 г. монографія Сійеса «Что такое третье сословіе?» была имъ написана въ 1788 г., еще во время собранія Нотаблей.

) **La Fayette: Mémoires, correspondances et manuscrits du général Lafayette publiés par sa famille. — Paris. 1838. — T. IV. P. 36 et 201.

комиссія, которой поручено изготовить проектъ, получающій силу верховнаго закона только въ санкціи избирателей*).

Французская Конституанта — и тѣмъ болѣе Конвентъ — дѣйствительно осуществляли и нормальныя законодательныя функціи, и экстраординарныя, учредительныя. Но потому ли, въ самомъ дѣлѣ, что Учредительное Собраніе «предпочитало американскимъ идеямъ химеры, измышленныя учениками Руссо, и въ данномъ вопросѣ Сійесъ одержалъ верхъ надъ Лафайетомъ и, смѣшавъ учредительную власть съ властью законодательной, все спуталъ и все погубилъ», — какъ это утверждалъ Лабулэ?!..**).

Это утвержденіе невѣрно и въ отношеніи къ Сійесу, который, какъ мы видѣли, самъ настаивалъ на различеніи и раздѣленіи власти учредительной, экстра - ординарной и спеціальной, отъ власти ординарнаго законодательствованія. Тѣмъ менѣе справедливо это сужденіе въ отношеніи къ Конституантѣ въ цѣломъ и даже къ Конвенту. Ибо и конституція, выработанная Учредительнымъ Собраніемъ (1791 г.), и конституціи, выработанныя Конвентомъ (1793 и III гг.), тщательно ограничиваютъ чрезвычайную власть учредительныхъ собраній (ст. 342 и 347 конституціи III г. предусматриваютъ, въ частности, созывъ учредительнаго собранія лишь на короткій срокъ и считаютъ незакономѣрными другія занятія, кромѣ пересмотра конституціи, ради котораго оно созвано).

Самое *различеніе* и *раздѣленіе* власти учредительной и властей другого рода справедливо признается традиціоннымъ для французскаго государственнаго права. Что же касается объема полномочій учредительной власти — всевластно ли Учредительное Собраніе или ограничено во власти, — и тотъ, и другой взглядъ имѣютъ за собой прецеденты, на которые каждый изъ нихъ можетъ опереться. Здѣсь уже приходится говорить не объ одной, а о *двухъ* традиціяхъ.

Конституціонная и теоретико - юридическая традиція Франціи — *за* ограниченіе власти учредительныхъ собраній; въ ея пользу говорятъ *тексты* конституцій 1791, III и 1848 гг. Но рядомъ съ этимъ существуетъ и другая — *историческая традиція фактовъ*, которая создалась въ результатѣ того, что французскія Учредительныя Собранія 1789, 1793, 1848 и 1871 гг., собравшись на слѣдующій день послѣ политическихъ потрясеній и государственнаго переворота, практически *могли* себя разсматривать и въ дѣйствительности считали себя облеченными всей полнотой неограниченнаго суверенитета. Эта фактическая тради-

*) **Ch. Borgeaud:** Etablissement et Révision des Constitution en Amérique et en Europe. — Paris. 1893. — P. 221.

) По мнѣнію Лабулэ, вся французская теорія учредительной власти «покоится на одной ошибкѣ и на одномъ софизмѣ. Ошибка — въ делегаціи суверенитета, который не делегируемъ. Софизмъ же — въ отождествленіи народа съ его представителями, въ смѣшеніи мандатарія съ тѣмъ, кто даетъ мандатъ». — **Ed. Laboulaye: Questions Constitutionnelles. — Paris. 1873. — 398.

ція, или «подлинные прецеденты», по выраженію Лефебвра, пріобрѣли иную силу въ исторіи Франціи, нежели конституціонные тексты, оставшіеся «мертвой буквой». Развѣ вся исторія Франціи не свидѣтельствуетъ громко въ пользу неограниченной власти учредительныхъ собраній, — справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ*).

Чрезмѣрно упрощеннымъ было бы, съ другой стороны, утвержденіе, что американское правосознаніе, въ отличіе отъ французскаго, покоилось всегда и безусловно на отрицаніи полновластности учредительныхъ конвентовъ.

Большой знатокъ этого вопроса Боржо свидѣтельствуетъ, что американское правосознаніе покоится не только на принципѣ принадлежности учредительнаго авторитета народу, но и на убѣжденіи, что авторитетъ этотъ не можетъ быть кѣмъ - либо представленъ. Осуществленіе учредительной власти во всѣхъ ея видахъ представительнымъ корпусомъ безъ спеціальнаго на то полномочія согласуемо съ англійской теоріей, дѣлающей изъ парламента всемогущаго суверена. Но оно непримиримо съ американской теоріей, которая замѣстила всѣхъ — и короля, и лордовъ, и общины — народомъ.

Практика отдѣльныхъ штатовъ въ этомъ отношеніи различна. Конвентъ Нью - Гемшира вступилъ въ подлинное сотрудничество съ первичными собраніями своихъ гражданъ. Наоборотъ, конвенты, избиравшіеся, напримѣръ, Виргиніей для войны съ Англіей, сами издавали верховные законы именемъ своихъ избирателей, представителями коихъ они себя для этой цѣли считали. Наконецъ, конвентъ Масачузетса 1780 года занялъ въ этомъ вопросѣ третью, среднюю позицію. Полновластными считали свои конвенты сецессіонисты южныхъ штатовъ эпохи гражданской войны. А до нихъ въ разное время защищали тотъ же взглядъ и на конвентахъ сѣверныхъ штатовъ. «Самъ народъ здѣсь. Онъ присутствуетъ черезъ своихъ делегатовъ», — говорилъ нѣкій Ливингстонъ на конвентѣ Альбана 1821 г. «Мы — суверенъ, то, чѣмъ былъ бы народъ этого штата, если бы онъ собрался сюда цѣликомъ. Мы — то, что себѣ приписывалъ Людовикъ XVI: государство — это мы!», — доказывалъ на учредительномъ собраніи въ Чикаго въ 1847 г. Петерсъ изъ Иллинойса и т. д.**).

Аналогичное случалось и въ другихъ странахъ: въ Англіи въ 1641 и въ 1688 гг., въ Бельгіи въ 1830 г., въ Испаніи въ 1854, 1868 и 1873 году, въ Папской области и Тосканѣ въ 1849 г. Та же сила фактическаго надѣляла учредительныя собранія всей полнотой власти всегда и повсюду, гдѣ, вопреки предусмотрѣнному закономъ порядку измѣненія государственнаго строя, строй этотъ измѣнялся фактически, и новый правопорядокъ складывался въ результатѣ революціоннаго взрыва, прорыва въ конституціи и перерыва въ правѣ***). Въ такихъ случаяхъ

---

*) Lefebvre: Etude sur les lois constitutionnelles de 1875. — Paris. 1882. — P. 227.

) См. **Боржо указ. соч. стр. 166/7, 174 и сл.

***) Наоборотъ, «связанными» учредительными собраніями были прус-

Учредительное Собраніе, созванное со спеціальной цѣлью, для выработки конституціи, систематически и неизбѣжно выходило за предѣлы поставленной ему задачи, становясь на путь осуществленія неотложныхъ функцій общаго законодательствованія и управленія. И послѣднее учредительное собраніе во Франціи, созванное въ 1871 г. для рѣшенія спеціальнаго вопроса о войнѣ и мирѣ, фактически не ограничилось этой задачей, а установило рядъ актовъ и законовъ, до настоящаго времени опредѣляющихъ государственное устройство третьей республики.

Аналогичное произошло и въ центральной Европѣ въ 1919 г., когда въ результатѣ революцій открылась цѣлая серія Учредительныхъ Собраній — въ Германіи, Австріи, Чехословакіи, Польшѣ, прибалтійскихъ государствахъ и т. д. Учредительное Собраніе въ Веймарѣ, «уставодачный» сеймъ въ Варшавѣ, Національное Собраніе съ учредительными полномочіями въ Прагѣ, Вѣнѣ и т. д. всѣ одинаково были заняты не только выработкой новой конституціи, но и осуществленіемъ неотложныхъ функцій общаго законодательствованія и управленія. Они проводили административныя и хозяйственныя реформы, иногда столь сложныя, какъ аграрная, заключали международные договоры, опредѣлявшіе границы государственной территоріи, положеніе внутригосударственныхъ національныхъ меньшинствъ репараціонныя обязательства и прочее. Нѣкоторыя изъ нихъ вели даже войну. Учредительные Кортесы Испаніи 1931 г. также расширили свои полномочія за предѣлы установленія одной только конституціи.

Отвлеченно разсуждая, можно, конечно, вмѣстѣ съ цитированнымъ выше Каррэ де Мальберомъ, дедуцировать: «Органъ учреждающій не несетъ въ себѣ полномочій, которыя онъ устанавливаетъ: онъ обладаетъ только учредительной властью... Въ извѣстномъ смыслѣ возможно говорить даже о томъ, что учредительное собраніе не обладаетъ никакой властью, потому что ему не дозволено осуществлять ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной власти» (указ. соч. т. II, стр. 550). Но такое разсужденіе, оторванное отъ реальной жизни права и государства, только словесно преодолѣваетъ неизбѣжное въ иныхъ случаяхъ всемогущество учредительныхъ собраній.

Учредительное собраніе, пересматривающее конституцію въ нормальномъ, самою же конституціей предусмотрѣнномъ порядкѣ, и учредительное собраніе, возникающее въ результатѣ экстраординарныхъ событій —, обычно непредусмотрѣннаго революціоннаго прерыва въ жизни государства, — совершенно различные *типы* учредительнаго собранія. Въ первомъ случаѣ заранѣе опредѣлены конституціей и общее заданіе, и объемъ полномочій, и предѣлы власти. Во второмъ — нѣтъ фактически и не можетъ быть той власти, которая была бы правомочна ввести учредительное собраніе въ опредѣленныя рамки, ограничить его задачи, связать его напередъ установленными нормами. Ибо

ская Палата соглашенія, австрійскій Учредительный Рейхстагъ и Франкфуртскій парламентъ — всѣ въ 1848 г. — Ср. **П. Розенталь** (П. Р-оль): «Жизнь и смерть Учредительныхъ Собраній» — 1918. — Стр. 9.

если бы такая власть существовала, сохранилась бы не только по имени, по какъ реальность, — не было бы, можетъ быть основаній для возникновенія и дѣятельности самого учредительнаго собранія.

Это положеніе настолько неоспоримо, что его вынуждены признать и тѣ государствовѣды, которые теоретически отрицаютъ полновластныя учредительныя собранія, защищая принципіально необходимость ограниченія ихъ полномочій. «Въ неограниченной полновластности Учредительнаго Собранія таится великая опасность», писалъ въ 1917 г. покойный В. М. Гессенъ. «Всякая неограниченная власть — деспотическая власть... Съ другой стороны, учредительное собраніе — не суверенный народъ, а органъ суверennаго народа. Его неограниченность стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ идеей народнаго суверенитета: если органъ обладаетъ неограниченной властью, о суверенитетѣ народа не можетъ быть рѣчи». И какъ выводъ, проф. Гессенъ предлагаетъ: разъ русское учредительное собраніе не можетъ быть ограничено никѣмъ, — оно должно себя ограничить само*).

4.

Доктрина французской революціи справедливо считается и по сей день «главнымъ оптовымъ складомъ европейской политической идеологіи», — по выраженію Б. Э. Нольде**).

И въ самомъ дѣлѣ, когда знаменитый историкъ Гульельмо Ферреро въ наши дни заявляетъ, что главная задача грядущихъ поколѣній вовсе не въ накопленіи новыхъ богатствъ для послѣдующаго ихъ разрушенія, а въ отвѣтѣ на вѣчный вопросъ: «кто въ правѣ повелѣвать и въ какихъ предѣлахъ имѣетъ онъ это право? Кто обязанъ повиноваться и до какихъ поръ онъ къ этому обязанъ?» — развѣ онъ не ставитъ передъ современнымъ сознаніемъ ту же проблему, которая тревожила совѣсть и обезсмертила имя Руссо?

Когда, съ другой стороны, виднѣйшій государствовѣдъ Гансъ Кельсенъ пишетъ: «если мы уже должны быть подвластны, мы хотимъ быть подвластны только себѣ самимъ. Политически свободенъ тотъ, кто не подчиненъ ничьей другой, кромѣ своей собственной, волѣ. Въ этомъ пониманіи мысль о свободѣ служитъ, вмѣстѣ съ равенствомъ, обоснованіемъ демократической идеи»***), — развѣ Кельсенъ не перефразируетъ все того же заданія Руссо: «найти такую форму ассоціаціи..., въ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, только самому себѣ» («Обществ. Договоръ», кн. I, гл. VI)?

---

*) **В. М. Гессенъ:** Русское Учредительное Собраніе. — Петроградъ. 1917. — Стр. 21-22.

) **Б. Э. Нольде: Народное представительство и представительство интересовъ. — Сборникъ «Современныя Проблемы». — Парижъ. 1922. — Стр. 60.

***) **H. Kelsen** : Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen. — 1920. — S. 5.— Французское изданіе 1932 г.: « La Démocratie. — Sa nature. — Sa valeur ». — P. 2.

Эпоха французской революціи была кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи европейскаго раціонализма, при отрицаніи вѣры все же твердо вѣрившаго въ могущество разума и въ возможность активной и сознательной волей преодолѣть всѣ законы естества и историческаго развитія. «Если бы всѣ мыслили истинно, самыя большія измѣненія не представляли бы ничего труднаго послѣ того, какъ обнаруживалась ихъ общественная полезность», — писалъ тотъ же Сійесъ въ своей прославленной монографіи. И это столь же характерно для аббата Сійсса, какъ и для общаго стиля эпохи.

Естественно, что именно въ эту эпоху, когда самую демократію опредѣляли, какъ политическое выраженіе разума, сложилось и ученіе объ учредительной власти, какъ формѣ сознательнаго и активнаго творчества новаго, разумнаго и справедливаго права. Столь же естественно, что и міровая реакція противъ доктрины французской революціи направилась прежде всего по линіи изобличенія самоувѣренныхъ попытокъ разсудочнымъ путемъ преобразить міръ. Беркъ въ Англіи, Жозефъ - де - Местръ во Франціи, Адамъ Мюллеръ, Галлеръ, Ярке въ Германіи съ одинаковымъ жаромъ возстали противъ святотатственной попытки вмѣшаться въ установленный провидѣніемъ органическій и естественный ходъ вещей, противъ несбыточной химеры новѣйшихъ строителей вавилонской башни — путемъ бумажныхъ конституцій, «сочиняемыхъ, какъ ода или трагедія» (выраженіе де - Местра), силящихся искусственно создать совершенную политическую власть.

Эти настроенія, сопровождаемыя иногда буквально тою же системой аргументовъ, дожили до нашихъ дней, сохраняя долю убѣдительности въ той мѣрѣ, въ какой они направлены противъ крайностей и односторонности раціонализма 18 вѣка. Поскольку же они тщатся опровергнуть и современное ученіе о правѣ и учредительной власти, какъ формѣ творчества новаго права, эти настроенія со всей своей аргументаціей утрачиваютъ послѣдніе слѣды основательности.

Раціонализму 18 вѣка нація представлялась, какъ простая совокупность (l'assemblage) индивидовъ, свободныхъ и равныхъ другъ другу. Въ декларацiи правъ человѣка и гражданина право союзовъ было опущено не случайно. Особый законъ Леплетье положительно воспретилъ 14 іюля 1791 г. образованіе какихъ - либо корпорацій, профессіональныхъ и иныхъ союзовъ. Историческое дѣленіе Франціи на провинціи было, согласно предложенію Сійеса, замѣнено механическимъ подраздѣленіемъ «единой и недѣлимой» на департаменты. Депутатъ почитался представителемъ народа въ цѣломъ, а отнюдь не своихъ избирателей или округа, отъ которыхъ не въ правѣ былъ онъ получать и инструкціи. Не могла вѣдь «общая воля» подчиниться «волѣ частной». Задачи депутата и парламента въ цѣломъ, — отразить волю, какъ въ зеркалѣ или какъ на географической картѣ или уменьшенномъ фотографическомъ снимкѣ, но не свою или чью - либо частную волю, а волю единую, всенародную.

Новое время покончило со всѣмъ этимъ раціоналистическимъ измышленіемъ, какъ и съ поставленнымъ имъ заданіемъ, неосуществимымъ и никчемнымъ.

Для современнаго правосознанія нація не возникаетъ сразу изъ ничего, она создается, рождается, органически растетъ и иногда преждевременно умираетъ, какъ всякое явленіе исторіи. Народъ — не простая сумма слагаемыхъ и сложенныхъ въ одно единство индивидовъ. Онъ — сложное соединеніе, составленное изъ множества противоборствующихъ другъ съ другомъ и внутри себя единствъ — хозяйственныхъ, политическихъ, бытовыхъ, исповѣдныхъ, профессіональныхъ, партійныхъ, культурныхъ, національно - языковыхъ, территоріальныхъ и иныхъ. И депутатъ сейчасъ — не представитель фиктивнаго всеединства, а реальныхъ группъ и интересовъ, разумѣя подъ ними не матеріальную только заинтересованность, но и цѣнностное отношеніе къ тому, что нужно для цѣлаго, для страны и народа. И противорѣчіе между «волями» — частными и общей — снимается въ наше время ученіемъ о *конкретномъ*, какъ единственно - возможномъ выраженіи и проявленіи общаго. Какъ интерпретируютъ идею Гегеля новѣйшіе феноменологи, «общее — видъ не абстрактнаго, а универсально - конкретнаго, — конкретное цѣлое». И задача сводится къ тому, какъ технически опредѣлить это «общее»: какъ организовать формы народнаго волеизъявленія и творческихъ усилій отдѣльныхъ лицъ и группъ (партій, классовъ и т. д.) въ парламентѣ и внѣ его, чтобы точнѣе опредѣлилась воля этого «конкретнаго цѣлаго».

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать словами проф. Гессена, — народной воли «нѣтъ и не можетъ быть»: «общая воля, какъ воля *всѣхъ*, невозможна; какъ воля, направленная на общее благо, общая воля не отражается, а *создается* народнымъ представительствомъ, — создается путемъ компромиссовъ и исканій, какъ *равнодѣйствующая* борющихся соціальныхъ силъ»*).

XX-ый вѣкъ чуждъ и враждебенъ гипотезѣ о золотомъ и блаженномъ состояніи доисторическаго человѣка, рожденнаго свободнымъ и невѣдавшаго послѣдующихъ своихъ цѣпей. Не ставитъ онъ передъ собой и вопросовъ, съ которыхъ «въ вѣкъ Руссо» начинался его «Общественный Договоръ»: «какъ произошла эта перемѣна»? и «что можетъ ее сдѣлать закономѣрной (légitime)?» — Исчерпаніе всей жизни права вопросами законности и легитимности находится въ полномъ соотвѣтствіи со стилемъ и духомъ раціоналистическаго вѣка. «Я представляю себѣ законъ въ центрѣ необъятнаго шара... Всѣ зависятъ отъ закона», — писалъ Сійесъ въ своей работѣ. И конституція 1791 г. обозначаетъ Законъ съ заглавной буквы, наравнѣ съ Націей и Королемъ. Самъ Робеспьеръ наканунѣ своего паденія подчеркивалъ: «не реторическими фразами и не военными подвигами покоримъ мы Европу, а мудростью своихъ Законовъ».

Въ наше время мета - юридическія изысканія «начала всѣхъ началъ» въ правѣ привели къ признанію неминуемаго несовершенства и незавершенности права, чередованія законнаго съ незаконнымъ, правового и фактическаго, права, рождающагося изъ фактовъ, живущаго и

*) **В. М. Гессенъ:** Основы конституціоннаго права. — Изд. 2-ое. Петроградъ. 1918. — Стр. 128.

отмирающаго въ силу появленія новыхъ фактовъ. Нѣтъ и не можетъ быть предопредѣленнаго на всегда законнаго правопорядка. И законъ не въ силахъ ни установить, ни обезпечить преемство въ правѣ. Ибо по нуждѣ и закону бываетъ не только перемѣна, но и перемѣна *не=*, *внѣ=* и *противо=* законная. Физическія силы и фактическое такъ же способны порождать новое право, какъ и законъ или представленіе о правѣ вызывать фактическія перемѣщенія и прерывы въ правопорядкѣ. Находясь въ вѣчномъ становленіи, не принадлежа всецѣло ни къ сферѣ чистаго долженствованія, ни къ сферѣ простого бытія, право относится къ «среднему» подвижному міру творящейся культуры. И нѣтъ ничего болѣе характернаго для современнаго правосознанія, какъ то, что, вмѣсто поисковъ закономѣрнаго и легитимнаго, оно озабочено утвержденіемъ *правомѣрнаго*, выходящаго далеко за узкія рамки формальнаго закона и даже оффиціальнаго права.

Конечно, и сейчасъ старыя воззрѣнія не совсѣмъ еще отошли въ прошлое, какъ и въ прошломъ — болѣе отдаленномъ — можно найти зачатки и предвосхищеніе нынѣшнихъ идей. Но все же гегемоніи закона, какъ не только самаго распространеннаго, но и высшаго, если и не единственнаго, источника права приходитъ несомнѣнно конецъ. Кончается «законодательный фазисъ», по выраженію Оріу, въ исторіи права. И вмѣстѣ съ легитимизмомъ отмираетъ и отношеніе къ закону, какъ къ фетишу и единственно полноцѣнной формѣ права. Все отчетливѣе проступаетъ болѣе широкое пониманіе положительнаго права: обязательность и дѣйственность не только формальнаго права, но и интуитивнаго, — раньше, въ стилѣ вѣка, именовавшагося «естественнымъ», — существованіе рядомъ съ организованнымъ правопорядкомъ права неорганизованнаго, неоформленнаго и «неписаннаго», только еще складывающагося и становящагося, «живого», «спонтаннаго» и «свободнаго»*).

5.

Рядомъ съ общепризнанными формами положительнаго права — юридическимъ обычаемъ, судебной практикой, правомъ юристовъ и другими, имѣющими силу въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ и ему подчиненныхъ, — все рѣшительнѣе пробивается признаніе новыхъ источниковъ права, равнозначныхъ закону, а иногда и болѣе него авторитетныхъ и дѣйственныхъ, новыхъ проявленій народнаго правосознанія. Съ разныхъ сторонъ и по различнымъ поводамъ все чаще отмѣчаютъ, что законъ не первичная и основная, а вторичная и производная норма, предполагающая наличность другихъ, стоящихъ *надъ* закономъ и возникающихъ *до* него или *внѣ* его. Какъ формулировалъ еще римскій юристъ Павелъ, — Non ex regula jus summatur, sed ex jure, quod est, regula fiat.

---

*) Cp. G. Gurvitch : Le Temps Présent et l'Idée du Droit Social. — Paris. 1932. — P. 216.

Не согласно законамъ складывается право, а изъ права черпаютъ свою обязательную силу законы, — въ томъ числѣ и конституціонные, опредѣляющіе порядокъ составленія законовъ ординарныхъ. Законъ не творитъ право, а лишь распознаетъ и констатируетъ право, творимое обществомъ, съ его модой, моралью, семьей, церковью, литературой, трудомъ, — говоритъ извѣстный австрійскій юристъ Е. Эрлихъ. Не о всемогуществѣ учредительной власти, а о конституціонной ея сверхзаконности (superlégalité constitutionnelle) говоритъ Оріу*).

Съ разными индивидуальными оттѣнками Еллинекъ и Бирлингъ въ Германіи, Гастонъ Жэзъ и Франсуа во Франціи, Петражицкій и Кокошкинъ въ Россіи раньше другихъ выдвинули въ наше время роль *общественнаго провозглашенія,* какъ первичной нормы права. Только проходя черезъ психику человѣка, индивидуальную и групповую, пріобрѣтаютъ фактическія состоянія правовую значимость. Фактъ преображается въ право *общественнымъ признаніемъ,* которое и является послѣдней — или первичной — основой всякаго правообразованія.

Какъ ни называть общественное провозглашеніе, *источникомъ* права или *формой* права, но именно на него, какъ на фактъ «нормоустановительный» или «нормативный», опираются тѣ, кто, въ обладаніи учредительной властью, призванъ придать общественно - провозглашенному форму оффиціальнаго права. Этотъ процессъ превращенія «интеллектуально - эмоціональныхъ переживаній» въ право интуитивное и «программное»**), а потомъ и оффиціальное, становится особенно нагляднымъ въ моменты крушенія правопорядка и внѣзаконнаго образованія новаго права. Слишкомъ рѣзкое расхожденіе между правомъ оффиціальнымъ и интуитивнымъ неизбѣжно кончается революціей, въ которой интуитивное право торжествуетъ надъ оффиціальнымъ. «Бунтъ фактовъ противъ кодекса», какъ озаглавлена извѣстная книга Гастона Морэна, не имѣетъ другой цѣли, какъ установить новую систему оффиціальнаго права, съ болѣе устойчивымъ равновѣсіемъ по отношенію къ праву интуитивному.

Декреты правительства Національной обороны во Франціи 1870 г., какъ и постановленія самого Національнаго Собранія, установившаго нынѣ дѣйствующій строй третьей республики, не были формально законами въ моментъ ихъ опубликованія. Силу правовыхъ нормъ они получили позднѣе. Она была сообщена имъ общественнымъ *признаніемъ.* То, что было *провозглашено* сначала небольшой группой случайныхъ лицъ, не обладавшихъ никакими легальными къ тому полномочіями, шло навстрѣчу требованіямъ жизни, не вызывало противъ себя серьезныхъ протестовъ, видимо, совпадая болѣе или менѣе близко съ общественнымъ мнѣніемъ, и было санкціонировано, какъ обязательная правовая норма. Длительность «конклюдентныхъ дѣйствій» подавляющаго большинства населенія, выразившихся въ пріятіи и выполненіи декретовъ самочинной власти: производство выборовъ въ Національное Собраніе

---

*) **M. Hauriou:** Précis de Droit Constitutionnel. — Paris. 1932. P. 276.

) **Л. І. Петражицкій: Теорія права и государства. — СПБ. 1910. — Т. II. Стр. 599.

согласно установленному правительствомъ порядку, молчаливое примиреніе — значитъ, признаніе — съ фактомъ расширенія Собраніемъ своихъ первоначальныхъ полномочій и т. д., всѣ эти психическія состоянія и претворили внѣзаконные факты и противозаконныя дѣйствія Жюля Фавра, Гамбетты, Тьера и иныхъ въ засѣданіи Законодательнаго Корпуса, а затѣмъ и въ парижской городской Думѣ, — въ право писанное и оффиціальное.

Новый порядокъ складывался такимъ путемъ не только въ сентябрьскіе дни 1870 г. и не только во Франціи. Аналогичнымъ путемъ протекали событія и въ 1789 г., и послѣ 10 августа 1792 г., и 18 брюмера, и 3 апрѣля 1814 г., и въ іюльскіе дни 1830 г., и въ февральскіе 1848-го. Внѣзаконный порядокъ преобразованія права настолько характеренъ для пореволюціонной Франціи, что Жэзъ считаетъ его даже «принципомъ французскаго публичнаго права, освященнымъ многочисленными прецедентами»*). Этотъ принципъ Жэзъ формулируетъ такъ: «лица, овладѣвшія вслѣдствіе революціи властью и взявшія на себя управленіе государствомъ, находятъ требуемую для законности ихъ актовъ инвеституру въ почти всеобщемъ одобреніи (l'assentiment presque de tous) и въ фактѣ мирнаго осуществленія ими своихъ полномочій**). «Каково бы ни было *происхожденіе* фактическаго правительства, всеобщность его пріятія является всегда и всюду основаніемъ врученной ему власти. Это основаніе, или титулъ —le titre d'investiture, — явно необычно, но оно достаточно, поскольку оно реально, т. е. поскольку признаніе всеобще. Драма всегда состоитъ изъ трехъ актовъ: 1. Силовой ударъ (coup de force)'; 2. превращеніе въ фактическое правительство всеобщимъ признаніемъ; и 3. превращеніе въ правительство регулярное».

Тѣмъ и отличается фактическое правительство отъ простой узурпаціи, что оно обрѣтаетъ инвеституру во всеобщемъ признаніи, въ активномъ одобреніи или пассивномъ примиреніи. Жэзъ правильно отмѣчаетъ, что всеобщее признаніе тѣмъ легче, инвеститура тѣмъ правдоподобнѣе, чѣмъ ближе лица, пріявшія фактическую власть, къ тѣмъ, которые были уже активно причастны къ управленію государствомъ. Это не значитъ, однако, чтобы эти лица входили непремѣнно въ дѣйствовавшія раньше правительства. Достаточно, чтобы они были народными представителями, находились въ оппозиціи, или, даже не входя въ парламентъ, даже преслѣдуемые по закону и суду, на нелегальномъ положеніи или за предѣлами отечества, были извѣстны или играли руководящую роль, какъ общественные и политическіе дѣятели. Извѣстная

---

*) **Gaston Jèze** : Les principes généraux du Droit administratif. — Paris. 1914. P. 490.

) «Только чрезъ послѣдующее всеобщее признаніе (Anerkennung) достигаетъ насильственно установленная норма своей подлинно правовой значимости, только чрезъ его посредство становится правовое установленіе (Rechtssetzung) законченнымъ актомъ («vollendete That», «fait accompli»), — говоритъ **E. B. Bierling: Juristische Prinzipienlehre. — Freiburg. 1894. — II, S. 364.

авторитетность лицъ, овладѣвшихъ властью фактически, только облегчаетъ, а не обусловливаетъ послѣдующее правовое признаніе и санкцію.

Дѣйствіе того же внѣзаконнаго преобразованія можно отмѣтить и въ другихъ странахъ и не только въ связи съ революціями. Напримѣръ, въ Бельгіи въ 1830 г. при ея отдѣленіи отъ Голландіи, или въ Норвегіи при ея отдѣленіи отъ Даніи въ1814 г. и въ 1905 г. — при разрывѣ шведо - норвежской уніи*). Внѣзаконное преобразованіе права можетъ произойти и мирнымъ путемъ безъ насильственнаго ниспроверженія существующаго строя. Такъ, конституція Сѣверо - германскаго союза 1867 г., на выясненіе юридической природы коего нѣмецкіе юристы не щадили ни труда, ни изобрѣтательности, возникла безъ революціоннаго взрыва, въ результатѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей, но не въ согласіи съ существовавшими тогда законами. Общегерманской власти, компетентной издать такую конституцію, не существовало, и конституція -- плодъ внѣзаконнаго «самозарожденія».

И на нашихъ глазахъ судьбы Ирландіи, Турціи, Греціи, Польши, Чехословакіи, Италіи, Испаніи, Болгаріи, Индіи, Китая, прибалтійскихъ странъ и т. д. даютъ безконечное число самыхъ яркихъ примѣровъ и самыхъ разнообразныхъ формъ и проявленій *общественнаго провозглашенія,* какъ экстраординарнаго, но повсемѣстно дѣйствующаго и необходимаго источника права. Здѣсь встрѣчаются и случаи насильственнаго, революціоннаго провозглашенія, и случаи мирнаго и безкровнаго: внѣзаконное провозглашеніе «сверху» — правителями, партіей или династіей — и провозглашеніе «снизу» — парламентомъ, толпой, народомъ, «улицей» или «кварталами»; провозглашенія въ связи съ войной и въ мирное время; провозглашеніе новаго соціально - политическаго устройства и провозглашеніе національной самостоятельности; смѣны, въ результатѣ общественнаго провозглашенія, главъ государствъ и перемѣны состава правительства и т. д. И среди провозглашающихъ обязательность новой нормы можно встрѣтить то извѣстныхъ и раньше общественныхъ и политическихъ дѣятелей (какъ Массарика, Венизелоса, Милюкова, Керенскаго); то популярныхъ партійныхъ или народныхъ вождей (какъ Ленинъ, Сунъ - янъ - сенъ, Муссолини, Пилсудскій, де - Валера); то извѣстныхъ военачальниковъ или безвѣстныхъ офицеровъ (Кемаль - паша, полк. Гонатасъ, Пластирасъ) и т. п.

То, что Жэзъ справедливо назвалъ *принципомъ* французскаго публичнаго права по всей справедливости должно быть названо принципомъ не только *французскаго* публичнаго права, но *всякаго* публичнаго права и *права вообще.* Ибо легальное оформленіе далеко не всегда предшествуетъ жизненнымъ отношеніямъ. Сплошь да рядомъ оно съ большимъ опозданіемъ только поспѣваетъ за сложившимися уже въ жизни отношеніями. Не даромъ Еллинекъ во всей исторіи права видитъ не что иное, какъ *исторію переворотовъ въ правѣ***).

---

*) Ср. **Ѳ Кокошкинъ:** Лекціи по общему государственному праву. — Москва. 1912. — Стр. 126 и предыд.

**) Цитир. соч. стр. 232.

«Старая законность нарушена, и надо завязать узлы законности по-

Именно такой была и исторія русскаго права, въ частности и въ особенности, — въ текущемъ столѣтіи. За весьма немногочисленными и сравнительно краткими прерывами Россія шла именно этимъ, экстраординарнымъ путемъ образованія новаго права черезъ отрицаніе закона и общественное провозглашеніе новыхъ нормъ. Всю исторію русскаго государственнаго права можно представить какъ два параллельныхъ ряда, изъ которыхъ одинъ образуютъ мѣняющіяся формы оффиціальныхъ законовъ и учрежденій, а другой — предшествующія этой смѣнѣ *общественныя деклараціи.* Деклараціи эти далеко не всегда оставались въ плоскости однихъ лишь словесныхъ заявленій: имъ аккомпанировали и «силовые удары». Однако, въ русской «драмѣ», въ отличіе отъ французской, какъ ее изображаетъ Жэзъ, «акты» не всегда слѣдовали установленному для нихъ темпу и порядку, и, напримѣръ, нынѣшнее фактическое правительство Россіи пребываетъ у власти 15 лѣтъ безъ того, чтобы сдѣлаться правительствомъ «регулярнымъ».

«Никакое право, съ духомъ времени несообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ», — писалъ еще въ 1809 г. Сперанскій въ своемъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ». «Сколько бѣдствій, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдали движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ, и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа». А вѣкъ спустя, когда правители русской державы, не учтя «движеніе общественнаго духа», продолжали «приспособлять» не правленіе къ народу, а народъ къ правленію, — въ сущности ту же мысль Сперанскаго повторилъ другой государственный дѣятель Витте, говоря о «нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни».

Не въ историческомъ Докладѣ, а въ менѣе извѣстной Запискѣ, представленной царю по своей личной иниціативѣ 9 октября 1905 г., Витте въ такихъ выраженіяхъ намѣчалъ историческое преемство *общественныхъ провозглашеній* въ Россіи: «Не годъ назадъ, конечно, зародилось нынѣшнее освободительное движеніе. Его корни въ глубинѣ вѣковъ — въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, въ природѣ всякаго человѣка.

вой», — писалъ проф. **Б. Э. Нольде.** «Воля Народа» въ моментъ такого потрясенія есть единственное средство возсоздать правопорядокъ. Революціонное «общее право» спасло современную Германію: имперская и двадцать пять мѣстныхъ революцій создали имперскую и десятки мѣстныхъ демократій, единственную основу нынѣшняго правопорядка въ Германіи». — Журналъ «Современныя Записки» № 4. — Парижъ. 1921 г.

Ср. также *S. Gemma* : « Les gouvernements de fait. » — Récueil des Cours à l'Académie de droit international. — Paris. 1925. — T. IV, pp. 318-322 & 328.

Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ культурный — къ свободѣ и праву: къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой»*).

На этомъ пути къ свободѣ и праву въ Россіи идея учредительной власти и требованіе Всероссійскаго Учредительнаго Собранія являлись основными и опредѣляющими. Въ теченіе ряда десятилѣтій они оставались для всего передового русскаго общества и наиболѣе безспорными, и излюбленными.

---

*) См. «Красный Архивъ». Т. 11-12, стр. 52.

II. — ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ ВЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО САМОСОЗНАНІЯ РОССІИ

Декабристы: «якобинцы» и «демократы». — Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россія» и «Свобода». — Хиліастическія чаянія соціальнаго переворота и «счастье» Россіи — въ отсталости ея политическаго развитія. — Проблески идеи Учредительнаго Собранія. — Учредительное Собраніе въ программѣ «Народной Воли». — Историческіе дефекты и заслуги политической идеологіи «Народной Воли». — Ея наслѣдники. — «Группа освобожденія Труда», и программы 1884 и 1887 гг.

Въ процессѣ соціально - политическаго развитія Россіи идея Учредительнаго Собранія отчетливую формулировку и послѣдовательное обоснованіе получила сравнительно поздно. Можно сказать, что на протяженіи всего девятнадцатаго столѣтія мы не встрѣчаемъ такой формулировки и обоснованія.

Самая мысль объ Учредительномъ Собраніи, не въ такихъ терминахъ выраженная, не чуждая противорѣчивыхъ признаковъ, предносилась, однако, уже нѣкоторымъ изъ *декабристовъ*.

Самый вліятельный и политически наиболѣе яркій среди декабристовъ — Пестель, «этотъ геніальный общественный дѣятель, далеко опредившій своихъ современниковъ въ Россіи», — по выраженію извѣстнаго русскаго историка Семевскаго, — былъ чрезвычайно далекъ отъ идеи Учредительнаго Собранія. Ничего общаго не имѣетъ съ этой идеей и проектъ республиканской конституціи, выработанный Пестелемъ и воспринятый Южнымъ Обществомъ.

Пестелевская «Русская Правда» и ея конспектъ — «Конституція Государственный Завѣтъ» главныя свои надежды возлагаютъ не на «Народное Вѣче», «въ которомъ обрѣтается вся законодательная власть», и не на «Верховный Соборъ», которому поручается «верховноблюстительная власть», и который «не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы». Основной рычагъ всей политической системы Пестеля — Временное Верховное Правленіе. «Русская Правда» должна служить «наказомъ» Верховному Правленію, которое обязано, ибо только оно въ состояніи, осуществить рядъ неотложныхъ и подготовительныхъ мѣръ, обезпечивающихъ новый порядокъ. «Прежняя

верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ» немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Поэтому Временное Правленіе должно быть надѣлено *диктаторскими* полномочіями на восемь, десять, даже пятнадцать лѣтъ*).

Въ отношеніи къ формѣ правленія Пестель истолковывалъ себя и все движеніе въ «непредрѣшенческомъ» духѣ. Рѣшеніе должно было быть предоставлено Народному Собранію, которое предстояло созвать примѣрно черезъ десять лѣтъ послѣ революціи**).

Проектъ конституціи, написанный Никитой Муравьевымъ и принятый Сѣвернымъ Обществомъ, исходилъ изъ заимствованнаго изъ испанской конституціи положенія: «Источникъ верховной власти — народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя» (Ст. 2-ая Проекта). «Право измѣнить Уставъ», т. е. конституцію, принадлежитъ не нормально - дѣйствующему законодательному собранію, — «народному вѣчу», а специальнымъ народному (центральному) и державнымъ (областнымъ) «Соборамъ».

Вмѣстѣ съ Н. Муравьевымъ большинство членовъ Сѣвернаго общества отвергало предложенія Пестеля относительно диктатуры Временнаго Правленія. Такъ, Рылѣевъ полагалъ, что тайныя общества вправѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ «неудобнымъ для своего отечества». Тотъ же государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, — самъ Рылѣевъ считалъ наиболѣе «удобнымъ» для Россіи «областное правленіе сѣверо -

---

*) См. **В. И. Семевскаго:** «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПБ. 1909. — Стр. 508-510. См. также стр. 452, 463, 472 и др.

Надо признать терминологическимъ недоразумѣніемъ, искажающимъ общую картину, характеристику принциповъ Пестеля, которую даетъ **А. Корниловъ:** «Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка». Часть I, стр. 253. — М. 1912. —, говоря, что «они не отличались либерализмомъ, но зато демократическое начало было имъ (Пестелемъ) проведено въ его планѣ очень глубоко, особенно въ экономической области». — Слѣдуетъ утверждать обратное: принципы Пестеля, либеральные по своимъ цѣлямъ и наполненные социальнымъ содержаніемъ, были **антидемократичными** или «якобинскими» по методамъ выполненія.

**) «...Нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ Правленія Союзъ въ самомъ Дѣлѣ на конецъ бы избралъ, — показывалъ Пестель на допросѣ Слѣдственной Комиссіи. — Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать Главу о Верховной Власти въ Двойнѣ: одну Монархическую, а другую Республиканскую... Намъ Дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное не произошло, и въ таковомъ случаѣ готовы совершенно забыть о Республиканскихъ мысляхъ».

«Онъ (Никита Муравьевъ) доставилъ ко мнѣ часть сей Конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ Монархическомъ Смыслѣ не потому, чтобы онъ Монархическаго правленія держался болѣе чѣмъ Республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». (Начертаніе подлинника. — См. **«Возстаніе декабристовъ».** Дѣла верховнаго уголовнаго суда и слѣдственной комиссіи. — Центрархивъ. — 1927. — Т. IV, стр. 102 и 114).

американской республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента штатовъ», — надлежитъ представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ *проектъ*. Введеніе его посредствомъ диктатуры Рылѣевъ считалъ «нарушеніемъ правъ народа».

Незадолго до возстанія фактическое руководство обществомъ перешло къ Рылѣеву и Трубецкому, съ одной стороны, и Серг. Муравьеву и Бестужеву - Рюмину, съ другой. Подъ ихъ вліяніемъ, какъ отмѣчаетъ проф. Довнаръ - Запольскій, оба Общества склонились къ мысли о передачѣ вопроса о формѣ конституціи будущему первому собранію народныхъ представителей или великому земскому собору, по выраженію Рылѣева. Штейнгель составилъ проектъ манифеста о созывѣ собора, которому предполагалось *предложить* проектъ конституціи.

Но въ то время, какъ Южное Общество имѣло совершенно опредѣленный планъ: уничтожить династію и, при поддержкѣ возставшаго войска, провозгласить новую форму правленія, — Сѣверное Общество готово было ожидать перемѣны личности государя для того, чтобы отъ замѣстителя Александра I потребовать утвержденія конституціи*). Н. Муравьевъ на допросѣ показалъ, что онъ допускалъ даже возможность «достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія».

Какъ противоположеніе «якобинскимъ» взглядамъ Пестеля и его единомышленниковъ, воззрѣніе Н. Муравьева, Рылѣева и другихъ несомнѣнно гораздо ближе началамъ народоправства и народовластія. Но само по себѣ это воззрѣніе, какъ программное требованіе и какъ методъ дѣйствій, сочетавшее необходимость переворота и его освященія народнымъ вотумомъ съ возможностью утвержденія конституціи царемъ; примирявшее народовластіе съ принципами монархизма и сословной «аристокраціи»; подраздѣлявшее народъ на *русскихъ,* къ которымъ причислялось все населеніе Россіи въ цѣломъ, и *гражданъ,* которые надѣлялись политическими правами въ мѣру роста имущественнаго ценза, — такое непослѣдовательное и противорѣчивое воззрѣніе является характернымъ для перваго оформленія политическаго самосознанія Россіи, начала 19-го столѣтія.

Всѣ декабристы — и республиканцы, и монархисты, «якобинцы» и «демократы» — были одинаково преданными конституціоналистами, горячими патріотами и искренними народолюбцами, готовыми не только на личныя жертвы свободой и жизнью, но и на сословныя и имущественныя жертвы въ *интересахъ* народа, для народа**). Но для того, чтобы стать на почву подлиннаго и послѣдовательнаго демократизма, чтобы признать начало осуществленія всего *черезъ* народъ, — одни изъ де-

---

*) См. **М. В. Ровнаръ - Запольскаго:** «Идеалы декабристовъ». М. 1907. — Стр. 315 - 316.

**) Пестель говорилъ Поджіо, что не войдетъ въ составъ Директоріи, или Верховнаго Правленія, дабы его не упрекали въ своекорыстіи; кромѣ того, — «у меня фамилія не русская» (см. «Возстаніе декабристовъ», т. IV. — Стр. 132/3, 182 и 184).

кабристовъ должны были бы отказаться отъ своихъ надеждъ на «Временное Правленіе», другіе — отъ своей вѣры въ «верховную власть» царя.

Послѣ ликвидаціи движенія декабристовъ политическое развитіе Россіи застопорилось на рядъ десятилѣтій. Въ теченіе всего періода царствованія Николая I исключена была всякая возможность проявленія свободной политической мысли. Только съ начала шестидесятыхъ годовъ получаютъ снова свое литературное выраженіе слабые проблески признанія началъ демократизма и связанной съ ними идеи Учредительнаго Собранія. Эти первые проблески единичны, случайны, сбивчивы и недостаточно популярны даже въ томъ кругу, гдѣ они время отъ времени появляются.

Вышедшая въ 1872 г. изъ кружка Зайчневскаго прокламація «Молодая Россія», бывшая, по свидѣтельству В. Я. Богучарскаго*), «самымъ крупнымъ проявленіемъ революціоннаго настроенія въ Россіи» до 1866 года, содержала въ себѣ лишь слѣдующія малоопредѣленныя строки: «мы требуемъ измѣненій современнаго деспотическаго правленія въ республиканско - федеративный союзъ областей, причемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній». Національное Собраніе, «составленное изъ выборныхъ всей земли русской, должно собираться въ столицѣ**).

Политическій смыслъ высказаннаго здѣсь умаляется еще тѣмъ предложеніемъ, которое авторы прокламаціи дѣлаютъ «революціонной партіи», рекомендуя ей — «захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ - же и позаботится, чтобы въ составъ ея не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы)».

Нѣсколько болѣе опредѣленно высказывается по тому же вопросу воззваніе «Свобода» № 1, появившееся въ 1863 г. и перепечатанное Герценомъ въ № 164 «Колокола». «Торжество народныхъ интересовъ, — говорилось въ немъ, — ...должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. Собраніе это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества***).

На всемъ протяженіи политически наиболѣе бурныхъ десятилѣтій XIX-го вѣка — 60-хъ и 70-хъ годовъ — политическая идеологія русскаго общества не возвысилась надъ приведенными выше извлеченіями изъ малозначительныхъ листковъ и прокламацій. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что онъ во времени совпадаетъ съ другимъ. Именно

---

*) **В. Богучарскій:** «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ». — М. 1912. Ст. 53.

**) См. «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ». — Русская историческая библіотека. № 5. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», издававшимся подъ редакціей Б. Базилевскаго. — Парижъ, 1905. — Стр. 60-61.

***) Тамъ же — Стр. 92.

въ это время русская общественность выдѣлила цѣлую плеяду первоклассныхъ вождей и умовъ: Добролюбова, Чернышевскаго, Герцена, Бакунина, Лаврова, Михайловскаго. Каждый изъ нихъ былъ властителемъ думъ и чувствъ своихъ современниковъ. Каждый изъ нихъ стремился сдѣлать свой народъ свободнымъ и счастливымъ. И всѣ они болѣе или менѣе одинаково оказались сравнительно равнодушны къ идеямъ послѣдовательнаго *политическаго* демократизма.

Индивидуальныя свойства, различія въ темпераментахъ, въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, въ приложеніи силъ — нивеллировались вліяніемъ господствовавшаго настроенія. Это настроеніе, безраздѣльно владѣвшее передовыми умами Россіи и частично захватившее всю Европу, нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ переживаемые нынѣ повоенный и пореволюціонный кризисы. Передовые люди того времени искренне и глубоко вѣрили и убѣждали другихъ въ истинности своей вѣры въ то, что въ ближайшемъ же будущемъ неизбѣжна *соціальная* революція и съ ней вмѣстѣ — осуществленіе соціализма. Эта вѣра создавала и соотвѣтственное хиліастическое настроеніе. Твердая увѣренность въ близкомъ концѣ, ожидающемъ всѣ политическія учрежденія, независимо отъ ихъ формъ и основаній, — исключала всякую надобность въ проповѣди политическаго освобожденія, не только какъ самоцѣли, но даже какъ пути и средства къ грядующему всестороннему освобожденію.

Авторъ «Словаря иностранныхъ словъ», Кирилловъ - Петрашевскій полагалъ, что конституція — «это хваленое правленіе — не что иное, какъ аристократія богатства». Самый тотъ фактъ, что русскій народъ «остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи», которая, по мнѣнію Герцена, высказанному въ 1851 году*), «дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія», самая отсталость Россіи въ политическомъ развитіи признавалась ея «счастьемъ», ея заслугой и достоинствомъ, обезпечивающими именно ей возможность достигнуть соціализма болѣе быстро и безболѣзненно. «Счастье наше, — писалъ Добролюбовъ, — что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни»**). «Какъ бы широко и, повидимому, либерально ни развивалось государство, хотя бы достигло самыхъ крайнихъ демократическихъ формъ, все - таки оно, государство, есть начало неволи, внѣшняго принужденія... Ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ государства, а въ самомъ государствѣ, — какъ идеѣ, какъ принципѣ... Государство, какъ государство, — есть ложь... Славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ негосударственный»***).

Такъ писалъ въ 1856 г. не анархистъ и атеистъ Бакунинъ, а отецъ и вождь славянофильства, ревнитель православнаго благочестія и россійской самобытности Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Неудиви-

---

*) «Русскій народъ и соціализмъ» (Письмо къ Мишле). — Сочиненія **А. И. Герцена.** — Т. V, стр. 199. Ср. у **В. Богучарскаго:** «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», стр. 14, 19 и 20.

) Сочиненія **Н. А. Добролюбова. — Т. 3, стр. 187.

***) Сочиненія **К. С. Аксакова.** — М. 1889. — Т. I, изданный подъ редакціей И. С. Аксакова, стр. 241 - 242.

тельно послѣ этого, что «бакунинцы», «марксисты», «ткачевцы», «лавристы», «нечаевцы» и т. д., не взирая на всѣ свои расхожденія и взаимные попреки, сходились на одномъ — на враждебномъ отношеніи ко всякой государственности. Въ «политикѣ» они видѣли опредѣленное зло и всѣ свои чаянія возлагали на соціальную революцію, необходимую для обезпеченія свободнаго развитія личности и общества, какъ думали одни, для обезпеченія развитія производительныхъ силъ, — какъ находили другіе.

«Самый фактъ замѣны самодержавнаго правительства конституціоннымъ, фактъ «передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки», какъ выражаются либералы, совершенно безразличенъ для соціалистовъ», — заявлялъ «органъ русскихъ революціонеровъ», «Начало»*). Если послѣ февральской революціи 1848 г. даже для Маркса и Энгельса, — основоположниковъ такъ называемаго научнаго соціализма, «не могло быть никакого сомнѣнія, что наступило время великой, рѣшающей борьбы и что эта борьба будетъ составлят» одинъ сплошной, долгій и полный перемѣнъ, революціонный періодъ»**); если въ 1849 году Марксъ доказывалъ Лассалю, что пролетарская революція во Франціи вспыхнетъ не позднѣе слѣдующаго года; если онъ увѣрялъ въ томъ же позднѣе Кугельмана (письма 1862 г.) и Зорге (1877 г.); если Бебель въ началѣ семидесятыхъ годовъ могъ публично, въ рейхстагѣ заявить, что нѣмецкіе соціалисты надѣются «осуществить всю свою программу еще до наступленія XX вѣка»; если Энгельсъ въ 1891 г. высказывалъ увѣренность, что «царское правительство этотъ годъ уже не протянетъ, а когда ужъ въ Россіи начнется, — тогда «ура!», — впослѣдствіи, какъ извѣстно, Энгельсъ фиксировалъ срокъ общественнаго переворота на 1898 г.; — приходится ли удивляться Лаврову, приводившему въ 1876 году «математическія» доказательства грядущей соціальной революціи въ Россіи?! Или Михайловскому, писавшему въ 1874 г.: «борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже»***); и даже позднѣе, въ 1879 г., по свидѣтельству собесѣдника, «горячо настаивавшему, что политической реформой воспользуются только привиллегированные классы и при томъ во вредъ народной массѣ»?!****).

Въ такого рода психологической атмосферѣ, естественно, не было мѣста идеѣ Учредительнаго Собранія. Она не выпала изъ сознанія рус-

---

*) См. «Революціонная журналистика 70-ыхъ годовъ». — Русская Историческая библіотека, № 3. — Первое приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», изд. подъ ред. Б. Базилевскаго. Парижъ, 1905. — Стр. 88.

) См. «Введеніе» **Фридриха Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи отъ 1848 до 1850 гг.» Карла Маркса. Стр. VII. — Это введеніе, посвященное изложенію того, какъ и почему «исторія не оправдала ожиданій» Маркса и Энгельса, написано послѣднимъ въ мартѣ 1895 г.

***) Цит. по **В. Богучарскому:** «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ». — Стр. 121. — См. также стр. 94 и 118.

****) См. въ сборникѣ статей **«Памяти Виктора Александровича Гольцева»** подъ ред. А. А. Кизеветтера. — М. 1910. — Стр. 107 - 108.

ской общественности того времени. Она по - просту въ немъ не умѣщалась. За весь этотъ періодъ лихорадочныхъ поисковъ путей и средствъ общественнаго переустройства только случайно былъ обронепъ самый терминъ: Учредительное Собраніе. По ироніи судьбы, то былъ анархистъ Бакунинъ, мимоходомъ употребившій его въ статьѣ «Политика Интернаціонала», напечатанной въ « Egalité » за 1869 годъ и приведенной въ русскомъ переводѣ въ книгѣ «Историческое развитіе Интернаціонала», стр. 62 - 63, въ 1873 г.*). Здѣсь *впервые* въ исторіи развитія политическихъ идей въ Россіи получило литературное выраженіе это основное и элементарное понятіе.

Если анархисту Бакунину суждено было впервые *назвать по имени* Учредительное Собраніе, то либералу - ветерану земскаго конституціонализма И. И. Петрункевичу — суждено было впервые включить созывъ Учредительнаго Собранія, какъ опредѣленное политическое требованіе, въ число «Ближайшихъ задачъ земства».

Подъ такимъ именно заглавіемъ составлена была Петрункевичемъ небольшая брошюра «въ надеждѣ вызвать движеніе въ широкихъ кругахъ общества въ пользу реформы государственнаго строя», какъ то формулировалъ покойный И. И. въ своихъ сравнительно недавнихъ письмахъ (отъ августа 1919 г. къ автору настоящей книги). Авторъ брошюры, рекомендуя себя «стоящимъ близко къ земскому дѣлу и отличающимся подобающею консервативностью», «никакъ не можетъ согласиться» съ той постановкой вопроса, которую ему придало общество въ связи съ растерянностью правительства послѣ убійства шефа жандармовъ ген. Мезенцева въ 1878 г. Направленная противъ «пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ» адресовъ, въ частности, харьковскаго и полтавскаго земствъ, — брошюра выразительно подчеркиваетъ, что «мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а, отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія».

Въ сочиненіи М. П. Драгоманова «Земскій либерализмъ въ Россіи» (1858 - 1883) — а не «Либерализмъ и земство въ Россіи», какъ неточно называетъ В. Я. Богучарскій**), — вышедшемъ въ 1888 г., — а не въ 1889 г., — Драгомановъ разсказываетъ исторію печатанія брошюры «Ближайшія задачи земства, съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земства на правительственное обращеніе». Брошюра эта не увидѣла свѣта, потому что галицкая администрація арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе, и захватила самую брошюру. Брошюра не получила никакого распространенія. Не имѣло широкаго распространенія въ Россіи, по свидѣтельству Петрункевича, и «Вольное

---

*) См. **В. Богучарскаго:** «Активное Народничество семидес ятыхъ годовъ». — Примѣч. къ стр. 83.

) См. «За сто лѣтъ (1800 - 1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи». — Составилъ **Вл. Бурцевъ. — 1897. — Часть I, стр. 144 и 146.

Слово», напечатавшее ее спустя нѣсколько лѣтъ, какъ «Земскій голосъ изъ недавняго прошлаго времени», скорѣе въ историческихъ цѣляхъ*).

Идея высказанная въ русской политической литературѣ раньше другихъ И. И. Петрункевичемъ, дошла до общественнаго сознанія только тогда, когда она уже утратила черты оригинальности, принявъ форму, по его же собственному выраженію, «перевернутой страницы историческихъ матеріаловъ». Эта идея не оказала никакого вліянія на политическую идеологію близкой автору земской среды. Идея Учредительнаго Собранія была совершенно чужда практическимъ устремленіямъ земцевъ семидесятыхъ годовъ. Наиболѣе «крайнимъ» выраженіемъ земскаго конституціонализма той эпохи по справедливости считается мнѣніе черниговскаго губернскаго земства, которое, какъ извѣстно, вызвало даже спеціальныя преслѣдованія со стороны правительства по отношенію къ автору «мнѣнія» — тому же Петрункевичу. Между тѣмъ по своему содержанію «мнѣніе» было совершенно невинно и лишено всякаго положительнаго политическаго содержанія. «Думать, что идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей», заявляло земство черниговской губерніи и «съ невыразимымъ огорченіемъ констатировало свое полное безсиліе принять какія - либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ», о чемъ и «считало своимъ гражданскимъ долгомъ довести до свѣдѣнія правительства»**).

Идея народоправства и Учредительнаго Собранія получила яркое выраженіе и сравнительно широкое распространеніе съ образованіемъ Партіи «Народной Воли». Липецкій съѣздъ въ іюнѣ 1879 года является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи не только методовъ революціонной борьбы въ Россіи, но и содержанія политической идеологіи. На состоявшемся, сейчасъ же послѣ липецкаго, съѣздѣ въ Воронежѣ новое въ революціонномъ и соціалистическомъ движеніи теченіе одержало рѣшительный верхъ. Политическая борьба была формально признана совмѣстимой съ задачами и идеалами соціализма.

«Народная Воля» умѣла доходить до читателя, она привлекала вниманіе и друзей, и враговъ .Ея слова, какъ и дѣла, импонировали и имѣли широкій резонансъ. Народовольцы пріяли идею Учредительнаго Собранія, формально включили ее въ свою програму и въ мѣру своего разумѣнія защищали ее. И *черезъ «Народную Волю», которая заняла авансцену русскаго революціоннаго движенія съ перваго же момента своего образованія, т. е. съ осени 1879 г., идея Учредительнаго Собранія дошла до сознанія сравнительно широкихъ круговъ русскаго*

---

*) Опубликованный въ 1927 г. документъ изъ фамильнаго архива гр. Воронцовыхъ устанавливаетъ неопровержимо, что конституціонное украинское «Вольное Слово», — какъ, впрочемъ, и крайне - лѣвая «Правда», и либеральный «Московскій Телеграфъ», — фактически издавались правительственной «Священной Дружиной» съ провокаціонно - полицейскими цѣлями (см. «Красный Архивъ № 21).

) См. «За сто лѣтъ (1800 - 1896). — Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи». — Составилъ **Вл. Бурцевъ. — 1897. — Часть I, стр. 144 и 146.

общества, сдѣлавшись впослѣдствіи традиціонной для всѣхъ революціонныхъ и соціалистическихъ программъ.

«Народная Воля» вышла изъ Общества «Земля и Воля». Громадное большинство народовольцевъ были раньше землевольцами. За всѣмъ тѣмъ народовольчествомъ, идя навстрѣчу духу времени и практическимъ нуждамъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явилось антитезой народничеству шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ первые мѣсяцы образованія «Народной Воли» обоснованіе цѣлесообразности Учредительнаго Собранія носитъ еще условный характеръ. «Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, — читаемъ мы въ № 2 «Соціально - революціоннаго Обозрѣнія» «Народная Воля» отъ 1 октября 1879 г., — что... составляется самостоятельно или по приглашенію правительства Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (вродѣ Cahiers въ Assemblée Constituante). Въ этомъ собраніи 90% отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, — отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній»*).

Съ момента окончательной формулировки народовольческой программы, опубликованной впервые въ № 3 «Народной Воли», 1 января 1880 г., — аргументація въ пользу Учредительнаго Собранія теряетъ свою условность и предположительность. Доводы въ пользу правомѣрности и цѣлесообразности Учредительнаго Собранія подкрѣпляются доказательствами его необходимости.

«Мы полагаемъ, — гласила такъ называемая «Программа Исполнительнаго Комитета», — что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма правленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней. Такимъ образомъ наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, составленному какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ согласно инструкціямъ своихъ избирателей»**).

И отдѣльные народовольцы, и Исполнительный Комитетъ партіи пользуются отнынѣ всякимъ поводомъ публично исповѣдовать свою новую вѣру передъ правительствомъ и обществомъ. Въ первой же прокламаціи, выпущенной Исполнительнымъ Комитетомъ 22 ноября 1879 года по поводу раскрытаго покушенія на линіи московско - курской желѣзной дороги, говорилось: «Если бы Александръ II..., отказавшись отъ власти, передалъ ее Всенародному Учредительному Собранію, из-

---

*) См. Сборникъ «Литература соціально - революціонной партіи «Народной Воли», — 1905. — Стр. 81.

**) Тамъ же. — Стр. 163 и 164. — Пункты 2 и 3 лит. В. «Программы».

бранному свободно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей, — тогда только мы оставили бы въ покоѣ Александра II и простили бы ему всѣ его преступленія»*). 7 февраля 1880 г. въ прокламаціи по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ Исполнительный Комитетъ повторилъ свою угрозу: «Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту (вооруженную) борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство Всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей»**). То же требованіе раздается изъ устъ Квятковскаго на процессѣ «шестнадцати» (въ октябрѣ 1880 г.)***); въ частномъ письмѣ Желябова къ Драгоманову (май 1880 г)****); и, наконецъ, въ заключительномъ аккордѣ «Народной Воли» — въ Письмѣ Исполнительнаго Комитета Александру III (10 марта 1881 года) *****).

Въ этомъ, справедливо называемомъ политическомъ завѣщаніи, оставленномъ «Народной Волей» послѣдующимъ революціоннымъ поколѣніямъ, Исполнительный Комитетъ «не ставитъ, а только напоминаетъ» о тѣхъ «условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой», и которыя «поставлены исторіей». Наряду съ «общей амнистіей по всѣмъ политическимъ преступленіямъ», вторымъ условіемъ Комитетъ считаетъ «созывъ представителей отъ всего русскаго народа (Народнаго Собранія) для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями».

Народовольцы нерѣдко употребляли выраженія Земскій Соборъ и Народное Собраніе, какъ равнозначныя съ Учредительнымъ Собраніемъ. И П. Л. Лавровъ, составившій для «Календаря Народной Воли» на 1883 годъ статью «Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма», имѣлъ, конечно, основаніе сказать, что въ Письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ требовалъ созыва Учредительнаго Собранія. Это, съ формальной стороны, неправильное утвержденіе получило, однако, чрезъ Лаврова, широкое распространеніе и удержалось до нашихъ дней. Его не разъ повторяетъ, напримѣръ, такой знатокъ общественнаго движенія Россіи, какимъ несомнѣнно являлся авторъ «Исторіи россійской соціалъ - демократіи» и редакторъ многотомнаго «Общественнаго движенія въ Россіи въ началѣ XX вѣка» Л. Мартовъ******).

---

*) «Да здравствуетъ Народная Воля!» — Историческій сборникъ № 1. — Парижъ, 1907. — Стр. 4.

**) Тамъ же. — Стр. 5.

***) «За сто лѣтъ». — Стр. 182.

****) «Былое». — Журналъ, посвященный исторіи освободительнаго движенія. — СПБ. 1906. № 3. — Стр. 73 - 74.

*****) Тамъ же. — Стр. 36 - 37.

******) См., напр., «Искра». — Центральный Органъ Россійской Соціалъ - демократической Рабочей партіи: — «За два года». — Изд. С. Н. Салтыкова. — СПБ. — Стр. 202.

Смѣшеніемъ идей и терминовъ Учредительнаго Собранія и Земскаго Собора грѣшили не одни народовольцы. Смѣшеніе понятій и терминовъ, практиковавшееся въ текущемъ столѣтіи, вызывалось явно политическими соображеніями: къ нему побуждали мотивы тактическіе. Причина же сбивчивости «Народной Воли» — въ новизнѣ самого предмета, въ недостаточной политической опытности и юридической зрѣлости тѣхъ, кому приходилось вырабатывать свою програму «подъ грохотъ динамитныхъ взрывовъ», кому въ процессѣ «борьбы на смерть» приходилось согласовывать свою теорію съ практикой.

Къ сожалѣнію, сбивчивость народовольцевъ не только терминологическаго порядка, но и въ самомъ существѣ тѣхъ новыхъ идей, которыя они несли съ собой. «Народная Воля» рѣшительно и опредѣленно признала необходимость политическаго переворота. Это было ея заслугой и громаднымъ шагомъ впередъ по пути развитія общественнаго самосознанія и движенія въ Россіи. Но *какъ* произойдетъ самый переворотъ? Что въ этомъ отношеніи желательно. Къ чему стремиться — къ заговору и захвату власти «революціоннымъ меньшинствомъ» или къ революціи, совершаемой большинствомъ народа, хотя бы и несущей въ себѣ рискъ менѣе крупныхъ, но зато болѣе прочныхъ достиженій? На этотъ вопросъ «Народная Воля» не имѣла опредѣленнаго отвѣта. Здѣсь ея идеологія двойственна, въ ней всегда можно различить два мотива, не сливающіеся во внутренней гармоніи, а оспаривающіе другъ друга.

Народовольцы не могли не быть сторонниками народной революціи, ибо они вышли изъ «народничества» и оставались народниками. Ихъ прежняя вѣра въ соціалистическіе инстинкты трудового народа оставалась непоколебленной. Они предполагали, что въ будущемъ Учредительномъ Собраніи «90%» окажется сторонникомъ «полнаго переворота всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній». Но въ то же время народовольцы несомнѣнно были заговорщиками. Ихъ толкала къ тому окружающая обстановка. Массы не обнаруживали склонности возставать, а власть исключала возможность открытой пропаганды и широкаго движенія. Отсюда характерная обмолвка Желябова, въ письмѣ къ Драгоманову, о томъ, что «Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только *Ликвидаціонная Комиссія*»: отсюда колебанія между надеждой на «добровольное обращеніе Верховной власти къ народу», на соглашеніе съ ней путемъ «легализаціи Верховной власти» (Письмо къ Александру III), и требованіемъ передать власть «въ пользу народа» подъ угрозой «борьбы на смерть съ представителями современнаго государства» (прокламація 7 февраля 1880 г.); отсюда неувѣренность, что дѣлать послѣ захвата власти: ликвидировать ли только царя и его правительственный аппаратъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и «разрушить всю государственную машину», — «устранить государство, и народъ устроится, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться» («Воля Народа» № 2); отсюда, наконецъ, рѣшительный поворотъ въ сторону «захвата власти», совпадающій по времени съ упадкомъ революціоннаго движенія и съ закатомъ «Народной Воли».

Въ февралѣ 1882 г. въ № 8-9 «Народной Воли» появилась передовая статья, обнаружившая всю мѣру неустойчивости идеологическихъ

достиженій народовольчества. Въ ней говорилось, что, въ случаѣ отсутствія соціально - революціонной инициативы у самого народа, «временное революціонное правительство, рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ право частной собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобожденнаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею»*).

Здѣсь вмѣстѣ съ терминомъ Учредительнаго Собранія исчезло безъ остатка и существо самой идеи. Представленія объ Учредительномъ Собраніи, какъ о верховномъ органѣ, вышедшемъ изъ политическаго переворота, обладающемъ всей полнотой власти и начинающемъ собою новый порядокъ и новую правовую эру, — какъ не бывало. Вывѣтрилась самая мысль о подчиненномъ положеніи революціоннаго правительства, временно дѣйствующаго по полномочію народной воли. Временное правительство превратилось въ главный дѣйствующій органъ, имѣющій *при себѣ* «Земскій Соборъ».

На закатѣ революціоннаго движенія девятнадцатаго вѣка политическая идеологія возвращается вспять, къ уровню развитія 70-хъ, 60-хъ, даже 20-хъ годовъ. Такое «вѣчное возвращеніе» можно отмѣтить на всемъ протяженіи того пути, который пришлось сдѣлать политическому самосознанію Россіи, вплоть до роковыхъ 1917 - 1918 годовъ, когда былъ осуществленъ практически якобинскій планъ.

Было бы одностороннимъ судить о народовольческой идеологіи по ея литературному выраженію эпохи упадка. Несомнѣнно, однако, что эта идеологія была двойственна: исходя изъ двухъ различныхъ основаній, она приводила и къ двумъ различнымъ рѣшеніямъ. Народовольчеству не дано было стать на почву принципіальнаго и безповоротнаго признанія послѣдовательнаго демократизма. И въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Богучарскимъ, который говоритъ, что «народовольцы даже въ лицѣ своихъ такихъ замѣчательныхъ не только дѣятелей, но и мыслителей, какимъ былъ Желябовъ, не справились съ задачей синтеза «соціализма» и политической борьбы»**).

Было бы, однако, искаженіемъ исторической перспективы и въ корнѣ неправильнымъ, сопоставляя идеологію народовольцевъ — особенно, періода расцвѣта — съ идеологіей ихъ преемниковъ — особенно, ближайшихъ, эпохи 83 - 87 годовъ, — сдѣлать выводъ, который сдѣлалъ Богучарскій, утверждавшій, будто «задачу эту разрѣшили лишь первые русскіе соціалдемократы, Г. В. Плехановъ и его Группа Освобожденія Труда».

Достаточно привести всего нѣсколько иллюстрацій, чтобы показать неизгладимую близость и духовное родство, связывавшее эпигоновъ «Народной Воли» съ эпигонами «Чернаго Передѣла» и заставлявшее и

---

*) См. «Литература соціально - революціонной партіи «Народной Воли». — Стр. 495. —

**) «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX вѣка». — Стр. 468 - 469.

народниковъ, и марксистовъ 80-хъ годовъ, несмотря на всѣ ихъ принципіальныя расхожденія, относиться одинаково горячо къ началу захвата власти.

Въ извѣстной, почти «составившей эпоху», брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», появившейся въ 1883 г., Г. В. Плехановъ неоднократно подчеркиваетъ: «Мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ особою послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію». И въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія Плехановъ солидаризуется, какъ съ «совершенно справедливымъ», съ взглядомъ, высказаннымъ въ № 8-9 «Народной Воли», относительно возможности экономическаго переворота, совершаемаго временнымъ революціоннымъ правительствомъ «ранѣе созыва Учредительнаго Собранія». «Лишь въ такомъ переворотѣ, — думаетъ Плехановъ, — гарантія того, что на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа».

Единственное, что отличаетъ бывшаго «чернопередѣльца», ставшаго отцомъ русскаго марксизма, отъ современныхъ ему народовольцевъ, это довольно голословное утвержденіе, что «диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ разночинцевъ»*).

«Программа соціалъ - демократической группы «Освобожденія Труда» 1884 г., ни словомъ не упоминая объ Учредительномъ Собраніи, считаетъ возможнымъ «уже теперь предсказать уничтоженіе важнѣйшаго изъ органовъ хронической борьбы внутри общества — именно государства, какъ политической организаціи, противостоящей обществу и охраняющей, главнымъ образомъ, интересы его господствующей части». Наконецъ, «Проектъ программы русскихъ соціалъ - демократовъ» 1887 г., чрезвычайно въ общемъ близкій къ предыдущей «Программѣ», свободенъ, правда, отъ его «предсказаній», но содержитъ въ себѣ слѣдующій тезисъ: «неизбѣжнымъ предварительнымъ его (освобожденія рабочихъ) условіемъ является захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ».

Этому тезису суждено было стать символомъ вѣры русскихъ марксистовъ. Онъ вошелъ въ ихъ психику, опредѣлилъ ихъ политическое сознаніе, волю, чувствованіе. Спустя 16 лѣтъ онъ вошелъ и въ оффиціальную программу россійской соціалъ - демократической рабочей партіи.

Чтобы по достоинству и исторически справедливо оцѣнить то разрѣшеніе «задачи синтеза соціализма и политической борьбы», которое дали «первые русскіе соціалъ - демократы, Г. В. Плехановъ и его «Группа Освобожденія Труда», нельзя упускать изъ виду, въ частности, и ту разновидность какъ ни какъ «русскихъ соціалъ - демократовъ»,

---

*) «Библіотека современнаго соціализма». — Выпускъ первый. — Женева. — Типогр. группы «Освобожденія Труда». — Стр. 62 и 63.

которая попыталась вмѣстить и «небо», и «землю»: диктатуру класса сочетать съ диктатурой революціонеровъ - разночинцевъ. Провозглашеніе «рабоче - крестьянской диктатуры» чрезъ посредство фактической диктатуры разночинцевъ - большевиковъ не является ли достаточно яркой иллюстраціей всей искусственности принципіальнаго противопоставленія захвата власти классомъ такому же захвату со стороны какой-нибудь группы?

Та несложная философія, которая послужила обоснованіемъ и оправданіемъ захвата власти въ Россіи 25 октября (7 ноября) 1917 г., — исторически имѣетъ два идеологическихъ истока, въ равной мѣрѣ ее питавшихъ. Это — *народовольчество временъ декаданса,* знаменовавшаго возвращеніе къ народническому якобинству 70-хъ и 60-хъ годовъ; и это — *марксизмъ эпохи примитивизма,* датируемой 60-ми и 70-ми годами на Западѣ и 80-ми годами и вплоть до нашихъ дней въ Россіи.

III. — ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ НА ПЕРЕВАЛѢ XIX-го ВѢКА

Политическое пробужденіе и новыя попытки построенія программъ. — Программа россійской соціалъ - демократической партіи и ея отношеніе къ принципамъ демократіи. — Партія соціалистовъ - революціонеровъ и ея программа. — «Освобожденіе» и «Союзъ освобожденія». — Идеологія революціи и оппозиціи. — Программа конституціонно - демократической партіи. — Учредительное Собраніе, какъ основной лозунгъ революціоннаго движенія 1905 г. — Попытка монополизаціи этого лозунга. — Его модификація. — «Законодательное Собраніе съ учредительными функціями». — Партіи, принявшія требованіе Учредительнаго Собранія. — Ихъ отношеніе къ этому требованію.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка: въ продолженіи всего тринадцатилѣтняго царствованія Александра III и первой половины царствованія его злополучнаго наслѣдника — политическая жизнь Россіи замерла. Царила реакція, методически удушая всѣ проблески независимаго слова и мысли.

Лишенная возможности вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ народными низами, искусственно изолированная отъ нихъ, политическая идеологія вынуждена была на время исчезнуть съ открытой поверхности жизни. Ей пришлось уйти въ себя, въ свою собственную, поневолѣ ограниченную и мелкую подпольную кружковщину, въ которой отъ недостаточнаго притока воздуха тускнѣли и блекли всѣ цвѣты и краски жизни. Сознаніе неизбѣжности грядущаго политическаго освобожденія Россіи, владѣвшее поколѣніемъ 70-хъ годовъ, перестало излучать свой яркій и жертвенный пламень. Этотъ пламень на время, если не совсѣмъ погасъ, то сталъ мигать и еле - еле теплиться.

Отдѣльныя попытки, дѣлавшіяся въ девяностые годы, для созданія «Партіи Народнаго Права» или «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», не возвысились до отчетливаго представленія о существѣ послѣдовательной демократіи. Эти попытки, равно какъ и долгая и обостренная полемика противъ, такъ называемыхъ, «рабочедѣльцевъ», выдвинувшихъ по принципіальнымъ и по тактическимъ основаніямъ начало *экономизма* въ противовѣсъ *политикѣ*, — не встрѣтили широкаго сочувствія и резонанса въ окружавшей средѣ. Имъ суждено было остать-

ся эпизодами, сохранившими значеніе лишь въ предѣлахъ мѣстныхъ интересовъ и внутренней жизни отдѣльныхъ нелегальныхъ кружковъ въ Россіи и въ эмиграціи.

Еще менѣе удачной оказалась единственная за это время легальная попытка, со стороны земскихъ круговъ, воздѣйствовать на правительство моральной силой общественнаго мнѣнія. На слѣдующій день послѣ извѣстнаго окрика Николая II, въ январѣ 1895 г., о томъ, что «въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтами объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія», въ Петербургѣ было распространено «Открытое письмо къ Николаю II». Оно не прибавило лавровъ земскому освободительному движенію. Въ отвѣтъ на окрикъ царя авторы письма жалобно оправдывались: «Ни въ одномъ земскомъ собраніи не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти, и никто изъ земцевъ не ставилъ вопроса такъ, какъ его поставили Вы. Наиболѣе передовыя земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земства къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола»*).

Только на рубежѣ двухъ столѣтій, послѣ нѣкотораго освѣженія атмосферы, которое принесли съ собой прокатившіяся волны экономическихъ стачекъ рабочихъ и академическаго движенія студенчества, въ процессѣ своего развитія пріобрѣтавшія все болѣе опредѣленную политическую окраску, послѣ эпизодическихъ проявленій крестьянскаго движенія, въ началѣ текущаго столѣтія пробуждается политическая жизнь Россіи. Оживаетъ съ ней и политическая идеологія. Возникаетъ россійская соц. - демократическая рабочая партія. Складывается партія соціалистовъ - революціонеровъ. Создается нелегальный Союзъ Освобожденія. Появляются «Искра», «Заря», «Вѣстникъ Русской Революціи», «Революціонная Россія», «Освобожденіе». Параллельно съ всероссійскими органами и организаціями создаются и мѣстныя территоріально - національныя группировки и программы: польскія, литовскія, еврейскія, латышскія, украинскія, грузинскія, армянскія и т. д. идущія своими путями, но, въ общемъ, программно и тактически совпадающія съ тремя основными линіями — соціалъ - демократической, соціалъ - революціонной и оппозиціонно - либерально - «освобожденской».

Выпустивъ манифестъ о своемъ формальномъ возникновеніи въ 1898 г., россійская соціалъ - демократія фактически послѣ этого на нѣсколько лѣтъ погрузилась въ небытіе. И только въ 1903 г. на, такъ называемомъ, второмъ очередномъ съѣздѣ партія приняла программу, подготовленную для нея редакціями «Зари» и «Искры». Признавая «необходимымъ условіемъ соціальной революціи диктатуру пролетаріата», эта программа ставила рядъ «ближайшихъ цѣлей», при чемъ высказывала «твердое убѣжденіе» въ томъ, что «полное, послѣдовательное

---

*) См. «За сто лѣтъ (1800 - 1896. — Часть 1, стр. 264.

и прочное осуществленіе» указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій «достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ»

Формально программа соціалъ - демократіи сочетала соціализмъ съ демократизмомъ, диктатуру пролетаріата, какъ «завоеваніе пролетаріатомъ политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплоататоровъ», въ будущемъ съ требованіемъ Учредительнаго Собранія для настоящаго. И вся программа стоитъ не только въ прямой идеологической связи съ воззрѣніями «Группы Освобожденія Труда» начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; она сохранила и личную преемственность благодаря главному автору и защитнику обѣихъ программъ — Г. В. Плеханову.

Съѣздъ, на которомъ обсуждалась и принята была программа соціалъ - демократической партіи, былъ проникнутъ особымъ піэтетомъ къ своему предсѣдателю Плеханову, открывшему самый съѣздъ и подчеркнувшему въ первомъ же привѣтственномъ словѣ связь участниковъ съѣзда съ той группой «ветерановъ русской соціалдемократіи, которая двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1883 г., впервые начала пропаганду соціалъ - демократическихъ идей въ русской революціонной литературѣ»*). Тѣмъ большій интересъ и значеніе пріобрѣтаетъ пониманіе взаимоотношенія между принципами соціальной революціи и принципомъ демократіи, авторитетно данное на съѣздѣ Плехановымъ. Это пониманіе или толкованіе настолько выразительно и безпримѣрно по своему релятивистическому нигилизму, настолько глубоко связано съ господствующими и нынѣ въ марксистскихъ кругахъ настроеніями, что необходимо привести относящійся къ этому пункту отрывокъ изъ протоколовъ съѣзда.

«Вполнѣ присоединяюсь — началъ свою рѣчь Плехановъ — къ словамъ тов. Посадовскаго»**). А Посадовскій между прочимъ сказалъ: «Нѣтъ ничего такого среди демократическихъ принциповъ, чего мы не должны были бы подчинить выгодамъ нашей партіи (восклицанія: «и неприкосновеность личности?»). *Да!* И неприкосновенность личности! Какъ партія революціонная, стремящаяся къ своей конечной цѣли — соціальной революціи, мы исключительно съ точки зрѣнія скорѣйшаго осуществленія этой цѣли, съ точки зрѣнія выгоды нашей партіи должны относиться къ демократическимъ принципамъ. Если то или другое требованіе будетъ невыгодно намъ, мы его не будемъ вводить». (См. «Протоколы» съѣзда, стр. 169).

Въ развитіе этихъ словъ Плехановъ продолжалъ: «Каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвлеченности, а въ отношеніи къ тому принципу, который можетъ быть названъ основнымъ принципомъ демократіи, именно

---

*) См. «**Полный текстъ протоколовъ.** — Второй Очередной Съѣздъ Россійской Соц. - Дем. Рабочей Партіи». Изд. Центральнаго Комитета. — Стр. 19.

**) «Тов. Посадовскій» — псевдонимъ участника съѣзда Бронштейна-Троцкаго.

къ принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. Въ переводѣ на языкъ революціонера это значитъ, что успѣхъ революціи — высшій законъ. И если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или другого демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться. Какъ личное свое мнѣніе, скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основного принципа демократіи. Гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціалъ - демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія италіанскихъ республикъ лишала когда - то политическихъ правъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда - то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно было судить лишь съ точки зрѣнія правила: Salus revolutiae suprema lex. И на эту же точку зрѣнія мы должны были бы встать въ вопросѣ о продолжительности парламентовъ. Если бы въ порывѣ революціоннаго энтузіазма народъ выбралъ очень хорошій парламентъ — своего рода Chambre Introuvable, — то намъ слѣдовало бы стараться сдѣлать его *долгимъ парламентомъ,* а если-бы выборы оказались не удачными, то намъ нужно было бы стараться разогнать его не черезъ два года, а, если можно, то черезъ двѣ недѣли» (Тамъ же: «Протоколы», стр 169).

Въ этихъ словахъ не въ зародышѣ только, а въ совершенно законченномъ и развитомъ видѣ дано идеологическое обоснованіе и оправданіе того «слова и дѣла», которое пятнадцать лѣтъ спустя фактически осуществили презрѣнные потомки прославленнаго отца марксизма и соціалъ - демократіи въ Россіи.

При этомъ интересно отмѣтить, что свой релятивизмъ въ отношеніи къ принципамъ демократіи Плехановъ сохранилъ до конца своихъ дней. Когда въ январѣ 1918 года на дѣлѣ осуществился «случай», «гипотетически» предвидѣнный Плехановымъ пятнадцатью годами раньше, когда, послѣ «неудачныхъ» для себя выборовъ въ Учредительное Собраніе, большевики разогнали его даже не «черезъ двѣ недѣли», какъ рекомендовалъ Плехановъ въ 1903 г., а всего черезъ *семнадцать часовъ,* — Плехановъ имѣлъ поводъ снова подтвердить свою вѣрность прежнимъ взглядамъ. Въ «ежедневной рабочей газетѣ» «Наше Единство», выходившей въ Петроградѣ подъ редакціей Г. В. Плеханова, въ полемическихъ фельетонахъ «Буки азъ - ба» редакторъ авторитетно разъяснилъ, что «научный соціализмъ о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ правилахъ политической тактики или, вообще, политики, судитъ съ точки зрѣнія обстоятельствъ времени и мѣста; онъ отказывается смотрѣть на нихъ, какъ на *безусловныя...* Цѣлесообразность — вотъ единственный критерій его въ вопросахъ политики и тактики». Вмѣстѣ съ этимъ разъясненіемъ Плехановъ снова подтвердилъ свою вѣрность, «только одному безусловному принципу: благо народа — высшій законъ. И я не разъ пояснялъ, что, въ переводѣ на революціонный языкъ, принципъ этотъ можетъ быть выраженъ еще такъ: высшій законъ — это успѣхъ революціи». («Наше Единство», № 14 и 16. Петроградъ. Январь 1918 г.).

Полное тождество между политической идеологіей Плеханова и идеологіей тѣхъ, кто разогналъ Всероссійское Учредительное Собраніе, въ этомъ пунктѣ — неоспоримо. И если одни разогнали Учредительное Собраніе во имя «успѣха революціи» и съ точки зрѣнія «выгодъ» *своей* партіи, а Плехановъ считалъ этотъ «разгонъ», когда онъ совершился, «ступенью къ гражданской войнѣ среди рабочихъ массъ Россіи», полагая, что «Собраніе, которое разогнали на этихъ дняхъ «народные комиссары», обѣими ногами стояло на почвѣ интересовъ трудящагося населенія Россіи», и, «разгоняя его, «народные комиссары» боролись не съ врагами рабочихъ, а съ врагами диктатуры Смольнаго Института», — то такое расхожденіе въ практическихъ выводахъ изъ одной и той же идеологіи, быть можетъ, болѣе всего и ярче другого характеризуетъ самую идеологію. Утвержденіе «цѣлесообразности» единственнымъ и достаточнымъ критеріемъ для политической оцѣнки оказалось равносильнымъ отрицанію всякихъ политическихъ оцѣнокъ, критеріевъ и принциповъ.

Рядомъ съ такимъ, болѣе чѣмъ условнымъ и относительнымъ, признаніемъ принциповъ демократіи, значительно выигрывало отношеніе къ этимъ принципамъ со стороны партіи соціалистовъ - революціонеровъ, организаціонно сложившейся нѣсколько позднѣе соціалъ - демократической партіи.

Еще въ 1902 году, въ прокламаціи по поводу убійства министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина соціалистомъ - революціонеромъ Степ. Балмашевымъ, боевая организація партіи заключила серію обычныхъ революціонныхъ лозунговъ возгласомъ: «Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора!»*). И въ проектѣ партійной программы, выработанномъ редакціей «Революціонной Россіи» и опубликованномъ ею въ маѣ 1904 года, въ № 46, на основѣ проекта, составленнаго руководителями партіи въ 1903 г., не совсѣмъ оставленъ этотъ терминъ «всенародный Земскій Соборъ», отождествлявшійся авторами съ идеей Учредительнаго Собранія. Только на исходѣ бурнаго 1905 года, когда нелегально на Иматрѣ собрался первый съѣздъ партіи соціалистовъ - революціонеровъ, и программа получила окончательную свою формулировку, — въ нее было включено отчетливымъ образомъ и требованіе Учредительнаго Собранія.

Программа заканчивалась обязательствомъ партіи отстаивать свою программу «переустройства всѣхъ современныхъ порядковъ въ духѣ установленія свободнаго народнаго правленія, необходимыхъ личныхъ свободъ и защиты интересовъ труда» въ Учредительномъ Собраніи. Но вмѣстѣ и рядомъ съ этимъ дается обѣщаніе эту же программу «стремиться непосредственно проводить въ революціонный періодъ». Въ этой «непосредственности» сказалась шуйца партіи, ея происхожденіе и неизжитая связь съ унаслѣдованнымъ идеологическимъ прошлымъ: якобинизмомъ «Народной Воли» эпохи ея упадка и марксизмомъ въ его примитивнѣйшей интерпретаціи. Марксизму была отдана и другая, мо-

*) См. «Да здравствуетъ Народная Воля!» — Историческій Сборникъ. № 1. — Парижъ 1907. — Стр. 31.

жетъ быть, скорѣе словесная дань, наложившая, однако, свою печать на все послѣдующее развитіе партіи, ея идеологіи и практики.

Программа партіи соціалистовъ - революціонеровъ признавала *условно*, «въ случаѣ надобности», возможность «временной революціонной диктатуры» рабочаго класса «для реорганизаціи производства и всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ». Въ «диктатуру» программа вкладывала свой особый смыслъ, который былъ вскрытъ на съѣздѣ однимъ изъ главныхъ авторовъ программы и идеологомъ партіи Тучкинымъ - Черновымъ. «Диктатура есть такая форма власти, — говорилъ В. М. Черновъ, — которая предполагаетъ исключительныя положенія и отсутствіе нормальнаго фукціонированія государственно - правовыхъ органовъ, правильныхъ юридическихъ гарантій и т. п.». «Къ такой власти можетъ прибѣгать и большинство противъ неподчиняющагося сильнаго меньшинства, и меньшинство противъ побѣжденнаго нечаяннымъ натискомъ, но готовящагося къ реваншу большинства»*).

При таномъ толкованіи идея диктатуры, понимаемая обычно въ *формальномъ* смыслѣ, какъ насиліе меньшинства надъ большинствомъ или какъ захватъ власти меньшинствомъ, утрачивала свое антидемократическое жало. Идея диктатуры ззѣсь трактовалась въ матеріальномъ смыслѣ, по *содержанію* тѣхъ полномочій, которыми надѣлялся носитель диктатуры и которыя по своему объему совпадаютъ, въ общемъ, съ тѣмъ, что обычно разумѣютъ подъ терминомъ «сильной власти».

Какой бы смыслъ ни придавали идеологи партіи с. - р. упоминанію въ программѣ диктатуры, какъ бы ни относиться къ предлагавшемуся ими толкованію, — во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того факта, что въ то время, когда складывалась партія и вырабатывалась и принималась партійная прогрмма, въ рядахъ партіи были численно весьма значительные элементы, усвоившіе принципы народоправства не безповоротно, а условно: постольку, поскольку эти принципы могли закрѣпить побѣду революціи, обезпечить за народомъ землю и волю и приблизить къ «реорганизаціи всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ».

Въ самыхъ протоколахъ съѣзда можно найти слѣды сбивчиваго отношенія къ идеѣ Учредительнаго Собранія и какъ бы противопоставленіе требованія Учредительнаго Собранія — допущенію диктатуры, какъ мѣры, обезпечивающей завоеванія революціоннаго періода.

Такъ Поморцевъ - Вишнякъ, обращаясь къ присутствовавшимъ на съѣздѣ будущимъ основателямъ народно - соціалистической партіи Н. Ф. Анненскому, А. В. Пѣшехонову и В. А. Мякотину, поставилъ вопросъ: «преклонятся» ли они «передъ голосомъ» Учредительнаго Собранія, если оно «разорветъ формулу «Земли и Воли» и, закрѣпивъ землю за народомъ, отвергнетъ или ограничитъ народовластіе?» Отвѣчавшій на этотъ вопросъ Турскій - Пѣшехоновъ основательно замѣтилъ: «Учре-

---

*) См. **«Протоколы перваго съѣзда партіи соціалистовъ - революціонеровъ».** Заграничн. изданіе Центральнаго Комитета П. С. - Р. — 1906 г., стр. 158 - 159.

дительное Собраніе, созванное при всѣхъ гарантіяхъ на основѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права, есть для меня верховная инстанція и бунтомъ противъ *такого* собранія я не пойду» («Протоколы», стр. 95 и 96)*).

Содержаніе отвѣта давало основаніе заключить о томъ, что вопросъ предполагалъ возможность «бунта» противъ правомѣрно созваннаго Учредительнаго Собранія. Такого рода умозаключенія въ позднѣйшей партійной полемикѣ фактически и дѣлались. Между тѣмъ смыслъ вопроса, направленнаго къ выясненію разногласій, состоялъ вовсе не въ признаніи или отрицаніи права на бунтъ противъ Учредительнаго Собранія, а въ выясненіи отношенія къ принципу диктатуры: возможно ли его примирить съ требованіемъ Учредительнаго Собранія? Является ли требованіе Учредительнаго Собранія требованіемъ безусловнымъ и единственно - возможнымъ или рядомъ съ нимъ, для обезпеченія народовластія допустимо и даже необходимо установленіе «временной революціонной диктатуры?»

Съ того времени партія с. - р. очищалась дважды: отъ входившихъ до 1906 - 1907 гг. въ ея ряды, такъ называемыхъ, максималистовъ и отъ, такъ называемыхъ, лѣвыхъ соціалистовъ - революціонеровъ 1917 года. Нельзя, конечно, съ категоричностью утверждать, чтобы и послѣ двукратнаго своего очищенія партія с. - р. въ цѣломъ, вся, безъ остатка, признавала безусловную и абсолютную цѣнность демократическихъ принциповъ, самихъ по себѣ, независимо отъ всѣхъ другихъ ея политическихъ и соціальныхъ оцѣнокъ. Тѣмъ менѣе могло это имѣть мѣсто въ періодъ идеологическаго и организаціоннаго оформленія партіи.

Движеніе либерально - конституціонное или, какъ его предпочитали называть адепты, конституціонно - демократическое по преимуществу не революціоннаго, а оппозиціоннаго характера получило свое литературное выраженіе въ редактированномъ П. Б. Струве въ 1902 году «Освобожденіи». Идеологически и организаціонно близкій къ этому органу Союзъ Освобожденія появился въ 1903 г. И «Освобожденіе», и Союзъ Освобожденія были нелегальны. Но главное свое вниманіе и вліяніе они обращали на земско - городскую среду и открытую оппозиціонно - политическую работу. «Освобожденіе» объявляло себя «партіей переворота», но считало, — «съ точки зрѣнія историческихъ и политическихъ соображеній», «практически полезнымъ удержать монархическое начало въ томъ строѣ, который въ ближайшемъ будущемъ призванъ смѣнить русское самодержавіе» (№ 44, мартъ 1904 г.).

Въ октябрѣ 1904 г. состоялась въ Парижѣ Конференція «оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій россійскаго государства», на которой было выработано частичное и временное соглашеніе между рядомъ соціалистическихъ, демократическихъ и либеральныхъ партій. Въ этомъ первомъ опытѣ «коалиціи», организованномъ по иниціативѣ

---

*) При редактированіи Протоколовъ произошло смѣшеніе именъ — вѣрнѣе, псевдонимовъ — двухъ участниковъ съѣзда: Поморцева и Порошина. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя максималистическія рѣчи послѣдняго приписаны были первому, такъ же, какъ и критическія замѣчанія, направленныя противъ Порошина, адресованы ошибочно — Поморцеву.

финляндцевъ, приняли участіе представители Союза Освобожденія, Польской Національной Лиги (Liga Narodowa), Польской Соціалистической Партіи (П. П. С.), Партіи соціалистовъ-революціонеровъ, Грузинской партіи соціалистовъ - федералистовъ - революціонеровъ (Сакартвело), Армянской революціонной федераціи (Дрошакъ) и Финляндской партіи активнаго сопротивленія. Къ постановленіямъ Конференціи позднѣе присоединилась Бѣлорусская Соціалистическая Громада, а Россійская соціалъ-демократическая партія, соціалъ-демократія Польши и Литвы и Украинская революціонная партія прислали мотивированный отказъ отъ участія въ Конференціи. Декларація, изданная парижской конференціей, оставляя неприкосновенными программы и тактическіе пріемы каждаго изъ контрагентовъ, констатировала, что всѣ названныя партіи «одинаково признаютъ» однимъ изъ «основныхъ принциповъ и требованій»: «замѣну самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ»*).

Революціонная и оппозиціонная идеологія, формулировавшаяся въ значительной мѣрѣ за предѣлами Россіи, въ эмиграціи, взяла рѣзко курсъ на Учредительное Собраніе подъ вліяніемъ тѣхъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя пришлось пережить Россіи за время войны съ Японіей, послѣ убійства Плеве и подъема общественнаго и народнаго движенія.

Еще въ октябрѣ четвертаго года проф. Е. Трубецкой говорилъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ «намъ нечего» будетъ «бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага», и славилъ при этомъ «престолъ, собравшій вокругъ себя землю». (См. «Право». — Еженедѣльная юридическая газета. — СПБ. — № 39 за 1904 г). Для подцензурной печати и это казалось необычайнымъ. Е. Трубецкому вторили своими постановленіями нѣкоторыя земскія собранія.

А всего только черезъ мѣсяцъ, въ связи съ собравшимся въ Петербургѣ 6-9 ноября «частнымъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей», уже посыпались заявленія, категорически требовавшія созыва Учредительнаго Собранія. Эти заявленія, направлявшіяся къ «частному совѣщанію», исходили, правда, отъ безвѣстнаго «собранія кіевскихъ общественныхъ дѣятелей», «собранія въ Москвѣ», «слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ» и т. д.**). Самое же совѣщаніе 106 земцевъ, несмотря на свой частный характеръ, не рискнуло включить въ свои пункты требованіе Учредительнаго Собранія. Мнѣніе большинства — болѣе радикальнаго, чѣмъ меньшинство — по существу склонилось къ идеѣ Земскаго Собора. Знаменитый 11-ый пунктъ резолюціи скромно «выражалъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отече-

---

*) См. «Протоколъ конференціи» и «Декларацію» въ № 56 «Революц. Россіи» отъ 5 декабря 1905 г. и въ № 17 «Листка Освобожденія» отъ 2 дек. 1904.

**) См. «Земскій Съѣздъ 6-го и сл. ноября 1904 г.» — Краткій Отчетъ. — Парижъ. 1905. — Приложеніе.

ство на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа» (Тамъ же, стр. 17 и слѣд.).

Общественное возбужденіе зашло, однако, къ тому времени гораздо дальше того, чтобы остановиться на этой мало опредѣленной формулѣ, которую позднѣе, уже заднимъ числомъ, пробовали интерпретировать, какъ выраженіе пожеланія Учредительнаго Собранія. Политическая весна съ ея бурнымъ половодьемъ прорывала всѣ плотины и преграды и явочнымъ порядкомъ, вопреки цензурнымъ и полицейскимъ запретамъ, неудержимо внѣдряла въ общественное сознаніе идею Учредительнаго Собранія. 22-го ноября 1904 г. впервые въ легальной печати появляется сообщеніе о томъ, что въ Петербургѣ на банкетѣ представителей интеллигентныхъ профессій въ количествѣ 676 человѣкъ принято было требованіе «немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія изъ представителей всего населенія россійскаго государства». Съ газетныхъ столбцовъ, изъ полулегальныхъ собраній и открытыхъ банкетовъ, изъ отдѣльныхъ кабинетовъ и ресторановъ это требованіе перекочевало на улицу. Всѣ манифестаціи и демонстраціи дѣлаютъ его своимъ.

Возникающее въ первые дни 1905 года движеніе петроградскихъ рабочихъ первоначально не выходитъ за предѣлы экономическихъ требованій. Только съ развитіемъ движенія, въ самомъ процессѣ стачечной борьбы, оно эволюціонировало въ сторону политики. Лишь 6-го января стоявшій во главѣ движенія священникъ Гапонъ впервые присоединилъ къ экономическимъ требованіямъ «пункты» политическаго характера: амнистію, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе и «самую главную просьбу» — Учредительное Собраніе. Въ самой «петиціи», съ которой 9 января петербургскіе рабочіе съ ихъ «женами, дѣтьми и безпомощными старцами - родителями», въ числѣ «больше 300 тысячъ», пошли къ Зимнему Дворцу, пунктъ объ Учредительномъ Собраніи былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ... Не отталкивай же его (народа) помощь, прими его; повели немедленно сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій... Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ Учредительное Собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ — это самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти».

9-го января былъ нанесенъ окончательный ударъ утопической мечтѣ добиться созыва Учредительнаго Собранія путемъ всеподданнѣйшаго ходатайства и полюбовнаго соглашенія самодержавія съ народоправствомъ. И уже ночью того же краснаго воскресенья Гапонъ «разрѣшалъ» «солдатскую клятву измѣннику - царю, приказавшему пролить

неповинную кровь», и привѣтствовалъ «начало народной борьбы за свободу». Революціонное движеніе получило рѣзкій и сильный толчокъ. Послѣ девятаго января оно стало развиваться быстрѣе, шире и глубже. «Девятое января, — писалъ тогда же В. Г. Короленко, — поднялось надъ единообразіемъ нашей «равнинной исторіи», надъ ея буераками и оврагами, надъ холмиками «довѣрія» и извилинами бюрократической реакціи, — какъ первый крупный изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть можетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе — и выше, и обрывистѣе, и круче». («Русское Богатство» за 1905 г. № 1, стр. 167 - 168).

Движеніе развивалось подъ знакомъ Учредительнаго Собранія. Этотъ лозунгъ съ каждымъ мѣсяцемъ вербовалъ все новыхъ сторонниковъ, пріобрѣтая признаки требованія всенароднаго, общенаціональнаго. Зову времени отдали дань всѣ классы и профессіи. Идея Учредительнаго Собранія, казалось, покорила всѣ умы и вкусы. И отечественная литература, въ качествѣ памятника 1905 года, сохранила такія мало изящныя вирши, въ которыхъ писательское чутье взяло рѣшительный верхъ надъ послѣдними остатками художественной чуткости:

«Долой безправіе! Да здравствуетъ свобода!
И Учредительный да здравствуетъ Соборъ!»

— восклицалъ В. Г. Танъ, примиряя сторонниковъ Земскаго Собора съ защитниками Учредительнаго Собранія.

Въ условіяхъ, переживавшихся Россіей послѣ девятаго января, оставшійся нелегальнымъ Союзъ Освобожденія, естественно, не могъ не прислушаться къ единодушному голосу страны, все настойчивѣе требовавшему созыва Учредительнаго Собранія. Въ опубликованной впервые въ № 69 - 70 «Освобожденія» (отъ 20/7 мая 1905 г.) программѣ Союзъ Освобожденія находилъ, что «тяжелый, и внѣшній, и внутренній кризисъ, переживаемый Россіей, въ настоящее время настолько обострился, что народъ долженъ взять разрѣшеніе этого кризиса въ свои руки, вмѣстѣ съ другими общественными группами, выступившими противъ существующаго режима». Союзъ, поэтому, требовалъ «немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ для выработки русской конституціи». То же требованіе мы находимъ въ изданномъ приблизительно тогда же «Основномъ Государственномъ Законѣ Россійской Имперіи» съ предисловіями, примѣчаніями и объяснительной запиской. Въ первомъ предисловіи за подписью Петра Струве указывается, что текстъ Закона былъ установленъ нѣсколькими членами Союза Освобожденія еще «въ октябрѣ 1904 г., т. е. *до* январьскихъ событій». Подъ непосредственнымъ вліяніемъ январьскихъ событій въ немъ явился, можетъ быть, лишь отдѣлъ XII — «О выработкѣ и приведеніи въ дѣйствіе основного государственнаго закона». Здѣсь опредѣленно и категорически признается «единственнымъ и правильнымъ путемъ къ осуществленію программы... Созывъ Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всенароднымъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ... Только

въ такомъ случаѣ законъ этотъ будетъ исходить изъ соотвѣтствующаго его значенію источника — изъ воли народа»*).

Притягательная сила идеи Учредительнаго Собранія оказалась настолько значительной, что она вызвала даже попытку взять патентъ на этотъ лозунгъ для монопольнаго его использованія въ партійныхъ и классовыхъ цѣляхъ.

«Требованіе Учредительнаго Собранія, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполнительнаго Комитета Народной Воли Александру III**), было первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собою славянскія мечтанія, стереотипной формулѣ «Земскаго Собора». Такъ писалъ соціалъ - демократъ Л. Мартовъ въ «Искрѣ (№ 79 отъ 1 дек. 1904 г). Ему вторилъ Ф. Данъ, въ той же «Искрѣ» (№ 86 отъ 3 февраля 1905 г.) утверждавшій, что «Соціалъ - демократія *одна* несла его (лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія) рабочему классу, и, не руководя петербургскимъ движеніемъ организаціонно, она въ значительной степени руководила имъ политически»***). Когда же авторъ цитируемыхъ строкъ попытался генеалогически установить преемственную вѣрность соціалъ - демократіи идеѣ Учредительнаго Собранія, ему не оставалось упомянуть ни о чемъ другомъ, кромѣ «Соціалъ - демократа», выходившаго въ Женевѣ въ 1890 и 1892 гг. А тамъ, въ этомъ «трехмѣсячномъ литературно - политическомъ обозрѣніи», въ статьѣ по поводу голода, написанной Плехановымъ, нельзя было, увы, найти ничего иного, кромѣ противорѣчиваго *сочетанія* «стереотипной» славянофильской формулы съ требованіемъ, якобы впервые введеннымъ «партіей россійскаго пролетаріата.» «Всѣ... честные русскіе люди... — читаемъ мы въ этой статьѣ - должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль Учредительнаго Собранія, т. е. положить *основы новаго общественнаго порядка въ Россіи*» (*курсивъ* подлинника: «Соціалъ - Демократъ», — La Démocratie-Socialiste. » — 1892 г. Книга четвертая. Стр. 101).

Если одни вмѣстѣ съ ростомъ движенія пытались монополизировать притягательный для массъ лозунгъ Учредительнаго Собранія, то другіе, едва успѣвъ принять этотъ лозунгъ, вмѣстѣ съ встрясками и колебаніями, испытываемыми движеніемъ, стали колебаться и въ правильности только что принятаго ими рѣшенія. Неустойчивость обнаруживалась не только въ моменты неудачъ и пораженій. Она проявлялась и въ моменты крайняго напряженія и подъема движенія, особенно ярко сказываясь въ періоды достиженія какихъ - либо видимыхъ, хотя бы ничтожныхъ или призрачныхъ результатовъ. Именно тогда рѣзко падала

---

*) См. «**Основной государственный законъ Россійской Имперіи**» — Проэктъ русской конституціи, выработанный группой членовъ «Союза Освобожденія». — Парижъ. 1905. — Стр. 33 - 34 и VII.

**) Неточность этого утвержденія была отмѣчена въ предыдущей главѣ.

***) См. «Искра» — Центр. Органъ Росс. Соц. - Дем. Рабочей Партіи. — «За два года». — Изд. С. Салтыкова. — Стр. 202 и 266.

кривая политическихъ устремленій среднихъ, колеблющихся и малоустойчивыхъ, группъ и элементовъ.

Начиная съ указа 12 декабря 1904 г., продолжая рескриптомъ на имя Булыгина 18 февраля 1905 года, пріемомъ земской депутаціи 6 іюня и кончая учрежденіемъ Государственной Думы 6 августа, — каждая изъ этихъ датъ служила новымъ поводомъ къ тому, чтобы либерально - конституціонные круги на столбцахъ даже такихъ испытанныхъ органовъ, какъ «Русскія Вѣдомости», «Право», даже радикальный «Сынъ Отечества», — провозглашали наступленіе «новой эры», «поворотнаго дня», «новой грани въ нашей исторіи» и т. п. Стоило, однако, пройти всего нѣсколькимъ недѣлямъ вслѣдъ за «новой эрой», и тѣ, кто провозглашали ея наступленіе, сами убѣждались, что все осталось по старому. И опять ихъ политическія устремленія становились болѣе рѣшительными, ихъ оппозиція болѣе яркой и послѣдовательной впредь до слѣдующей «новой эры».

Такая двойственность создала возможность двоякаго рода толкованія политической идеологіи «освобожденческаго» или земско - городского теченія, оформившагося въ процессѣ движенія 1905 года въ самостоятельную политическую партію — конституціонно - демократическую, или партію народной свободы.

Въ іюлѣ 1905 г. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» былъ опубликованъ «Проектъ основного закона Россійской Имперіи», выработанный комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ. Этотъ проектъ отличался отъ упомянутаго выше «Основного государственнаго закона», спроектированнаго группой членовъ Союза Освобожденія, тѣмъ, что онъ не обладалъ «законченностью» послѣдняго, а «какъ бы слѣдуя установившейся у насъ законодательной практикѣ, вливаетъ новое содержаніе въ старыя формы, служа дополненіемъ, измѣненіемъ и отмѣною существующихъ законовъ» (См. редакціонную замѣтку «Русскихъ Вѣдомостей» № 180). Перепечатывая этотъ проектъ заграницей, редакторъ «Освобожденія» предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ называетъ проектъ «политической программой общеземскихъ съѣздовъ». Предисловіе датировано — «Сентябрь 1905 г»*). Ни однимъ словомъ, ни въ какомъ сочетаніи эта политическая программа объ Учредительномъ Собраніи не упоминаетъ.

А черезъ мѣсяцъ учредительный съѣздъ партіи на своемъ полулегальномъ засѣданіи 14 октября 1905 г. въ Москвѣ, во время всероссійской стачки, объявлялъ «требованія забастовщиковъ» и среди нихъ — «свободное избраніе народныхъ представителей въ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія» *общими* съ требованіями конституціонно - демократической партіи». Заявляя «свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ», к. - д. партія въ эти дни видѣла «вопросъ уже не въ томъ, согласятся ли ввести политическую свободу сверху. Вопросъ только въ

---

*) См. «**Матеріалы по выработкѣ русской конституціи.** — Выпускъ третій. Проектъ основного закона Россійской Имперіи». Выработ. комиссіей бюро обще-земскихъ съѣздовъ. — Изданіе ред. «Освобожденіе». — Парижъ 1905 года.

томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ или мирнымъ: путемъ стихійнаго взрыва или организованнаго дѣйствія народной силы».

Пятый пунктъ постановленій, принятыхъ съѣздомъ партіи на другой день послѣ изданія манифеста 17 октября, считалъ, что «Государственная Дума не можетъ быть признана правильнымъ народнымъ представительствомъ, и задачей конституціонно - демократической партіи, поэтому, остается достиженіе поставленной раньше цѣли — Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія».

Соотвѣтственно съ этимъ и депутація, такъ называемаго, «Организаціоннаго бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей», въ лицѣ Ѳ. А. Головина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина и кн. Г. Е. Львова, въ бесѣдѣ съ графомъ Витте, состоявшейся 21 октября, опредѣленно заявила: «Единственный выходъ изъ настоящаго положенія — созывъ Учредительнаго Собранія для выработки основного закона». И В. Д. Набоковъ — одинъ изъ видныхъ участниковъ и земско - городскихъ съѣздовъ, и конституціонно - демократической партіи — могъ въ то время съ безспорнымъ основаніемъ сказать, что «созывъ Учредительнаго Собранія является непосредственной и ближайшей задачей дѣятельности партіи» («Право» № 41 отъ 25 окт. 1905 г.).

А всего черезъ какихъ - нибудь двѣ недѣли новый съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся почти въ томъ же составѣ и подъ руководствомъ тѣхъ же политическихъ лидеровъ, поименнымъ голосованіемъ, большинствомъ 137 голосовъ противъ 80 столь же опредѣленно *отвергъ* предложеніе включить въ резолюцію требованіе о «созывѣ Учредительнаго Собранія».

Участники ноябрьскаго съѣзда впослѣдствіи распредѣлились между партіями «мирнаго обновленія», «союза 17-го октября», «демократическаго союза конституціоналистовъ» и т. д. Всѣ правые члены съѣзда — братья Гучковы, гр. Гейденъ, кн. Волконскій, Стаховичъ и др., естественно, голосовали противъ включенія въ резолюцію требованія Учредительнаго Собранія. Но въ этомъ голосованіи солидарными съ ними оказались и многіе члены съѣзда, принадлежавшіе къ конст. - демократической партіи и входившіе въ руководившее съѣздомъ Бюро. Отъ имени послѣдняго П. Н. Милюковъ внесъ и защищалъ резолюцію, которая и была принята большинствомъ голосовъ: 204 противъ 23. Резолюція требовала отъ правительства «немедленнаго изданія акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи, для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка»*).

*) См. Отчетъ о съѣздѣ въ «Правдѣ». — № 45 - 46, ст. 3703.

Съ созывомъ Государственной Думы, въ процессѣ ея борьбы за существованіе и расширеніе своихъ правъ, — первая часть этой формулы, вмѣстѣ съ «всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ», отпала; осталась лишь вторая — *«передача первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій»* и т. д. Такимъ образомъ видоизмѣненной формулѣ въ теченіе революціоннаго періода — конца 1905 и первой половины 1906 гг., суждено было играть роль неоффиціальнаго выраженія программно - тактическихъ взглядовъ к.-д. партіи. Оффиціальная же программа партіи, прокламируя въ 57 статьяхъ - тезисахъ основныя права гражданъ и принципы государственнаго устройства, финансовой и экономической политики и т. д., ни словомъ не упоминаетъ ни объ Учредительномъ Собраніи, ни о передачѣ учредительныхъ функцій первому собранію народныхъ представителей, ни о какомъ бы то ни было иномъ пути или методѣ воплощенія въ жизнь провозглашаемыхъ партіей началъ.

Формула о передачѣ первому народному представительству учредительныхъ функцій внесла не мало смуты въ политическое самосознаніе русской общественности. По внутреннему своему смыслу она исходила, по существу, изъ той же точки зрѣнія, съ которой кн. Григорій Волконскій, еще въ началѣ 1903 г., излагалъ свой «Взглядъ на современное положеніе въ Россіи». По мнѣнію кн. Волконскаго, «планъ русской конституціи можетъ быть успѣшно выработанъ только Учредительнымъ Собраніемъ, а это законодательное собраніе можетъ, въ свою очередь, появиться лишь съ соизволенья Государя Императора, какъ результатъ совмѣстной работы Земскаго Собора и правительства, послѣ того, какъ этотъ Соборъ высказался бы за переходъ къ конституціонной монархіи»*).

Въ передачѣ учредительныхъ функцій законодательному собранію одни склонны были видѣть отрицаніе Учредительнаго Собранія или, во всякомъ случаѣ, нѣчто весьма отличное отъ послѣдняго. «Учредительныя функціи Думы — это вовсе не равнозначуще Учредительному Собранію», заявилъ проф. Е. Трубецкой на съѣздѣ въ ноябрѣ (см. «Право» № 44, ст. 3625). Другіе хотѣли видѣть «въ учредительныхъ функціяхъ» лишь менѣе «отвлеченную и доктринерскую» постановку вопроса объ Учредительномъ Собраніи, — какъ выразился П. Н. Милюковъ**). «Если члены к.-д. партіи вотировали противъ Учредительнаго Собранія, то въ этомъ слѣдуетъ усматривать несогласіе съ названіемъ, а не съ сущностью его», — авторитетно разъяснялъ авторъ передовой статьи въ «Правѣ» № 45 - 46. «По существу не предъявляется возраженій противъ Учредительнаго Собранія, желательно лишь измѣнить названіе, въ виду того спеціальнаго характера, который придается этому понятію партіями соціалъ - демократовъ и соціалистовъ - революціонеровъ». (Тамъ же, стр. 3662).

Условность толкованія новой формулы подчеркивалась зависимо-

---

*) **Кн. Григорій Волконскій:** «Взглядъ на современное положеніе въ Россіи». — Штутгартъ. 1903. Стр. 6.

) См. **П. Н. Милюковъ: «Годъ Борьбы». — Публицистическая Хроника. 1905 - 1906. — СПБ. 1907. Стр. 123.

стью отъ того, кто, когда и предъ кѣмъ ее интерпретировалъ. Такъ П. Н. Милюковъ, обращаясь къ общественному мнѣнію не Россіи, а Западной Европы въ письмѣ въ «Correspondance Russe» писалъ тогда же: «Я говорилъ графу Витте, что при современномъ состояніи кризиса — величайшій рискъ вести Россію къ нормальному положенію путемъ тройныхъ выборовъ: въ неправильную Думу, которая составитъ правильный избирательный законъ, потомъ — въ Учредительное Собраніе, собранное на основаніи этого закона, и, наконецъ, уже — въ нормальное законодательное собраніе на основаіи хартіи, какую дастъ Учредительное Собраніе. Я говорилъ, что путь этотъ слишкомъ длиненъ, чреватъ боковыми толчками и катастрофами... и что, при недовѣріи общества къ октроированной хартіи, всего лучше сократить путь прямымъ созывомъ Учредительнаго Собранія, какъ и требуетъ того русское общество»*).

Новой политической формулѣ было придано и новое обоснованіе.

Учредительное Собраніе, согласно этому взгляду, оказывалось компетентнымъ лишь для выработки конституціи и только ея одной. Между тѣмъ разрѣшеніе и другихъ, формально неконституціонныхъ, вопросовъ также не терпитъ отлагательства. Заниматься текущей законодательной работой, выходящей за предѣлы выработки основныхъ законовъ, — Учредительное Собраніе не призвано. Ожидать созыва послѣ Учредительнаго новаго законодательнаго собранія — не позволяетъ время. Выходъ изъ положенія — возможность совмѣщенія функцій Учредительнаго Собранія съ обычными законодательными функціями — дастъ законодательное собраніе, надѣленное учредительными функціями.

Въ помощь такой конструкціи была призвана исторія. И проф. В. М. Гессенъ намѣтилъ два историческихъ типа Учредительныхъ Собраній въ зависимости отъ *способа ихъ возникновенія.* Одни Учредительныя Собранія создаются въ результатѣ торжества революціи и надѣлены суверенитетомъ. Другія созываются иногда, правда, ущербленной въ своемъ престижѣ, но все же существующей верховной властью, и потому суверенитетомъ не пользуются; во всякомъ случаѣ, — не пользуются имъ безраздѣльно. Созывъ такихъ Учредительныхъ Собраній

---

*) «Годъ Борьбы», стр. 183-184.

Пятнадцать лѣтъ спустя, возвращаясь уже въ воспоминаніяхъ къ событіямъ 1905 г., П. Н. Милюковъ нѣсколько иначе расцѣнивалъ «отвлеченную и доктринерскую» постановку объ Учредительномъ Собраніи. — Милюковъ отмѣчаетъ, что «разграничительная грань между властью и обществомъ проходила не на идеѣ Учредительнаго Собранія, а на самомъ понятіи конституціи». Приглашенный къ Витте не въ качествѣ оффиціальнаго представителя Бюро земствъ и городовъ или к.-д.-ской партіи, а «въ качествѣ частнаго лица, совѣта котораго просилъ высшій представитель власти», Милюковъ началъ съ указанія, что «положеніе слишкомъ сложно, чтобы примѣнять теоретически правильные совѣты во всей чистотѣ». Поэтому лидеръ к. - д. подалъ совѣтъ итти къ конституціи не чрезъ Учредительное Собраніе, а «кратчайшей дорогой»: составить въ спѣшномъ порядкѣ «дѣловой кабинетъ изъ приличныхъ людей», произнести самое слово «конституція» и откроировать ее въ томъ или иномъ — бельгійскомъ или болгарскомъ —

предусмотрѣнъ почти всѣми конституціями въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ объ измѣненіи конституціи.

Искусственность этой теоріи, приспособленной къ практическимъ нуждамъ времени и мѣста, Россіи 1905 года, била въ глаза. Учредительное Собраніе, не обладающее суверенитетомъ, конечно, не есть Учредительное Собраніе, начинающее собой новый правовой рядъ. И учредительныя собранія далеко не всегда возникаютъ въ результатѣ непремѣнно революціоннаго развитія событій, какъ на это указывалось выше, въ первой главѣ. Западно - европейская практика знаетъ примѣры Учредительныхъ Собраній съ заранѣе точно очерченной компетенціей. Но она знаетъ также, что обыкновенно такія Учредительныя Собранія не удерживались въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ они были созваны. Какъ правило, — они выходили далеко за эти предѣлы.

Произвольно ограничивая и съуживая компетенцію Учредительнаго Собранія, новая точка зрѣнія столь же произвольно расширяла до безпредѣльности полномочія законодательнаго собранія съ учредительными функціями. Предѣлы полномочій были намѣчены просто: путемъ арифметическаго сложенія функцій учредительныхъ съ функціями нормальнаго законодательствованія. Полученная сумма была присвоена ad hoc придуманному учрежденію. Такъ создалась новая конструкція взамѣнъ обычнаго и до того пользовавшагося общимъ признаніемъ различенія учредительнаго и законодательнаго собраній не столько по способу ихъ возникновенія, сколько по содержанію и объему ихъ полномочій или функцій. Учредительное Собраніе, осуществлящее функціи *чрезвычайнаго* законодательствованія, т. е. полномочія юридически болѣе высокаго порядка или болѣе широкаго объема, естественно, включало въ себя, какъ элементъ или проявленіе, и функціи нормальнаго законодательствованія. И ни для какого противопоставленія Учредительнаго Собранія собранію законодательному, надѣленному учредительными функціями, при такомъ пониманіи не оставалось мѣста.

Новое обоснованіе создалось подъ явнымъ давленіемъ политиче-

варіантѣ (см. «Три попытки». — Къ исторіи русскаго лже - конституціонализма. — Парижъ. 1921. — Стр. 12-13 и 23-25).

Такое толкованіе встрѣчаетъ возраженія, дѣлаемыя изъ того же историческаго далека былыми единомышленниками Милюкова. Такъ В. А. Маклаковъ, всегда находившійся на крайнемъ правомъ флангѣ партіи к. - д., а нынѣ сдѣлавшій свою спеціальность изъ разоблаченія ея былыхъ грѣховъ и винъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о прошломъ издѣвается надъ « la grande pensée du règne »— созывомъ Учредительнаго Собранія по четыреххвосткѣ (см. журналъ «Современныя Записки» № 41. — Парижъ. 1930. — Стр. 271 - 2).

Издѣвка эта даже не столько надъ Учредительнымъ Собраніемъ, сколько надъ «четыреххвосткой», къ которой, оказывается, Маклаковъ никогда не скрывалъ своего скептическаго отношенія, весьма, конечно, характерна для политическаго облика к. - д. - скаго Златоуста. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, однако, признать, что къ концу 1905 года лѣвая общественность, дѣйствительно, уже не вѣрила въ реальность и, потому, не довольствовалась требованіемъ октроированной конституціи, а настаивала на созывѣ Учредительнанаго Собранія, тогда какъ власть не рѣшалась даже произнести самое слово «конституція».

скихъ соображеній, служило оправданіемъ опредѣленнаго тактическаго плана.

Не взирая на оффиціальное заявленіе о томъ, что вопросъ, «согласятся ли ввести политическую свободу сверху», уже не существуетъ, этотъ вопросъ больнѣе другихъ тревожилъ политическую совѣсть руководителей партіи к.-д. Отвѣтственные лидеры ея не разставались съ мечтой о «реформѣ» сверху взамѣнъ «ниспроверженія» снизу. Отсюда ихъ готовность подчинить рѣшенія Учредительнаго Собранія «утвержденію Государя»; отсюда — ограниченіе компетенціи Учредительнаго Собранія «составленіемъ основного закона» взамѣнъ «полноты власти», которую могла бы не «требовать», а «взять» побѣдоносная революція; отсюда — заявленіе, что «истолкованіе термина «Учредительнаго Собранія» въ смыслѣ «республиканскихъ» стремленій только что народившейся партіи народной свободы» равносильно «клеветнической дѣятельности»; отсюда, наконецъ, — подчеркнутое отмежеваніе отъ того смысла, который придавался требованію Учредительнаго Собранія революціонными партіями*).

Соблазнившая партію к. - д. мечта не оставляла ее, несмотря на всѣ уроки жизни. Ни упорная неуступчивость власти, ни неожиданноблестящая побѣда партіи на выборахъ въ первую Государственную Думу не побудили ее отступить отъ первоначальной тактики. На партійныхъ совѣщаніяхъ, на публичныхъ собраніяхъ и лекціяхъ, въ печати и изустно В. М. Гессенъ, П. Н. Милюковъ, П. Б. Струве и другіе доказывали предпочтительность формулы «законодательное собраніе съ учредительными функціями» съ точки зрѣнія государственно - правовой, исторической и реально - политической.

Самый манифестъ 17-го октября пробовали истолковать въ смыслѣ признанія начала народнаго представительства съ учредительными функціями. «Въ манифестѣ 17 октября дальнѣйшее развитіе главнѣйшаго коренного общественнаго пожеланія — «общаго избирательнаго права» — было представлено уже не разсмотрѣнію верховной власти, а сужденію Думы. На языкѣ государственнаго права это значило, что Дума получала «учредительныя» функціи. Функціи эти были еще расширены прямымъ признаніемъ правительства, что Думѣ же принадлежитъ и окончательное изданіе законовъ о «свободахъ», вмѣсто публикуемыхъ нынѣ «временныхъ правилъ» (Тамъ же, стр. 273).

Искусственная тенденціозность такого толкованія, принадлежавшаго Милюкову, становится особенно рельефной, если вспомнить, что предшествовавшимъ семнадцатому октября манифестомъ 6 августа Государственная Дума учреждалась, какъ «особое законо-*совѣщательное* установленіе». 17-го октября Дума была преобразована въ установленіе законодательнаго характера. И только. Перемѣна была значительная. Но никакихъ спеціальныхъ учредительныхъ функцій Думѣ не было придано. И этого нельзя было прочесть ни «на языкѣ государственнаго права», ни въ текстѣ манифеста.

---

*) См. очень выразительныя въ этомъ отношеніи строки у П. Н. Милюкова: «Годъ Борьбы». — Стр. 154 - 155 и 273 - 274.

Такъ могуча и неистребима была вѣра въ «учредительныя функціи» Думы у авторовъ и апологетовъ этихъ функцій, что ея не поколебали даже акты 20 февраля 1906 г., односторонней волей верховной власти декретировавшіе сверху «Учрежденіе Государственной Думы» и, рядомъ съ нимъ — «Учрежденіе Государственнаго Совѣта». «Мы указывали уже въ нашей газетѣ, — писалъ П. Н. Милюковъ въ «Рѣчи» въ послѣднихъ числахъ марта 1906 г., — что даже и законы 20 февраля оставляютъ полную возможность «реформы», такъ какъ не относятъ подлежащія измѣненію основы нашего конституціоннаго устройства къ незыблемымъ «основнымъ законамъ». До тѣхъ поръ, пока дѣло остается въ такомъ положеніи, — созданномъ всѣми предыдущими актами, — путь «реформы» остается открытымъ и практика «учредительныхъ функцій» Думы ничѣмъ и никому грозить не могутъ... Въ перечнѣ пунктовъ, которые должны составить содержаніе будущей конституціи, ни учрежденіе Думы и Совѣта, ни избирательный законъ, ни законы о свободахъ не введены. Такимъ образомъ остается надежда, что «учредительныя функціи» Думы не встрѣтятъ препятствія въ прямомъ запрещеніи закона» (Тамъ же, стр. 274 - 275).

Наконецъ, и послѣ 23 апрѣля, когда съ изданіемъ «Основныхъ Государственныхъ Законовъ», забронировавшихъ и Учрежденія Думы и Совѣта, и избирательный законъ отъ какихъ бы то ни было «учредительныхъ» поползновеній съ чьей бы то ни было стороны, кромѣ верховной власти, когда «практика учредительныхъ функцій» Думы» отпала прежде всего потому, что была распущена самая Дума, — и тогда надежды на то, что путь «реформы» все-таки не окончательно закрытъ, не покинули тѣхъ, кто «въ постановкѣ вопроса объ Учредительномъ Собраніи русской интеллигенціей» видѣлъ лишь много «отвлеченнаго и доктринерскаго».

Помимо указанныхъ главныхъ политическихъ партій и программъ, существовали и другія. Почти всѣ онѣ датируются 1906 г., когда впервые открылась возможность легальнаго существованія партій. Нѣкоторыя изъ нихъ включили въ свои программы требованіе Учредительнаго Собранія. Такъ, «радикальная партія» считала «своей ближайшей задачей немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго для всѣхъ гражданъ и гражданокъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія»*). То же требованіе, въ нѣсколько иной редакціи: «созывъ Учредительнаго Собранія, основаннаго на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 25 лѣтъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія», — заявила и партія свободомыслящихъ (Тамъ же, стр. 33).

Наконецъ, лѣтомъ того же 1906 года выработанъ былъ проектъ программы народно - соціалистической партіи подъ лозунгомъ: «Все для народа и все черезъ народъ». Свой съѣздъ партія собрала впервые только въ іюнѣ 1917 г. Но уже въ 1906 году образовался «Организаціонный комитетъ» партіи. «Главное назначеніе проектируемой народно-

---

*) См. «Полный Сборникъ Платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій». Изд. 2-ое. — 1906. — Стр. 31.

соціалистической партіи — писалъ тогда же одинъ изъ ея основателей и идеологовъ — заполнить пробѣлъ, неизбѣжно оставляемый дѣятельностью существующихъ соціалистическихъ партій», закрытыхъ въ силу своей конспиративности для широкихъ массъ*). «Открытая и демократически настроенная» народно - соціалистическая партія стремилась «собрать» и «включить въ рамки» своей легальной организаціи эти массы, поскольку онѣ не умѣщались въ предѣлахъ остававшейся нелегальной партіи соціалистовъ - революціонеровъ, изъ рядовъ которой вышли первоначальные основатели, идеологи и лидеры новой партіи. Программа народно - соціалистической партіи возлагала свои надежды «не на диктатуру какого - либо одного класса, а на силы и волю всего народа»; она видѣла «передъ собою только одну цѣль — народное благо, и знала къ ней только одинъ путь — черезъ народную волю». «Исходя изъ основного своего положенія, что судьба народа должна быть устраиваема самимъ народомъ», народно - соціалистическая программа обѣщала добиваться созыва Учредительнаго Собранія, которое обладало бы «всей полнотой власти для устройства политической и соціальной жизни страны»**).

Организаціонный Комитетъ народно - соціалистической партіи воздержался отъ включенія въ свою программу пункта съ требованіемъ демократической республики. Формально «за установленіе въ Россіи демократической республики» н. - с. партія высказалась впервые лишь въ мартѣ 1917 года***). Такое воздержаніе отъ обычнаго для соціалистическихъ и революціонныхъ программъ требованія вызывалось не невѣрностью демократическимъ началамъ, а уклоненіемъ отъ революціоннаго принципа. Оно объяснялось соображеніями тактическими: желаніемъ во что бы то ни стало удержаться на поверхности жизни, быть легальной, не уходить въ подполье. Если не считать отмѣченнаго уклона, о народно - соціалистической программѣ можно съ полнымъ правомъ сказать, что идеологически она полнѣе всѣхъ другихъ политическихъ партій и программъ насыщена началами народоправства и народовластія.

Этимъ программамъ практически не суждено было стать достояніемъ не только широкихъ слоевъ народа, но и болѣе ограниченныхъ круговъ русскаго образованнаго общества. Народно - соціалистическую программу раздѣлялъ лишь болѣе или менѣе узкій кружокъ профессіональныхъ литераторовъ и ученыхъ, группировавшихся вокругъ журнала «Русское Богатство». О программахъ партій радикальной и свободо-

---

*) См. «Народно - Соціалистическія Обозрѣнія». — Выпускъ первый. 1906 г. — СПБ. — Стр. 6. — Ст. **В. Мякотина:** «О народно - соціалистической партіи».

) См. **«Программа трудовой (народно - соціалистической) партіи (подлежащая утвержденію учредительнаго съѣзда партіи). — Стр. 4, 5 и 14. — Сліяніе Трудовой Группы и Народно - Соціалистической партіи въ общую Трудовую Народно - Соціалистическую Партію состоялось 21 іюля 1917 г. — См. «Спутникъ избирателя въ Учредительное Собраніе». — Петроградъ 1917. — Стр. 36 и слѣд.

***) См. **«Бюллетень Московскаго Комитета Народно - Соціалистической (трудовой) партіи». № 1. — М. 1917 г. — Стр. 11. Примѣчаніе.**

мыслящихъ нельзя сказать и этого. На политической аренѣ, открытой или подпольной, литературной или какой - либо иной, представителей этихъ партій не было ни слышно, ни видно. Только въ анналахъ 1906 года можно найти самыя названія этихъ партій.

Въ революціонномъ и оппозиціонномъ движеніи начала XX-го вѣка содержаніе и развитіе политическаго самосознанія Россіи, по преимуществу, опредѣлялись идеологіей партій с. - д., с. - р. и к. - д.

На исходѣ первой фазы русской революціи, въ 1905 - 1906 гг., соціалъ - демократія политическое удареніе ставила въ своей программѣ не на «демократію», а на то, что ею подразумѣвалось подъ частицей *«соціалъ»*. Соціалисты - революціонеры, оставаясь въ принципѣ соціалистами и народниками - демократами, свою ударную силу сосредоточили прежде всего на *революціи,* въ разсчетѣ черезъ нее придти и къ демократіи, и къ соціализму*). Наконецъ, конституціонно - демократическая партія на протяженіи всего этого періода сохранила два варіанта, аспекта или лика своей идеологіи: болѣе ярко выраженный ликъ конституціонный, довѣрчиво устремленный въ сторону единенія съ монархомъ, путемъ реформы сверху; и другой — менѣе рѣшительный, временами почти конфузливый ликъ демократическій — въ сторону единенія съ народомъ и признанія началъ послѣдовательнаго народоправства. Это признаніе, впрочемъ, все - таки не доходило до того, чтобы открыто и оффиціально включить въ свою программу требованіе Учредительнаго Собранія.

Политическая дѣйствительность россійскаго абсолютизма была полярно противоположна и стихійно враждебна началамъ народоправства и народовластія. Казалось, только пылкіе мечтатели, неисправимые идеалисты и оптимисты, при всякихъ условіяхъ взыскующіе новаго града, могли думать и говорить объ Учредительномъ Собраніи, какъ воплощеніи послѣдовательнаго демократизма, въ годы безпросвѣтной реакціи XIX и XX вѣковъ. Реальнымъ политикамъ, трезвымъ и искушеннымъ, Учредительное Собраніе рисовалось настолько отдаленнымъ идеаломъ, осуществимымъ, быть можетъ, только въ весьма неопредѣленномъ историческомъ будущемъ, — что идеалъ этотъ легко было принять и выдать за идола, которому поклоняется и молится, принося свои жертвенныя гекатомбы, свободолюбивая, но безпочвенная и доктринерская русская интеллигенція.

Пока Учредительное Собраніе оставалось въ мірѣ идей, мечтой, которой жили и за которую умирали поколѣнія русскихъ народолюбцевъ, борцовъ за право и права народа, оно не получило ни достаточно полнаго

---

*) Послѣ роспуска первой Государственной Думы Центральный Комитетъ россійской соціалъ - демократіи (въ нее входили тогда и большевики, и меньшевики) выдвинулъ лозунгъ: «Возобновленіе сессіи Думы для созыва Учредительнаго Собранія», замѣненный вскорѣ другимъ — «Борьба съ правительствомъ въ защиту Думы въ цѣляхъ созыва Учредительнаго Собранія!». 21 іюля 1906 г. межпартійное собраніе лѣвыхъ партій, съ участіемъ представителей Р. С. Д. Р. П., П. С. Р., Бунда и Исполнительнаго Комитета Трудовой группы и соціалъ - демократической фракціи Государственной Думы, въ воззваніи «Ко всему народу» выдвинуло лозунгъ: «Не безвластная Дума, а полновластное Учредительное Собраніе».

и послѣдовательнаго обоснованія, ни даже всеобщаго и безспорнаго признанія. Политическое самосознаніе оставалось еще далекимъ отъ того, чтобы признать Учредительное Собраніе цѣнностью безусловной и абсолютной, самой себѣ довлѣющей, независимо ни отъ какихъ преходящихъ обстоятельствъ и соображеній партійной стратегіи или тактики.

Чтобы могло родиться и окрѣпнуть такое сознаніе, мало было пораженія революціи 1905 - 1906 г. Недостаточной, увы, оказалась и побѣда революціи въ мартѣ 1917 г.

IV. — РЕВОЛЮЦІЯ 1917 г.
И ВСЕРОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

Изъ міра идей въ міръ вещей. — Универсальная клятва вѣрности Учредительному Собранію. — Непредрѣшимость воли будущаго хозяина русской земли. — Затяжной характеръ власти Временнаго правительства и срокъ выборовъ въ Учредительное Собраніе. — Кто виноватъ? — Объективныя причины отсрочекъ и запозданія. — Повышенныя требованія и организаціонно - техническія трудности. — Срокъ выборовъ, какъ пунктъ партійно-политической борьбы. — Особое Совѣщаніе по изготовленію закона о выборахъ въ У. С. — Отношеніе къ нему и къ его задачамъ со стороны русской общественности. — Основныя начала наиболѣе демократическаго избирательнаго закона въ мірѣ. — «Мертворожденный» законъ въ лимитрофныхъ странахъ. — Русскій прецедентъ и западно - европейская практика послѣ войны. — Выборы во Всероссійское Учредительное Собраніе. — Всероссійская Комиссія по выборамъ. — «Обезпеченіе созыва въ срокъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія», какъ одинъ изъ лозунговъ большевицкаго переворота. — Легкость переворота и разсчетъ на большинство въ У. С. — Цыфровые итоги. — Побѣда оппозиціи и перемѣна позиціи. — Совѣты, какъ единственно возможная форма диктатуры пролетаріата.

1.

Февральская революція 1917 г. въ своемъ очистительномъ вихрѣ сразу перенесла требованіе Учредительнаго Собранія изъ сферъ отвлеченныхъ и спорныхъ вопросовъ на твердую почву реальности. Изъ міра чистыхъ идей Учредительное Собраніе перешло въ міръ осязаемыхъ вещей. То, о чемъ раньше лишь мечтали, что было лишь предметомъ программно - тактической дискуссіи и цѣлью борьбы, сразу стало на очередь дня, какъ фактъ непререкаемый.

Съ побѣдой революціи необходимость Учредительнаго Собранія стала всеобщей самоочевидностью. Учредительное Собраніе побѣдило всѣ сомнѣнія и предразсудки, не встрѣчая ни съ чьей стороны возраженій. Оно стало общепризнаннымъ, наиболѣе близкимъ и дорогимъ для всѣхъ словъ и классовъ, партій и группъ народа. Въ преданности и вѣрности Учредительному Собранію стали соревновать даже недавніе и самые ожесточенные его враги.

Пунктъ о «немедленной подготовкѣ къ созыву на началахъ всеоб-

щаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны», вошелъ въ число тѣхъ восьми «обязательствъ», которыя приняло на себя Временное революціонное правительство, составившееся по соглашенію двухъ самочинно возникшихъ въ революціонные часы учрежденій — Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Это обязательство было оглашено въ первомъ же «Обращеніи къ народу» 2-го марта, за подписью предсѣдателя IV-ой Государственной Думы Родзянко, предсѣдателя совѣта министровъ кн. Львова и членовъ правительства. Пунктъ объ Учредительномъ Собраніи неизмѣнно фигурировалъ во всѣхъ декларацiяхъ и программахъ, съ которыми обращались къ народу и общественному мнѣнію смѣнявшіяся съ марта по октябрь 17 года правительства.

Къ будущему Учредительному Собранію аппелировалъ 3-го марта и вел. князь Михаилъ Александровичъ, отказавшись воспріять «наслѣдіе» — верховную власть — отъ брата своего Николая II. «Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ» великій князь «твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго». Одновременно М. А. Романовъ обращался съ «просьбой» ко «всѣмъ гражданамъ державы россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

Министры всѣхъ составовъ — соціалисты, к.-д., октябристы и иные, при вступленіи въ должность присягая на вѣрность службы народу Державы Россійской, подкрѣпляли свою присягу вѣрности клятвой: «Клянусь принять всѣ мѣры для созыва въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительнаго Собранія, передать въ руки его полноту власти, мною совмѣстно съ другими членами Правительства временно осуществляемую, и преклониться предъ выраженною симъ собраніемъ народной волей объ образѣ правленія и основныхъ законахъ россійскаго государства».

Армія присягала на вѣрность Временному правительству до выполненія имъ взятаго на себя обѣщанія созвать Учредительное Собраніе въ возможно кратчайшій срокъ. Безчисленные съѣзды различнаго рода организацій профессіональныхъ, національныхъ, общественныхъ и иныхъ составляли постановленія съ выраженіемъ преданности революціи, Временному правительству и «будущему хозяину земли русской» — Учредительному Собранію. Оффиціальные органы православной церкви, размышляя о судьбахъ православія въ обновленной Россіи, выска-

зывали убѣжденіе, что «Учредительному Собранію предстоитъ лишь закрѣпить въ основныхъ законахъ тѣ начала, которыя съ логической послѣдовательностью вытекаютъ изъ новаго порядка вещей... Учредительному Собранію предстоитъ провести у насъ съ логической послѣдовательностью свободу совѣсти и культовъ» («Всероссійскій Церковно - Общественный Вѣстникъ». — Подъ редакціей петроградской Духовной Академіи. — № 6. — Апрѣль 1917).

Отдѣльные слои и группы населенія опасались только одного: какъ бы они не оказались обойденными въ правѣ принять участіе въ рѣшеніи стоявшихъ передъ міромъ, Россіей и ими, этими отдѣльными группами и слоями, проблемъ, какъ бы ихъ мнѣніе и интересы оказались не представлены въ будущемъ Учредительномъ Собраніи. Не только «русскіе солдаты и матросы, сражающіеся на поляхъ Франціи и въ горахъ Македоніи», просятъ Временное Правительство ихъ «не забыть» и «дать право участвовать въ рѣшеніяхъ Учредительнаго Собранія путемъ выбора нашего депутата». О томъ же ходатайствуютъ и спеціальныя депутаціи отъ отдѣльныхъ частей дѣйствующей арміи на русскомъ фронтѣ. Того же домогаются и делегаціи отъ женскихъ организацій, отъ жителей малонаселенныхъ окраинъ, отъ многочисленныхъ разноплеменныхъ, разноязычныхъ и разноисповѣдныхъ группъ, составляющихъ въ своей совокупности Россію.

Въ иной политической атмосферѣ, нежели та, въ которой протекала русская революція въ мартѣ 1917 г., можетъ быть, такія ходатайства и не возникли бы. Въ единственно данной исторіи обстановкѣ начала 17 года эти ходатайства неизмѣнно встрѣчали единодушное сочувствіе со стороны всѣхъ слоевъ общества и всего состава Временнаго правительства.

Столицы и провинція, фронтъ и тылъ, церковь и чиновничество, національности и профессіи, мужчины и женщины, правые, лѣвые, умѣренные, всѣ приняли Учредительное Собраніе съ единодушіемъ и энтузіазмомъ. Но одни приняли Учредительное Собраніе, какъ *путь*, единственно возможный и оставшійся, къ возстановленію прорыва въ правѣ и государственной жизни, который внесла революція: «Созыва Учредительнаго Собранія должны желать партіи, стремящіяся къ возстановленію порядка, неизмѣримо больше, — писалъ въ «Новомъ Времени» № 14702 проф. Ал. Пиленко, — чѣмъ тѣ партіи, которымъ выгоденъ безпорядокъ». Другіе видѣли въ Учредительномъ Собраніи не только путь, но и *методъ* установленія новаго правопорядка. Будучи способомъ построенія новаго правового ряда и государственности, Учредительное Собраніе и само по себѣ было опредѣленной правовой и государственной *формой* воплощенія народоправства и народовластія. Оно въ извѣстномъ смыслѣ уже предрѣшало, если не форму правленія будущей Россіи, то ея политическія основы. Ибо, какъ общее правило, можно считать установленнымъ, что Учредительныя Собранія никогда не ухудшаютъ, въ смыслѣ демократизма, того избирательнаго закона, на основаніи котораго они созываются. Обыкновенно они его санкціонируютъ, внося только нѣкоторыя поправки и усовершенствованія.

Такая перспектива, конечно, уже противорѣчила политическимъ

устремленіямъ правыхъ. Пуришкевичъ могъ объѣзжать полки и призывать офицеровъ и солдатъ къ повиновенію Временному правительству, «какъ единственной власти, существующей въ настоящее время въ странѣ до созыва Учредительнаго Собранія» («Солдатское Слово» № 1 отъ 4 марта 1917 г. — Листокъ для войскъ и народа издается по распоряженію Военной Комиссіи). Но онъ не желалъ, конечно, чтобы ненавистная «четыреххвостка» легла въ основу государственнаго устройства Россіи навсегда.

Именно тѣ — правые и умѣренные — которые считали Временное правительство «единственной существующей властью», которые, видя въ немъ единственный устой разбившейся русской государственности, облекали его «всей полнотой власти», не только правительственной, но и законодательной и верховной, тѣ самые непослѣдовательно и противорѣчиво доказывали, что даже временныя и условныя рѣшенія правительства предрѣшаютъ волю будущаго Учредительнаго Собранія и являются узурпацией его правъ, ограниченіемъ его свободнаго волеизъявленія.

Такъ было при обостреніи въ ходѣ революціи вопросовъ національнаго, соціальнаго, политическаго. Предрѣшеніемъ воли грядущаго Учредительнаго Собранія аргументировали тѣ изъ членовъ Временнаго правительства, которые покинули его ряды 2-го іюля: заключенный съ Украиной «международно - правовой» договоръ, говорили министры - кадеты, сковываетъ свободу рѣшеній и ограничиваетъ полновластіе Учредительнаго Собранія. Несогласіемъ «поставить Учредительное Собраніе передъ фактомъ уже разрѣшеннаго вопроса» о землѣ мотивировалъ свой уходъ изъ правительства первый министръ - предсѣдатель Временнаго правительства кн. Львовъ. Тѣмъ же нежеланіемъ, чтобы Учредительное Собраніе очутилось предъ разрѣшеннымъ фактически вопросомъ о землѣ, диктовался и законопроектъ о временной пріостановкѣ и запрещеніи частныхъ сдѣлокъ на землю, который вызвалъ уходъ кн. Львова. Подобныя ссылки и упреки повторялись и позднѣе, въ частности — когда правительство Керенскаго, послѣ выступленія генер. Корнилова, провозгласило Россію республикой*).

Отсюда и тенденція заранѣе ограничить компетенцію и полновластіе будущаго Учредительнаго Собранія установленіемъ только формы,

---

*) И въ 1924 г., уже въ эмиграціи, воспроизводились тѣ же никчемные укоры по поводу того, что «3 сентября 1917 г., совершивъ величайшее надругательство надъ идеей Учредительнаго Собранія, узурпировавъ основныя его права, А. Ф. Керенскій со своими 10-12 товарищами провозгласилъ Россію республикой» (см., напримѣръ, ст. А. И. Изгоева въ издававшейся въ Берлинѣ газетѣ «Руль» № 1013).

Рядомъ съ этимъ любопытно сопоставить мнѣніе иностранца, сумѣвшаго у себя въ Чехословакіи провести успѣшно національную революцію. Э. Бенешъ пишетъ о русскихъ соціалистахъ: «Радикальные въ своихъ лозунгахъ, они остались рабами, такъ называемой, народной воли... Они не рѣшались провозгласить республику, пока ихъ не заставили, не рѣшались издать земельнаго закона безъ Учредительнаго Собранія, не рѣшались ввести смертную казнь въ арміи или ограничить свободу соотвѣтственно требованіямъ исключительной обстановки. Они явились жертвами демократической теоріи» («Prager Presse» отъ 2 октября 1927).

или образа правленія и конституціи страны. Генетически связанная съ представленіемъ объ Учредительномъ Собраніи, защищавшимся нѣкоторыми идеологами к. - д. - ской партіи въ 1905 г., тенденція эта получила оффиціальное выраженіе въ формулировкѣ «обязательствъ» и въ текстѣ «присяги», которую приносили члены Временнаго правительства. Выработанная к. - д. - скими юристами и политиками, присяга обѣщала «преклониться предъ выраженною симъ (Учредительнымъ) Собраніемъ народною волей объ образѣ правленія и основныхъ законахъ россійскаго государства».

Создавалось трагическое и безвыходное положеніе. Временное правительство надѣлено было всей полнотой власти: «Власть Временнаго правительства, если хотите, власть выше самодержавной, — говорилъ на к. - д. - ской конференціи входившій въ составъ правительства Н. В. Некрасовъ, — выше той власти, которой обладалъ царь и Государственная Дума, въ отдѣльности, потому что эта власть — въ полномъ объемѣ законодательная и исполнительная». И столь неограниченная власть, оказывается, не должна была никакъ проявлять своихъ правомочій, не рискуя вызвать обвиненіе въ покушеніи на присвоеніе высшей и единственно правомѣрной власти грядущаго Учредительнаго Собранія. Возникшее, въ частности, для заполненія пробѣла въ правѣ и государственномъ порядкѣ, созданнаго крушеніемъ стараго строя, Временное правительство осуждалось такимъ образомъ на бездѣятельность, на длительное выжиданіе Учредительнаго Собранія. Прерывъ и прорывъ въ правѣ и государственности отъ того, конечно, не затягивались, а, наоборотъ, лишь растягивались во времени и въ пространствѣ.

Практика русской революціи была не той, какой она была въ повоенныхъ революціяхъ Германіи, Австріи, Чехословакіи, Польши и т. д. Неудача русской практики, заминка съ выработкой закона о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе и съ самыми выборами, какъ и слишкомъ, можетъ быть, щепетильное отношеніе къ самому порядку не только выборовъ, но и къ порядку выработки закона о выборахъ, вѣроятно и послужили нѣкоторымъ урокомъ и предостереженіемъ для западно-европейской практики. Тамъ правительства дѣйствовали смѣлѣе, и ихъ рѣшимость не вызывала ни въ нихъ самихъ, ни у ихъ друзей или враговъ сомнѣній въ узурпаціи власти или предрѣшеніи воли будущаго Учредительнаго Собранія. Тамъ правительство, возникшее въ порядкѣ революціи, брало на себя смѣлость провозглашать временную форму правленія и, въ порядкѣ неотложной спѣшности, декретировать систему выборовъ.

28 октября 1918 г. Національный Комитетъ въ Прагѣ захватилъ власть, а Національный Совѣтъ въ Парижѣ провозгласилъ чешскую независимость. А уже 13 ноября, т. е. 16 дней спустя, Національный Комитетъ развернулся въ Національное Собраніе. — 9-го ноября 1918 г. произошла революція въ Германіи, 30 ноября «Совѣтъ Народныхъ Уполномоченныхъ» уже утвердилъ законъ о выборахъ въ Національное Учредительное Собраніе, 19 января произведены были самые выборы, а 6 февраля 1919 г. открылось и Собраніе: 11 февраля Учредительное Собраніе избрало Эберта президентомъ республики, поручившимъ Шей-

деману образовать первый пореволюціонный регулярный кабинетъ. Между низверженіемъ стараго монархическаго режима и правовымъ закрѣпленіемъ новаго, республиканскаго прошло всего три мѣсяца. — И въ Польшѣ Временное правительство Дашинскаго провозгласило въ Люблинѣ независимость польскаго государства 9 ноября 1918 г.; меньше чѣмъ черезъ 2 недѣли, 22 ноября, опубликована была временная конституція, а уже 9 февраля открылся «Уставодачный сеймъ», избранный на основѣ «пятихвостки», т. е. всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія съ примѣненіемъ пропорціональнаго представительства. — И въ Австріи республика была провозглашена 12 ноября, а Учредительное Собраніе выбрано 16 февраля 1919 г. И т. д. Переходные періоды и власть Временныхъ правительствъ, какъ правило, не нарушенное и испанской революціей 1931 г., — крахъ режима 14 апрѣля, выборы въ Учредительные Кортесы 28 іюня и самые Кортесы 14 іюля, — длятся въ среднемъ *три мѣсяца.*

Конечно, существенную роль здѣсь играетъ превосходство общей культуры западныхъ государствъ и рядъ невыгодныхъ для Россіи гео - политическихъ условій: огромная протяженность страны, рѣдкая населенность, плохіе и недостаточные пути сообщенія, низкая грамотность и, главное, общая политическая отсталость 90-милліоннаго избирательнаго корпуса. Но на ряду съ неопытностью и непріобщенностью и русскаго образованнаго общества къ техникѣ государственнаго управленія, и русскихъ народныхъ массъ — къ практикѣ политическаго самоуправленія, было и другое. Былъ энтузіазмъ неискушенной вѣры въ необходимость и въ возможность безболѣзненнаго перехода къ новому строю съ общаго согласія и съ соблюденіемъ всѣхъ требованій справедливости.

Къ хору голосовъ, отстаивавшихъ необходимость созыва Учредительнаго Собранія и раньше, до революціи, присоединились голоса неофитовъ и прозелитовъ. И съ ходомъ революціи голоса послѣднихъ стали звучать все громче и все настойчивѣе. Одни изъ нихъ, вмѣстѣ съ Временнымъ правительствомъ и всячески поддерживая его власть, старались «довести страну до Учредительнаго Собранія». Другіе, съ неменьшей энергіей, старались подорвать власть Временнаго правительства, мотивируя свои дѣйствія тою же вѣрностью идеѣ Учредительнаго Собранія и желаніемъ «обезпечить созывъ Учредительнаго Собранія», якобы «саботируемый правительствомъ».

Такъ соревнуя другъ съ другомъ въ преданности Учредительному Собранію и клянясь одинаково именемъ его, шли въ процессѣ революціи къ своимъ собственнымъ и разнымъ цѣлямъ отдѣльные классы, партіи, національности и группы Россіи. *Исторія русской революціи постепенно сливается съ исторіей изготовленія закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе, съ выборами въ него и съ нимъ самимъ.*

2.

Роковую для судебъ русской революціи роль сыгралъ затяжной характеръ власти Временнаго правительства. *Временныя* правительства

— неизбѣжное слѣдствіе побѣдоносной революціи. И другія революціи знали отсрочки съ выборами въ Учредительное Собраніе. Но онѣ не знали такой длительной просрочки, какая произошла въ Россіи 1917 г. И французская февральская революція 1848 г. столкнулась съ необходимостью отсрочки выборовъ въ Учредительное Собраніе. Но послѣднее все же открылось уже 4 мая, т. е. по истеченіи всего $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ послѣ революціоннаго взрыва. Въ Россіи 1917 г. по истеченіи 3 мѣсяцевъ послѣ февральскаго взрыва приступили лишь къ выработкѣ законопроекта о выборахъ.

Произошло это по многимъ причинамъ: общимъ и спеціальнымъ, объективнаго и случайнаго порядка.

Все, что въ другія эпохи въ другихъ странахъ назрѣвало постепенно и разрѣшалось частично, все это совпало во времени въ Россіи начала XX вѣка. Нигдѣ и никогда не бывало, чтобы странѣ приходилось рѣшать одновременно такое множество сложнѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ — политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ, національныхъ, — которые сгрудились со всѣхъ концовъ необъятной и разноплеменной Россіи и, за вѣка тьмы и неволи, настойчиво требовали немедленной постановки на очередь дня. Эти трудности неимовѣрно осложнялись обстановкой міровой войны, въ разгарѣ коей, не считаясь ни съ чьими страхами или надеждами, революція разразилась внезапно, молніеносно.

Условія непроѣзжей, на три четверти малограмотной страны, лишенной необходимыхъ для выборовъ правовыхъ и техническихъ средствъ и органовъ, впервые въ своей исторіи, и при томъ въ обстановкѣ незаконченной войны, осуществлявшей переходъ къ демократическому порядку, мало благопріятствовали скорой ликвидаціи переходнаго періода и связанной съ нимъ неустойчивости власти. Русская революція въ силу множественности и сложности своихъ заботъ шла отъ случая къ случаю, отвлекаемая изо дня въ день насущными, не терпящими никакого промедленія нуждами. Процессъ распыленія и взаимнаго отталкиванія все быстрѣе сталъ обгонять положительные процессы творчества и сплоченія. Вопросы войны и мира и внутренней хозяйственной и политической разрухи вызывали частые министерскіе кризисы, отвлекавшіе вниманіе и отнимавшіе время и у власти, и у общественности, и у народныхъ низовъ.

По идеѣ, совершенно отвлеченной и внѣжизненной, Временное правительство, можетъ быть, и не должно было быть вовсе властью, а лишь «Избирательной комиссіей для выборовъ въ Учредительное Собраніе», — какъ на этомъ настаиваетъ А. М. Кулишеръ и Юніусъ (см. «Послѣднія Новости» отъ 8 дек. 1926 г и 11 іюля 1929 г). Но реальная обстановка, особенно во время войны, менѣе всего терпѣла, хотя бы и временное, безгосударственное состояніе, пока «первоисточникъ» власти — народъ-учредитель — вновь затянетъ образовавшійся пробѣлъ въ правѣ и государственности. Не рискуя быть сметеннымъ, Временное правительство никакъ не могло удовольствоваться одной безобидной функціей подготовительнаго органа для выборовъ.

Не могло оно послѣдовать прецеденту, установленному царскимъ

правительствомъ въ 1905 - 1906 гг. при переходѣ къ псевдо - конституціонализму, когда Витте поставилъ первую Государственную Думу передъ fait accompli — передъ уже утвержденными новыми Основными законами. Путь Витте для власти, вышедшей изъ революціи, былъ заказанъ*). И логическая послѣдовательность, и правовая техника, и общая политическая атмосфера весенней и безкровной февральской революціи одинаково требовали, чтобы *до* выборовъ во Всероссійское Учредительное Собраніе созданы были на мѣстахъ учрежденія, коимъ населеніе могло бы довѣрить сложную и отвѣтственную работу по составленію избирательныхъ списковъ и производству самыхъ выборовъ. Выборы въ Учредительное Собраніе предполагали предварительную реорганизацію на демократическихъ началахъ органовъ мѣстнаго, земскаго и городского самоуправленія. Это требовало времени, затягивало и отсрочивало на мѣсяцы выборы въ Учредительное Собраніе. Но въ обстановкѣ 17 года казалось самоочевиднымъ для всѣхъ, что необходима «честная игра», и, потому, всѣ одинаково были озабочены, чтобы выраженная на выборахъ воля народа не могла быть оспорена техническими или политическими дефектами ея обнаруженія.

Запозданіе съ выборами въ Учредительное Собраніе признается единодушно одной изъ главныхъ причинъ срыва русской революціи. Но въ объясненіи этой причины мнѣнія сильно расходятся.

Слѣва выдвигалось указаніе, что «въ нашихъ «государственно - мыслящихъ сферахъ» не малую силу имѣла тайная мысль, что съ Учредительнымъ Собраніемъ лучше бы дождаться конца войны... Предпочитали пустить его въ ходъ, когда все уляжется» и спадетъ первое революціонное «повышеніе температуры»*(В. М. Черновъ* въ сборникѣ статей различныхъ авторовъ «Годъ русской революціи». — Москва. Изд. «Земля и Воля». 1918. — Стр. 51). Выдвигается и болѣе рѣшительное и прямое обвиненіе противъ правительства Львова - Милюкова «въ замедленіи созыва Учредительнаго Собранія» *(Н. В. Святицкій* въ сборникѣ статей различныхъ авторовъ «Большевики у власти». — Москва. 1918. — Стр. III). Или въ «преднамѣренной медлительности при организаціи подготовительныхъ работъ по выработкѣ Положенія о выборахъ» *(П. Розенталъ* въ книгѣ «Жизнь и смерть Учредительныхъ Собраній». — Изд. «Книга» 1918. — Стр. 16).

Дѣйствительно, на мартовскомъ съѣздѣ к. - д. - ской партіи московскій делегатъ Овчинниковъ предлагалъ отложить выборы въ Учредительное Собраніе до окончанія войны «въ интересахъ кореннаго русскаго населенія, находящагося въ оккупированныхъ Германіей мѣстностяхъ и въ интересахъ русскихъ военноплѣнныхъ». То же защищалъ въ своихъ публикаціяхъ и московскій прив. - доц. И. А. Ильинъ. Но эти

*) Въ «Журналѣ» совѣта министровъ планъ Витте формулированъ былъ такъ: «отсрочить составленіе основныхъ законовъ до созыва Думы и произвести пересмотръ ихъ при ея участіи невозможно, что значило бы вмѣсто приступа къ дѣловой, созидательной работѣ, вовлечь впервые собранныхъ представителей населенія въ опасныя и безплодныя пренія о предѣлахъ собственныхъ ихъ правъ и природѣ отношеній ихъ къ Верховной власти» (С. Ю. Витте: «Воспоминанія». — Берлинъ. 1922. — Т. 2-ой, стр. 260).

настроенія не были преобладающими среди умѣренныхъ круговъ русской общественности въ первые мѣсяцы революціи. Въ это время лица, входившія въ составъ правительственныхъ органовъ, и руководимыя правительствомъ «государственно - мыслящія сферы» формально обязывались способствовать созыву Учредительнаго Собранія въ возможно болѣе краткій срокъ.

«Необходимость возможно скорѣйшаго созыва Учредительнаго Собранія диктуется всей совокупностью обстоятельствъ, — писалъ 25 марта въ своемъ докладѣ объ Учредительномъ Собраніи 7-му съѣзду к. - д. Ф. Ф. Кокошкинъ. Тотъ режимъ, которымъ въ настоящее время управляется Россія, по самому существу своему носитъ временный характеръ, и онъ долженъ вылиться возможно скорѣе въ окончательныя формы при помощи Учредительнаго Собранія, а съ этимъ закрѣпленіемъ окончательныхъ формъ государственной жизни Россіи медлить долго нельзя. Возникаютъ и другіе вопросы (о будущемъ мирѣ), которые настоятельно требуютъ своего разрѣшенія именно черезъ Учредительное Собраніе. Нужно считать созывъ Учредительнаго Собранія въ возможно скорѣйшемъ времени дѣломъ не только обязательства Временнаго правительства, но дѣломъ необходимости для всей страны» (См. «Учредительное Собраніе». — Изд. партіи «Народной Свободы». — Петроградъ. 1917. — Стр. 4 и 5)*).

Съ первыхъ же дней революціи правительство дѣятельно работало надъ созданіемъ организаціонныхъ и техническихъ предпосылокъ для выборовъ въ Учредительное Собраніе. 30 марта опубликовано было Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи по изготовленію проекта закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Правительство назначило въ его составъ «спеціалистовъ по вопросамъ государственнаго права, представителя статистической науки и другихъ свѣдущихъ лицъ», въ количествѣ 13 человѣкъ. Вмѣстѣ съ ними былъ приглашенъ, согласно указаніямъ «политическихъ и національно - политическихъ теченій Россіи», рядъ «политическихъ и общественныхъ дѣятелей, представляющихъ главныя политическія и національно - политическія теченія Россіи». Ихъ было до 70 человѣкъ, ибо всѣ хотѣли принять участіе въ выработкѣ предрѣшающаго будущее избирательнаго закона; всѣ хотѣли убѣдиться въ томъ, что законъ не нарушитъ ничьихъ групповыхъ интере-

---

*) Въ своей «Исторіи (второй) русской революціи» **П. Н. Милюковъ** сообщаетъ, что «у перваго состава Временнаго правительства (въ который входилъ и авторъ) сложилось убѣжденіе, что привлечь къ выборамъ и армію можно лишь въ моментъ затишья военныхъ операцій, т. е. не раньше поздней осени» (Т. I. Выпускъ 1-й, — Софія. 1920. — Стр. 68).

И **В. Д. Набоковъ** въ воспоминаніяхъ, написанныхъ въ моментъ полнаго разочарованія и раздраженія противъ прошлаго, въ которомъ онъ принималъ видное и самое активное участіе, писалъ: «Если бы Временное правительство чувствовало подлинную реальную власть, оно могло сразу объявить, что созывъ Учредительнаго Собранія произойдетъ по окончаніи войны, — и это, конечно, по существу было бы единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса послѣ того, какъ отказъ Михаила Александровича сдѣлалъ необходимой постановку вопроса о формѣ правленія. Но временное правительств не чувствовало реальной силы» и т. д. (См. «Архивъ русской революціи», издаваемый І. В. Гессеномъ. — Т. I. — стр. 72).

совъ и правъ*). Впрочемъ, когда Совѣщаніе приступило къ практической, въ значительной своей части технической и спеціальной работѣ, фактическихъ участниковъ Совѣщанія оказалось вдвое меньше первоначальнаго числа его членовъ и замѣстителей.

Къ 15 апрѣля выработана была реформа городского самоуправленія. Утвержденіе же новыхъ законовъ о выборахъ въ волостное, уѣздное и губернское земство задержалось больше, чѣмъ на мѣсяцъ — до 21 мая — изъ - за затянувшагося правительственнаго кризиса. Нельзя признать вѣрнымъ утвержденіе П. Н. Милюкова, будто «все, что вообще было сдѣлано въ этой области (коренной реорганизаціи мѣстнаго управленія и самоуправленія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ) было уже подготовлено при первомъ составѣ Временнаго правительства», и что къ этому времени были выработаны уже и «основныя положенія» избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе. Но не болѣе точно и обратное утвержденіе В. М. Чернова, будто «лишь коалиціонное правительство (въ которое входилъ Черновъ) провело законы о волостномъ, а затѣмъ объ уѣздномъ и губернскомъ земствахъ» и что «послѣ кризиса перваго цензоваго Временнаго правительства дѣло (съ Учредительнымъ Собраніемъ) пошло быстрѣе».

Первое засѣданіе Особаго Совѣщанія было назначено лишь на 25 мая. Произошло это въ значительной мѣрѣ потому, что въ первые мѣсяцы революціи соціалистическая и совѣтская демократія не дооцѣнивала значенія скорѣйшаго созыва Учредительнаго Собранія. Увлекаемая стихійнымъ потокомъ событій и все больше переставая ими владѣть, она разсѣивала свое вниманіе и силы, отвлекалась отъ главнаго. Только въ началѣ мая были намѣчены ея кандидаты въ члены Ососбаго Совѣщанія. Не переставая «давить» и «контролировать» Временное правительство, съ первыхъ же дней его образованія довѣряя ему лишь условно, Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и лѣвые круги соціалистическихъ партій относились опасливо и къ созданному правительствомъ Совѣщанію. Остерегаясь численнаго засилія «цензовыхъ элементовъ», «революціонная демократія» всячески настаивала на увеличеніи своего представительства въ Особомъ Совѣщаніи. Опасаясь, съ другой стороны, итоговъ работъ Совѣщанія, она занялась самостоятельнымъ проектированіемъ закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Огромная потеря темпа, обозначившаяся въ приступѣ къ изготовленію

*) Въ качествѣ спеціалистовъ были назначены: Кокошкинъ(предсѣдателемъ), Авиновъ (секретарь), Аджемовъ, Водовозовъ, Гальпернъ, В. Гессенъ, Зарудный, Котляревскій, Лазаревскій, Лаппо - Данилевскій, Маклаковъ, Набоковъ и Нольде.

Были приглашены: отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — Чхеидзе, Брамсонъ, Добраницкій, Понтовичъ, Святицкій и Соколовъ; отъ Всероссійскаго совѣта крестьянскихъ депутатовъ — Пит. Сорокинъ, Гуревичъ, Фокѣевъ, Абрамовъ, Меркуловъ и Гордіенко; временные представители отъ фронта — Фроловъ и Липеровскій; позднѣе: отъ сѣвернаго фронта — Герчиковъ, отъ западнаго — Гомбаргъ, отъ юго - западнаго — В. Алексѣевскій, отъ румынскаго — Городищевъ, отъ кавказскаго — Сокольцовъ; отъ прогрессивныхъ націоналистовъ — Благонравовъ; отъ земцевъ - октябристовъ — Савичъ; отъ лѣвыхъ октябристовъ — Арефьевъ; отъ партіи центра — Басаковъ; отъ прогрессистовъ — Ефремовъ; отъ партіи народной свободы

закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе, не была наверстана и въ дальнѣйшемъ. Здѣсь дѣйствовала та же основная причина — обостреніе соціальныхъ чертъ революціи, расхожденія и отходы отъ февральской революціи разочаровавшихся въ ней и, связанные съ тѣмъ и другимъ, перманентные кризисы власти.

По національнымъ признакамъ расхожденіе было сравнительно менѣе болѣзненно. Даже самые крайніе защитники требованій національностей, ставшіе впослѣдствіи непримиримѣйшими сепаратистами и самостійниками, отталкивающимися отъ всякой Россіи, коммунистической и царистской такъ же, какъ и демократической, — и они въ февральскую фазу русской революціи тянулись къ общему лону Россіи, одинаково рьяно домогались представительства во Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи и участія въ выработкѣ закона о выборахъ. Ни одинъ изъ народовъ Россіи, за исключеніемъ Польши и Финляндіи, не заявлялъ своей претензіи на независимое и сепаратное отъ Россіи бытіе.

Съ ходомъ революціи все рѣшительнѣе развязывались центробѣжныя и разрушительныя силы. Онѣ питались все затягивающейся войной, ухудшеніемъ положенія съ продовольствіемъ, развапомъ транспорта, промышленности, финансовъ. Дѣйствовали и субъективные факторы Анархическія настроенія подхлестывались и разнуздывались несдержанной демагогіей неисправимыхъ фантастовъ и предателей слѣва, доктринеровъ и филистеровъ, революціонеровъ послѣ революціи, ставшихъ условными республиканцами, справа. Революціи приходилось отбиваться одновременно на двѣ стороны. Ей приходилось и формальную безупречность выборовъ въ Учредительное Собраніе блюсти, и къ голосу напиравшихъ на нее нетерпѣливыхъ массъ прислушиваться. Она должна была и фронтъ привлечь къ выборамъ, и она не могла не считаться съ условіями и положеніемъ на фронтѣ.

Не искажая самаго смысла Учредительнаго Собранія, не подрывая основъ того, что придавало въ глазахъ широкихъ массъ именно Учредительному Собранію характеръ неспоримо - верховнаго и всеразрѣшающаго органа власти, — нельзя было пренебречь ни одной изъ гарантій правильности выборовъ. Но оставаясь на реальной почвѣ, нельзя было въ то же время не считаться и съ выведеннымъ изъ равновѣсія душевнымъ настроеніемъ массъ, которое грозило уничтожить всякую

— Винаверъ и замѣстителемъ Гронскій; отъ трудовиковъ — Станкевичъ и замѣстителемъ — Одинецъ; отъ организаціоннаго комитета РСДРП (меньшевиковъ) —Цедербаумъ - Мартовъ и Крохмаль; отъ партіи народныхъ соціалистовъ — Мякотинъ и Бернштамъ; отъ соціалистовъ - революціонеровъ — Вишнякъ; отъ центральнаго комитета РСДРП (большевиковъ) — Козловскій; отъ еврейскихъ политическихъ партій — Фридманъ, Грузенбергъ и Канторовичъ; отъ латышскихъ политическихъ партій — Гольдманъ, Гиршъ и Вальтеръ; отъ мусульманъ — Валидъ - Ханъ - Тапачовъ и Мухамедіановъ; отъ поляковъ западнаго края — Мейштовичъ и Мацѣевичъ; отъ Сибири — Толмачевъ и Дзюбинскій; отъ всероссійскихъ кооперативныхъ съѣздовъ — Прокоповичъ и Бондаревъ; отъ россійской Лиги равноправія женщинъ — Шишкина - Явейнъ; отъ украинцевъ — Ткаченко и Стампницкій; отъ бурятъ — Ханкалаевъ ;отъ грузинскихъ политическихъ партій — Церетели и Гегечкори, а впослѣдствіи — Ш. Эліава; отъ бѣлорусскихъ — Бруевичъ и Воронко.

возможность созыва Учредительнаго Собранія, безупречно или небезупречно избраннаго. Какъ для псалмопѣвца, живой песъ казался лучше мертваго льва, такъ и здѣсь всякій въ жизни осуществленный законъ былъ лучше закона совершеннаго, но осужденнаго остаться внѣ жизни, мертвымъ. Правительство всѣхъ составовъ, отдавая дань обоимъ настроеніямъ, не переставали колебаться между ними. И чѣмъ дальше во времени, чѣмъ ближе были сроки выборовъ, тѣмъ опредѣленнѣе проступала и партійно - политическая заинтересованность, у разныхъ группъ различная. Умѣренные круги и не скрывали того, что время, по ихъ убѣжденію, работаетъ на нихъ. Въ сложившихся условіяхъ выборы возбуждали въ нихъ тревогу и опасеніе, и, потому, именно изъ этихъ круговъ исходили всѣ предложенія о назначеніи выборовъ на болѣе отдаленные сроки въ интересахъ большей правильности и безупречности*).

Съ другой стороны, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ большевики вели и успѣшно развивали агитацію противъ «министровъ - капиталистовъ», стремящихся отсрочить выборы въ Учредительное Собраніе и тѣмъ самымъ завѣдомо злостно срывающихъ его. Въ центральномъ органѣ большевиковъ появилась резолюція одной «видной (?) большевицкой организаціи», на которую тогда не обратили должнаго вниманія, но которая въ свѣтѣ дальнѣйшаго полна смысла. Въ ней говорилось: «Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ солдатскихъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ вы должны считать даже выше Учредительнаго Собранія, ибо выборы въ Учредительное Собраніе будутъ не черезъ организаціи, созданныя самимъ народомъ, а отъ самыхъ различныхъ классовъ общества, собранныхъ вмѣстѣ» («Правда» отъ 9/22 іюня 17 г.). Подъ лозунгомъ «Долой министровъ - капиталистовъ!» большевики назначили на 18 іюня въ Петроградѣ уличную демонстрацію, смотръ своимъ силамъ, которыя они могли бы противопоставить Временному правительству. Чтобы вырвать у большевицкой агитаціи ея жало и парализовать дѣйствіе ея демагогическаго яда, отвлечь массы отъ симпатій къ большевикамъ и предупредить успѣхъ уличной демонстраціи, за 4 дня до демонстраціи правительство фиксировало срокъ выборовъ въ Учредительное Собраніе на 17-ое сентября и самое его открытіе — на 30 сентября.

Такимъ образомъ Учредительное Собраніе было введено въ сферу политическаго огня задолго до того, какъ оно реально было избрано и собралось. Вопросъ о срокѣ выборовъ сдѣлался центромъ приложенія силъ, боровшихся противъ правительства. Оба фланга русской обще-

---

*) Совершенно фантастическимъ надо признать утвержденіе д-ра Крамаржа, будто «петроградскій Совѣтъ боялся, какъ бы выборы не дали Русскаго Учредительнаго Собранія безъ соціалистическаго большинства, что положило бы конецъ властвованію петроградскаго Совѣта. Буржуазные члены правительства были заинтересованы въ скорѣйшемъ проведеніи выборовъ, а соціалисты хотѣли ихъ оттянуть возможно дальше.. Поэтому - то и выборы не состоялось до той поры, когда уже стало поздно»... «Керенскій и стоявшіе за нимъ не хотѣли ни Г. Думы, ни Учредительнаго Собранія. Для нихъ наивыгоднѣйшей (!) формой правительства была та, которая создалась при первой коалиціи». (**К. П. Крамаржъ:** Русскій Кризисъ. — Парижъ. 1925. — Стр. 274).

ственности одинако старались использовать неожиданное назначеніе срока въ своихъ партійныхъ цѣляхъ и интересахъ.

Въ частномъ совѣщаніи членовъ Государственной Думы 18 іюля лидеръ к.-д.-ской партіи Милюковъ отъ имени партіи требовалъ, чтобы правительство отмѣнило свое рѣшеніе и отсрочило срокъ выборовъ, ибо назначеніе столь близкаго срока превращаетъ выборы въ комедію. Одновременно съ этимъ Временный Комитетъ Государственной Думы выпустилъ «Обращеніе», въ которомъ подчеркивалъ, что «впредь до созыва Учредительнаго Собранія невозможны никакія законодательные акты, вносящіе коренную ломку въ государственный и соціальный строй, и приводящіе къ еще большей смутѣ въ правовомъ сознаніи населенія». Правительство осуждалось за попытку ускореннымъ порядкомъ выйти изъ состоянія неопредѣленности переходнаго періода и въ то же время правительство обрекалось на бездѣйствіе по наиболѣе острымъ вопросамъ именно вслѣдствіе того, что власть его была неустойчива и условна. Центральный органъ к. - д. - ской партіи «Рѣчь» высказывала недовольство «трезвыми людьми», которые «поддаются гипнозу»; она была недовольна и Временнымъ правительствомъ, «изнемогающимъ въ своей нерѣшительности» и вынужденнымъ «во что бы то ни стало ускорить созывъ Учредительнаго Собранія» (Передовая отъ 16 іюня; въ противоположномъ смыслѣ — ст. *М. Вишняка* въ «Дѣлѣ Народа» № 77 отъ 17 іюня). И тѣ же самые круги отлично мирились съ тѣмъ, что возглавляемое юристами к. - д.: Кокошкинымъ, Вл. Гессеномъ, Лазаревскимъ, Набоковымъ, Нольде и др. Юридическое Совѣщаніе при Временномъ правительствѣ, подъ давленіемъ революціонной необходимости и исторической обстановки, соглашалось на введеніе въ дѣйствіе постановленій законодательнаго характера по телеграфу, т. е. до и безъ обнародованія ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе вступить въ составъ правительства к. - д. - ы Н. И. Астровъ, Н. М. Кишкинъ и В. Д. Набоковъ въ письмѣ на имя министра-предсѣдателя Керенскаго отъ 18 іюля включили въ число своихъ условій: «осуществленіе всѣхъ основныхъ соціальныхъ реформъ и разрѣшеніе вопросовъ о формѣ государственнаго строя должны быть безусловно отложены до Учредительнаго Собранія», и «чтобы выборы въ Учредительное Собраніе были произведены съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій, необходимыхъ для выраженія подлинной народной воли, съ предоставленіемъ завѣдыванія производствомъ выборовъ правильно избраннымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и учрежденіямъ, образованнымъ при ихъ участіи, и съ обезпеченіемъ свободы предвыборной агитаціи».

Аналогичный смыслъ имѣла спеціальная Записка, поданная правительству Совѣтомъ Союза казачьихъ войскъ, въ которой казаки ходатайствовали объ отложеніи выборовъ на январь 1918 г., въ виду того, что «цѣлая треть избирателей» — 15 милл. — находится на позиціяхъ, гдѣ не можетъ быть сейчасъ и рѣчи о правильности выборовъ, транспортъ разстроенъ, телеграфныя и почтовыя сношенія неаккуратны, реформа земства проведена «скороспѣлая» и твердыхъ полномочныхъ ор-

гановъ самоуправленія нѣтъ и т. д. (См. «Рѣчь» и «Новое Время» отъ 30 іюля 1917 г.).

Лояльнѣе другихъ отнеслись къ назначенному правительствомъ сроку выборовъ к. - д., входившіе въ составъ Особаго Совѣщанія. На слѣдующій день послѣ публикаціи правительства предсѣдательствующій Кокошкинъ замѣтилъ, что срокъ, назначенный для выборовъ, практически можетъ оказаться несоблюденнымъ, но «во всякомъ случаѣ мы, съ своей стороны, должны сдѣлать все, чтобы онъ могъ осуществиться и чтобы не могло случиться, чтобы его неосуществленіе было приписано намъ».

Назначеніе срока выборовъ выбивало изъ рукъ большевиковъ ихъ отравленное оружіе. Но это ихъ не обезоруживало, а побуждало лишь перемѣнить оружіе. Борьбу за *время выборовъ* они смѣнили на борьбу за *условія созыва* Учредительнаго Собранія, — кто и какая власть способна *обезпечить* его созывъ. Большевики возвращались мысленно къ тому, что Ленинъ предусматривалъ еще во время войны, въ октябрѣ 1915 г., когда, въ совершенно иной политической обстановкѣ, онъ писалъ въ женевскомъ «Соціалъ - Демократѣ» № 47: «Лозунгъ «Учредительнаго Собранія», какъ самостоятельный лозунгъ, невѣренъ, ибо весь вопросъ теперь въ томъ, кто созоветъ его. Либералы принимали этотъ лозунгъ въ 1905 году, ибо его можно было толковать въ смыслѣ созваннаго царемъ и соглашающагося съ нимъ собранія» .

На слѣдующій же день послѣ назначенія Временнымъ правительствомъ срока выборовъ центральный органъ большевиковъ «Правда» № 83 писала: «Нынѣшняго положенія вы не удержите и въ теченіе трехъ недѣль, господа! Необходимо, чтобы вся власть перешла къ Совѣтамъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ!» «Пусть *эта* власть доведетъ страну до Учредительнаго Собранія!»

И, дѣйствительно, ровно черезъ 3 недѣли сдѣлана была первая попытка насильственно заставить Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ взять «всю власть» въ свои руки. Попытка 3 - 5 іюля, какъ извѣстно, не удалась. Но вмѣстѣ съ Тарнопольскимъ прорывомъ на фронтѣ большевицкое выступленіе въ Петроградѣ внесло большое разстройство, какъ въ ряды демократіи, такъ и въ подготовительную работу по организаціи выборовъ въ Учредительное Собраніе. Застопорилось утвержденіе правительствомъ уже выработанной части избирательнаго закона. Затормозились выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія. Снова пропущены были сроки и утеряно время.

Когда же послѣ всеобщей встряски, возстановленія фронта, новой перемѣны личнаго состава правительства и новаго разслоенія демократіи, общественное вниманіе снова вернулось къ вопросу о скорѣйшихъ выборахъ въ Учредительное Собраніе, люди оказались передъ фактической невозможностью произвести выборы съ соблюденіемъ элементарныхъ гарантій въ назначенный на 17 сентября срокъ. Избирательные списки должны были быть опубликованы за 40 дней до самыхъ выборовъ, т. е. не позднѣе 7 августа, чтобы была возможность ихъ просмотрѣть и исправить въ соотвѣтствіи съ ходатайствами и жалобами заинтересованныхъ лицъ и группъ. Но не раньше конца августа могли органи-

зоваться тѣ органы мѣстнаго самоуправленія, городскіе, поселковые и волостные, которымъ избирательный законъ, утвержденный, съ запозданіемъ на двѣ недѣли, въ его общей части лишь 20 іюля, поручилъ составленіе списковъ. Къ моменту изданія закона — 27 іюля — къ составленію списковъ нигдѣ еще не приступили. За 10 дней, остававшихся до 7 августа, это первое условіе правильности выборовъ выполнено быть не могло. Дату выборовъ, по необходимости, приходилось отодвинуть.

Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ былъ связанъ циркуляромъ, съ которымъ онъ обратился ко всѣмъ мѣстнымъ Совѣтамъ наканунѣ іюльскаго выступленія большевиковъ. Этотъ циркуляръ призывалъ «революціонную демократію напрячь всѣ силы, проявить всю революціонную энергію, чтобы обезпечить *безупречную* технику выборовъ и подготовить свободное и сознательное проявленіе воли демократіи въ этомъ важнѣйшемъ актѣ революціи». И 9 августа, съ согласія Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, Временное правительство отсрочило выборы въ Учредительное Собраніе до 12 ноября, а открытіе Собранія — до 28 ноября.

Большевики возобновили свою лицемѣрную кампанію въ защиту Учредительнаго Собранія. «Учредительное Собраніе можетъ быть созвано *только вопреки* нынѣшнему коалиціонному правительству, которое дѣлаетъ и сдѣлаетъ все, чтобы сорвать его», — значилось въ одномъ изъ многихъ воззваній, выпущенныхъ по этому поводу Центральнымъ Комитетомъ большевиковъ. «Контръ - революціонеры пойдутъ на все, чтобы сорвать Учредительное Собраніе. Если понадобится, они откроютъ для этого фронтъ нѣмецкимъ войскамъ», — писалъ «Рабочій Путь» 30/IX 1917 г.

3.

Значеніе, придававшееся закону о выборахъ въ Учредительное Собраніе, подчеркнуто было тѣмъ, что работы Совѣщанія были открыты главой Временнаго правительства кн. Львовымъ. Въ привѣтственной рѣчи онъ подчеркнулъ, что именно сложность предстоящей Совѣщанію работы и требуетъ отъ него «величайшей справедливости по отношенію ко всѣмъ частямъ и группамъ пестраго состава населенія нашего громаднаго государства».

И Ф. Ф. Кокошкинъ, перенявъ у кн. Львова предсѣдательство и руководство работами Совѣщанія, съ своей стороны, указалъ, что задача Совѣщанія проста и въ то же время трудна. «Намъ не приходится и нѣтъ никакой надобности входить въ обсужденіе основныхъ политическихъ началъ, которыя будутъ положены въ основу закона, который мы призваны выработать. Эти начала уже предрѣшены волею народа, и они провозглашены въ заявленіяхъ Временнаго правительства. Учредительное Собраніе должно быть выбрано на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и при томъ голосованія безъ разли-

чія пола». Но, съ другой стороны, задачи нелегки: «Намъ предстоитъ разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, которые по существу имѣютъ характеръ техническій, но вопросовъ огромнаго значенія, отъ того или иного рѣшенія которыхъ будетъ зависѣть исходъ выборовъ, и которые затрагиваютъ самые существенные интересы различныхъ слоевъ населенія».

Однако, вовсе обойти молчаніемъ «предрѣшенныя» революціей основныя начала избирательнаго закона Совѣщаніе все же не могло. Оно возвращалось къ нимъ неоднократно: при разсмотрѣніи вопроса объ обезпеченіи военнослужащимъ на фронтѣ полноты политическихъ правъ, при опредѣленіи условій осуществленія активнаго и пассивнаго избирательнаго права, при выборѣ пропорціональной или мажоритарной системы выборовъ, при территоріально - національномъ размежеваніи округовъ и т. д.

Законъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе наиболѣе послѣдовательно развилъ основныя начала общепризнаннаго демократическаго правосознанія. Справедливо признанный — иногда съ удовлетвореніемъ, но чаще съ издѣвкой справа и слѣва — наиболѣе демократическимъ и совершеннымъ закономъ о выборахъ, онъ исходитъ изъ принципа личности въ его всеобщемъ и безусловномъ значеніи. Къ самому народовластію онъ идетъ путемъ гражданственности и народоправства. По его замыслу воля народа имѣетъ рѣшающее значеніе не потому, что она народная воля, а потому, что она *всеобщая воля равноправныхъ гражданъ,* отъ отрицательной свободы *отъ* насилія возвысившихся до положительнаго участія *въ* политическомъ устроеніи судьбы, своей личной, групповой и всего коллектива.

Въ 17-омъ году ни справа, ни слѣва — отъ земцевъ - октябристовъ и до большевиковъ, свой Октябрь только еще подготовлявшихъ, — не раздавалось возраженій противъ организаціи народнаго представительства на основѣ представительства избирателей - гражданъ или «атомовъ», собранныхъ воедино по партійно - политическому признаку и раздѣленныхъ по нейтральному признаку территоріальнаго округа. Тогда еще никто не защищалъ получившаго впослѣдствіи большую популярность и у лѣвыхъ, и у правыхъ противниковъ демократіи, представительства «органическаго», или «реальнаго», интересовъ профессіональныхъ — или откровенно классовыхъ — отъ отдѣльныхъ курій или группъ. Несовершенство совѣтской формы представительства, возвращавшей организацію представительства къ средневѣковымъ образцамъ, казалось самоочевиднымъ и безспорнымъ. Оно лишь оправдывалось обстоятельствами необходимости и революціонной спѣшки. Тогда еще никто не рисковалъ утверждать, какъ впослѣдствіи Ленинъ и авторы совѣтской конституціи, что «городъ не можетъ быть равенъ деревнѣ», и, потому, «избиратель» въ городахъ долженъ быть поставленъ въ болѣе привиллегированное положеніе и надѣленъ численно большимъ избирательнымъ вліяніемъ, нежели «житель» селъ и деревень.

Въ 1917 г. идея всенародности Учредительнаго Собранія доминировала надъ мыслью о представительствѣ въ немъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ, партій и группъ. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе безъ различія пола, исповѣданія и національности было внѣ

спора. Участіе въ государственномъ самоуправленіи могло быть ограничено лишь физической и психической незрѣлостью или опредѣленной морально - правовой дисквалификаціей. Споръ могъ идти лишь о предѣлахъ всеобщности избирательнаго права или о томъ, какъ быть въ случаяхъ столкновенія всеобщности съ столь же незыблемой основой права — равенствомъ.

Какія уголовно - наказуемыя дѣянія должны влечь за собой пораженіе избирательныхъ правъ? Преступленія противъ собственности? Дезертирство? Отстранять ли отъ пользованія избирательными правами лицъ, занимающихся, такъ называемыми, позорными промыслами? Лишать ли политическихъ правъ членовъ новой администраціи, священнослужителей различныхъ культовъ, ушедшихъ изъ міра монаховъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ и т. д.? Ограничивать ли членовъ царствовавшаго въ Россіи дома въ правѣ выбирать и быть избранными въ Учредительное Собраніе?*). Какъ быть съ призванными въ войска для защиты отечества досрочно, до достиженія ими гражданскаго совершеннолѣтія, и не достигшими установленнаго для выборовъ избирательнаго возраста? Допустимо ли налагать публичныя обязанности безъ предоставленія соотвѣтствующихъ правомочій? Не будетъ ли явнымъ нарушеніемъ начала равноправія, своеобразной привиллегіей для военнослужащихъ и умаленіемъ правъ прочаго населенія, если понизить избирательный возрастъ для досрочно призванныхъ? Не будетъ ли проще и справедливѣе понизить общій избирательный возрастъ до того уровня, на которомъ по обстоятельствамъ военнаго времени государство сочло возможнымъ черпать кадры своихъ защитниковъ и требовать отъ нихъ жертвы свободой и жизнью?

Въ условіяхъ революціи во время войны, арміей если не свершенной, то ею во всякомъ случаѣ поддержанной, было бы смѣшнымъ и вреднымъ доктринерствомъ стоять на томъ, что армія и флотъ должны быть внѣ политики. Съ другой стороны, и война, которую, несмотря на успѣхъ революціи, приходилось вести, но уже не обезличенной дисциплиной

---

*) Это ограниченіе было отвергнуто большинствомъ членовъ Совѣщанія. Особое мнѣніе меньшинства было, однако, одобрено Временнымъ правительствомъ — большинствомъ одного голоса — и составило содержаніе ст. 10-й Положенія о выборахъ. — Интересно отмѣтить, что противники этого ограниченія защищали избирательныя права дома Романовыхъ тѣмъ, что «легальное происхожденіе нашей власти идетъ не только отъ революціи, а идетъ и отъ нѣкоторыхъ актовъ царствовавшаго дома». Тотъ же ораторъ В. А. Маклаковъ доказывалъ, что подобное отстраненіе отъ избирательныхъ правъ возможно, но не сейчасъ, по соображеніямъ «превенціи», въ порядкѣ переходнаго времени и неустановленнаго режима, а позднѣе, въ порядкѣ нормальнаго законодательства, когда — и если — будетъ провозглашена республика (см. «Новое Время» отъ 30 мая 17 г.).

Тотъ же взглядъ защищалъ и А. С. Зарудный. — Другіе противники ограниченія — въ нихъ числѣ Кокошкинъ, Водовозовъ — полагали, что «сторонники дома Романовыхъ всегда могутъ сказать: здѣсь насъ, сторонниковъ реставраціи, нѣтъ въ силу насилія»; что такое ограниченіе «неэстетично», не гармонируетъ съ общимъ духомъ закона и т. п.

Мнѣніе меньшинства полностью воспроизведено въ московской газетѣ «Трудъ» № 73 отъ 15. VI. 1917 г.

и нѣсколько обособленной «кастѣ», а вооруженному народу, тоже исключала возможность непредоставленія избирательныхъ правъ въ Учредительное Собраніе военнослужащимъ. Такой вопросъ и не ставился. Онъ былъ съ самаго начала предрѣшенъ — по мотивамъ моральнымъ, психологическимъ и политическимъ. Армія призывалась къ участію въ выборахъ и во Франціи. Но въ обоихъ случаяхъ — въ 1848 и 1871 гг. — армія не составляла особыхъ избирательныхъ округовъ. Россіи 1917 г. предстояло впервые въ исторіи произвести выборы отъ арміи и флота въ огромномъ масштабѣ, съ соблюденіемъ, несмотря на военныя операціи, всѣхъ гарантій демократизма. Для стоявшей на позиціяхъ многомилліонной русской арміи приходилось создавать специальные, по числу фронтовъ, избирательные округа и, учитывая условія боевой обстановки, предусмотрѣть возможность переброски воинскихъ частей изъ одной мѣстности въ другую, сокращать одни сроки (для объявленія избирательныхъ списковъ, подачи и разсмотрѣнія жалобъ и проч.), и удлинять другіе (для подачи голосовъ) и т. п.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ расхожденія между членами Особаго Совѣщанія былъ вопросъ о превращеніи четырехъ - членнаго основанія выборовъ въ пяти - членное — дополненіемъ пропорціональнаго представительства. Тутъ справа и слѣва воспроизводились обычныя возраженія, повторяемыя тѣми, кому и пропорціональная система распредѣленія голосовъ не сулитъ избирательныхъ успѣховъ. Но предпочтительность мажоритарной системы защищалась и безкорыстно-доктринерски и отвлеченно: въ интересахъ почему - то большей авторитетности Учредительнаго Собранія; по мотивамъ культурной неподготовленности Россіи и русскаго народа къ столь «тонкой и усовершенствованной» системѣ выборовъ; угрозою «партійной гегемоніи» и насилія надъ якобы безсознательными избирателями.

Противникомъ пропорціональнаго представительства оказалось въ Особомъ Совѣщаніи незначительное меньшинство. Подавляющее большинство — 27 голосовъ противъ 9, среди котораго были не только лѣвые, но и умѣренные члены Совѣщанія, во главѣ съ предсѣдателемъ Кокошкинымъ, секретаремъ Авиновымъ, предсѣдателемъ комиссіи по выборамъ отъ окраинъ и національностей Винаверомъ и др., — опредѣленно отдавало предпочтеніе пропорціональной системѣ. Врядъ ли кто изъ сторонниковъ пропорціи въ 1917 г. раздѣлялъ мнѣніе Милля, увѣрявшаго въ свое время, что пропорціональное представительство имѣетъ «достоинства до сихъ поръ почти неслыханныя и проводитъ великій государственный принципъ способомъ близкимъ къ идеальному совершенству». Но они рѣшительно отталкивались и отъ необходимости раскроить территорію Россіи на избирательные округа по числу членовъ Учредительнаго Собранія, какъ того требовала мажоритарная система. Принятая правительствомъ еще 15 апрѣля для выборовъ въ городскія думы, пропорціональная система, можетъ быть, защищалась и по соображеніямъ партійно - политической выгоды. Но главнымъ образомъ — по мотивамъ справедливости, въ цѣляхъ смягченія предстоявшей избирательной борьбы, для организаціи выборовъ въ Учредительное Собраніе не на началахъ подавленія числомъ, а путемъ уравненія шан-

совъ и открытія легальнаго доступа возможно болѣе разнообразнымъ групповымъ оттѣнкамъ организованнаго общественнаго мнѣнія и воли.

Въ условіяхъ Россіи при практическомъ осуществленіи пропорціональнаго представительства приходилось по необходимости остановиться на системѣ твердыхъ или связанныхъ кандидатскихъ списковъ, воспрещавшей избирателямъ вносить измѣненія — вычеркивать, включать или измѣнять порядокъ кандидатовъ — въ списокъ, заявленный и утвержденный заранѣе. Отъ политическихъ партій и организованныхъ ad hoc группъ избирателей Положеніе о выборахъ требовало самаго дѣятельнаго участія во всѣхъ стадіяхъ избирательной процедуры: начиная съ составленія списковъ избирателей и кончая, такъ называемымъ, «соединеніемъ» списковъ кандидатовъ и распредѣленіемъ мѣстъ соотвѣтственно количеству поданныхъ за тотъ или иной списокъ голосовъ. Все исходило и покоилось на самодѣятельности и контролѣ организованныхъ въ партіи или спеціальныя группы избирателей.

Приходилось предусмотрѣть и охранить права избирателей на территоріи, занятой непріятелемъ; права русскаго населенія въ Финляндіи и Бухарѣ. Приходилось считаться съ непримиримыми пожеланіями и протестами. Представитель литовскаго сейма усматривалъ въ предположенномъ подраздѣленіи избирательныхъ округовъ въ сѣверо - западномъ краѣ — «новый актъ раздѣленія Литвы». Казаки настаивали — и послѣ длительной борьбы настояли — на томъ, чтобы казачьи войсковыя части, гдѣ бы онѣ ни были расположены, были бы выдѣлены, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, въ отдѣльные избирательные участки не по техническимъ лишь соображеніямъ, а по признаку принадлежности къ казачеству, какъ своеобразному соціально - групповому единству. Спорныхъ вопросовъ и всякихъ осложненій было немало. Но серьезныхъ конфликтовъ не было. Работа въ Совѣщаніи шла мирно и дружно. Руководство было компетентное и авторитетное. Предсѣдателями комиссій, образованныхъ Совѣщаніемъ по спеціальнымъ вопросамъ — однѣ съ самаго начала, другія по мѣрѣ продвиженія работы, — съ общаго согласія избирались почти всегда болѣе зрѣлые по возрасту, культурѣ и знаніямъ профессора. Секретарей и докладчиковъ поставлялъ преимущественно болѣе молодой лѣвый секторъ Совѣщанія. Только по частнымъ вопросамъ расходились рѣзко фланги. Какъ правило же, предложенія руководителей въ общемъ собраніи и въ комиссіяхъ встрѣчали сочувствіе и одобреніе подавляющаго большинства.

Значительно позже, когда выяснилась окончательная неудача Учредительнаго Собранія, и справа, и слѣва стали раздаваться голоса, отмежевывавшіе себя и своихъ единомышленниковъ отъ причастности къ этому неоправданному жизнью и «мертворожденному», несмотря на всѣ его совершенства, закону. Такъ уже въ эмиграціи Ф. И. Родичевъ поспѣшилъ снять отвѣтственность съ предсѣдателя Особаго Совѣщанія «за фантастическій характеръ нѣкоторыхъ постановленій избирательнаго закона» («Общее Дѣло» отъ 20/I 1921 г. Парижъ). А другой «партіецъ» Д. С. Пасманикъ прямо заявилъ, со словъ умершаго Кокошкина, будто «его первоначальный проектъ такъ изуродованъ эс - эрами, что

онъ за него никакой отвѣтственности не береть» (въ томъ же «Общемъ Дѣлѣ» отъ 16/VII 1921).

Такое утвержденіе невѣрно прежде всего фактически. «Первоначальнаго проекта» Кокошкина вообще никогда не существовало. Не было, какъ уже упоминалось, и рѣзкихъ или коренныхъ разногласій между членами Совѣщанія и его предсѣдателемъ. Можно привести еще тотъ фактъ, что общая солидарность членовъ Совѣщанія была такова, что уже послѣ окончанія его работъ нѣкоторые изъ ближайшихъ единомышленниковъ Кокошкина, входившіе во главѣ съ Набоковымъ въ редакцію «Права», проектировали выпустить ко дню открытія Учредительнаго Собранія, въ честь его, юбилейный сборникъ. Въ этомъ сборникѣ наиболѣе активные участники въ работахъ Совѣщанія должны были помѣстить статьи, посвященныя общимъ и спеціальнымъ отдѣламъ выработаннаго закона. «Festausgabe» не состоялась, хотя отдѣльные авторы — Б. Э. Нольде о «Выборахъ отъ арміи и флота» и М. В. Вишнякъ: «Общія основанія закона» — свои рукописи представили, и онѣ были даже набраны. Побѣда Октября исключала возможность какихъ - либо юбилеевъ и торжествъ. Но мысль объ изданіи задуманнаго сборника не была оставлена. Она возникла вновь въ связи съ убійствомъ Ф. Ф. Кокошкина 7 января 1918 г. Сборникъ предполагалось посвятить памяти убіеннаго. Правда, и этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но менѣе всего потому, чтобы ближайшіе единомышленники покойнаго предсѣдателя Особаго Совѣщанія, вмѣстѣ съ нимъ вырабатывавшіе избирательный законъ, считали нѣкоторыя изъ его постановленій «фантастическими», а главнаго зодчаго этого монументальнаго строенія — свободнымъ отъ личной отвѣтственности за плодъ коллективнаго творчества.

Конечно, можно считать огромнымъ дефектомъ закона его совершенство. Но и считая порокомъ послѣдовательность демократическому принципу, нельзя упускать изъ виду закона исторической перспективы — тѣхъ условій, въ которыхъ Положеніе вырабатывалось и тѣхъ цѣлей, которыя ему ставились тогда, когда его вырабатывали. Нельзя забывать и того, что «мертворожденный» оказался способнымъ дать жизнь и государственно - правовое оформленіе ряду народовъ и территорій, входившихъ въ составъ Россіи и въ силу международной конъюнктуры и торжества Октября отъ нея отдѣлившихся.

Всѣ лимитрофныя Учредительныя Собранія были созваны на основѣ Положенія о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе, соотвѣтствующимъ образомъ приспособленнаго и сокращеннаго. Достаточно назвать «Положеніе о выборахъ въ Эстонское Учредительное Собраніе» 24 ноября 1918 г., «Законъ о выборахъ въ Латвійское Учредительное Собраніе» 19 августа 1919 г., «Законъ о выборахъ въ Литовскій Учредительный Сеймъ» 30 октября 1919 г., Законъ о выборахъ въ Грузинское Учредительное Собраніе 1919 г. (см. Wladimir Woytinsky: «La Démocratie Géorgienne». — Paris. 1921. — 193), въ Парламентъ Арменіи (ср. кн. *С. Врацiана:* «Республика Арменіи» (на армянскомъ языкѣ). — Парижъ. 1929. стр. 249) и т. д. То же Положеніе взято было въ основаніе «Положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе

Дальняго Востока» (областей Приморской, Амурской, Восточно - Забайкальской, Западно - Забайкальской, Сахалинской, Камчатской и полосы отчужденія Восточно - Китайской желѣзной дороги), выработаннаго въ концѣ 1920 г. для образованія независимаго демократическаго «государства - буфера» между совѣтской Россіей и Японіей.

Основныя начала Положенія удержаны были и въ тѣхъ конституціяхъ и избирательныхъ законахъ, которые приняты были въ соотвѣтствующихъ Учредительныхъ Собраніяхъ для послѣдующихъ выборовъ въ регулярныя законодательныя собранія. И нынѣшніе парламенты Эстоніи или Латвіи генетически и по существу неразрывно связаны съ «мертворожденнымъ» Положеніемъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе.

Можно идти и дальше. И не утверждая прямого заимствованія и непосредственнаго вліянія, можно все же отмѣтить явное сходство между Положеніемъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе 1917 г. и радикальнѣйшей избирательной реформой въ Англіи 1918 г., когда допущены были къ избирательнымъ урнамъ женщины (съ 30 лѣтъ) и военнослужащіе (получившіе право пересылать избирательные бюллетени по почтѣ), и когда англійскій избирательный корпусъ, даже въ этой исконно - демократической странѣ, возросъ сразу въ два съ половиной раза. Можно установить почти семейное родство и съ законами о выборахъ въ послѣвоенныя Учредительныя Собранія 1918 и 1919 гг. въ странахъ центральной Европы — Чехословакіи*), Польшѣ, Австріи и Германіи. Есть общее и между Положеніемъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе и Закономъ о выборахъ въ Испанскіе Учредительные Кортесы 1931 г.

Если Положеніе о выборахъ на протяженіи времени и мѣста представляется сейчасъ «фантастическимъ», это происходитъ благодаря утерѣ перспективы и забвенію общей морально - психической обстановки и политическаго сдвига, который внесла въ исторію не одной только Россіи, но всего міра, февральская революція 1917 г. Оказываютъ свое вліяніе, вѣроятно, и обычныя для пореволюціоннаго времени настроенія упадка и безплоднаго разочарованія.

4.

Послѣ многочисленныхъ непростительныхъ опозданій, въ которыхъ Особое Совѣщаніе, какъ правило, оказывалось безъ вины виноватымъ, выполнено было, наконецъ, возложенное заданіе. Проектъ Положенія получилъ утвержденіе правительства и сталъ закономъ**). На исходѣ

---

*) См., въ частности, законъ и практику «Трибунала по выборамъ», предусмотрѣннаго ст. 19 Конституціонной Хартіи чехо-словацкой республики. Здѣсь политическія партіи оффиціально, какъ и въ положеніи о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе, признаны субъектами публичнаго права. — Ср. *B. Mirkine-Guetzévitch* : Les Constitutions de l'Europe Nouvelle. — Paris. 1930. — P. 27.

**) Положеніе состояло изъ 3 раздѣловъ и 258 статей. — Ст. 1-54 получили утвержденіе правительства еще 20 іюля; ст. 55-206 — 11 сентября и ст.

13-й недѣли корабль былъ законченъ постройкой и оснащенъ. Оставалось спустить его на воду и доплыть до намѣченной гавани.

1-го августа началась эвакуація Таврическаго дворца совѣтскими учрежденіями, занимавшими его въ теченіе 5 мѣсяцевъ. Дворецъ стали подготовлять къ занятіямъ Учредительнаго Собранія и прежде всего — расширять залъ общаго собранія, соотвѣтственно увеличенію членовъ собранія, сравнительно съ численнымъ составомъ Государственной Думы. Еще до окончанія работъ Совѣщанія, того же 1 августа, правительство назначило, по представленію Совѣщанія, преемницу послѣдняго — предусмотрѣнную Положеніемъ Всероссійскую по дѣламъ о выборахъ Комиссію. Пятнадцатичленная Комиссія*) должна была практически осуществить то, что намѣтило Особое Совѣщаніе. Въ частности, — восполнить пробѣлы, допущенные Положеніемъ, и внести коррективы къ тому, что не выдерживало испытаній жизнью. Въ Комиссіи сосредоточились центральное руководство, освѣдомленіе и надзоръ за правильностью выборовъ. Къ 1-ому октября сформирована была и Канцелярія Учредительнаго Собранія, временно остававшаяся въ вѣдѣніи правительства.

Положеніе исходило изъ разсчета общаго состава Учредительнаго Собранія въ 808 человѣкъ — одинъ депутатъ примѣрно на 219 тысячъ жителей въ гражданскихъ округахъ и 100 тысячъ избирателей - военнообязанныхъ на фронтѣ. Вся территорія была раздѣлена на 73 неравныхъ гражданскихъ округа и 9 спеціальныхъ — отъ арміи и флота. Въ отступленіе отъ общаго правила, въ округахъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, русскихъ войскъ, дѣйствующихъ во Франціи и на Балканскомъ полуостровѣ, какъ и въ гражданскихъ округахъ, избиравшихъ меньше 5 депутатовъ (такихъ было всего 9), — примѣнена была мажоритарная система выборовъ.

Въ до - октябрьскій періодъ русской революціи, разоблачая мнимую контръ - революціонность Временнаго правительства, большевики аргументировали именемъ Учредительнаго Собранія и выступали якобы во имя интересовъ послѣдняго. Подозрительно слѣдили они за правительствомъ, яростно нападали на него за его вольные и невольные ошибки и грѣхи, изобличали неустанно всѣ случайныя или неизбѣжныя отступленія отъ послѣдовательнаго демократизма. Правительства всѣхъ составовъ обвиняли они въ намѣренномъ саботированіи демократическаго преобразованіи Россіи, въ сознательномъ затягиваніи и срывѣ Учредительнаго Собранія.

Покидая 7-го октября Временный Совѣтъ Республики, такъ называемый, Предпарламентъ, Троцкій огласилъ отъ имени большевицкой

---

207 - 258 — 23 сентября; Правила объ участіи въ выборахъ нѣкоторыхъ частей арміи, «внѣ войскового района» находящихся, совмѣстно съ гражданскимъ населеніемъ — 30 сентября; Инструкціи къ выборамъ отъ арміи и флота — 2 октября и о выборахъ въ казачьихъ войсковыхъ частяхъ — 10 октября.

*) Въ составъ ея вошли: Брамсонъ, Винаверъ, Вишнякъ, Гессенъ, Гомбаргъ, Гродзицкій, Гронскій, Крохмаль, Лелюхинъ, Лордкипанидзе, Набоковъ, Нольде, Понтовичъ, Фокѣевъ, Ящунскій, и предсѣдателемъ — Авиновъ.

фракціи особую декларацію, въ которой подчеркивалось, что «буржуазные классы, направляющіе политику Временнаго правительства, поставили себѣ цѣлью сорвать Учредительное Собраніе. Это сейчасъ основная задача цензовыхъ элементовъ, которой подчинена вся ихъ политика, внутренняя и внѣшняя» (см. «*Архивъ Революціи 1917 г.*» — Факты и документы. — Петроградъ. 1918 г. — Стр. 148). Анализируя, того же 7 октября, исходъ выборовъ въ районныя думы г. Москвы, давшихъ крупную побѣду большевикамъ, Ленинъ въ статьѣ «Кризисъ назрѣлъ» аргументировалъ общедемократическими доводами. Онъ ссылался на «глубочайшій поворотъ въ *общенаціональномъ настроеніи*» и увѣрялъ, что «ни тѣни сомнѣній быть не можетъ» въ томъ, что, вмѣстѣ съ лѣвыми элементами, большевики имѣютъ «большинство и въ совѣтахъ, и въ арміи, и въ *странѣ*» (курсивъ Ленина въ «Рабочемъ Пути» № 30). — «Военный заговоръ есть бланкизмъ, если его устраиваетъ не партія опредѣленнаго класса, если на сторонѣ этой партіи нѣтъ доказаннаго объективными фактами сочувствія большинства народа», — писалъ Ленинъ 20-го октября*).

И самый захватъ власти большевиками 25 октября былъ произведенъ подъ лозунгомъ — «Обезпечить немедленный созывъ Учредительнаго Собранія!»

Неожиданная легкость, съ которой удался переворотъ, и сочувствіе, которое онъ встрѣтилъ не только среди городского пролетаріата, но и среди сельскаго населенія, собраннаго на фронтѣ, побудилъ большевиковъ вернуться на покинутыя во время переворота демократическія позиціи и попробовать вновь на нихъ окопаться. Слабость оказаннаго имъ сопротивленія они приняли за собственную свою силу. Большевики всерьезъ увѣровали въ то, что большинство народа за ними. И чтобы прочнѣе укрѣпить свою власть, сломить недовѣріе скептиковъ и интимнѣе связаться съ народными толщами, они попробовали было выдать за свои тѣ самые лозунги, съ которыми демократія боролась противъ большевицкаго захвата власти. Среди этихъ лозунговъ былъ — и остался — созывъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

На слѣдующій же день послѣ переворота «Правда», ставшая правительственнымъ оффиціозомъ, на первой страницѣ жирнымъ шрифтомъ подчеркнула: «Товарищи !Вы своею кровью обезпечили созывъ въ срокъ хозяина земли русской - Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». А на происходившемъ въ тотъ же день засѣданіи II-го Съѣзда Совѣтовъ, который долженъ былъ санкціонировать произведенный большевиками на собственный рискъ переворотъ, Ленинъ такъ защищалъ

---

*) Такая аргументація направлялась, впрочемъ, только во внѣ, къ внѣпартійной средѣ, которую Ленинъ хотѣлъ убѣдить въ томъ, что большевики имѣютъ право на власть и сумѣютъ власть удержать. Для «партійцевъ» эти соображенія были излишни. И, защищая передъ ними свои взгляды, Ленинъ исходилъ какъ разъ изъ обратнаго положенія. На историческомъ засѣданіи большевицкаго Ц. К. 10 октября, на которомъ принято было предложеніе о немедленномъ захватѣ власти, Ленинъ говорилъ: «Ждать до Учредительнаго Собранія, которое явно будетъ не съ нами, безсмысленно, ибо это значитъ усложнять нашу задачу»... — См. «Протоколы Центральнаго Комитета РСДРП». — Госиздатъ. 1929. — Стр. 100.

декретъ о землѣ: «Какъ демократическое правительство, мы не можемъ обойти постановленіе народныхъ низовъ, хотя бы мы съ ними были несогласны. Въ огнѣ жизни, примѣняя его на практикѣ, проводя его на мѣстахъ, крестьяне сами поймутъ, гдѣ правда. И если даже крестьяне пойдутъ и дальше за с. - р. и если они даже этой партіи дадутъ въ Учредительное Собраніе большинство, то и тутъ мы скажемъ, пусть такъ! Жизнь лучшій учитель, а она укажетъ, кто правъ, и пусть крестьяне съ одного конца, а мы съ другого конца будемъ рѣшать этотъ вопросъ. Жизнь заставитъ насъ сблизиться въ общемъ потокѣ революціоннаго творчества, въ выработкѣ новыхъ государственныхъ формъ. Мы должны слѣдовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народнымъ массамъ».

Соотвѣтственно этому и принятый тутъ же «Декретъ о землѣ» начинался словами: «Вопросъ о землѣ во всемъ его объемѣ можетъ быть разрѣшенъ только всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ». Въ такомъ же духѣ составлены были и другія постановленія. За подписью Ленина разосланы были въ срочномъ порядкѣ телеграммы Избирательнымъ въ Учредительномъ Собраніи Комиссіямъ съ приказомъ оставаться на мѣстахъ, продолжать работу и обязательно въ срокъ произвести выборы («Правда» № 171 отъ 28 октября).

Таковъ былъ mot d'ordre власти въ тѣ дни, когда она еще только слагалась и не чувствовала себя настолько твердой, чтобы, не считаясь ни съ какими «предразсудками», сбросить съ себя всѣ фиговые листки*). Это продолжалось недолго — до тѣхъ поръ, пока большевики имѣли нѣкоторыя основанія надѣяться, что большинство страны окажется на ихъ сторонѣ, и, если не активно, то пассивно, пойдетъ за побѣдителями, въ частности, — крестьянство.

Ленинъ меньше другихъ склоненъ былъ связывать свои расчеты съ Учредительнымъ Собраніемъ. Онъ опредѣленно опасался его. Придя къ власти, онъ тотчасъ же предложилъ отсрочить выборы въ Учредительное Собраніе. Но сочувствія этому плану не встрѣтилъ даже среди ближайшихъ своихъ сподвижниковъ. — «Конечно, мы должны создать революціонный конвентъ, — возражалъ Ленину Бухаринъ въ засѣданіи большевицкаго Ц. К. 29 ноября, — но для массы необходимо разъяс-

*) Управляющій дѣлами Совѣта народныхъ Комиссаровъ того времени Бончъ - Бруевичъ и въ опубликованныхъ, черезъ десять съ лишкомъ лѣтъ, воспоминаніяхъ защищаетъ ту же оффиціальную, опровергнутую всѣми послѣдующими фактами, версію. «Выходило такъ, что мы, «захватчики», настаиваемъ на скорѣйшемъ созывѣ Учредительнаго Собранія, а вчерашніе правители страны, правительство Керенскаго, всѣ эти кадеты, октябристы и всѣ, кто съ ними, всѣми мѣрами оттягивали этотъ созывъ... Выходило такъ, что надо было ждать еще чуть ли не полгода, покуда будутъ только разосланы по странѣ циркуляры, инструкціи, карточки и прочіе матеріалы».

Доложивъ весь этотъ вымыселъ Ленину, Бончъ - Бруевичъ, по его словамъ, получилъ инструкцію: — «Слѣдите за ними (членами Всероссійской Комиссіи по выборамъ) въ оба. Имъ теперь выгодно тормозить созывъ Учредительнаго Собранія, чтобы свалить на насъ, что мы не выполняемъ взятыхъ передъ народомъ на себя обязательствъ». — (**Влад. Бончъ - Бруевичъ:** На боевыхъ постахъ февральской и октябрьской революцій. — Изд. «Федерація». 1930. — Стр. 238 и 239).

неніе, такъ какъ мы полтора мѣсяца работали и трубили о томъ, чтобы обезпечить созывъ Учредительнаго Собранія» (см. «Протоколы Ц. К. РСДРП. — Августъ 1917 — Февраль 1918». — ГОСИЗД. — Стр. 182)*).

Иллюзія длилась недолго. По мѣрѣ того, какъ выяснялась несбыточность большевицкихъ мечтаній, все опредѣленнѣе и рѣзче становился окончательный поворотъ большевизма — практическій и идеологическій — отъ демократіи и воли большинства въ сторону диктатуры возглавляемаго Ленинымъ Центральнаго Комитета партіи. Не прошло и двухъ недѣль послѣ переворота, какъ на столбцахъ оффиціальной и оффиціозной прессы начинаютъ звучать ноты разочарованія и сомнѣнія. Подвергаются обстрѣлу общіе принципы демократіи, и, сначала съ оговорками, а потомъ и безъ нихъ, все рѣшительнѣе ставится подъ сомнѣніе и вовсе отвергается Учредительное Собраніе.

Уже 5/18 ноября «Правда» предупреждала: «Ожидать отъ Учредительнаго Собранія безболѣзненнаго рѣшенія всѣхъ проклятыхъ вопросовъ не только пахнетъ парламентскимъ кретинизмомъ, но и политически опасно... Созывъ Учредительнаго Собранія стоитъ и падаетъ съ совѣтской властью». Въ переводѣ на болѣе ясный языкъ это обозначало *условное* признаніе Учредительнаго Собранія—лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно опирается на совѣтскую власть и въ какихъ совѣтская власть его поддержитъ. А еще черезъ двѣ недѣли, какъ бы въ предвидѣніи событій, которымъ суждено было разыграться 5-6 января 1918 г., та же «Правда» № 193 писала: «Если линіи Совѣтовъ и Учредительнаго Собранія разойдутся, если между ними возникнетъ разногласіе, встанетъ вопросъ о томъ, кто точнѣе, правильнѣе и опредѣленнѣе выража-

---

*) «Въ первые же дни, если не часы, послѣ (октябрьскаго) переворота — вспоминалъ черезъ 7 лѣтъ Троцкій — Ленинъ поставилъ вопросъ объ Учредительномъ Собраніи. — Надо отсрочить, — предложилъ онъ, — надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательныя права, давъ ихъ 18-лѣтнимъ. Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенціи, а намъ нужны рабочіе и крестьяне. Корниловцевъ - кадетовъ надо объявить внѣ закона.

Ему возражали: неудобно сейчасъ отсрочивать. Это будетъ понято, какъ ликвидація Учредительнаго Собранія, тѣмъ болѣе, что мы сами обвиняли временное правительство въ оттягиваніи Учредительнаго Собранія.

Ленинъ со своей позиціей оказался одинокимъ. Онъ недовольно помативалъ головой и повторялъ: ошибка, явная ошибка, которая можетъ намъ дорого обойтись. Какъ бы эта ошибка не стоила революціи головы...

Выяснилось тѣмъ временемъ, что мы будемъ въ меньшинствѣ даже съ лѣвыми эс-эрами, которые шли въ общихъ спискахъ съ правыми и были кругомъ обмануты.

— Надо, конечно, разогнать Учредительное Собраніе, — говорилъ Ленинъ, — но вотъ какъ насчетъ лѣвыхъ эсъ-эровъ?

Насъ однако очень утѣшилъ старикъ Натансонъ. Онъ зашелъ къ намъ «посовѣтоваться» и съ первыхъ же словъ сказалъ: «А вѣдь придется, пожалуй, разогнать Учредительное Собраніе силой».

— Браво! — воскликнулъ Ленинъ, что вѣрно, то вѣрно. А пойдутъ ли на это ваши?

— У насъ нѣкоторые колеблются, но я думаю, что въ концѣ концовъ согласятся, — отвѣтилъ Натансонъ» («Правда» № 91 отъ 20. IV. 1924).

етъ волю народныхъ массъ. Мы полагаемъ, что Совѣты, благодаря особенностямъ своей организаціи, точнѣе, правильнѣе и опредѣленнѣе выражаютъ волю рабочихъ, солдатъ и крестьянъ... Вотъ почему Совѣты должны будутъ предложить Учредительному Собранію принять въ качествѣ *постоянной конституціи* россійской республики не ту политическую систему, которая положена въ основу его созыва, а совѣтскую систему, Конституцію Республики Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ».

По подавляющему большинству избирательныхъ округовъ выборы въ Учредительное Собраніе произведены были въ установленный срокъ 12 ноября, — въ нѣкоторыхъ 19 и 26 ноября. Въ циркулярномъ распоряженіи Всероссійской по выборамъ Комиссіи наканунѣ выборовъ отмѣчалось, что «ходъ подготовительныхъ работъ оказался болѣе благополучнымъ, чѣмъ то можно было ожидать при составленіи избирательнаго закона... Только въ 13 округахъ (съ общимъ числомъ членовъ Учредительнаго Собранія 85) возникъ вопросъ о допущеніи отсрочки выборовъ... Предвидѣлась возможность произвести 12-14 ноября избраніе 626 членовъ Учредительнаго Собранія. Что касается 5 фронтовыхъ и двухъ флотскихъ округовъ, то въ нихъ до 20-хъ чиселъ октября подготовительныя работы по выборамъ протекали нормально». (цирк. №1749 отъ 11 ноября)*).

И несмотря на то, что, какъ общее правило, всякіе выборы благопріятствуютъ власти и партіямъ, ихъ проводящимъ, несмотря на психологическій и иной «нажимъ» на избирателя, страна все же требуемаго большевицкой властью довѣрія не вотировала. Примѣненный въ весьма мало благопріятной обстановкѣ внѣшней и внутренней войны, законъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе выдержалъ испытаніе съ честью. «Уралъ не оправдалъ нашихъ ожиданій», — признавался въ своемъ докладѣ петроградскому комитету большевиковъ 12 декабря 17 г. Урицкій. «Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ центра революціонной работы, Учредительное Собраніе пользуется большой популярностью. Эти иллюзіи заставляютъ насъ держаться выжидательной тактики... Созовемъ ли мы Учредительное Собраніе? — Да, созовемъ. — Разгонимъ? — Да, можетъ быть: все зависитъ отъ обстоятельствъ» (Докладъ приведенъ Троцкимъ въ его «1917». — Собраніе сочиненій. Т.III. ч. 2, стр. 364 - 366).

По 54 гражданскимъ и 7 военнымъ округамъ былъ избранъ ко дню открытія Учредительнаго Собранія 601 депутатъ. Изъ нихъ большевиковъ оказалось всего 160, а лѣвыхъ эс-эровъ, вступившихъ въ составъ большевицкаго правительства, — 40. Соціалъ - демократовъ (меньшевиковъ) было избрано 11; кадетовъ — 12; н. - с. — 2; представителей

---

*) Интересно отмѣтить, что какъ разъ **на слѣдующій день послѣ того, какъ выборы въ Учредительное Собраніе состоялись** по большинству избирательныхъ округовъ, несмотря на сумятицу и разруху, внесенныя октябрьскимъ переворотомъ, т. е. 13 ноября, Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, за подписью Ленина и Бончъ - Бруевича, «предложилъ» Всероссійской Комиссіи «сообщить немедленно о мѣрахъ, кои принимаются Комиссіей, чтобы выборы въ Учредительное Собраніе протекали въ установленные сроки».

національныхъ и иныхъ, въ томъ числѣ казачьихъ группъ — 56; с.-р - 320*). Среди 106 членовъ У. С., избранныхъ отъ округовъ, гдѣ выборы состоялись позднѣе, или не успѣвшихъ прибыть въ Петроградъ ко дню открытія Учредительнаго Собранія, оказалось: большевиковъ — 15, меньшевиковъ — 5, к. - д. — 5, національныхъ группъ — 30, неизвѣстной партійной окраски — 1 и с. - р. - овъ — 50. Такимъ образомъ изъ избранныхъ 707 членовъ У. С. с. - р. - овъ оказалось 370, лѣвыхъ с. - р. - овъ — 40, большевиковъ — 175, меньшевиковъ — 16, національныхъ и иныхъ группъ — 86, к. - д. — 17, н. - с. — 2, неизвѣстныхъ — 1 (См. «Всероссійское Учредительное Собраніе». — Гоcизд. 1930. — Стр. 115).

Выборы не были произведены или не были закончены въ Турке-

---

*) До самаго послѣдняго времени почти единственной статистической сводкой «Итоговъ выборовъ во Всероссійское Учредительное Собраніе» оставалась работа **Н. В. Святицкаго,** выпущенная въ 1918 г. московскимъ издательствомъ «Земля и Воля». Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія были опубликованы тѣмъ же авторомъ въ № 3 «Народовластія» (Сборники статей членовъ У. С. фракціи соціалъ - революціонеровъ. — Москва. 1918).

Захвативъ власть, большевики захватили вмѣстѣ съ государственными учрежденіями и всѣ ихъ «дѣла», документы и архивы. Захватили они и всѣ матеріалы, связанные съ подготовкой выборовъ въ У. С., самыми выборами и ихъ итогами, которые имъ удалось найти въ дѣлахъ Временнаго правительства, Всероссійской по выборамъ Комиссіи и въ отдѣльныхъ комиссіяхъ окружныхъ, фронтовыхъ и мѣстныхъ. На основаніи всего этого матеріала выпущено было въ 1930 г. въ изданіи «Архива Октябрьской Революціи» подготовленное къ печати **И. С. Малчевскимъ** и подъ общей редакціей М. Н. Покровскаго и Я. А. Яковлева, — «Всероссійское Учредительное Собраніе».

Въ этой книгѣ, наряду съ никчемнымъ матеріаломъ, — обязательной для всякаго совѣтскаго изданія перепечаткой словъ Ленина, партійныхъ и совѣтскихъ резолюцій и проч., — имѣется и цѣнное. Здѣсь можно найти стенографическій отчетъ засѣданія Учредительнаго Собранія, Постановленія имъ принятыя, рядъ, правда, разрозненныхъ циркуляровъ и распоряженій Всероссійской Комиссіи по выборамъ, нигдѣ еще не опубликованный списокъ членовъ У. С. и кой - какія «выявленныя» составителями дополненія и исправленія относительно численности поданныхъ голосовъ и избранныхъ депутатовъ.

Данныя эти и сейчасъ неполны. Неизвѣстно къ чему относящіяся «Примѣчанія» въ концѣ книги, конечно, политически тенденціозны и неправильны. Нѣкоторыя изъ нихъ невѣрны и фактически («руководить» фракціей с. - р. - овъ въ засѣданіи Учредительнаго Собранія избрана была не «тройка», а «пятерка»; эта пятерка избрана была не тамъ и не тогда, когда и гдѣ указываютъ составители, и состояла не изъ тѣхъ лицъ, которыхъ они называютъ. — Вошедшаго въ исторію Желѣзнякова звали не Викторомъ, а Анатоліемъ; отчество Льва Кроль было не Яковлевичъ, а Афанасьевичъ. И т. п.). — Есть и серьезныя цифровыя «неувязки». Такъ, на стр. 115 по «основному списку членовъ У. С.» показано: С. - ровъ — 320, большевиковъ — 160 и меньшевиковъ — 11. А на стр. 210, 211 и 213, «по внесеніи нѣкоторыхъ исправленій и дополненій на основаній матеріаловъ, хранящихся въ Архивѣ Октябрьской Революціи, установлено, что партія с. р. получила по 60 избирательнымъ округамъ 17.490.837 голосовъ и провела въ Учредительное Собраніе 353 депутата», большевики — собрали 9.562.358 голосовъ и 178 депутатовъ, и, наконецъ, меньшевики — 1.248.958 голосовъ и 15 депутатовъ (изъ нихъ 14 по закавказскому округу).

Тѣмъ не менѣе цыфры, приведенныя въ этой книгѣ, надо признать наиболѣе полными.

станѣ (7 округовъ), Степномъ краѣ (3 округа) и на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Кубано - Черноморскомъ и Терско - Дагестанскомъ округахъ. Недоизбранные 100 депутатовъ должны были представлять преимущественно мусульманское, киргизское и казачье населеніе, менѣе другихъ настроенное въ пользу большевиковъ. Но если даже ограничиться данными о партійной принадлежности только фактически избранныхъ, становится очевиднымъ, что правящія партіи, 175 большевиковъ и 40 лѣвыхъ с.-р.-овъ, составляли лишь 30,4% по отношенію къ общему составу избранныхъ членовъ У. С. Оппозиція насчитывала больше двухъ третей собранія, до 70%*).

Мало расположенная къ положительной оцѣнкѣ выборовъ сводка «По провинціальнымъ газетамъ», опубликованная въ «Нашей Рѣчи» 17. XI. 1917, свидѣтельствовала: «Полученныя до сихъ поръ сообщенія о ходѣ выборовъ рисуютъ почти вездѣ одну и ту же картину. Выборы происходятъ вездѣ «спокойно», почти безъ агитаціи, но, какъ общее явленіе, почти и безъ насилія. Бываютъ, однако, и исключенія». И позднѣе, подводя итоги и находя, что «въ огромномъ большинствѣ сельской Россіи выборы воистину были выборами темными», тотъ же центральный органъ разбитой на выборахъ партіи к. - д. вынужденъ былъ признать: «Въ выборахъ все - таки активно участвовали десятки милліоновъ людей. Пусть не вполнѣ сознательно и не всегда свободно, они совершили, однако, актъ своей воли и облачили своихъ избранниковъ и своимъ довѣріемъ, и своими порученіями. Люди, избранные населеніемъ, «рекомендовались» ему политическими партіями, отвѣчающими хотя бы нѣ-

---

*) Въ разгаръ гражданской войны Ленинъ обратилъ вниманіе на «замѣчательно - интересную» работу Святицкаго и отозвался на нее обширной статьей **«Выборы въ Учредительное Собраніе и диктатура пролетаріата»**, напечатанной въ «Коммунистическомъ Интернаціоналѣ» № 7-8. — Ноябрь - Декабрь 1919 г. — «Данныя о выборахъ въ Учредительное Собраніе, если умѣть ими пользоваться (!)», показали Ленину «еще и еще разъ основныя истины марксистскаго ученія о классовой борьбѣ». Оказывается, «большевизмъ не побѣдилъ бы буржуазію въ 1917 - 1919 годахъ, если бы онъ не научился предварительно, въ 1903 - 1917 гг., безпощадно изгонять изъ партіи революціоннаго авангарда и побѣждать меньшевиковъ, т. е. оппортунистовъ, реформистовъ, соціалъ - шовинистовъ». Анализируя данныя о выборахъ, Ленинъ отмѣтилъ три условія побѣды большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетаріата; 2) почти половина голосовъ въ арміи и 3) подавляющій перевѣсъ силъ въ рѣшающій моментъ въ рѣшающихъ пунктахъ: въ столицахъ и на фронтахъ армій, близкихъ къ центру.

Ленинъ оперируетъ съ данными Святицкаго. Изъ поданныхъ всего 36,26 милл. голосовъ с. - р. - ы получили 16,5 милл., а, если присоединить голоса с. - р. - овъ украинскихъ, мусульманскихъ и иныхъ, то 20,9 милл., т. е. 58%. Если къ этимъ голосамъ присоединить голоса другихъ «партій мелкобуржуазной демократіи» (меньшевиковъ, плехановское «Единство», н. - с. - овъ и др.), то всѣхъ окажется 22,62 милл. или 62%. К.-д. и другія «партіи помѣщиковъ и буржуазіи» получили 4,6 милл. голосовъ, т. е. 13%. За большевиковъ же, или «партію порлетаріата», по характеристикѣ Ленина, подано было всего 9,02 милл., или 25% голосовъ. Но сколь разные голоса тамъ и тутъ! Голосъ голосу только формально и арифметически равенъ. **Политически** же 9,02 м. могутъ быть и больше 22,62 м.! Доказывается это Ленинымъ очень просто: «Городъ не можетъ быть равенъ деревнѣ»...

«Партія пролетаріата» разбила «на голову» не только соперничавшихъ

сколько за ихъ моральный обликъ... Въ сравненіи съ органами захватными, недемократическими, насильническими, Учредительное Собраніе, несмотря на всѣ недостатки своего рожденія, становится воплощеніемъ народной воли и народнаго права» (Передовая въ «Нашемъ Вѣкѣ» отъ 30. XII. 1917).

Къ Учредительному Собранію основная толща русскаго народа относилась съ своеобразной мистической вѣрой, и день выборовъ въ деревняхъ и провинціальныхъ городахъ былъ днемъ праздника и гражданскаго торжества. Далеко разносился церковный благовѣстъ, и, опуская свою избирательную записку въ ящикъ, крестьяне часто осѣняли себя крестнымъ знаменемъ.

Если оставалась еще надежда на ликвидацію большевицкаго переворота, она связывалась исключительно съ оппозиціоннымъ большинствомъ Учредительнаго Собранія. Надежды эти питали не однѣ только политическія партіи и общественныя организаціи, создавшія спеціальные Союзы защиты Учредительнаго Собранія. Ихъ раздѣляли и самые широкіе круги русской общественности и обывательщины. Такъ совѣщаніе городскихъ и земскихъ дѣятелей, собравшееся въ Петроградѣ 9 ноября, опубликовало воззваніе, въ которомъ указывалось, что «исходящая муками на фронтѣ и раздираемая междоусобными распрями въ тылу, окровавленная родина стоитъ на краю гибели. И если есть еще слабая надежда спасти Россію, спасти великую революцію и великій народъ отъ иноземнаго ига и окончательнаго внутренняго распада, это - надежда на Учредительное Собраніе. Только черезъ Учредительное Собраніе, въ ближайшій срокъ созванное, можетъ страна возродиться

съ нею меньшевиковъ, собравшихъ всего 1,4 милл. голосовъ. Если распредѣлить по областямъ данныя по выборамъ, то окажется, что «партія пролетаріата» получила абсолютное большинство въ столичныхъ центрахъ: въ Петроградѣ и Москвѣ за большевиковъ — 837 тысячъ, за с. - р. - овъ — 218 т., за к. - д. — 515,4 т. Она же получила относительное большинство и въ промышленныхъ областяхъ: сѣверной (40%), центрально - промышленной (44%) и западной (44%). Умѣючи «пользуясь» цифрами, Ленинъ доказываетъ, что и отъ арміи и флота «большевики получили немногимъ менѣе, чѣмъ эс - эры»: 1,791 тыс. голосовъ противъ 1.885 тыс.

Если сопоставить эти данныя о выборахъ въ Учредительное Собраніе съ ходомъ двухлѣтней гражданской войны, онѣ объяснятъ, по мнѣнію Ленина, успѣхъ антибольшевицкаго движенія въ крестьянскихъ и «мелкобуржуазныхъ» районахъ. «Наименѣе большевицкими» оказались районы: восточно - уральскій и сибирскій (12% и 10%), украинскій (10%) и поволжско-черноземный (16%). Именно тамъ «фразы о демократіи и «учредиловкѣ» служили на дѣлѣ лишь прикрытіемъ диктатуры помѣщика и капиталиста».

Отсюда и нужный Ленину политическій выводъ: «Господа оппортунисты, въ томъ числѣ и Каутскіанцы, «учатъ» народъ, въ издѣвку надъ ученіемъ Маркса: пролетаріатъ долженъ сначала завоевать большинство посредствомъ всеобщаго избирательнаго права, потомъ получить на основаніи такого голосованія большинства государственную власть и затѣмъ уже на этой основѣ «послѣдовательной» (иные говорятъ «чистой») демократіи организовать соціализмъ. А мы говоримъ на основаніи ученія Маркса и опыта русской революціи: пролетаріатъ долженъ сначала низвергнуть буржуазію и завоевать **себѣ** государственную власть, а потомъ эту государственную власть, т. е. диктатуру пролетаріата, использовать, какъ орудіе своего класса въ цѣляхъ пріобрѣтенія сочувствія трудящихся».

къ новой жизни, только въ Учредительномъ Собраніи, впитавшемъ въ себя лучшія силы россійскихъ народовъ, можетъ обрѣсти страна вѣрный выходъ къ миру, свѣту и свободѣ»*).

Едва ли не наиболѣе яркой иллюстраціей широко распространенныхъ тогда настроеній можетъ служить рѣчь чуткаго и воспріимчиваго Д. С. Мережковскаго на митингѣ союза писателей. Мистикъ и духовѣдъ, онъ съ обычной своей гиперболичностью исповѣдывалъ публично непререкаемую вѣру въ то, что «огни потушить можно, но какъ потушить солнце, Учредительное Собраніе — солнце русской земли. Когда оно взойдетъ — исчезнутъ всѣ призраки. Или, можетъ быть, упырь захочетъ потушить солнце? Ну, что - жъ, пусть попробуетъ! Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что на Учредительномъ Собраніи Ленинъ сломаетъ себѣ голову»! (см. «Новая Рѣчь» отъ 28.X .1917).

Между тѣмъ, какъ разъ въ эти дни, убѣдившись окончательно, что большинства въ Учредительномъ Собраніи за нимъ не будетъ, «упырь» рѣшилъ обратиться къ другимъ путямъ и средствамъ. Онъ легко сообразилъ, что меньшинство — величина относительная, находящаяся въ прямой и обратной зависимости отъ численности большинства. И если нельзя увеличить число избранныхъ членовъ Учредительнаго Собранія большевиковъ, можно всегда уменьшить число членовъ Учредительнаго Собранія враждебныхъ большевикамъ фракцій. И 26 ноября «Правда» пишетъ: «Отвѣтственные слуги пролетаріата должны открыто обратить его вниманіе на то, что классовый конфликтъ имѣется не съ Учредительнымъ Собраніемъ, какъ всенароднымъ представительствомъ,.. но съ кадетами... Теперь еще рано предрѣшать, въ какой формѣ Учредительное Собраніе совершитъ этотъ актъ... Но во всякомъ случаѣ отстраненіе кадетовъ въ той или иной формѣ будетъ неизбѣжнымъ этапомъ въ развитіи революціи, какъ скоро за это выскажется большинство представителей рабочихъ и крестьянъ».

На слѣдующій день, не дожидаясь «акта» Учредительнаго Собранія, власть арестовала прибывшихъ въ Петроградъ членовъ Учредительнаго Собранія к. - д. - овъ: Павла Д. Долгорукова, Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. А еще черезъ три дня опубликованъ былъ декретъ о томъ, что «члены руководящихъ учрежденій партіи кадетовъ, какъ партіи враговъ народа, подлежатъ аресту и преданію суду революціонныхъ трибуналовъ» («Правда» отъ 30-XI, 1917 г.). Декретъ заканчивался словами: «Спасти страну можетъ только Учредительное Собраніе, состоящее изъ представителей трудовыхъ и эксплоатируемыхъ классовъ народа». Большевики уточнили, какъ понимаютъ они «обозначеніе» созыва Учредительнаго Собранія. Эффектъ былъ достигнутъ. На засѣданіи Учредительнаго Собранія 5-го января ни одинъ изъ избранныхъ к. - д. - овъ не присутствовалъ. Число голосовъ, вотировавшихъ

---

*) «У насъ осталась одна надежда — Учредительное Собраніе», — писалъ 3.I, 1918. Л. Красинъ своей женѣ, расчитывая, что правительство Ленина обопрется на большинство Учредительнаго Собранія и и изъ правительства фактическаго превратится въ правительство регулярное. — См. *Krassine.* — Par sa femme Lubov Krassine. — Paris. 1932. — P. 67.

въ засѣданіи противъ большевиковъ, не на много, но все - таки было уменьшено.

Тотъ же пріемъ проектировался одно время и въ отношеніи къ партіи большинства членовъ Учредительнаго Собранія — с. - р., какъ контръ - революціонеровъ, «сумѣвшихъ подстроить выборы такъ, что ихъ будетъ большинство въ Учредительномъ Собраніи» (см. «Деревенская Правда» № 49). Но осуществить этотъ планъ въ цѣломъ все - таки не рискнули. Арестовали только отдѣльныхъ с. - р. - овъ Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова, А. И. Гуковскаго, П. А. Сорокина. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали искать такого, хотя бы и случайнаго, сочетанія обстоятельствъ, при которомъ правящія партіи, хотя бы на короткій срокъ, могли собрать большинство для суммарной и мгновенной санкціи произведеннаго.

Начали съ того, что арестовали 23 ноября членовъ Всероссійской Комиссіи по выборамъ, собравшихся на засѣданіе въ Таврическомъ дворцѣ; при этомъ конфисковали всѣ дѣла и производство по выборамъ. Продолжили тѣмъ, что постановленіемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ отъ 26 ноября открытіе Учредительнаго Собранія было отсрочено на неопредѣленный срокъ — «до прибытія въ Петроградъ болѣе 400 членовъ У. С.» Однако, не считаясь съ этимъ постановленіемъ, 28 ноября, въ день, назначенный еще Временнымъ правительствомъ для открытія У. С., въ Таврическомъ дворцѣ появились члены Учредительнаго Собранія не - правительственныхъ фракцій — с. - р. - ы, к - д. - ы и др. Собралось всего 45 человѣкъ, которые признали себя «не въ числѣ» и устроили «частное совѣщаніе». На немъ было установлено, что «цѣлый рядъ окружныхъ избирательныхъ комиссій, въ силу обстоятельствъ, вызванныхъ гражданской войной, не успѣлъ закончить свои работы и выдать надлежащія удостовѣренія избраннымъ членамъ Учредительнаго Собранія». Собравшіеся сочли, поэтому, необходимымъ отложить «первое пленарное засѣданіе» Учредительнаго Собранія до того дня, который назначутъ члены У. С., признавшіе себя «въ достаточномъ количествѣ».

На это самочинное выступленіе большевики отвѣтили тѣмъ, что закрыли доступъ въ помѣщеніе Таврическаго дворца; ввели внѣшній и внутренній караулы; распустили 2 декабря Всероссійскую Комиссію по выборамъ и потребовали отъ всѣхъ членовъ Учредительнаго Собранія предварительной регистраціи у назначеннаго ими Комиссара *надъ* Всероссійской Комиссіей М. С. Урицкаго (занявшаго впослѣдствіи постъ предсѣдателя петроградской Че - Ка и убитаго студентомъ Канегиссеромъ), — такъ называемой, «урицизаціи»; стали пытаться вступить въ соглашеніе съ отдѣльными «національными» фракціями украинцевъ и татаръ.

Ленинъ предлагалъ вовсе не созывать Учредительное Собраніе, — распустить его, не открывая. Но вынужденъ былъ отказаться отъ этого плана подъ давленіемъ лѣвыхъ соціалистовъ - революціонеровъ, поставившихъ условіемъ своего вхожденія въ составъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ обязательное открытіе Учредительнаго Собранія*).

---

*) *I. Steinberg:* Als ich Volkskomissar war. —München. 1929. S 61.

Параллельно съ этими мѣрами шла и идеологическая обработка и подготовка общественнаго, прежде всего, большевицкаго, мнѣнія. Ибо крамола проникла даже въ большевицкіе ряды. Среди членовъ Учредительнаго Собранія большевицкой фракціи «водворились настроенія праваго крыла и расхожденіе съ мнѣніемъ Ц. К.» — къ 11-24 декабря. И для борьбы съ этими настроеніями рѣшено было принять экстренныя мѣры: смѣстить Бюро фракціи, напомнить всѣмъ членамъ фракціи пунктъ партійнаго устава о подчиненіи всѣхъ представительныхъ учрежденій Ц.К-у, назначить Сокольникова и Бухарина политическими инструкторами фракціи и, наконецъ, изложить подлинное отношеніе большевиковъ къ Учредительному Собранію (См. «Протоколы» Ц. К. — Госиздатъ 1929. — Стр. 194/5). Эту послѣднюю задачу взялъ на себя Ленинъ. И, какъ всегда, рѣшительно и откровенно обнажилъ онъ сущность того, вокругъ и около чего болѣе стыдливые его соратники топтались въ нерѣшительности въ теченіе ряда мѣсяцевъ.

Ленинъ опубликовалъ 26 декабря 19 Тезисовъ объ Учредительномъ Собраніи. Въ нихъ Лютеръ XX-го вѣка признавалъ Учредительное Собраніе «высшей формой демократизма», но — въ предѣлахъ «обычной буржуазной республики» и въ противовѣсъ «имперіалистической республикѣ съ Керенскимъ во главѣ». Требованіе созыва Учредительнаго Собранія было «вполнѣ законнымъ въ программѣ революціонной соціалдемократіи», но — только для прошлаго. Для настоящаго же — «республика совѣтовъ является не только формой болѣе высокаго типа демократическихъ учрежденій, но и *единственной* формой, способной обезпечить наиболѣе безболѣзненный переходъ къ соціализму».

Смыслъ этихъ тезисовъ былъ аналогиченъ смыслу тезисовъ, оглашенныхъ Ленинымъ еще въ апрѣлѣ и тогда не встрѣтившихъ сочувствія даже среди ближайшихъ его единомышленниковъ. Между апрѣльскими и декабрьскими тезисами была только та разница, что апрѣльскіе тезисы сопровождались крикливой борьбой *за* немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, какъ якобы уже превзойденной формы демократизма; декабрьскимъ же тезисамъ сопутствовала такая же борьба *противъ* Учредительнаго Собранія.

Въ самихъ тезисахъ содержалась недвусмысленная угроза по адресу Учредительнаго Собранія на случай, если произойдетъ расхожденіе между «волей народа» и волей «трудящихся» къ утвержденію «республики совѣтовъ». — «Лозунгъ «Вся власть Учредительному Собранію», не считающійся съ завоеваніями рабоче - крестьянской революціи, не считающійся съ совѣтской властью, не считающійся съ рѣшеніемъ Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, — такой лозунгъ сталъ на дѣлѣ лозунгомъ кадетовъ и калединцевъ и ихъ пособниковъ. Для всего народа становится яснымъ, что этотъ лозунгъ фактически означаетъ борьбу за устраненіе совѣтской власти и что Учредительное Собраніе, если оно разошлось съ совѣтской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть» (тез. 14-ый). «Единственнымъ шансомъ на безболѣзненное разрѣшеніе кризиса, создавшагося въ силу несоотвѣтствія выборовъ въ Учредительное Собраніе и воли народа является... безоговорочное заявленіе Учредительнаго Собранія о признаніи совѣтской вла-

сти, совѣтской революціи, ея политики въ вопросѣ о мирѣ, о землѣ и рабочемъ контролѣ, рѣшительное присоединеніе Учредительнаго Собранія къ стану противниковъ кадетско - калединской контръ - революціи» (тез. 18-й).

Нетрудно установить полное совпаденіе, не только смысловое, но и буквенное, этихъ тезисовъ съ тѣми «Тезисами декрета о роспускѣ Учредительнаго Собранія», которое составилъ Ленинъ одиннадцатью днями позднѣе въ Таврическомъ дворцѣ, тотчасъ же послѣ ухода большевицкой фракціи изъ общаго зала засѣданія. Утвержденные Совнаркомомъ 6 января тезисы эти легли въ основу написаннаго тѣмъ же Ленинымъ декрета о роспускѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія (см. цитиров. «Всероссійское Учредительное Собраніе». Госизд. 1930. — Стр. 216). Того же 7 января 1918 г., когда декретъ былъ одобренъ совѣтскимъ ВЦИК-омъ (Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ), спеціальнымъ постановленіемъ послѣдняго были включены въ его составъ члены Учредительнаго Собранія большевицкой и лѣво - с. - р. - ской фракцій — какъ бы въ утѣшеніе и въ возмѣщеніе за утрату званія членовъ У. С., въ награду за лояльный образъ дѣйствій. Всѣ другіе члены У. С., наоборотъ, въ порядкѣ возмездія и кары были окончательно дисквалифицированы и отнесены поголовно къ лагерю «кадетско - калединской контръ - революціи».

V. — ПЕРВЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ВСЕРОССІЙСКАГО УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ

На улицѣ и въ Таврическомъ дворцѣ. — Правящее меньшинство и оппозиціонное большинство. — Гегемонія с.-р-овъ. — Рѣчь предсѣдателя. — Планы с.-р., большевиковъ и лѣвыхъ с.-р.-овъ. — Звѣринецъ и циркъ. — 17-ти часовая Голгофа. — За кулисами Таврическаго дворца. — Уходъ большевиковъ и лѣвыхъ с.-р. — Выступленіе Желѣзнякова. — Постановленія Учредительнаго Собранія. — «Вчерашній день русской революціи» или завтрашній день русской исторіи?

...Завиваетъ вѣтеръ
Бѣлый снѣжокъ.
Подъ снѣжкомъ — ледокъ.
Скользко, тяжко
Всякій ходокъ
Скользитъ - охъ, бѣдняжка!

Отъ зданія къ зданію
Протянутъ канатъ.
На канатѣ — плакатъ:
«Вся власть Учредительному Собранію!»...

А. Блокъ. — Январь. 1918.

1.

5-го января 1918 года выдался въ Петербургѣ обычный зимній день. Ничѣмъ въ природѣ не отмѣченная пятница. Ни солнца, ни вѣтра. Ни сильнаго мороза, ни особо - прозрачнаго, «петербургскаго» воздуха. Много выпавшаго давно и неубраннаго снѣга на крышахъ и на улицахъ.

...Сборный пунктъ фракціи большинства членовъ Учредительнаго Собранія с.-р. назначенъ былъ неподалеку отъ Таврическаго дворца, — еще Временнымъ Правительствомъ оборудованнаго для Учредительнаго Собранія. Собираются къ 10 час. утра не то въ чайной, не то въ

столовкѣ. Тѣсно и суетно. Произвели перекличку. Роздали «розетки» изъ краснаго шелка и красные входные билеты, полученные секретаремъ фракціи для всѣхъ ея членовъ разомъ. Билеты за подписью комиссара надъ Комиссіей по выборамъ въ У. С. — Урицкаго. Подсчитались. Обмѣнялись новостями и слухами. Наиболѣе сенсаціонное, — что выпущены изъ заключенія члены Учредительнаго Собранія соціалисты: Авксентьевъ, Аргуновъ, А. Гуковскій, Пит. Сорокинъ. Неизвѣстно отъ кого исходившій слухъ быстро пріобрѣлъ характеръ достовѣрности. Легко вѣрилось тому, во что вѣрить хотѣлось. По разному комментировали «жестъ» большевиковъ. Частичная ли амнистія или готовность «выявить» подлинную народную волю возможно полнѣе? Во всякомъ случаѣ, это явная уступка со стороны ни въ чемъ неуступчивой власти. Ауспиціи какъ будто болѣе благопріятны, чѣмъ можно было думать...

Въ началѣ двѣнадцатаго выступили. Идутъ растянутой колонной, человѣкъ въ двѣсти, посреди улицы. Съ членами Учредительнаго Собранія небольшое число журналистовъ, знакомыхъ, женъ, запасшихся входными билетами въ Таврическій. До дворца не больше версты. И чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ рѣже прохожіе, тѣмъ чаще — солдаты, красноармейцы, матросы. Они вооружены до зубовъ: за спиной винтовка, на груди и по бокамъ ручныя бомбы, гранаты, револьверы и патроны, патроны безъ конца, всюду, гдѣ только можно ихъ прицѣпить или всунуть. На тротуарахъ одинокіе прохожіе при встрѣчѣ съ необычайной процессіей останавливаются, изрѣдка привѣтствуютъ восклицаніями, а чаще, сочувственно проводивъ глазами, спѣшатъ пройти дальше. Вооруженные подходятъ, справляются, кто и куда идутъ, и возвращаются на свои стоянки и бивуаки, подъ ворота и во дворы.

Шествіе сѣрое, и настроеніе мрачное. Мирнымъ порядкомъ народъ къ Учредительному Собранію явно не пропустятъ. Хватитъ ли у него желанія и рѣшимости прорваться силкомъ?.. Идутъ и гадаютъ. Обмѣниваются полусловами. Будущій секретарь досказываетъ будущему предсѣдателю подробности порядка дня, плана кампаніи, предсѣдательскихъ функцій и полномочій...

Передъ фасадомъ Таврическаго вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Безпорядочно свалены въ кучу пулеметныя ленты. Всѣ ворота заперты. Только крайняя калитка слѣва пріотворена, и въ нее пропускаютъ по билетамъ. Вооруженная стража пристально вглядывается въ лицо прежде, чѣмъ пропустить; оглядываетъ сзади, прощупываетъ спину, послѣ того, какъ пропуститъ. Это первая внѣшняя охрана. Ее несутъ гренадеры, красноармейцы и матросы, прибывшіе наканунѣ изъ Гельсингфорса и Кронштадта*).

---

*) **Влад. Бончъ - Бруевичъ** описываетъ такъ военно - операціонную обстановку, созданную большевиками съ кануна открытія Собранія: «Для охраны порядка въ самомъ Таврическомъ дворцѣ... я вызвалъ команду съ крейсера «Аврора»... Къ этой командѣ были присоединены еще двѣ роты съ броненосца «Республика», подъ предводительствомъ хорошо мнѣ извѣстнаго матроса Желѣзнякова, анархиста - коммуниста, честно и безповоротно (?) ставшаго на точку зрѣнія правительства диктатуры пролетаріата и отдавшаго себя въ полное его распоряженіе... Въ 3 часа ночи я собралъ всѣхъ началь-

Пропускаютъ въ лѣвую дверь. Снова контроль, внутренній. Провѣряютъ люди уже не въ шинеляхъ, а во френчахъ и гимнастеркахъ. Черезъ вестибюль и екатерининскій залъ направляютъ въ залу засѣданія. Повсюду вооруженные люди. Больше всего матросовъ и латышей*). Вооружены, какъ на улицѣ, съ винтовками, гранатами, патронными сумками, револьверами. Количество вооруженныхъ и самое оружіе, звуки его бряцанія, производятъ впечатлѣніе лагеря, готовящагося не то къ оборонѣ, не то къ нападенію. У входа въ залъ засѣданія послѣдній кордонъ.

Внѣшняя обстановка не оставляла никакихъ сомнѣній относительно большевицкихъ видовъ и намѣреній. Выясняется съ несомнѣнностью, что вѣсть объ освобожденіи членовъ Учредительнаго Собранія изъ заключенія — вымышлена. Запоздавшіе коллеги и посторонніе переда-

---

никовъ отрядовъ ввѣреннаго мнѣ района и каждому вручилъ въ запечатанномъ конвертѣ спеціальное заданіе... Я крѣпко пожималъ руку этому изумительному человѣку — герою революціи, матросу Желѣзнякову... Весь вытянувшійся, стройный, какъ тополь, стоялъ онъ, устремивъ въ толпу свои пылающіе, черные, какъ уголь, глаза. Братья, товарищи, — зазвенѣлъ, переливаясь, его пріятный голосъ, потрясенный, взволнованный». («На боевыхъ постахъ февральской и октябрьской революціи», стр. 246 и 247).

Другой герой тѣхъ же дней **Дыбенко** въ воспоминаніяхъ, посвященныхъ «другу - соратнику на революціонномъ поприщѣ тов. А. М. Коллонтай» («Мятежникъ». — Изд. «Красной Нови». — 1923 г.), разсказываетъ о томъ же: «Съ ранняго утра, пока обыватель еще мирно спалъ, на главныхъ улицахъ Петрограда заняли свои посты вѣрные часовые Совѣтской власти - отряды моряковъ... Начальники отрядовъ — все боевые, испытанные еще въ іюлѣ и октябрѣ товарищи. Викторъ Желѣзняковъ со своимъ отрядомъ торжественно выступаетъ охранять Таврическій Дворецъ — само Учредительное Собраніе. Морякъ - анархистъ, онъ искренне возмущался еще на второмъ съѣздѣ Балтфлота, что его имя предложили выставить кандидатомъ въ Учредительное Собраніе. Теперь гордо выступая съ отрядомъ, онъ съ лукавой улыбкой заявляетъ: «Почетное мѣсто займу». Да, онъ не ошибся. Онъ занялъ почетное мѣсто въ исторіи».

Этотъ вошедшій въ исторію анархистъ - коммунистъ и герой Октября оказался все же не безповоротно преданнымъ тѣмъ, для кого онъ «творилъ исторію» въ ночь на 6-ое января 1918 г.: онъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ убитъ большевиками за «бандитизмъ» въ Черниговской губерніи. (Звали его, впрочемъ, не Викторомъ, а Анатоліемъ).

О другихъ матросахъ - герояхъ расправы надъ «самодовольными глупцами, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи вершить судьбу тѣхъ, кто самъ творилъ революцію», тотъ же Бончъ - Бруевичъ сообщаетъ дополнительно: «Часть матросовъ (расквартированныхъ въ Военной Академіи и на Суворовскомъ проспектѣ) оказалась не на высотѣ положенія и стала портить инвентарь Академіи... Эти буйные элементы (!) тутъ же, на зарѣ, были отправлены на суда подъ конвоемъ своихъ же товарищей, для того, чтобы списать этихъ недисциплинированныхъ и разложившихся матросовъ съ кораблей, обезоружить ихъ, обратить въ гражданское состояніе и отправить на родину, что и было выполнено черезъ нѣсколько дней послѣ Учредительнаго Собранія» (тамъ же, стр. 246).

*) **Л. Троцкій** свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ленинѣ, что тотъ настаивалъ на вызовъ въ Петроградъ ко дню открытія Учредительнаго Собранія латышскихъ стрѣлковъ, ибо «русскій мужикъ можетъ колебнуться въ случаѣ чего, — говорилъ онъ, — тутъ нужна пролетарская рѣшимость», и распорядился «о доставкѣ въ Петроградъ одного изъ латышскихъ полковъ, наиболѣе рабочаго по составу» (см. «Правда» отъ 20. IУ. 1924).

ютъ, что демонстранты въ честь Учредительнаго Собранія разсѣиваются воинскими частями; есть уже убитые и раненые; называютъ имена рабочихъ Обуховскаго завода, представителя совѣта крестьянскихъ депутатовъ — Логинова. Ведшіе въ теченіе послѣднихъ полутора мѣсяцевъ усиленную пропаганду среди петроградскаго гарнизона и спеціализировавшіеся на организаціи такъ называемыхъ «реальныхъ силъ» возвращаются съ малоутѣшительными вѣстями. Семеновцы и преображенцы, на которыхъ возлагались главныя надежды, отказываются выступать противъ демонстрантовъ, но не хотятъ и присоединиться къ нимъ: предпочитаютъ держать знакомый еще съ октябрьскихъ дней пресловутый «нейтралитетъ». Другія части склонны видѣть простое недоразумѣніе въ противопоставленіи совѣтской власти — власти Учредительнаго Собранія. Онѣ за *прекращеніе* братоубійственнаго междуусобія *мирнымъ путемъ, путемъ сочетанія* обѣихъ властей.

Аналогичное въ смыслѣ миролюбивости предложеніе дѣлаютъ нѣкоторымъ членамъ с. - р. - овской фракціи члены «соправительственной» партіи лѣвыхъ с. - ровъ. Они предлагаютъ отправиться вмѣстѣ туда, гдѣ происходятъ вооруженныя столкновенія, и, въ цѣляхъ предотвращенія кровопролитія, уговорить манифестантовъ разойтись. С. -р., конечно, отказываются уговаривать народъ, чтобы онъ во имя Учредительнаго Собранія не демонстрировалъ противъ насильниковъ.

Въ тотъ моментъ не многіе сознавали, что событія, разыгравшіяся внѣ стѣнъ Таврическаго дворца и внѣ воздѣйствія большинства, фактически уже предрѣшили исходъ столкновенія, которому предстояло еще произойти въ самомъ дворцѣ. Перевѣсъ реальныхъ силъ опредѣлилъ отношеніе большевиковъ къ Собранію. Нѣкоторые изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ подавленіи уличнаго движенія, въ разгонѣ и разстрѣлѣ демонстрантовъ. Въ отсутствіи этихъ людей большевицкая фракція медлила съ открытіемъ засѣданія, поджидая пополненія своихъ рядовъ и окончательнаго разгона манифестантовъ*).

Открытіе Собранія было назначено на полдень. Но проходилъ часъ за часомъ, и ничто не предвѣщало готовности открыть засѣданія. Изъ

---

*) Тотъ же Дыбенко описываетъ: «Въ 3 часа дня, провѣривъ съ тов. Мясниковымъ караулы, спѣшу въ Таврическій. Въ корридорѣ Таврическаго встрѣчаю Бончъ - Бруевича. На лицѣ его замѣтны нервность и нѣкоторая растерянность... Около 5 часовъ Бончъ - Бруевичъ снова подходитъ и растеряннымъ, взволнованнымъ голосомъ сообщаетъ: «Вы говорите, что въ городѣ все спокойно: между тѣмъ сейчасъ получены свѣдѣнія, что на углу Кирочной и Литейнаго проспекта движется демонстрація около 10 тыс. ымѣстѣ съ солдатами. Направляются прямо къ Таврическому. Какія приняты мѣры?» — «На углу Литейнаго стоитъ отрядъ въ 500 человѣкъ подъ командой тов. Ховрина. Демонстранты къ Таврическому не проникнутъ». — Все же поѣзжайте сейчасъ сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Тов. Ленинъ безпокоится». — На автомобилѣ объѣзжаю всѣ караулы. Къ углу Литейнаго, дѣйствительно, подошла внушительная демонстрація, требовала пропустить ее къ Таврическому дворцу. Матросы не пропускали. Былъ моментъ, когда казалось, что демонстранты бросятся на матросскій отрядъ. Было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ автомобиль. Взводъ матросовъ далъ залпъ въ воздухъ. Толпа разсыпалась во всѣ стороны. Но еще до поздняго вечера

оффиціальныхъ круговъ завѣряли, что отсрочка случайна и кратковременна, — какіе - нибудь полчаса, можетъ быть, нѣсколько затянувшіеся, но и только. Не желая вызывать конфликта по случайному и внѣшне - малозначительному поводу, большинство терпѣливо выжидало всѣ положенные и вновь переотложенные сроки. Но всякому долготерпѣнію приходитъ конецъ. Послѣ новой отсрочки постановлено было во что бы то ни стало Собраніе открыть въ 4 часа. Не откроетъ его власть, откроетъ оппозиція.

Къ четыремъ часамъ физическій побѣдитель на улицѣ уже опредѣлился. Но большинство еще не сознавало предрѣшенности своей судьбы и тщеты своихъ усилій.

Всей фракціей двинулись въ залъ засѣданія. Въ дверяхъ расписались на листахъ. Залъ чисто убранъ и декорированъ. На покрытыхъ коричневой матеріей щитахъ литеры — «У. С.». С. - р. - ы заняли весь центръ и правый секторъ. Правѣе ихъ только три эн - эса да нѣсколько депутатовъ «національно - буржуазныхъ» группъ: б. депутатъ Думы латышъ Гольдманъ; сіонистъ Ю. Бруцкусъ, въ формѣ военнаго врача; эстонецъ Сельяма. Слѣва примыкаютъ къ с. - р. - амъ «національные» депутаты, соціалисты - мусульмане и украинцы. Въ переднихъ рядахъ нѣсколько соціалъ - демократовъ. Еще лѣвѣе — недавніе злополучные товарищи с. - р. - овъ, съ которыми многіе изъ нихъ имѣли несчастіе проходить въ Учредительное Собраніе вмѣстѣ по общимъ избирательнымъ спискамъ, — лѣвые эс - эры. И, наконецъ, подлинные герои дня. Учредительнаго Собранія и всея Россіи главные враги, подъ заранѣе приготовленнымъ плакатомъ — «фракція большевиковъ». Среди нихъ, какъ и среди с. - р. - овъ, нѣсколько женщинъ. Среди с. - р. - овъ В. Н. Фигнеръ, А. Н. Слетова, О. А. Матвѣевская. У нихъ — М. А. Спиридонова, А. М. Коллонтай, будущая слѣдовательница Е. Ф. Размировичъ, будущая чекистка В. Н. Яковлева. На эстрадѣ — командующая верхушка и служилые люди. Рослый, съ цѣпью на груди, похожій на содержателя бань, «жгучій брюнетъ» Дыбенко, Стекловъ, Козловскій. Въ лѣвой отъ предсѣдателя ложѣ Ленинъ, сначала прислушивавшійся, а по-

---

отдѣльныя, незначительныя группы демонстрировали по городу, пытаясь пробраться къ Таврическому. Доступъ былъ твердо прегражденъ». — См. «Мятежники». — Стр. 108.

Хорошо освѣдомленная въ большевицкихъ настроеніяхъ горьковско - сухановская «Новая Жизнь» сообщала, что «Совнаркомъ провелъ въ большой тревогѣ ночь на 5 января. Пришли свѣдѣнія, что преображенскій и семеновскіе полки въ своемъ большинствѣ рѣшили присоединиться къ с-рамъ и примутъ участіе въ манифестаціи подъ лозунгами «Вся власть Учредительному Собранію», что таково же настроеніе 2-го балтійскаго флотскаго экипажа... Тревога изъ Смольнаго передалась всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ. Во всѣ комиссаріаты были вытребованы усиленные наряды красноармейцевъ. Вездѣ установлены были ночныя дежурства. До 5-6 ч. у. въ Смольномъ и комиссаріатахъ не смыкали глазъ». — Еще съ кануна Совнаркомъ предложилъ «членамъ мирныхъ делегацій Германіи, Австріи, Болгаріи и Турціи (находившимся въ то время въ Петроградѣ) перейти на 5 января въ болѣе безопасное помѣщеніе нежели то, въ которомъ они находились». («Новая Жизнь» № 4 отъ 6. I. 1918).

томъ безучастно развалившійся на креслѣ и вскорѣ исчезнувшій*). Троцкаго нѣтъ, — онъ въ Брестѣ...

Ровно въ четыре часа дня изъ рядовъ большинства поднялся с.-р. Лоркипанидзе и предложилъ, чтобы старѣйшій изъ членовъ Учредительнаго Собранія, не дожидаясь появленія отсутствующихъ большевиковъ, открылъ Собраніе. «Старѣйшимъ» фактически былъ Е. Е. Лазаревъ. Но по предварительному соглашенію имъ оказался С. П. Швецовъ. Не спѣша поднимается онъ на трибуну, сопровождаемый тѣмъ, что, разъ начавшись, продолжалось уже непрерывно — съ интервалами, иногда длившимися только секунды, — въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ 12 съ лишнимъ часовъ...

Стенографическій отчетъ кратко и сухо отмѣчаетъ: «Шумъ слѣва. Голоса: «Долой». «Самозванецъ». Продолжительный шумъ и свистъ слѣва». На самомъ дѣлѣ было много ужаснѣе и томительнѣй. Съ выкриками и свистомъ слились воедино вой и урчаніе, топотаніе, хлопаніе пюпитрами и по пюпитрамъ. Бѣснующаяся, потерявшая человѣческій обликъ и разумъ толпа. Особо выдѣлялись своимъ неистовствомъ Крыленко, Луначарскій, Степановъ - Скворцовъ, Спиридонова, Камковъ. Видны открытыя пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные въ ротъ пальцы. Съ хоръ усердно аккомпанируютъ. Весь лѣвый секторъ являлъ собою зрѣлище бѣсноватыхъ: не то циркъ, не то звѣринецъ, обращенные въ лобное мѣсто. Ибо здѣсь не только развлекались, но и пытали и распинали.

Старѣйшій не перестаетъ дѣйствовать предсѣдательскимъ звонкомъ и сквозь шумъ и неистовство объявляетъ Учредительное Собраніе открытымъ. Въ ту же минуту на трибунѣ сзади него и рядомъ появляется рядъ фигуръ. Секретарь ЦИК-а, будущій чекистъ, Аванесовъ, вырываетъ изъ рукъ Швецова звонокъ и передаетъ его Свердлову. Тотъ вторично объявляетъ засѣданіе открытымъ. Именемъ ЦИК-а Свердловъ «выражаетъ надежду» на «полное признаніе» Учредительнымъ Собраніемъ всѣхъ декретовъ и постановленій, изданныхъ Совнаркомомъ, и на одобреніе Собраніемъ деклараціи «россійской соціалистической революціи», провозгласившей не индивидуальныя права человѣка и гражданина «на свободную эксплоатацію людей, лишенныхъ орудій и средствъ производства», а коллективныя «права трудящагося и эксплоатируемаго народа». Это была та самая нелѣпая «Декларція», которя потомъ вошла цѣликомъ въ первую конституцію РСФСР 10 іюля 1918 года и которая пятью годами позднѣе была полностью отброшена тою же совѣтской властью изъ конституціи СССР 6-го іюля 1923 года.

Изъ ложи правительства Ленинъ шлетъ записку въ большевицкую

---

*) «Владимиръ Ильичъ сѣлъ въ кресло, — вспоминалъ позднѣе его лейбъ - хранитель и оберъ - церемоніймейстеръ Бончъ - Бруевичъ. Онъ волновался и былъ мертвенно блѣденъ, какъ никогда. Въ этой совершенно бѣлой блѣдности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горѣли стальнымъ огнемъ... Онъ сѣлъ, сжалъ судорожно руки и сталъ обводить пылающими, сдѣлавшимися громадными, глазами всю залу отъ края и до края ея». («На боевыхъ постахъ февральской и октябрьской революціи», стр. 256).

фракцію. И точно по командѣ поднимается Степановъ - Скворцовъ и предлагаетъ пропѣть Интернаціоналъ. Всѣ встаютъ. Поютъ. У лѣвыхъ и правыхъ свои дирижеры. У с. - р. - овъ находящійся впереди Черновъ, время отъ времени оборачивающійся лицомъ къ депутатамъ и широкой жестикуляціей силящійся ихъ вдохновить и увлечь. Поютъ, однако, далеко не всѣ. На обоихъ флангахъ нестерпимо фальшивятъ. И не только звуки, шедшіе какъ попало, вразбродъ, «по франкціямъ», фальшивятъ...

Устами предсѣдателя ЦИК-а Свердлова большевики предъявили категорическое требованіе — признать «въ корнѣ неправильнымъ, даже съ формальной точки зрѣнія, противопоставленіе себя совѣтской власти. Власть должна принадлежать цѣликомъ и исключительно трудящимся массамъ и ихъ полномочному представительству — Совѣтамъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ». Задачи же Учредительнаго Собранія «исчерпываются общей разработкой коренныхъ основаній соціалистическаго переустройства общества».

Яснѣе нельзя было сказать. Обманувшись въ расчетѣ, — если выборы въ У. С. «дѣлать» будутъ они сами, то и большинство въ Учредительномъ Собраніи будетъ «свое», большевицкое, большевики уже приняли рѣшеніе осуществлять свою власть, не считаясь съ волей Учредительнаго Собранія, безъ него и, въ случаѣ нужды *противъ него.* Но прежде, чѣмъ насильственно упразднить Учредительное Собраніе, совѣтская власть предложила ему добровольно капитулировать, — согласиться на превращеніе въ совѣщательное при Совнаркомѣ учено - изслѣдовательское учрежденіе по вопросамъ соціалистическаго строительства.

Фракція большинства членовъ У. С. и раньше предвидѣла, что разговаривать, убѣждать и спорить съ большевиками въ самомъ засѣданіи Собранія не придется, будетъ безплодно. Единственно важное — провести такъ первое засѣданіе, которое могло стать и послѣднимъ, чтобы укрѣпить позиціи для послѣдующей борьбы съ большевиками. Опасности подстерегали на каждомъ шагу. У. С. могло быть распущено до своего открытія. У. С. могло быть вовсе не открыто за отсутствіемъ «кворума»: за фактическимъ отсутствіемъ достаточнаго числа избранныхъ и зарегистрированныхъ депутатовъ или вслѣдствіе умышленной неявки въ засѣданіе большевиковъ и лѣвыхъ эс - эровъ. Собранію могли не дать даже «конституироваться» и выбрать президіумъ. Учредительное Собраніе могли «занять» выборами президіума и убить на этомъ все засѣданіе. Его могли сорвать и взорвать на любой мелочи: на спорѣ о порядкѣ дня такъ же легко, какъ и на личной вспышкѣ отдѣльнаго члена Собранія. Собраніе могло перестать жить *до* того, какъ дать жизнь Учредительному Собранію. Еще хуже было бы, если бы начавшаяся жизнь оказалась столь краткотечна и безсодержательна, что отъ нея не осталось бы ничего для будущей борьбы съ большевиками, для будущаго устроенія Россіи. Всячески оберегая Учредительное Собраніе — какъ когда - то «берегли» вторую Думу, — нельзя было упускать изъ виду цѣль, ради которой слѣдовало Собраніе беречь. Приходилось осторожно маневрировать между безплоднымъ доктринерствомъ и безъидейнымъ оппортунизмомъ. Надо было уже *первое* засѣданіе непремѣнно закон-

чить такъ, чтобы послѣ него что - нибудь осталось. Не столько, поэтому, задумывалась оппозиція о послѣдующемъ ходѣ работъ У. С., сколько объ его первомъ, можетъ быть единственномъ и рѣшающемъ засѣданіи. Отсюда и спеціальная «Комиссія перваго дня», образованная бюро эс - эровской фракціи.

Эта комиссія выполняла задачу главнаго штаба. Ея планъ былъ простъ. Уступая и отступая передъ противникомъ, не принимать ни въ коемъ случаѣ боя на невыгодныхъ позиціяхъ, по вопросамъ, недоступнымъ пониманію широкихъ массъ, слишкомъ спеціальнымъ, тонкимъ или второстепеннымъ. Бой долженъ быть принятъ на такихъ условіяхъ, чтобы непримиримость обоихъ началъ — *демократіи* подъ лозунгомъ: «Вся власть Учредительному Собранію!» и, такъ называемой, *диктатуры пролетаріата* подъ лозунгомъ: «Вся власть Совѣтамъ!» — проступила возможно отчетливѣе и рѣзче; чтобы не только въ исторіи, но и въ народномъ сознаніи, чувствахъ и воспоминаніяхъ осталась нерушимой связь Учредительнаго Собранія съ народными чаяніями и надеждами. Это въ общихъ линіяхъ былъ тотъ же планъ, что и у первой Думы, распущенной по выигрышному, для закрѣпленія въ народномъ сознаніи идеи народоправства, земельному вопросу. Разница — и не въ пользу Учредительнаго Собранія! — была въ томъ что первая Дума, отбивавшаяся, но тоже не отбившаяся, отъ натиска справа, все-таки *уже* существовала, успѣла конструироваться и начать дѣйствовать, тогда какъ Учредительное Собраніе, противъ своихъ враговъ слѣва, не обладало ничѣмъ, желая стать всѣмъ. Первая Дума *оборонялась*, тогда какъ Учредительному Собранію приходилось итти *штурмомъ*, приходилось быть въ одно и то же время и *знаменемъ* и *знаменосцемъ*.

Особенно крестьяне настаивали во фракціи на томъ, что одно декларативное выраженіе задачъ Учредительнаго Собранія ихъ не устраиваетъ, — недостаточно и непонятно массамъ. Необходимо наглядно, въ формѣ закона, показать, чего добивается и что предполагаетъ осуществить У. С. Они требовали выдвинуть въ первую очередь законопроектъ о землѣ, дабы въ случаѣ, если придется разъѣхаться по домамъ, они могли показать избирателямъ, чего домогалось У. С. и что не дали ему осуществить большевики.

Нѣтъ, оппозиція не упускала изъ виду «реальнаго соотношенія силъ». Именно потому она и не считала возможнымъ связывать будущность Учредительнаго Собранія съ гадательнымъ успѣхомъ уличнаго выступленія демонстрантовъ. Ближайшей заботой фракціи, какъ фракціи, было предотвратить не *физическій разгонъ* У. С., — что было внѣ ея реальныхъ возможностей, какъ фракціи, — а предотвратить *моральный, политическій, дѣловой* провалъ Учредительнаго Собранія*).

---

*) Помимо «Закона о Землѣ», «Обращенія къ союзнымъ державамъ» и «Постановленія о государственномъ устройствѣ Россіи», принятыхъ Учредительнымъ Собраніемъ (полный текстъ приведенъ въ «Всероссійское Учредительное Собраніе» — Госиздатъ 1930. — Стр. 112 и сл.) въ портфелѣ эсэровской фракціи находились подробно разработанные законопроекты объ «Организаци исполнительной власти», объ образованіи «Гвардіи Учредительнаго Собранія» и объ иммунитетѣ его членовъ.

Обстоятельства заставили фракцію с. р. играть главенствующую роль въ У. С. Это вызывалось прежде всего численнымъ первенствомъ фракціи. Это вызывалось и тѣмъ, что болѣе правые члены Собранія, избранные къ 5-му января въ числѣ 64 человѣкъ, за немногочисленнымъ исключеніемъ представителей, такъ называемыхъ, національныхъ группъ, не рискнули вообще явиться на засѣданіе. Кадеты были признаны оффиціально «врагами народа» и частью — Кокошкинъ, Шингаревъ, кн. Павелъ Долгоруковъ — находились въ тюрьмѣ*). Не явился никто и изъ представителей «Союза земельныхъ собственниковъ» и другихъ правыхъ, — въ томъ числѣ и избранный членомъ Учредительнаго Собранія отъ нижегородскаго округа архіепископъ Сергій, замѣстившій впослѣдствіи блюстителя патріаршаго престола.

Но и фракція с. р. была въ значительной мѣрѣ «обезглавлена». Авксентьевъ находился въ Петропавловской крѣпости. Не было и Керенскаго, на которомъ сосредоточились по преимуществу большевицкія клевета и ярость. Большевицкія ищейки разыскивали его вездѣ и повсюду, ночью и днемъ. Онъ былъ въ Петроградѣ, и много усилій потребовалось, чтобы заставить его отказаться отъ мысли явиться въ Таврическій дворецъ для заявленія, что онъ слагаетъ свою власть передъ законно избраннымъ и полномочнымъ Собраніемъ. Отважный до безразсудства Гоцъ явился на засѣданіе, несмотря на приказъ объ его арестѣ за участіе въ юнкерскомъ возстаніи. Охраняемый близкими друзьями, онъ былъ стѣсненъ въ активности. Такимъ же было положеніе и Руднева, возглавившаго сопротивленіе Москвы большевицкому возстанію**). Наконецъ, Черновъ, намѣченный въ предсѣдатели Собранія, тѣмъ самымъ выбывалъ изъ числа руководителей фракціи. Не было *одного* лица, которому можно было бы довѣрить руководство. И фракція довѣрила свою политическую судьбу и честь коллективу — *пятеркѣ*. Зарекшись не поддаваться никакимъ провокаціоннымъ выходкамъ, сохранять хладнокровіе, чего бы это ни стоило, члены большинства Учредительна-

---

*) **Л. А. Кроль** въ своихъ воспоминаніяхъ «За три года» сообщаетъ, что к.-д.-скій «Ц. К. наканунѣ (открытія У. С.) постановилъ, чтобы партійные члены, Учред. Собранія въ первое засѣданіе его не являлись, а въ дальнѣйшемъ — поставить вопросъ въ зависимость отъ освобожденія арестованныхъ членовъ Учред. Собранія».

Тотъ же авторъ, членъ Учред. Собранія отъ Пермской губерніи, пишетъ, къ сожалѣнію, и о томъ, чего онъ не видѣлъ и не знаетъ .Изъ его описанія зала засѣданія въ Таврическомъ дворцѣ слѣдуетъ будто: «Кресла въ залѣ были оставлены строго по числу зарегистрированныхъ, а остальныя вынесены изъ зала. Намъ мѣста не было. За насъ и безъ насъ рѣшали. Очевидно, (?) если бы кто либо изъ насъ явился, то для него было уготовлено другое мѣсто, а не курульное кресло» (стр. 8 и 9).

Все это фактически невѣрно. На правомъ секторѣ свободныхъ мѣстъ было достаточно. Но въ отсутствіи к. д., рѣшали, конечно, безъ нихъ.

**) «Я освѣдомилъ Владимира Ильича о прибытіи цѣлаго ряда лицъ, объявленныхъ правительствомъ внѣ закона, пишетъ Бончъ - Бруевичъ; и мы рѣшили считать ихъ неприкосновенными, пока они находятся въ Таврическомъ дворцѣ, но, конечно, не спускать съ нихъ глазъ. За ними тотчасъ же было установлено наблюденіе» (стр. 255).

го Собранія связали другъ друга торжественнымъ обязательствомъ воздерживаться отъ всякихъ индивидуальныхъ выступленій, слѣдовать установленному плану, а въ случаѣ непредвидѣнномъ и неожиданномъ положиться на находчивость, тактъ и интуицію «пятерки».

Въ планѣ с. - р. - овъ доминировало желаніе удержать У. С. на извѣстной высотѣ, не уронить его достоинства, внѣдрить и углубить его идею въ душѣ народа. И въ то же время они вынуждались уступать обстоятельствамъ и итти на компромиссы. Выжидая, что власть сама обнаружитъ свое убожество и банкротство, большинство не форсировало дня открытія У. С., не поддавалось легкомысленнымъ увѣщаніямъ самочинно открыть собраніе, хотя бы и не въ достаточномъ числѣ и не въ Таврическомъ дворцѣ. И послѣ долгихъ колебаній оно вынуждено было остановить свой выборъ въ предсѣдатели Учредительнаго Собранія на В. М. Черновѣ, отлично сознавая, что и политически и технически его кандидатура мало удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ этой отвѣтственнѣйшей изъ должностей. Рѣшающимъ было то, что Чернова менѣе другихъ коснулись большевицкая клевета и злословіе. «Селянскій министръ», какъ называли Чернова и онъ самъ, и его враги, имѣлъ больше всякаго другого шансовъ конкуррировать съ Ленинымъ въ популярности, — особенно въ крестьянской средѣ.

Черновъ избранъ былъ предсѣдателемъ 244 голосами противъ 151. Конкуррировавшая съ нимъ Спиридонова получила соотвѣтственно 153 бѣлыхъ шара противъ 244 «черняковъ». Предсѣдатель занялъ свое монументальное кресло на эстрадѣ надъ ораторской трибуной. Между нимъ и заломъ образовалось большое разстояніе. И привѣтственная, основоположная рѣчь предсѣдателя не только не преодолѣла образовавшагося «мертваго пространства», — она даже увеличила разстояніе между нимъ и Собраніемъ. Въ наиболѣе «ударныхъ» мѣстахъ рѣчи Чернова по правому сектору пробѣгалъ явственный холодокъ. Рѣчь вызвала общую неудовлетворенность у руководителей фракціи и простодушное непониманіе этой неудовлетворенности со стороны самого оратора.

Конечно, большевики всячески «срывали» Чернова, заглушали его рѣчь свистомъ, оскорбительнымъ улюлюканіемъ и угрожающими выкриками. Въ этомъ активно участвовала не только большевицкая фракція, но и матросы, красноармейцы и прочая большевицкая публика, заполнившая постепенно всѣ ходы и выходы въ самомъ залѣ засѣданія и на хорахъ. Предсѣдатель не разъ, во время своей рѣчи и рѣчи другихъ, - призывалъ аудиторію «уважать достоинство Собранія»; увѣщевалъ и просилъ «публику не вмѣшиваться въ дѣла Собранія и соблюдать спокойствіе»; предлагалъ «удалиться» «гражданамъ, не могущимъ сохранить спокойствіе», грозилъ «поставить вопросъ о томъ, въ состояніи ли здѣсь нѣкоторые вести себя такъ, какъ это подобаетъ членамъ У. С.»; ставилъ на самомъ дѣлѣ вопросъ: «угодно ли Учредительному Собранію, чтобы его предсѣдатель принялъ мѣры къ соблюденію тишины и достоинства Собранія?» и т. д. Но его голосъ и увѣщанія терялись въ гамѣ и выкрикахъ. Многіе его не слышали. Никто не слушалъ.

Кромѣ безпомощно трепькавшаго звонка, въ распоряженіи предсѣ-

дателя не было никакихъ другихъ средствъ воздѣйствія противъ неистовствовавшихъ и буянившихъ. При совмѣщеніи же въ такой аудиторіи функцій оратора съ функціями предсѣдателя невозможно было удовлетворительно выполнить ни тѣ, ни другія функціи. Въ этомъ была *объективная* трудность положенія. Въ томъ же положеніи очутился и М. В. Вишнякъ, избранный секретаремъ Учредительнаго Собранія. На опытѣ легко было ощутить, что значитъ занимать должность, не обладая даже минимумомъ реальныхъ возможностей для осуществленія связанныхъ съ должностью функцій. Ни предсѣдатель, ни секретарь не имѣли въ своемъ распоряженіи не только «приставовъ» для поддержанія элементарнаго порядка въ залѣ, они не имѣли никакого аппарата для обслуживанія засѣданія и веденія даже записи. Самую стенограмму засѣданія — переизданную большевиками съ проредактированнаго секретаремъ изданія— удалось получить лишь въ порядкѣ личныхъ отношеній, установившихся съ персоналомъ Канцеляріи еще въ прежнее время, въ бытность Вишняка секретаремъ, такъ называемаго, Совѣта Республики, или Предпарламента.

Фальшивости внѣшняго положенія — предсѣдателя суверенного Учредительнаго Собранія, располагающаго лишь звонкомъ для осуществленія своей суверенности, — соотвѣтствовало внутренее содержаніе рѣчи В. М. Чернова. Она была выдержана въ интернаціоналистическихъ и соціалистическихъ тонахъ, порою не чуждыхъ демагогіи. Точно ораторъ умышленно искалъ общаго языка съ большевиками, въ чемъ - то хотѣлъ ихъ завѣрить или переубѣдить, а не возможно рѣзче отмежеваться и противопоставить имъ себя, какъ символъ всероссійскаго народовластія. *Это было не то.* Не то, что хоть сколько нибудь могло импонировать, задать тонъ, удовлетворить, хотя бы въ скромной мѣрѣ требованіямъ и ожиданіямъ историческаго момента. То была одна изъ многихъ, будничныхъ и ординарно - шаблонныхъ рѣчей, — далеко не лучшая даже для Чернова. Онъ утверждалъ, что «страна показала небывалое въ исторіи желаніе къ соціализму»; что «всѣ усталые, которые должны вернуться къ своимъ очагамъ, которые не могутъ быть безъ этого, какъ голодные не могутъ быть безъ пищи», должны быть немедленно замѣнены «добровольно шествующей подъ знаменами соціализма арміей»; что «уже самымъ фактомъ открытія перваго засѣданія Учредительнаго Собранія провозглашается конецъ гражданской войны между народами, населяющими Россію». Онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что «важнѣйшій (!) пунктъ соціалистической программы — провѣрочное всенародное голосованіе», и что «какъ только Учредительное Собраніе постигнетъ несчастіе разойтись съ волей народа, оно должно будетъ сложить съ себя полномочія и немедленно назначить перевыборы».

Во время рѣчи Чернова выкрики слѣва, обычно злобные и кровожадные — «безъ пули вамъ не обойтись!» — стали перемежаться презрительными насмѣшками и издѣвкой лично надъ ораторомъ и его рѣчью. На противоположномъ секторѣ эта рѣчь тоже не вызвала энтузіазма. Она не только не создала и не повысила настроенія, а, наоборотъ, понизила его, вызвавъ раздраженіе противъ лидера, съ которымъ было

опредѣленно условлено *о содержаніи* его рѣчи, и который, не предупредивъ, говорилъ иначе, не импровизируя, а справляясь съ записью*).

И то, что не удалось отчетливо и ярко выразить въ предсѣдательской рѣчи, приходилось кропотливо и частично наверстывать въ ходѣ самаго засѣданія. Вся душевная и политическая энергія уходила на то, чтобы пробиться сквозь кавдинскія ущелья большевицкой провокаціи и лѣво - эсэровскаго шантажа, подстерегавшихъ на каждомъ шагу; на то, чтобы выйти изъ борьбы, не умаливъ ея задачъ, не предрѣшивъ ея дальнѣйшихъ путей, но зато съ опредѣленными постановленіями уже не частныхъ лицъ, не партійныхъ комитетовъ или профессіональныхъ съѣздовъ, а *Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.*

И на другомъ флангѣ то, отъ чего уклонился Черновъ, поставили ребромъ представители партіи, захватившей власть. Въ вызывающей по формѣ рѣчи Бухаринъ точно намѣтилъ «водораздѣлъ, который сейчасъ дѣлитъ все собраніе на два непримиримыхъ лагеря»: у *насъ* — «воля къ диктатурѣ трудящихся классовъ», къ «диктаторскому завоеванію всей политической власти», которая «сейчасъ закладываетъ фундаментъ жизни человѣчества на тысячелѣтія»; у *нихъ* же все сводится къ волѣ защищать «паршивенькую буржуазно - парламентарную республику». «Мы съ этой кафедры провозглашаемъ смертельную войну буржуазно парламентарной республикѣ!»

Другіе два большевицкихъ оратора, прошедшихъ черезъ трибуну У. С., если не считать безсвязной рѣчи Дыбенки**), развивали ту же тезу. «Какъ это можно», удивлялся, какъ марксистъ, Скворцовъ - Степановъ, «аппелировать къ такому понятію, какъ общенародная воля... Народъ немыслимъ для марксиста, народъ не дѣйствуетъ въ цѣломъ (а классъ? — *М. В.),* народъ въ цѣломъ фикція, и эта фикція нужна господствующимъ классамъ». А Раскольниковъ, оглашавшій заключительное заявленіе большевиковъ объ ихъ уходѣ изъ Учредительнаго Собра-

---

*) «Рѣчь Чернова многихъ и многихъ не удовлетворила, — вспоминалъ тогда же, въ 18-омъ году **О. С. Миноръ,** — тѣми уклонами, которые какъ бы давали исходъ нѣкоторой лѣвизнѣ, нѣкоторымъ уступкамъ въ сторону большевиковъ. Въ самомъ дѣлѣ программная рѣчь В. М. Чернова была построена какъ бы нарочно для того, чтобы создать какую-нибудь возможность совмѣстной съ большевиками законодательной работы» (Сборникъ статей разныхъ авторовъ, стр. 128. — Изд. «Верфь» — Москва. 1918).

Двусмысленная горьковская «Новая Жизнь» № 4 отъ 6-го января 1918 года давала такую оцѣнку избранію Чернова и его рѣчи: «Правое большинство избрало своимъ предсѣдателемъ Чернова, — фигуру безусловно одіозную для праваго сектора и намѣчавшуюся въ «премьеры» значительной частью большевиковъ послѣ октябрьскаго переворота, во время соглашательской кампаніи Викжеля и интернаціоналистовъ. Далѣе, устами избраннаго предсѣдателя, оно провозгласило такую программу, изложеніе которой прерывалось криками: «это большевистская программа»!

**) Исправляя стенографическій отчетъ о засѣданіи, секретарь Собранія не внесъ ни одной стилистической поправки, ни слова не прибавилъ и не убавилъ, въ стенограмму рѣчи Дыбенко. Въ отмщеніе красѣ и гордости октябрьской революціи — и въ назиданіе потомству! — она сохранена въ неприкосновенности, во всей первобытной безсвязности, съ которой вышла изъ устъ краснорѣчиваго комиссара.

нія, конкретно обозначилъ «партію Керенскаго, Авксентьева, Чернова,» какъ «вчерашній день революціи», «какъ враговъ народа», отвергшихъ, «въ согласіи съ притязаніями буржуазіи», предложеніе «признать для себя обязательной волю громаднаго большинства трудящихся», якобы воплощенную въ деклараціи совѣтовъ.

Большевики оставались себѣ равными. Удивляться ихъ дѣйствіямъ и словамъ могли только тѣ, кто ждалъ отъ нихъ другого. Въ этомъ отношеніи отвратительнѣе была тактика, усвоенная ихъ недавними — незадачливыми и недолгими — соратниками, «дурачками», какъ ихъ назвалъ Ленинъ. Лѣвымъ эс - эрамъ предоставлено было великодушно додѣлать то, что большевики сами не хотѣли — можетъ быть, погнушались — додѣлать. И на «наркомюста» Штейнберга выпала едва ли не самая постыдная роль въ дѣйствѣ 5-го января. Постыдная не потому только, что его прошлое къ такой роли вовсе не обязывало, но и потому, что и много лѣтъ спустя, уже очутившись въ эмиграціи, онъ все еще не оставилъ своихъ попеченій и декламацій о «Нравственномъ ликѣ» Октябрьской революціи. Хмель революціи бросился въ голову этому, отличавшемуся древлимъ благочестіемъ, эс - эру середняку, скромному оборонцу царскаго времени. И, выполняя политическій заказъ «товарищей большевиковъ», онъ, вѣроятно, искренно былъ, а, можетъ быть, и остался убѣжденъ, что дѣлаетъ свое, а не чужое дѣло.

«Величайшее, историческое, революціонное достоинство У. С. заключается въ томъ, чтобы оцѣнить, понять и преклониться передъ царственной волей народа и заложенной въ ней твердыней народной (?), сдѣлать ее своей программой и не смѣть (!) выходить изъ предѣловъ этихъ программъ. Если Учредительное Собраніе вышло изъ нѣдръ того же самого трудового народа, какъ вышли и совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то конфликта въ требованіяхъ, соціальныхъ постановкахъ (?) и чаяніяхъ не можетъ быть. Но если этотъ конфликтъ намѣчается, если этотъ конфликтъ создаютъ, если его всѣми силами хотятъ здѣсь создать, то это значитъ, что У. С. не есть то У. С., которое подчинено волѣ народной», что Учредительное Собраніе чувствуетъ себя — «не ребенкомъ народа», а «отцомъ народа».

Красиво, но не всегда грамотно говорившій ораторъ требовалъ отъ Учредительнаго Собранія «подчиненія волѣ трудового народа, изложенной въ программѣ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ». Это былъ единственный ораторъ, дважды выходившій на трибуну для издѣвки и изобличеній Учредительнаго Собранія въ томъ, что «оно не посмѣло сразу возстать противъ совѣтской власти... не посмѣло отклонить программу Ц. И. К., но считало для себя возможнымъ и доступнымъ уклониться поставить обсужденіе этой программы на повѣстку дня». Желая сохранить хотя бы видимость своей самостоятельности и независимости отъ большевиковъ, хотя бы «оттѣнокъ благородства»*),

---

*) Въ воспоминаніяхъ, выпущенныхъ б. «наркомюстомъ» Штейнбергомъ на нѣмецкомъ языкѣ, уже на положеніи эмигранта, особенно усердно подчеркивается «благородство» лѣвыхъ эс-эровъ, якобы существенно отличавшее ихъ отъ аморальныхъ «соправительствовавшихъ» большевиковъ. Авторъ и сейчасъ отстаиваетъ мысль «соединенія Учредительнаго Собранія и Со-

фракція лѣвыхъ эс - эровъ выразила готовность сдѣлать «еще послѣдній шагъ», несмотря на свое «совершенное согласіе съ товарищами большевиками».

«Вы, правая половина (!) нашего состава У. С.», которые «сдѣлаете все, чтобы перехитрить народъ» и «затемнить сознаніе трудовыхъ массъ», — «будьте добры сегодня, не расходясь, въ этомъ залѣ выяснить ваше отношеніе къ политикѣ войны и мира, которую ведетъ наша совѣтская власть. Мы вамъ ультимативно предлагаемъ ту часть резолюціи ЦИК-а, которая касается политики мира... Имѣйте мужество сегодня, не выходя изъ этого зала, отвѣтить на это, потому что вы тоже поставили этотъ вопросъ, — присоединяетесь ли вы цѣликомъ и безоговорочно къ той политикѣ мира, которую ведетъ нынѣшняя совѣтская власть или вы отъ нея отказываетесь»?...

Такое — и не только такое — мужество у Собранія, конечно, имѣлось. Ультиматумъ лѣвыхъ эс - эровъ былъ отвергнутъ съ тою же рѣшительностью, что и угрозы большевиковъ. Отъ имени «правой половины» Собранія А. Б. Ельяшевичъ заявилъ, что «мы считаемъ ниже достоинства Учредительнаго Собранія, чтобы кто бы то ни было говорилъ съ нимъ языкомъ угрозъ. Мы знаемъ, — вы говорили объ этомъ достаточно откровенно, — что у васъ уже все предрѣшено, что вы, опираясь на штыки, хотите совершить величайшее преступленіе противъ верховной воли самого народа»...

Ораторы смѣняли другъ друга. Центральнымъ было появленіе И. Г. Церетели. Встрѣченный необычнымъ даже для этого собранія ревомъ и воемъ: — «Измѣнникъ!... Палачъ! Предатель!.. Смертная казнь!», — къ концу своей рѣчи онъ съумѣлъ заставить себя слушать и большевиковъ; Зензиновъ; украинецъ Сѣверовъ — Одоевскій; «живописный» крестьянинъ на костыляхъ Сорокинъ; соціалъ - демократъ Скобелевъ, будущій смѣновѣховецъ, — вносящій предложеніе объ избраніи комиссіи для разслѣдованія обстоятельствъ разстрѣла «безъ всякаго предупрежденія», «прямо въ толпу», мирно демонстрировавшую въ честь Учредительнаго Собранія и молитвенно пѣвшую революціонные гимны подъ красными знаменами, которые агенты власти выхватили изъ рукъ, бѣшено рвали на куски и швыряли въ огонь уличныхъ костровъ...*). Другой соціалъ - демократъ, впослѣдствіи полпредъ въ Япо-

---

вѣтовъ» — льда и пламени, которое лѣвые эс-эры предлагали въ качествѣ «компромисса» Учредительному Собранію и большевикамъ. Авторъ говоритъ о засѣданіи 5-го января, какъ **о трагическомъ** засѣданіи, выдаетъ Гоцу свидѣтельство о мужествѣ за его безстрашное появленіе въ засѣданіи, тогда же «доставившее удовлетвореніе» автору. Не воздерживается онъ и отъ скорбной ламентаціи: «Слѣва отъ насъ — весь штабъ старой, увѣнчанной историческими заслугами соціалъ - революціонной партіи. Въ этомъ штабѣ — мы ,лѣвые соціалисты - революціонеры, видѣли все нашихъ учителей, руководителей и предшественниковъ по борьбѣ». И въ заключеніе — не то запоздалое раскаяніе, не то безпредметное воздыханіе: «Какъ стало возможно, чтобы мечта многихъ поколѣній (Учредительное Собраніе) разсѣялась какъ сонъ?» («Als ich Volkskomissar war». — S. 60, 61, 71, 74, 87).

*) Оффиціально зарегистрировано большевиками за 5-ое января по одному Петрограду убитыхъ — 9 и раненыхъ — 22.

нін, Трояновскій; мусульманинъ Цаликовъ; эстонецъ Сельяма; латышъ Гольдманъ; еврей Львовичъ - Давидовичъ. Затянувшаяся рѣчь Тимофеева о мирѣ; простецкая рѣчь крестьянина - втородумца Ефремова о «груди говорящаго подъ угрозою браунинга, грудь каждаго изъ васъ, народные избранники, открыта... Если здѣсь въ стѣнахъ этого высокаго собранія рѣшено кому нибудь изъ насъ пасть жертвою злодѣйства, это послужитъ правдѣ, истинѣ, священной обязанности народнаго избранника»... — И, наконецъ, недвусмысленная угроза большевиковъ, покинувшихъ «это Учредительное Собраніе съ тѣмъ, чтобы передать совѣтской власти окончательное рѣшеніе объ отношеніи къ контръ - революціонной части Учредительнаго Собранія,» — къ «врагамъ народа»*). А часомъ позднѣе — уже въ третьемъ часу утра — аналогичное заявленіе и лѣвыхъ эс - эровъ, уходившихъ изъ Учредительнаго Собранія, не желая покрывать «тотъ грѣхъ, которое совершило правое большинство У. С.», рѣшившее заняться въ первую очередь вопросомъ о землѣ, а не вопросомъ о мирѣ, какъ того ультимативно требовали лѣвые эс - эры.

Проходили долгіе, томительные часы, пока, не поддавшись «лихому подговору», Учредительное Собраніе освободилось отъ всячески тормозившихъ его работу враждебныхъ фракцій. Давно уже зажглось электричество. Напряженность военнаго лагеря все наростала и искала выхода. Красный смѣхъ становился все оглушительнѣе и наглѣе. Съ секретарскаго кресла, лицомъ къ залу, можно было видѣть, какъ вооруженные люди послѣ ухода большевиковъ все чаще, чтобы скоротать время, «для

---

*) «Вспоминается, какъ живая, фигура Ильича, сидящаго на приступкахъ трибуны предсѣдателя. На вылощенныя рѣчи Чернова и Церетели онъ не обращалъ никакого вниманія. Сперва онъ что - то писалъ, а потомъ просто полулежалъ на ступенькахъ то со скучающимъ видомъ, то весело смѣясь.

Около 11 часовъ вечера большевицкая фракція потребовала перерыва для совѣщанія. Передъ нами всталъ вопросъ, что дѣлать дальше? Выступилъ Владиміръ Ильичъ:

— Центральный Комитетъ предлагаетъ уйти съ Учредительнаго Собранія послѣ оглашенія соотвѣтствующей резолюціи, — предложилъ Владиміръ Ильичъ.

...Послѣ нѣкотораго колебанія было рѣшено послѣдовать совѣту Ильича. Для прочтенія резолюціи былъ намѣченъ тов. Раскольниковъ. Мы всѣ стали собираться къ возвращенію въ залу засѣданія.

— Какъ, товарищи? Вы хотите вернуться въ залу и уйти оттуда послѣ прочтенія нашей резолюціи? — спросилъ насъ Владиміръ Ильичъ.

— Да.

— Да развѣ вы не понимаете, что наша резолюція объ уходѣ, сопровождаемая уходомъ всѣхъ насъ, такъ подѣйствуетъ на держащихъ караулъ солдатъ и матросовъ, что они тутъ же перестрѣляютъ всѣхъ оставшихся эсэровъ и меньшевиковъ? — былъ отвѣтъ Ленина.

Многіе съ нимъ согласились не сразу. Послѣ второй энергичной рѣчи Ленина его предложеніе было принято. Большевики не вернулись въ залу засѣданій. Одни разошлись по домамъ, другіе наблюдали сцену съ хоръ, изъ дверей и т. п. На засѣданіе вернулся одинъ тов. Раскольниковъ, который прочиталъ декларацію и ушелъ. На солдатъ караула она произвела громадное

развлеченія», вскидывали винтовку и брали «на мушку» то кого - нибудь изъ находящихся на трибунѣ, то глянцевитый черепъ старика Минора... Ружья и револьверы грозили ежеминутно «сами» разрядиться, ручныя бомбы и гранаты — «сами» взорваться. Какой-то матросъ, признавъ въ Бунаковѣ - Фундаминскомъ былого комиссара черноморскаго флота, безъ долгихъ размышленій тутъ же у трибуны взялъ на изготовку ружье. И только изступленный окрикъ случайнаго сосѣда, эс - эра изъ сектантовъ, Бакуты: «братъ, опомнись!», сопровожденный ударомъ по плечу, остановилъ шалаго матроса*).

Револьверы вынуты и едва не пущены въ ходъ и въ другомъ мѣстѣ — на лѣво - эсеровскихъ и украинскихъ скамьяхъ. Дѣйствующія лица неизвѣстны. Видны только мимика, жесты и револьверъ, отобранный «старшимъ» по фракціи лѣвыхъ эс - эровъ Карелинымъ. Слышно: «Проси прощенія, мерзавецъ!»... Друзья уводятъ Гоца, однимъ своимъ присутствіемъ вызывавшаго непреодолимую ярость на хорахъ и въ самомъ залѣ. Заставляютъ уйти и Руднева, своимъ именемъ породившаго новый кличъ россійскихъ краснокожихъ: «рудневцы,» — едва ли не чаще всего звучавшій въ залѣ, не то какъ призывъ къ расправѣ, не то какъ возгласъ побѣдителей, уже опочившихъ на лаврахъ и праздпующихъ тризну.

Въ полукругломъ залѣ сложенныя по угламъ гранаты и патронныя сумки, составленныя ружья. Не залъ, а становище. Учредительное Со-

---

впечатлѣніе. Многіе изъ нихъ взяли винтовки на изготовку. Товарищъ, бывшій на хорахъ, разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ солдатъ даже прицѣлился въ толпу делегатовъ эс-эровъ. Еще моментъ, и могла бы разыграться ужасная сцена.

Знаютъ ли, подозрѣваютъ ли бывшіе депутаты эс-эры, что только Ленину они обязаны своимъ спасеніемъ отъ смерти? — спрашиваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ленинѣ одинъ изъ большевицкихъ Іудушекъ **Н. Л. Мещеряковъ** («Печать и Революція» № 4 за 1924 годъ — перепечатано въ Сборникѣ воспоминаній «О Ленинѣ», 1 стр. 49).

А въ день десятилѣтняго «юбилея» все позабывшія, кромѣ лжи, «Извѣстія» писали: «Никто не встрѣчалъ пушками и пулеметами избранниковъ въ день открытія («учредилки»). Не было также свалки и скандала.. Штыковъ не было (!), «чернь» на хорахъ «бунтовала» только въ воображеніи струсившаго обывателя, попавшаго волею судебъ въ столь высокое собраніе» («Извѣстія» отъ 19. I. 1928).

И позднѣе большевицкій «историкъ» Н. Рубинштейнъ писалъ: «Историкъ, который разсчитывалъ бы найти драматическіе эффекты въ день пятаго января 1918 г., былъ бы разочарованъ. Внѣшняя обстановка перваго засѣданія У. С. и его роспуска была до нельзя проста». — См. **«Историкъ - марксистъ»** т. 10. — 1929. — Изд. Коммунист. Академіи, стр. 56. — Увы, «драматическихъ эффектовъ» было болѣе, чѣмъ нужно самому требовательному историку!..

*) Членъ Учредительнаго Собранія отъ таврическаго избирательнаго округа Бакута позднѣе оказался «заагентуреннымъ» большевиками «сексотомъ» (секретнымъ сотрудникомъ).

И. Штейнбергъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о «закулисномъ» разстрѣлѣ, произведенномъ въ эти часы матросами въ Таврическомъ саду. — «Совнаркомъ» засѣдалъ въ б. министерскомъ павильонѣ. Ленинъ повѣсилъ свое пальто на стѣну, оставивъ въ немъ свой револьверъ. Одинъ изъ часовыхъ, состоявшихъ при народныхъ комиссарахъ, револьверъ

браніе не только окружено врагами, оно во вражескомъ станѣ, внутри, въ самомъ логовищѣ звѣря. Въ отдѣльныхъ группахъ «митингуютъ», спорятъ. Кое - кто изъ членовъ Собранія пытается убѣдить солдатъ въ правотѣ Учредительнаго Собранія и преступности большевиковъ. Доносится:

— И Ленину пуля, если обманетъ!..

Комната, отведенная подъ фракцію с. - р - овъ, занята матросами. Изъ комендатуры услужливо сообщаютъ, что начальство не гарантируетъ депутатовъ отъ разстрѣла въ залѣ засѣданія. Тягучая тоска, скорбь и боль усугубляются отъ сознанія безысходности положенія и собственнаго безсилія. Жертвенность не находитъ для себя выхода. Что дѣлаютъ, пусть бы дѣлали скорѣй!..

Въ залѣ Собранія матросы и красноармейцы уже совсѣмъ перестали стѣсняться. Прыгаютъ черезъ барьеры ложъ, щелкаютъ на ходу затворами, вихремъ проносятся на хоры. Изъ ушедшей фракціи большевиковъ фактически покинули залъ лишь болѣе видные; менѣе извѣстные лишь перебрались съ депутатскихъ креселъ на хоры и въ проходы и оттуда наблюдаютъ и подаютъ реплики. Въ публикѣ на хорахъ тревога, почти паника. Депутаты на мѣстахъ неподвижны. Большинство Учредительнаго Собранія изолировано отъ міра, какъ изолированъ Таврическій дворецъ отъ Петрограда, Петроградъ — отъ Россіи. Кругомъ шумъ, а большинство точно въ пустынѣ, преданное и покинутое на волю побѣдителей, чтобы за другихъ — за народъ и за Россію — испить горькую чашу. Передаютъ, что къ Таврическому высланы кареты и автомобили для увоза арестуемыхъ. И въ этомъ было даже нѣчто успокоительное, — все таки нѣкоторая опредѣленность!.. Кое - что спѣшно уничтожаютъ, кое - что передаютъ близкимъ, въ публикѣ и въ ложѣ журналистовъ*). Тюремныя кареты не пріѣзжаютъ. Новый слухъ — большевики распорядились выключить электричество. Черезъ нѣсколько минутъ хлопотливая А. Н. Слетова уже добыла десятокъ свѣчей.

Кругъ съуживался. Съ уходомъ лѣвыхъ эс - эровъ, большинство предоставлено самому себѣ. Не у всѣхъ хватило силы выносить великое томленіе. Не вынесъ маяты, въ частности, бывалый крестьянинъ-вологжанинъ, — сбѣжалъ къ ранней заутренѣ наступившаго дня Богоявленія: «Свѣчку хочу поставить Николаю Угоднику»... Въ Таврическій дворецъ онъ больше не вернулся.

присвоилъ. Обнаруживъ пропажу, Лонинъ заявилъ объ этомъ старшему. И къ вечеру, когда приближались часы агоніи Учредительнаго Собранія, — какъ картинно описываетъ раскаявшійся въ содружествѣ съ большевиками комиссаръ, — узнали мы, что матросская стража нашла укравшаго револьверъ. Это былъ одинъ изъ нихъ, и они его тутъ же въ саду разстрѣляли». — (Тамъ же, стр. 159-160). Этотъ эпизодъ частично подтверждаютъ и воспоминанія Бончъ - Бруевича. — Стр. 259).

*) Среди переданныхъ документовъ было и заявленіе — Отчетъ Всероссійскому Учредительному Собранію членовъ Временнаго Правительства, находившихся на свободѣ.

...Былъ пятый часъ утра. Оглашали и вотировали заготовленный законъ о землѣ. На трибуну поднялся неизвѣстный матросъ, — одинъ изъ многихъ, слонявшихся весь день и ночь въ кулуарахъ и проходахъ. Приблизившись къ креслу предсѣдателя, занятаго процедурой голосованія, матросъ постоялъ нѣкоторое время, подождалъ и, видя, что на него не обращаютъ вниманія, рѣшилъ, что насталъ часъ войти въ исторію. Обладатель историческаго отнынѣ имени, Желѣзняковъ тронулъ предсѣдателя за рукавъ и заявилъ, что, согласно полученной имъ отъ комиссара (Дыбенки) инструкціи, всѣ присутствующіе должны покинуть залъ засѣданія.

Началось препирательство между В. М. Черновымъ, настаивавшимъ на томъ, что «Учредительное Собраніе можетъ разойтись лишь въ томъ случаѣ, если будетъ употреблена сила», и «гражданиномъ матросомъ», настаивавшимъ, чтобы «немедленно покинули залъ засѣданія». Физическая сила, увы, была на сторонѣ «анархиста - коммуниста» и побѣдилъ не Викторъ Черновъ, а Анатолій Желѣзняковъ. Быстро заслушивается рядъ внѣочередныхъ заявленій, и, въ порядкѣ спѣшности, открытымъ голосованіемъ принимаются, по оглашеніи, 10 первыхъ статей Основного закона о землѣ, обращеніе къ союзнымъ державамъ, отвергающее сепаратные переговоры, и «именемъ народовъ, государство Россійское составляющихъ», постановленіе о федеративномъ устройствѣ Россійской демократической Республики. Въ 4 ч. 40 м. утра первое засѣданіе Всероссійскаго Учредительнаго Собранія закрывается. Слѣдующее назначается на 5 час. того же дня...

Медленный потокъ выноситъ взволнованную толпу изъ зала. Спускается со своей вышки В. М. Черновъ, свертывая въ трубочку бумажки. Проходитъ къ вѣшалкамъ съ платьемъ. Караулъ не останавливаетъ*). Только слышится по адресу Чернова:

— Вотъ этого бы въ бокъ штыкомъ!..

---

*) Позднѣе большевики сообщили, что въ концѣ ночного засѣданія караулу былъ данъ приказъ, подписанный собственноручно Ленинымъ и Урицкимъ: — «Предписываю товарищамъ солдатамъ и матросамъ, не допускать насилія по отношенію къ контръ - революціоннымъ членамъ У. С. и свободно выпускать всѣхъ изъ Таврическаго дворца. Никого не впускать безъ особаго приказа» (см. «Всероссійское Учредительное Собраніе» — Госизд. 1930 стр. 207).

Дыбенко въ своей книгѣ описываетъ этотъ эпизодъ по своему (называя своего любимаго героя уже Желѣзнякомъ): — «Я отдалъ приказъ разогнать Учредительное Собраніе уже послѣ того, какъ изъ Таврическаго уйдутъ народные комиссары. Объ этомъ приказѣ узналъ тов. Ленинъ. Онъ обратился ко мнѣ и потребовалъ его отмѣны.

— А вы дадите подписку, Владимиръ Ильичъ, что завтра не падетъ ни одна матросская голова на улицахъ Петрограда?

Товарищъ Ленинъ прибѣгаетъ къ содѣйствію тов. Колонтай (!), чтобы заставить меня отмѣнить приказъ. Вызываю Желѣзняка. Ленинъ приказываетъ ему приказа не выполнять и накладываетъ на мой письменный приказъ свою резолюцію:

«Тов. Желѣзняку. Учредительное Собраніе не разгонять до окончанія

...Не чувствуется утомленія. Грызетъ тоска и горечь. На душѣ сумрачно и тревожно. Что готовитъ грядущій день Россіи? Учредительному Собранію? Его членамъ?

«Нашихъ дѣдовъ мечта невозможная,
Нашихъ героевъ жертва острожная,
Наша молитва устами несмѣлыми.
Наша надежда и воздыханіе —
Учредительное Собраніе, —
Что мы съ нимъ сдѣлали?!.»

(З. Гиппіусъ. — Январь. 1918).

сегодняшняго засѣданія». На словахъ онъ добавляетъ: «Завтра, съ утра, въ Таврическій никого не пропускать».

Желѣзнякъ, обращаясь къ Владиміру Ильичу, проситъ надпись «Желѣзняку» замѣнить «Дыбенко». Владиміръ Ильичъ полушутливо отмахивается и тутъ же уѣзжаетъ на автомобилѣ. За тов. Ленинымъ покидаютъ Таврическій и остальные народные комиссары. При выходѣ встрѣчаю Желѣзняка.

Желѣзнякъ: — Что мнѣ будетъ, если я не выполню приказанія тов. Ленина.

Я отвѣчаю: — Учредиловку разгоните, а завтра разберемся.

Желѣзнякъ только того и ждалъ». («Мятежники», стр 110).

VI. — ВСЕРОССІЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ ВЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНѢ

Роль идей въ гражданской войнѣ. — Два лагеря по признаку признанія и отрицанія идеи и факта Учредительнаго Собранія. — «Осколки» Долгаго Парламента» въ Англіи 17-го вѣка. — Положительныя и отрицательныя стороны с.-р.-скаго возглавленія вооруженной борьбы противъ совѣтской власти — VIII совѣтъ партіи с.-р. въ Москвѣ и мѣры «спасенія родины и революціи». — Возстановленіе Учредительнаго Собранія перваго созыва или созывъ новаго Учредительнаго Собранія? — Программа и тактика с.-р., н.-с., с.-д., к.-д. и Союза Возрожденія.

1.

Большевики были инціаторами гражданской войны въ Россіи. Они сдѣлали войну методомъ своего политическаго управленія. Но къ побѣдѣ они пришли подъ самыми пасифистскими лозунгами: во имя ликвидаціи внѣшней, «имперіалистической» войны и для «обезпеченія» созыва Учредительнаго Собранія, который саботируетъ буржуазія, противящаяся безкровному удовлетворенію справедливыхъ нуждъ народа. Главную же причину затянувшагося октябрьскаго торжества надлежитъ видѣть въ томъ, что, однажды обманутый, народъ уже потерялъ вкусъ и вѣру въ возможность устроенія своихъ судебъ путемъ междуусобной гражданской войны. Какъ бываетъ въ индивидуальной жизни, страхъ смерти или ужасовъ гражданской войны оказался «страшнѣе» или сильнѣе самой смерти - перманентной войны, синонима и сущности большевизма. «Гражданская война это тріумфъ совѣтской власти», говорилъ Ленинъ, защищая брестскій миръ и обнаруживая подлинное свое отношеніе къ *миру* и *войнѣ*.

Органическіе и принципіальные ненавистники гражданской войны и большевиковъ недооцѣнили однако всей мѣры отталкиванія отъ нея русскихъ народныхъ массъ. Въ этомъ отталкиваніи, можетъ быть, было меньше отъ морально - революціоннаго толстовскаго «непріятія насилія», нежели отъ примитивнаго консерватизма, формулированнаго еще Монтэнемъ — «Всякое существующее правительство лучше грядущаго уже тѣмъ, что оно существуетъ»... Можетъ быть, здѣсь вообще

было больше не отъ разума, а отъ инстинкта, отъ недостаточности гражданскаго воспитанія, шкурной корысти. Какъ бы то ни стало, но рѣшающій факторъ въ гражданской войнѣ — народъ, народъ этой войны упорно не принималъ, пересталъ принимать войну на всѣхъ фронтахъ или принималъ ее, какъ исключеніе, только въ рѣдкіе моменты и на недолгій срокъ.

Этотъ непреложный фактъ подтверждается неудачами на всѣхъ антибольшевистскихъ фронтахъ. Онъ подтверждается и постоянствомъ встрѣчныхъ «миграцій» красныхъ къ бѣлымъ и бѣлыхъ къ краснымъ, въ зависимости отъ обозначившагося мѣстнаго успѣха, и стихійнымъ накопленіемъ «зеленыхъ» и всевозможныхъ «партизанъ», не принимавшихъ Колчака или Деникина, но не капитулировавшихъ и передъ Ленинымъ.

Успѣхъ войны во всѣ времена и у всѣхъ народовъ обуславливался не только живой силой или численностью штыковъ, а и тѣми, по убѣжденію многихъ, мертвыми и отвлеченными идеями, во имя которыхъ войны велись, — тѣми *цѣлями,* которыя войнѣ ставились.

Эволюція во времени и культурѣ народовъ шла въ двоякомъ направленіи: по линіи видоизмѣненія содержанія этихъ идей и цѣлей, ихъ смягченія и усложненія, и по линіи большаго захвата ими вглубь и вширь воюющихъ на фронтѣ и въ тылу, въ увлеченіи идеями и цѣлями борьбы, въ предѣлѣ — всей страны. Какъ правило, выигрывала войну та сторона, у которой сильнѣе оказывались «нервы» — производное отъ общаго состоянія «духа» и «морали» бойцовъ, отъ степени ихъ увѣренности въ своей правотѣ и неправотѣ противника.

Еще существеннѣе и яснѣй роль идей и цѣлей въ борьбѣ не съ внѣшнимъ противникомъ, а внутри страны. Здѣсь онѣ уже не нѣкое идеологическое лишь «сопровожденіе» къ главному, физическому столкновенію противоборствующихъ національно - государственныхъ единствъ. Наоборотъ, здѣсь физическое столкновеніе сопровождаетъ главное, что составляетъ смыслъ и содержаніе гражданской войны, — борьбу за одни учрежденія, системы и методы управленія и уничтоженіе другихъ; за отвращеніе отъ однѣхъ, мнимыхъ или ложныхъ цѣнностей и привлеченіе къ другимъ, подлиннымъ. «Интересы» питаютъ, конечно, и гражданскую войну. Но только «души», опредѣленное состояніе сердецъ и умовъ, ее родятъ и убиваютъ.

На опытѣ не завершенной еще Россіей гражданской войны дана была прискорбная возможность провѣрить правильность этого обобщенія.

Фанатически стойко боролись за людскія души большевики. Виртуозно использовали они свою систему идей, и какъ, зачастую, безпомощны оказывались многіе изъ противниковъ большевиковъ. Они сами въ этомъ позднѣе признавались. Жалки бывали не только способы агитаціи и пропаганды, которыми пытались дискредитировать большевицкую идеологію и защитить свою. Безпомощнымъ и лицемѣрнымъ оказывалось нерѣдко самое содержаніе антибольшевицкой идеологіи.

Не одинъ только «Освагъ», въ качествѣ органа освѣдомленія и развѣдки поставлявшій идеи и разрабатывавшій идеологію бѣлаго движе-

нія, не имѣлъ въ этомъ отношеніи что предъявить и не въ силахъ былъ увлечь не то, что массы, но и самую остепенившуюся и на все заранѣе согласную общественность. Бѣлое движеніе въ цѣломъ, когда оно переставало быть двуличнымъ и двусмысленнымъ и, отказываясь объять необъятное, пробовало давать *свои* отвѣты по насущно - острымъ вопросамъ, — даже какъ «чистая идея» оказывалось безжизненнымъ и въ революціонныхъ условіяхъ своего времени ирреальнымъ. Ибо не только по своему личному составу, какъ это впослѣдствіи призналъ и самъ ген. Деникинъ, въ качествѣ историка возглавлявшагося имъ движенія, армія была опредѣленно *классовой*, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ принадлежавшей къ обездоленнымъ революціей классамъ. Армія была и своимъ духовно - душевнымъ устремленіемъ обращена не впередъ, а назадъ, не къ *разрѣшенію* революціоннаго кризиса, а къ насильственному его преодолѣнію, къ *истребленію* вмѣстѣ съ ненавистными завоеваніями революціи ея вольныхъ и невольныхъ служителей, къ утвержденію утопичнѣйшей изъ утопій — бывшее сдѣлать небывшимъ.

Какими только лозунгами ни прикрывалось — искренне и лицемѣрно — антибольшевицкое движеніе. Но одни изъ этихъ лозунговъ были слишкомъ общи: кто не взывалъ къ «народу» и кто не думалъ, что онъ радѣетъ объ «отечествѣ»?!*) И большевики давно уже смотрятъ на Россію, какъ на *свое* отечество, какъ на родину Совѣтовъ и всѣхъ трудящихся. Другіе, слишкомъ явно односторонніе, исходили изъ интересовъ лишь опредѣленнаго класса, національности или партіи или только такимъ интересамъ шли навстрѣчу.

Правда, ни одна идея, противопоставленная большевизму, не побѣдила. Этимъ отнюдь не доказана, однако, жизнеспособность или тѣмъ болѣе истинность большевизма. Нѣтъ, всеобщее пораженіе доказываетъ лишь всеобщность ошибокъ. Но ошиблись всѣ не въ большевизмѣ, котораго якобы недооцѣнили, а въ томъ, что большевизму было противопоставлено, и что, на самомъ дѣлѣ, переоцѣнили. Переоцѣнили и дѣйствен-

---

*) Въ «Быховскомъ Альбомѣ», составленномъ ген. Корниловымъ и его сотоварищами, имѣется слѣдующая запись виднаго вождя и «идеолога» бѣлой борьбы ген. Лукомскаго:

«Въ іюнѣ 1790 г. на одномъ изъ засѣданіи Учредительнаго Собранія правая сторона возражала противъ права рѣшать вопросы о конституціи страны. Мирабо отвѣтилъ такъ: «Вы всѣ помните слова великаго человѣка древности, пренебрегшаго законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопросъ трибуна, соблюлъ ли онъ законъ, онъ отвѣчалъ: клянусь, я спасъ отечество. Господа (обращаясь къ депутатамъ общинъ), клянусь, что вы спасли Францію». — Ген. Корниловъ и «корниловцы» могутъ смѣло сказать: «Клянемся, что въ своихъ дѣйствіяхъ мы руководствовались лишь тѣмъ, чтобы спасти Россію». — (См. «Бѣлое Дѣло». — Лѣтопись бѣлой борьбы». Подъ ред. А. А. Фонъ - Лампе. Т. II.).

Ген. Лукомскій видимо и не замѣтилъ рискованности не только своего сравненія съ Мирабо, но и главнаго — что «корниловцы», и онъ въ томъ числѣ, лишь «руководствовались» тѣмъ, чтобы спасти отечество, тогда какъ римляне фактически его спасли; «корниловцы», и среди нихъ Лукомскій, въ предвидѣніи неосуществленнаго ими спасенія заявляли о своемъ «пренебреженіи» къ законнымъ формальностямъ, тогда какъ римляне сначала спасли отечество, а уже потомъ добивались отпущенія своихъ беззаконій...

Только и вся разница!

ность той идеи, которая политически, какъ принципіальное и предѣльное отрицаніе существа большевизма, только и должно было быть ему противопоставлено, — идею Учредительнаго Собранія.

Большевики съумѣли сыграть — и выиграть — на влеченіи къ миру во время войны. Съумѣли они сыграть — и остаться въ выигрышѣ — и на отталкиваніи отъ гражданской войны въ періодъ повсемѣстнаго ея торжества. Это не отмѣняетъ того, что для ликвидаціи революціи и выхода изъ хаоса фактическихъ отношеній на путь права, гражданской войнѣ можетъ быть противопоставлена по прежнему лишь система гражданскихъ свободъ и политическое самоопредѣленіе народа черезъ избранное на демократическихъ началахъ представительство.

Незамѣнимость этой идеи никакою другой подтверждается косвенно и тѣмъ, что даже закоренѣлые ея враги, испробовавъ всѣ другія идеи и цѣли, начавъ съ проклятій и хулы по адресу Учредительнаго Собранія, какъ доктринерской выдумки безотвѣтственныхъ политикановъ, кончали тѣмъ, что сами къ этой же идеѣ обращались, славили ее и благословляли, несмотря на то, что благословленіе въ ихъ устахъ звучало лицемѣрной данью, которую порокъ, съ упущеніемъ всѣхъ сроковъ, приносилъ добродѣтели... Такъ было на всѣхъ фронтахъ антибольшевицкой борьбы: послѣ переворота Чаплина — Пуля, ближе къ миллеровской эвакуаціи на сѣверѣ; послѣ переворота Михайлова - Пепеляева и Нокса, во второй періодъ правленія Колчака въ Сибири; при Деникинѣ и Врангелѣ на югѣ; при Родзянкѣ и Юденичѣ послѣ «переворота» ген. Марча на такъ - называемомъ сѣверо - западномъ или петроградскомъ фронтѣ.

То была Немезида всѣхъ могильщиковъ свободы и народоправства, обличавшая ихъ внутреннюю фальшь и ничтожество. Одержавъ надъ началами народоправства побѣду физически и внѣшне, они вынуждены были сами, втихомолку и украдкой, капитулировать передъ этими началами морально.

Не надо обманываться относительно популярности идеи Учредительнаго Собранія въ зарубежной или даже Совѣтской Россіи. Выдвигая требованіе Учредительнаго Собранія въ *итогѣ* своихъ неудачъ и *послѣ* того, какъ раньше они пробовали обойтись безъ него, правые круги, спасая себя, только компрометировали идею Учредительнаго Собранія. Съ другой стороны, не безгрѣшны были и лѣвые, пламенные и убѣжденные защитники У. С. О томъ и о другомъ даютъ представленіе тѣ изъ страницъ гражданской войны, которыя касаются борьбы противъ большевиковъ именемъ и при активномъ участіи членовъ Учредительнаго Собранія, исторически даннаго Россіи 17-го года. Не претендуя давать исторію гражданской войны, мы остановимся, поэтому, не на хроникѣ событій, а лишь на той политической линіи, которую вели «осколки» Учредительнаго Собранія въ борьбѣ противъ тѣхъ, кто поднялъ на него руку.

Побѣда осталась не за тѣми, кто защиту своихъ правъ сопрягалъ съ защитой прерогативъ Учредительнаго Собранія не въ идеѣ только, но и in concreto. Надъ ними верхъ взяли тѣ, кто, какъ и большевики, находили положительное значеніе въ разгонѣ «неработоспособнаго»,

«эсэровскаго», «черновскаго» и т. д. Учредительнаго Собранія. Обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія пораженіе «учредиловцевъ» въ ихъ борьбѣ противъ большевиковъ, представляются намъ поучительными не только исторически, но и политически. Можетъ быть теперь, когда вскрылись не только итоги побѣды надъ «учредиловцами», но явными стали и скрытые — и умышленно скрывавшіеся — факты и процессы борьбы противъ нихъ, нелицепріятное общественное мнѣніе лучше разберется въ томъ, слѣдовало ли — слѣдуетъ ли по сей день*) — пламень своего негодованія въ самый разгаръ гражданской войны направлять не противъ главнаго врага, большевиковъ, а противъ тѣхъ, кто ихъ «создалъ» и во время не съумѣлъ ликвидировать?

Теперь уже на опытѣ явлено, что диктатура, даже военная, адмиральская и генеральская, еще не гарантируетъ успѣшной ликвидаціи большевиковъ. Теперь уже опытнымъ путемъ доказано, что ни одна политическая группировка не состоитъ изъ одних только праведниковъ, что Слащевы и Ключниковы встрѣчаются въ самыхъ крайнихъ антибольшевицкихъ группировкахъ, и что даже въ такой немногочисленной и, потому, подобранной партіи, какъ п.-с., діапазонъ пореволюціоннаго расхожденія можетъ итти отъ И. П. Алексинскаго, возглавившую самую правую, съ участіемъ Маркова 2-го, организацію, и до «смѣнившаго вѣхи» въ сторону большевиковъ А. В. Пѣшехонова.

Въ свѣтѣ новаго опыта — не сейчасъ, такъ позднѣе, — не потребуетъ ли объективный или претендующій на объекитивность *историческій* подходъ пересмотра взгляда на тѣхъ, кто искони знамя своей политической вѣры полагали въ народовластіи и гражданскихъ свободахъ и этому знамени пытались слѣдовать и въ жизни?

2.

Въ первомъ и послѣднемъ засѣданіи Учредительнаго Собранія, въ ночь на 6-ое января 18 года, большевицкіе ораторы съ полной отчетливостью опредѣлили создавшееся положеніе. Вы — по одну сторону баррикады, мы — по другую. «Вы въ одномъ мірѣ, съ кадстами и буржуазіей, мы въ другомъ мірѣ, съ крестьянами и рабочими», — говорилъ Скворцовъ - Степановъ. «Водораздѣлъ, который сейчасъ дѣлитъ все собраніе на два непримиримыхъ лагеря», это — «воля къ диктатурѣ трудящихся классовъ», къ «диктаторскому завоеванію политической власти». «Вопросъ о власти революціоннаго пролетаріата есть коренной вопросъ текущей дѣйствительности, который будетъ рѣшенъ гражданской войной», — предсказывалъ Бухаринъ.

---

*) «Въ нашей революціи много страницъ страшныхъ, вызывающихъ чувства ужаса, отвращенія, гнѣва, мести, — писалъ А. С. Изгоевъ еще въ 1923 г. («Руль» № 909. — Берлинъ). Но есть въ ней и худшія страницы, самыя позорныя, которыя вызываютъ не ужасъ, а презрѣніе, не гнѣвъ, а пренебрежительную усмѣшку. Первой и самой яркой такой страницей является однодневное существованіе Всероссійскаго Учредительнаго собранія.. Не одинъ, а всѣ (!) русскіе люди всѣхъ (!!) партій признаютъ, что болѣе позорной страницы русская исторія XX вѣка не знаетъ»..

Правильность обрисованной дислокаціи была тутъ же признана и представителемъ другого лагеря или «міра», Церетели. И онъ констатировалъ, что «съ того времени какъ вы (большевики) вступили на путь диктатуры меньшинства, линія гражданской войны прошла черезъ сердце демократіи». Уходя изъ Учредительнаго Собранія, объявивъ его «вчерашнимъ днемъ революціи», большевики предупредили, въ оглашенной Раскольниковымъ деклараціи, что «покидаютъ это Учредительное Собраніе съ тѣмъ, чтобы передать совѣтской власти окончательное рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ контръ - революціонной части Учредительнаго Собранія»...

Война была объявлена оффиціально. Но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ огонь шелъ въ одномъ только направленіи, — серьезнаго сопротивленія не было.

Большевики ушли. За ними потянулись лѣвые эсэры. А «Контръреволюціонное большинство «Учредительнаго Собранія, въ крайней почной спѣшкѣ, старалось тутъ же въ Таврическомъ Дворцѣ закрѣпить исходныя позиціи для послѣдующихъ битвъ. Запоздалое и тусклое петроградское утро развело враждующія стороны. А на слѣдующій день депутаты наткнулись уже на запертыя у дворцовыхъ воротъ рѣшетки, какъ это бывало и раньше, при роспускахъ врасплохъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы. Ленинъ въ 18-мъ году лишь повторилъ столыпинскіе образцы 6-го и 7-го г. г. Находя, что «трудящимся классамъ пришлось убѣдиться на опытѣ, что старый буржуазный парламентаризмъ пережилъ себя, что онъ совершенно не совмѣстимъ съ задачами осуществленія соціализма, что не общенаціональныя, а только классовыя учрежденія (каковы Совѣты) въ состояніи побѣдить сопротивленіе имущихъ», декретъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета постановилъ: — «Учредительное Собраніе распускается».

Отъ того, что Учредительное Собраніе было распущено волею непризнанной власти, этотъ актъ ни въ малой мѣрѣ не становился, конечно, правомѣрнымъ прежде всего въ глазахъ «контръ - революціоннаго большинства» Собранія, а затѣмъ, слѣдовало думать, и въ глазахъ всего антибольшевицкаго «міра». Однако съ самаго же начала два обстоятельства, способствуя подрыву авторитета Учредительнго Собранія, сыграли въ руку тѣмъ, кто сталъ оспаривать право большинства Учредительнаго Собранія считать себя правомочнымъ представителемъ народнаго мнѣнія и воли.

Прежде всего — самый фактъ роспуска или неудачи окрылилъ противоположными настроеніями тѣхъ, кто до 6-го января именно въ У. С. и только въ немъ видѣлъ единственно возможную преграду большевицкому насилію. Чѣмъ сильнѣе были вѣра въ политическое чудо, надежды и желаніе, что отъ одного гласа У. С. падутъ устои захватнической власти, тѣмъ больнѣе было разочарованіе, тѣмъ кощунственнѣе стало безвѣріе, тѣмъ ожесточеннѣе сдѣлались нападки на потерпѣвшее пораженіе Собраніе. Съ первыхъ же дней послѣ его роспуска стало наростать это чувство недовольства, быстро переходившее въ возмущеніе, ненависть и даже презрѣніе. Эти чувства надолго захватили самые широкіе круги

русской общественности. И исторія этой общественности должна зарегистрировать, какъ проявленіе крайней растерянности и паники, позорный фактъ открыто высказаннаго — и на протяженіи гражданской войны не разъ повтореннаго предпочтенія «учредиловцамъ» тѣхъ, кто «Учредилку» разогналъ.

Было и другое обстоятельство, предрѣшившее недоброжелательство въ отношеніи къ «контръ - революціонному» большинству Учредительнаго Собранія со стороны даже самыхъ активныхъ антибольшевицкихъ круговъ.

Такъ случилось, что подавляющее большинство въ Учредительномъ Собраніи принадлежало *одной* партіи, окрашивало все учрежденіе въ одинъ эсэровскій цвѣтъ. И мало кто сумѣлъ возвыситься надъ собственной партійной предвзятостью и примитивнымъ сужденіемъ: такъ какъ Учредительное Собраніе «не мое», не моя партія отвѣтственна за его судьбы, то я могу оставаться къ нему равнодушнымъ, могу быть противъ него. Показательно, что и позднѣе, уже изъ историческаго далека такое сужденіе повторялось и даже въ обобщенной формѣ: Учредительное Собраніе не только фактически по своему личному составу было партійнымъ оно и не могло стать всенароднымъ, разъ главенство въ немъ принадлежало одной партіи.

«Учредительное Собраніе при главенствѣ с.-р. фракціи становилось учрежденіемъ партійнымъ, а не всенароднымъ», утверждалъ С. П. Мельгуновъ въ своей книгѣ («Н.В.Чайковскій въ годы гражданской войны», 1929, стр. 63). Точно всенародность предполагаетъ непремѣнно «коалицію» партій и исключаетъ главенство одной партіи! Точно это не зауряднѣйшее явленіе повсемѣстно, а въ англо - саксонскихъ странахъ, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, — не правило и норма! Точно, если вмѣстѣ съ Мельгуновымъ считать «зависимость» У. С. «отъ настроеній с. - р. партіи достаточнымъ основаніемъ для признанія Учредительнаго Собранія» — «фикціей народовластія» и «дѣломъ партійнымъ», не пришлось бы такой же «фикціей» признать и «администрацію» Хувера, Кулиджа, Вильсона и т. д., и всю систему англійскаго парламентаризма, въ частности за время 1924 - 1929 г. г. и въ 1931 г., когда главенство принадлежало безраздѣльно одной партіи консерваторовъ?!

Гораздо болѣе серьезной была цѣпь аргументовъ, направленная противъ необыкновенно парадоксальнаго положенія, созданнаго тѣмъ, что лѣвые эсэры, соучаствовавшіе въ роспуска У. С., прошли въ него по общимъ спискамъ съ распущеннымъ «контръ - революціоннымъ большинствомъ». Но и тутъ антибольшевики только повторили большевиковъ, на свой ладъ перетолковали одинъ изъ ленинскихъ «Тезисовъ объ Учредительномъ Собраніи», опубликованныхъ въ декабрѣ 17 года и утверждавшихъ, что «Учредительное Собраніе, созванное по спискамъ партій, существовавшихъ до пролетарски - крестьянской революціи, въ обстановкѣ господства буржуазіи, неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ волей и интересами трудящихся и эксплоатируемыхъ классовъ, начавшихъ 25 октября соціалистическую революцію противъ буржуазіи.

Естественно, что интересы этой революціи стоятъ выше формальныхъ правъ Учредительнаго Собранія» (Тез. 16-ый)*).

Подготовленное Ленинымъ идеологически получило свое реальное осуществленіе 6 января. Оно имѣло и свое продолженіе — по обѣ стороны баррикады.

Идея единства и безусловной общепризнанности У. С. потерпѣла крушеніе. У. С. самымъ непререкаемымъ образомъ раскололось. Его бытіе или возможность его бытія оказались связаны съ опредѣленной частью У. С. Сквозь общезначимое сталъ проступать моментъ личный, частичный, количественный. А техническія условія еще усугубили трудности. Въ разныхъ частяхъ необъятной Россіи, пересѣченной многочисленными фронтами внѣшней и внутренней войны, появились отдѣльные члены и группы членовъ У. С., дѣйствовавшіе то въ качествѣ «Осколковъ» Учредительнаго Собранія, то въ качествѣ частныхъ лицъ, всячески старавшихся то поднять, то подорвать авторитетъ этого, по мнѣнію многихъ, не ко времени собравшагося Учрежденія.

И здѣсь русская революція пошла не тѣмъ путемъ, какимъ шли ея предшественники, въ частности, революція англійская.

Когда 6 декабря 1648 года было произведено извѣстное «Прайдово очищеніе» Долгаго Парламента, и одни руководители пресвитеріанской партіи были отправлены Прайдомъ въ тюрьму, а передъ другими былъ закрытъ доступъ въ Вестминстеръ, — народное представитель-

---

*) См. «Тезисы объ Учредительномъ собраніи» въ «Правдѣ» отъ 26-XII-1917 г.

Въ послѣдующемъ большевицкіе историки за далью времени стали выдавать за историческіе факты уже совершенную фантастику и вымыселъ. Такъ не худшая изъ историковъ гражданской войны **В. Владимирова** утверждаетъ: «такъ какъ Центральный Комитетъ соц. - революціонеровъ исключилъ лѣвыхъ эсэровъ изъ избирательныхъ (авторъ, конечно, хотѣлъ сказать: кандидатскихъ! — **М. В.**) списковъ, свои же они не успѣли выставить, то всѣ поданные за эсэровъ голоса пошли въ пользу праваго крыла. Благодаря стеченію всѣхъ этихъ обстоятельствъ деревня голосовала за правыхъ эсэровъ. А города дали большинство большевиковъ и кадетовъ» (См. «Годъ службы «соціалистовъ» капиталистамъ». — Очерки по исторіи контръ - революціи въ 1918 г. — Госиздатъ, 1927. — Стр. 111).

Эта фантастика опровергается простымъ вопросомъ: если лѣвые эсэры были исключены партіей с.-р. еще изъ кандидатскихъ списковъ, какимъ образомъ могли они оказаться избранными въ Учредительное Собраніе и, въ количествѣ 40 человѣкъ, соучаствовать въ большевицкихъ безчинствахъ 5-го января?

Имѣется и печатное опроверженіе этой фантастики, исходящее отъ заинтересованной стороны — самихъ лѣвыхъ с.-р.-овъ. Ихъ лидеръ и ораторъ въ Учредительномъ Собраніи И. З. Штейнбергъ писалъ впослѣдствіи: «Организуясь самостоятельно, лѣвое крыло въ то же время не считало нужнымъ расколоться (?) окончательно и покинуть старую партію. Оно составило вмѣстѣ съ большинствомъ общіе списки кандидатовъ для выборовъ въ Учредительное Собраніе... Имя партіи было настолько популярно въ массахъ, что революція была болѣе заинтересована въ выпрямленіи и оздоровленіи линіи старой партіи, чѣмъ въ созданіи новой» (См. «Отъ Февраля по Октябрь 1917 года». — Берлинъ. 1921 г. Стр. 91).

Если кому-либо «пошли на пользу», какъ выражается Владимирова общіе списки, с.-р.-овъ, то какъ разъ не правому крылу, а лѣвому, по признанію самыхъ лѣвыхъ эсэровъ, «использовавшихъ» положеніе.

ство было унижено, но не уничтожено. Революція при Кромвелѣ развивалась при наличіи парламентскаго «Охвостья» изъ 60 членовъ индепендентовъ. «Очищенное» меньшинство вотировало преданіе суду Карла I и послѣ его казни провозгласило Англію «республикой безъ короля и лордовъ». Когда же Кромвель разогналъ силой и «Охвостье» въ 1653 году, революція въ сущности уже кончилась. То было лишь запоздалое выраженіе утвердившагося уже давно единодержавія лорда-протектора.

А со смертью протектора, когда революціонныя настроенія вновь ожили, вновь ожило и «Охвостье», призванное, въ числѣ уже всего 42 депутатовъ, къ возглавленію борьбы противъ сына и наслѣдника Кромвеля - Ричарда. Въ этой борьбѣ, закончившейся отреченьемъ Ричарда Кромвеля и признаніемъ власти «Охвостья», послѣднее пріобрѣло большую популярность. Оно увеличилось и численно: въ его составъ вошло до 120 членовъ, и свыше 200 ранѣе исключенныхъ ходатайствовали передъ спикеромъ, все тѣмъ жеЛенталемъ, о возстановленіи въ прежнемъ званіи и правахъ.

Парламентъ принялъ рѣшеніе о самороспускѣ, назначенномъ на 7 мая 1660 г., когда истекалъ годъ со дня возстановленія Парламента. Но естественная или законная смерть никакъ не давалась Долгому Парламенту. Недовольное офицерство, во главѣ съ «лѣвымъ» республиканцемъ Ламбертомъ, ликвидировало его испытаннымъ способомъ: 12 октября 1659 г. зданіе парламента было окружено, и депутатовъ въ него не пустили. Однако, и на этомъ политическая роль Парламента 1640 года не кончилась. Онъ снова сдѣлался орудіемъ борьбы и призомъ въ гражданской войнѣ между «правой», шотландской арміей Монка, и «лѣвой», англійской арміей Флитвуда и Ламберта. «Призванный Богомъ и Его народомъ утвердить власть парламента», Монкъ оказался побѣдителемъ, и 26 декабря вновь возстановленное «Охвостье» собралось въ Вестминстерѣ. Уступая давленію Монка и другихъ, такъ называемыхъ, «реальныхъ» факторовъ, оно согласилось на возвращеніе въ свой составъ былого пресвитеріанскаго большинства. Одиннадцатилѣтнее правленіе индепендентовъ кончилось. Установленные ими съ декабря 1648 года законы были пресвитеріанскимъ большинствомъ отмѣнены. 16 марта 1660 г. Парламентъ объявилъ себя, наконецъ, распущеннымъ.

Такъ кончилъ свои дни многократно «очищаемый» и вновь возстанавливаемый для новаго разгона, многострадальный Долгій Парламентъ, совершившій полный кругъ: онъ пришелъ къ утвержденію того, что съ религіознымъ воодушевленіемъ отрицалъ и разрушалъ въ теченіе почти 20 лѣтъ*).

Въ Россіи не оказалось ни «лѣваго» Кромвеля, ни «праваго» Мон-

---

*) Нѣкоторую аналогію съ двадцатилѣтней жизнедѣятельностью Долгаго Парламента въ эпоху англійской революціи представляетъ въ современной китайской революціи парламентъ, избранный въ 1912 г. За 12 лѣтъ своего существованія онъ не разъ подвергался роспуску и возстановленію, то цѣликомъ, то въ видѣ очищеннаго отъ вредныхъ примѣсей «охвостья», для выработки конституціи или для избранія президента (Юаншикая), правительства (Сунъ - Ятъ - Сена) и т. д.

ка, которые ухватились бы за Учредительное Собраніе или его «Охвостье», какъ орудіе борьбы противъ большевицкихъ цѣлей. И главная къ тому причина, думается, не въ слабости, неподготовленности и дефектахъ Учредительнаго Собранія, которые не приходится, конечно, отрицать, а въ политической близорукости и дефектахъ нашихъ «правыхъ» и «лѣвыхъ», — среди которыхъ не нашлось не только Кромвеля, но даже Монка.

«Чисткѣ» Учредительнаго Собранія большевики предпочли уходъ изъ него; образованію «Охвостья» и опорѣ на него — образованіе своей диктатуры подъ именемъ «диктатуры пролетаріата» и опору на Совѣты. Извѣстный американскій соціалистъ Морисъ Хилквитъ, не чуждый одно время симпатій совѣтскому строю, правильно замѣтилъ, что если бы большевики получили въ Учредительномъ Собраніи свое большинство, а Совѣты оказались въ рукахъ другихъ партій, — политическая судьба того и другого учрежденія была бы обратная: распущено было бы не *ихъ* Учредительное Собраніе, а *чужіе* Совѣты. И всемірно - извѣстной формой диктатуры пролетаріата была бы тогда провозглашена на власть Совѣтовъ, а власть Учредительнаго Собранія, именемъ котораго творилась бы, конечно, та же политика насилія, что и именемъ ЦИК-а.

Эту историческую случайность, неблагопріятную для большевиковъ, не дооцѣнили или, во всякомъ случаѣ, не сумѣли противъ большевиковъ использовать ихъ противники. Диктатура РКП очень быстро переродилась въ единодержавіе «Ильича» — товарища - протектора русской революціи. А въ противовѣсъ ему справа возникла неизжитая и сейчасъ бѣлая мечта о замѣщеніи многоголовой красной власти бѣлымъ единоначаліемъ «верховнаго правителя», «главковерха», «императора», вообще «вождя» — царскаго или нецарскаго корня. Не только здѣсь, но и въ нѣкоторыхъ кругахъ передовой русской общественности создалось равнодушное, а иногда и сочувственное отношеніе къ самому факту разгона Учредительнаго Собранія, какъ частному дѣлу взаимоистребляющихъ другъ друга соціалистическихъ «кузеновъ».

Здѣсь водораздѣлъ прошелъ уже *внутри* противобольшевицкаго лагеря. «Фронтъ Учредительнаго Собранія» былъ и все время оставался рѣзко антибольшевицкимъ. И въ томъ его историческое и политическое оправданіе, неотмѣнимое никакими частными его изъянами и ошибками. Этотъ фронтъ былъ прорванъ не только спереди, большевиками, но и сзади — тѣми, кто счелъ себя въ силахъ вести борьбу одновременно на два фронта: и противъ большевиковъ, и противъ «учредиловцевъ», защищавшихъ, со своимъ «мертворожденнымъ» Учредительнымъ Собраніемъ, вообще «мертвое дѣло».

Кто возмущается легкомысленной тактикой нѣкоторыхъ лѣвыхъ, пытавшихся направить свои усилія и противъ Ленина, и противъ Колчака или Деникина («Ни Ленинъ — ни Колчакъ!»), не въ правѣ забывать, что эта тактика не была оригинальна: она была заимствована у хронологически раньше ее примѣнившихъ, противъ ленинцевъ и «полуленинцевъ», *правыхъ**).

*) «Соціалъ-демократы меньшевики и эсэры намъ столь же чужды и

3.

Захватъ большевиками власти въ октябрѣ поразилъ своею неожиданностью и, казалось, невозможностью самые широкіе круги лѣвой общественности. Едва ли не еще болѣе неожиданнымъ, несмотря на все происшедшее, оказался для тѣхъ же круговъ роспускъ Учредительнаго Собранія. Даже самые принципіальные противники гражданской войны, самые упорные защитники миѳа о «единствѣ» рабочаго класса и революціонной демократіи, отстаивавшіе раньше соглашеніе «отъ энъ - эсовъ до большевиковъ», и тѣ не могли отрицать наличности — явной, вызывающей — casus belli. Вопросъ о вооруженной борьбѣ противъ большевиковъ сразу сталъ практически во всѣхъ лѣвыхъ организаціяхъ, партіяхъ и учрежденіяхъ, не пошедшихъ съ большевиками.

И острѣе всего онъ сталъ передъ партіей большинства въ Учредительномъ Собраніи, которой принадлежало большинство и во многихъ органахъ земскаго и городского самоуправленія, въ крестьянскихъ совѣтахъ, кооперативныхъ учрежденіяхъ и т. д. Серьезнаго сопротивленія большевицкому захвату широкія народныя массы не оказали. Не оказали они стихійно - дѣйственной поддержки и Учредительному Собранію. И поддержку, и сопротивленіе приходилось налаживать и организовывать.

Не приходится пространно доказывать, что для активной гражданской войны въ пореволюціонныхъ условіяхъ партія с. - р. была плохо приспособлена. Привнесеніе этическихъ элементовъ — fair play — въ борьбу даже противъ большевиковъ, не останавливавшихся передъ самыми крайними формами цинизма, предательства и жестокости; «народническое» отношеніе къ массовому движенію, — а Октябрь съ самаго начала былъ движеніемъ не *только* авантюристовъ, предателей и безумцевъ; всяческая — личная, организаціонная, теоретическая — чуждость «военщинѣ»; преданность демократическимъ формамъ гласности, коллективности, согласованной самодѣятельности и т. д., и т. п., все это безмѣрно и изначально осложняло эс - эровскую борьбу противъ большевиковъ. Это неоспоримо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ неспоримо, однако, и то, что только борьба, возглавленная эс - эрами, имѣла передъ собой и за собой совершенно опредѣленную, общедоступную и немаскируемую ничьими и никакими планами политическую идею. Только идея всенароднаго и всероссійскаго народовластія могла служить пореволюціоннымъ противопоставленіемъ большевицкой идеѣ идеей адэкватнаго значенія. Одной идеи, разумѣется, было далеко недостаточно, какъ бы хороша, ярка и послѣдовательна она ни была. Вопреки мнѣнію противниковъ, въ этомъ никогда не обманывались и самые якобы крайніе доктринеры, «эсэровскіе парламентаріи». Но далеко недостаточной была и безыдейная, голая борьба

представляются намъ столь же вредоносными для русскаго государственнаго бытія, какъ и большевики», — вспоминалъ позднѣе свои былыя политическія эмоціи **В. І. Гурко.** — См. «Архивъ русской революціи», т. XV, 14.

на истребленіе живой силы большевиковъ, которую рекомендовала и практиковала другая сторона.

Съ значительнымъ, правда, опозданіемъ признали это и наиболѣе искренніе и убѣжденные псалмопѣвцы «бѣлой мечты».

«Противоположную крайность, излишнюю военщину», водворившуюся въ Сибири при «верховномъ правителѣ», въ своемъ историческомъ трудѣ признаетъ и его ближайшій сотрудникъ и біографъ Г. К. Гинсъ, несмотря на весь свой піэтетъ къ покойному Колчаку. Онъ объясняетъ эту крайность тѣмъ, что «адмиралъ больше всего ненавидѣлъ керенщину» (См. «Сибирь, Союзники и Колчакъ». Т. I. стр. 4).

Съ большимъ запозданіемъ призналъ это и незадачливый стратегъ адмирала Колчака ген. Лебедевъ. Уже отставленный отъ должности «наштаверха», былой вдохновитель плана сверженія многоголовой власти Директоріи писалъ «верховному правителю» 1 декабря 1919 г. (т. е. почти ровно черезъ годъ послѣ переворота 18 ноября): «Я увѣренъ, что нужно искать новыхъ методовъ борьбы съ большевиками, не строя все на исходѣ чисто военной борьбы» («Борьба за Уралъ», стр. 352). А въ болѣе общей формѣ и по отношенію не только къ прошлому, но и къ будущему, признаетъ это сейчасъ и П. Б. Струве, едва ли не виднѣйшій идеологъ и бардъ бѣлой борьбы и диктатуры. «*Оглядываясь назадъ, я все яснѣе и яснѣе вижу, что слабость бѣлаго движенія, по сравненію съ коммунистически - большевицкимъ натискомъ заключалась въ томъ, что оно слишкомъ замкнулось въ традиціонныя военныя рамки. Но я пойду еще дальше: никакая революціонная борьба не можетъ замкнутъся въ однѣ только боевыя рамки,* точно также, какъ никакое веденіе войны не можетъ ставить заданія и производить расчеты чисто и только военные». (См. его «Дневникъ Политика» въ «Россіи и Славянствѣ» отъ 24. VIII. 1929).

Традиціонная для эсэровъ «революціонная борьба» не замкнула «въ однѣ только боевыя рамки» и вооруженной борьбы противъ большевиковъ. Въ этомъ было своеобразіе этой борьбы, въ процессѣ борьбы воспринимавшееся и толковавшееся друго - врагами справа, какъ органическій, первородный и неискоренимый эсэровскій грѣхъ и порокъ.

Роспускъ Учредительнаго Собранія заставилъ эсэровъ уйти въ подполье еще глубже, чѣмъ это пришлось сдѣлать послѣ неудачныхъ попытокъ сопротивленія большевикамъ въ октябрѣ. Открытыя выступленія подвергались преслѣдованію. Активно выступавшихъ арестовывали. И Бюро фракціи с. - р. и Междуфракціонный Совѣтъ Учредительнаго Собранія, въ который входили, помимо эсэровъ, представители с.-д., н. - с., к. - д., мусульманъ, эстонцевъ, евреевъ, — собирались нелегально. Работу приходилось вести исподволь и осторожно. Надо было преодолѣвать безразличіе и пассивность, заблужденіе и шкурничество. Эта работа производилась и до роспуска Учредительнаго Собранія, для его защиты. Еще тогда пробовали отбирать изъ солдатской и офицерской массы сознательныхъ и активныхъ, сколачивать одиночки въ группы. Пробовали искать и цѣлыя воинскія части внѣ Петрограда. Но всѣ эти начинанія кончались неудачей, наталкивались на распространенное

«непріятіе» войны, на провокацію и насиліе большевиковъ, на отравленную атмосферу петроградскаго гарнизона.

Тотъ же кустарный порядокъ практиковался и въ первые мѣсяцы послѣ роспуска Учредительнаго Собранія. Становилось очевиднымъ, что требуется извѣстное *время* не столько, можетъ быть, для того, чтобы съ обезкураживающей медленностью накопить сколько нибудь значительныя силы противъ большевиковъ, сколько для того, чтобы хоть нѣсколько разсѣялся угаръ навѣянныхъ иллюзій и онѣ были бы изжиты наиболѣе отзывчивыми и активными слоями населенія. Нужно было и иное *мѣсто*, не центральное средоточіе большевицкихъ силъ и надзора — Петроградъ, въ качествѣ «плацдарма» для накопленія и развертыванія антибольшевицкихъ силъ.

Междуфракціонный совѣтъ отвергъ предложеніе открыть засѣданія Учредительнаго Собранія «подъ охраной рабочихъ» на Семянниковскомъ заводѣ. Онъ отправилъ эмиссаровъ на Украину, въ Кіевъ и Екатеринославъ, въ Сибирь и на Кавказъ выяснить обстановку, нельзя ли тамъ возобновить работу Учредительнаго Собранія и развернуть борьбу противъ совѣтской власти. Приблизительно въ то же время движеніе нѣмецкой арміи заставило большевиковъ вмѣстѣ со всѣми совѣтскими учрежденіями покинуть Петроградъ. Въ Москву перемѣстились и всѣ антибольшевицкіе центры и штабы, политическіе и военные. Тамъ стали зарождаться и складываться организаціи, которымъ въ послѣдующемъ ходѣ гражданской войны пришлось сыграть серьезную роль: Союзъ Возрожденія Россіи съ оріентаціей во внѣшней политикѣ на союзниковъ, а во внутренней — на коллективную Директорію и созывъ Учредительнаго Собранія; такъ называемый, Правый Центръ съ оріентаціей на нѣмцевъ и единоличную военную диктатуру; выдѣлившійся изъ «Праваго Центра» Національный Центръ съ оріентаціей на союзниковъ, на трехчленную директорію и несвоевременность самой постановки вопроса объ Учредительномъ Собраніи.

На фонѣ всеобщей растерянности и противорѣчивой пестроты мнѣній и настроеній активность эсэровъ выдѣлялась особенно отчетливо. Это слѣдуетъ изъ показаній такихъ недруговъ эсэровъ справа, какъ Гурко, Гинсъ, Муратовъ и Деникинъ, и такихъ ихъ недруговъ слѣва, какъ большевики.

Большевики считаютъ «характернѣйшей чертой всѣхъ попытокъ сверженія совѣтской власти въ начальный періодъ контръ - революціи возглавленіе контръ - революціи соціалистами», «въ основномъ — соціалистами - революціонерами». Комитетъ спасенія родины и революціи, юнкерское возстаніе въ Петроградѣ, съ участіемъ Гоца и Авксентьева, Союзъ защиты Учредительнаго Собранія, «заговоръ» въ ставкѣ, «обращенный къ массамъ лицомъ «лѣваго» лидера соціалистовъ революціонеровъ Чернова», возстанія на Волгѣ, въ Сибири, въ Архангельскѣ — всюду антисовѣтское движеніе частично или полностью возглавлялось эсэрами. Именно ихъ «и буржуазія Россіи выдвигаетъ на роль Носке поперемѣнно». (См., напр., у В. Владимировой цитир. сочин. стр. 4).

То же подтверждаютъ и свидѣтели противной стороны. Такъ Гурко удостовѣряетъ, что «крайне правыя группы въ то время находились

въ полной изолированности и никакими реальными орудіями борьбы не обладали». Для него «ясно, что если московская военная организація страдаетъ отъ отсутствія общепризнаннаго авторитетнаго военнаго вождя, то петербургская вовсе не существуетъ; имѣется лишь небольшой кружокъ лицъ, усердно втирающихъ очки, что они будто бы что-то представляютъ и на этой почвѣ извлекающихъ нѣкоторыя личныя матеріальныя выгоды». (Архивъ русской революціи», т. XV, стр. 12 и 18).

П. Муратовъ утверждаетъ, что «безспорной заслугой оказавшейся въ Самарѣ группы членовъ Учредительнаго Собранія, равно какъ и безспорной заслугой оказавшейся тамъ въ то время группы офицеровъ, является рѣшимость и тѣхъ и другихъ взять иниціативу возстанія въ обстановкѣ сложившейся при выступленіи чеховъ. Этой заслуги отрицать нельзя». («Возрожденіе» отъ 30. X. 1930.). Гинсъ свидѣтельствуетъ, что «изъ политическихъ организацій наибольшую активность проявили эсэры. На Волгѣ они успѣшно агитировали въ пользу У. С., въ Сибири — въ пользу сибирскаго правительства» (т. 1., 59). О томъ же пишетъ и Деникинъ: «Работа партіи (соціалистовъ революціонеровъ) въ этомъ отношеніи (перехода къ открытой борьбѣ съ совѣтской властью и «сверженію германскаго насилія») велась съ большой энергіей въ особенности въ Заволжьи и въ Сибири. Повсемѣстно образованные комитеты с.-р. брали на себя иниціативу подготовки возстанія. И такъ какъ всѣ другія политическія организаціи оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками, то вокругъ эсэровъ начали группироваться противобольшевицкіе элементы, зачастую имъ совершенно чуждые» («Очерки Русской Смуты». Т. III, стр. 94).

Это послѣднее обстоятельство — группировка вокругъ эсэровъ элементовъ имъ чуждыхъ — въ дальнѣйшемъ оказалось чревато весьма пагубными послѣдствіями. Тѣ самые круги, которые, по свидѣтельству Деникина, «оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками» въ первый, подготовительный, наиболѣе трудный періодъ борьбы, позднѣе, когда этотъ этапъ сравнительно благополучно былъ пройденъ, свой активистскій азартъ обратили въ первую очередь противъ тѣхъ, кто «брали на себя иниціативу подготовки возстанія» на сѣверѣ и на востокѣ, въ Заволжьи и въ Сибири. А «бездѣятельность» и «склонность къ соглашательству съ большевиками» стали обычными пунктами обвиненія противъ эсэровъ со стороны именно тѣхъ, кто уклонялись отъ борьбы съ большевиками въ первоначальную, наиболѣе рискованную ея фазу.

Мы не можемъ останавливаться на перечнѣ событій, изо дня въ день подготовлявшихъ моментъ открытаго выступленія противъ совѣтской власти. Но достаточно взять любую сводку, хотя бы «Хронику гражданской войны въ Сибири 1917 - 1918», составленную В. Максаковымъ и А. Туруновымъ, и выпущенную Госиздатомъ въ 1926 г., чтобы по регистраціи болѣе крупныхъ фактовъ и событій получить представленіе о характерѣ и величинѣ произведенной работы, — неблагодарной, глухой и невидимой въ теченіе мѣсяцевъ.

До окраинъ и въ частности до Сибири Октябрь докатился съ нѣ-

которымъ запозданіемъ и не въ столь агрессивной формѣ сразу*). Уже Учредительное Себраніе было распущено, когда въ Томскѣ собралась Сибирская Областная Дума, въ которой большинство оказалось за тѣми же эсэрами. Правда, весьма скоро и Сибирской Думѣ пришлось уйти въ подполье отъ преслѣдованій совѣтской власти. Въ ея средѣ произведены были многочисленные аресты. На нелегальномъ собраніи Думы 27 января было составлено «Обращеніе ко всѣмъ трудящимся Сибири», въ которомъ заявлялось, что «отнынѣ вся полнота власти въ Сибири принадлежитъ подлиннымъ избранникамъ трудящихся и народовъ Сибири — Временной Сибирской Областной Думѣ». Для осуществленія этой власти было избрано въ порядкѣ спѣшности Временное Сибирское Правительство**). А для организаціи борьбы противъ «большевицкихъ палачей» и насилія «ленинскихъ жандармовъ» черезъ нѣсколько дней создался «Западно - Сибирскій Комиссаріатъ» сибирскаго правительства, въ который въ качествѣ «уполномоченныхъ» вошли члены Учредительнаго Собранія отъ Томскаго избирательнаго округа эсэры: Б. Д. Марковъ, П. Я. Михайловъ, М. Я. Линдбергъ и предсѣдатель Томской уѣздной земской управы В. Сидоровъ. Центръ военной организаціи намѣченъ былъ въ Ново - Николаевскѣ съ опорными пунктами въ Иркутскѣ, Томскѣ, Барнаулѣ, Омскѣ, Семипалатинскѣ, Челябинскѣ. Выпущенная тогда же отъ имени Сибирской Думы «Декларація» устанавливала, что «Всѣ силы и средства Дума отдаетъ для защиты и скорѣйшаго возобновленія работъ Всер. Учр. Собранія, признавшаго закономъ о федеративномъ устройствѣ Россійской демократической республики автономію Сибири и другихъ частей государства».

Необходимо подчеркнуть, что какъ разъ въ это время въ эсэровскихъ умонастроеніяхъ отчетливо зазвучалъ патріотическій мотивъ, идея общенаціональнаго служенія и отвѣтственности за государственныя судьбы вмѣстѣ съ болѣе трезвымъ и реалистическимъ подходомъ къ осуществленію своихъ задачъ: если Временное правительство держалось исключительно на моральномъ признаніи; если совѣтская власть держится на физическомъ насиліи, то грядущая новая власть должна возсоединить силу моральнаго авторитета съ возможностью реальнаго подчиненія себя, должна слить воедино моментъ нравственной и силовой.

Эти умонастроенія возникли въ извѣстной мѣрѣ стихійно, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ Октября и Бреста, какъ прямая реакція противъ распада Россіи и всеобщаго разложенія. Въ утвержде-

---

*) Въ Кубано - Черноморскомъ Округѣ въ г. Екатеринодарѣ выборы въ Учредительное Собраніе происходили съ 2 по 6 февраля 1918 г. т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ оффиціальнаго роспуска У. С. — Уже Учредительное Собраніе было роспущено, а Березовскій совѣтъ выражалъ по телеграфу Тюменскому надежду на скорое открытіе Учредительнаго Собранія. Тюмень отвѣтила Березову кратко: «дураки!»

**) Въ правительство были избраны: Дерберъ (премьеръ и министръ земледѣлія), Вологодскій (мин. ин. дѣлъ), Краковецкій (военный), Новоселовъ (внутр. дѣлъ), Крутовскій (здравоохраненія), Ив. Михайловъ (финансовъ), Патушинскій (юстиціи), Серебренниковъ (снабженія и продовольствія), Уструговъ (путей сообщенія), Шатиловъ и др.

ціи этихъ умонастроеній значительная роль принадлежала фракціи членовъ Учредительнаго Собранія и ея Бюро, по личному своему составу болѣе «правому», чѣмъ возглавлявшій партію Ц. К., а по условіямъ момента болѣе него вліятельному*). Эти настроенія не покидали партіи уже въ теченіе всей послѣдующей борьбы противъ большевиковъ. Недостаточно яркія и рѣшительныя въ дооктябрьскій періодъ революціи, настроенія эти снова поблекли и упали послѣ ударовъ, нанесенныхъ съ тыла, такъ называемыми, государственно - мыслящими элементами.

Національно-государственнаго сознанія не приходилось искать у большевиковъ: они отрицали его принципіально и до конца. Оно оказалось, увы, только на языкѣ у тѣхъ, кто его именемъ и во имя него только и хотѣлъ дѣйствовать. Патріотическія усилія правыхъ приложились къ космополитическимъ дѣйствіямъ лѣвыхъ, и «третья сила», молодая, недостаточно опытная, демократическая Россія оказалась вышибленной изъ сѣдла на долгіе годы.

Эти національно - государственныя умонастроенія эсэровъ получили свое оформленіе на партійномъ, по счету VIII-мъ, Совѣтѣ, собравшемся въ полулегальныхъ условіяхъ въ Москвѣ въ маѣ 18 года. Совѣтъ призналъ, что — «Основной задачей всей русской демократіи является борьба за возстановленіе независимости Россіи и возрожденіе ея національно - государственнаго единства на основѣ разрѣшенія соціально-политическихъ задачъ, выдвинутыхъ февральской революціей». Бюро фракціи Учредительнаго Собранія вмѣстѣ съ Ц. К. партіи подчеркивали, что «Положеніе выдвигаетъ на первый планъ прежде всего задачу спасенія страны отъ конечной гибели, возвращеніе ей единства и самостоятельности въ рамкахъ независимой демократической государственности, безъ которой не можетъ быть мѣста спасенію соціальныхъ завоеваній революціи. Для спасенія страны необходимы крайнее напряженіе силъ всего народа, подъемъ національнаго самосознанія и концентрація народныхъ силъ вокругъ задачи спасенія родины и революціи». (См. «Тезисы», одобренные Бюро фракціи с. - р. У. С. въ совмѣстномъ засѣданіи съ центральнымъ комитетомъ п. с. - р. въ «Народовластіи» № 2. — Подъ этимъ названіемъ выходили въ то время въ Москвѣ «Сборники статей членовъ Учредительнаго Собранія фракціи соціалистовъ - революціонеровъ»).

Этотъ тезисъ становится главенствующимъ для всей дѣятельности партіи. Его постоянно варьируютъ во всѣхъ рѣчахъ и статьяхъ, оффиціальныхъ декларацiяхъ и прокламаціяхъ, въ «нотахъ» и, позднѣе, правительственныхъ актахъ. Онъ сказывается не только на пропагандистской или идеологической сторонѣ дѣятельности, но и на практически -

---

*) Въ избранномъ фракціей 23 декабря 17 г. Бюро изъ 25 человѣкъ — Чернова, Фондаминскаго, Руднева, Зензинова, Пумпянскаго, Коварскаго, Вишняка, Ельяшевича, Маслова Сергѣя, Архангельскаго, Колерова, Тимофеева, Дѣдусенко, Слетовой, Кругликова, Гендельмана, Сорокина, Аргунова, Гр. Шрейдера, Лихача, Покровскаго, Лотошникова, Романенко, Быкова и Розенблюма, — только одинъ Черновъ былъ «лѣвымъ», всѣ остальные, если не считать Романенко и Быкова, устремленность коихъ неизвѣстна, — находились тогда на «правомъ» флангѣ партіи.

организаціонной: въ молчаливомъ перемиріи со всѣми, ведущими противобольшевицкую борьбу и въ «соглашательствѣ», готовности «координировать» дѣйствія съ любыми группировками и организаціями, дорожащими національно - государственнымъ единствомъ Россіи и не выступающими агрессивно противъ Февраля. А согласовывать дѣйствія приходилось не только съ партіями, но и съ безпартійно - политическими объединеніями различныхъ народностей, возникавшими ad hoc «Союзами», профессіональными организаціями, финансировавшими движеніе кооперативными учрежденіями и т. д. Согласовывать дѣйствія приходилось и съ военно - техническими формированіями, — а кто только не занимался такими формированіями въ Москвѣ 18 года!.. Приходилось вести переговоры и заключать неписанныя соглашенія и съ оффиціальными и неоффиціальными, дипломатическими и военными, представителями союзныхъ миссій.

Съ помощью военныхъ спеціалистовъ, иногда занимавшихъ весьма высокіе «оперативные» посты во время войны и эсэрамъ въ большинствѣ случаевъ политически чуждыхъ, создана была законспирированная организація изъ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ людей, жившихъ въ разныхъ частяхъ Москвы и готовыхъ выступить по сигналу. Въ организацію входили демократически настроенное офицерство (въ меньшинствѣ), демобилизованные солдаты и рабочіе, сохранившіе свой боевой пылъ или получившіе новый его зарядъ отъ ноябрьскаго разгрома Москвы большевиками. Члены организаціи составляли свои «пятки» и «десятки», входившіе въ связь съ цѣлымъ черезъ представителей. Большевицкій аппаратъ и «сексоты» еще не были вездѣсущи, и возможна была не только идиллія воинскаго смотра въ церкви во время богослуженія, возможно было и направленіе якобы для демобилизаціи небольшихъ воинскихъ частей согласно приказу не центральныхъ совѣтопослушныхъ властей, а непосредственнаго низшаго, настроеннаго антибольшевицки, начальства.

Представитель саратовской организаціи с. - р. А. И. Альтовскій сообщилъ на майскомъ Совѣтѣ, что крестьянское Поволжье поднимается противъ большевиковъ. Еще болѣе конкретны были свѣдѣнія, доставленныя изъ Вольска поручикомъ В. В. Соколовымъ, членомъ партійной военной организаціи, и изъ Самары членомъ Учредительнаго Собранія Б. К. Фортунатовымъ. Эсэры потянулись на Волгу.

4.

Изложеніе фактической обстановки и технико - организаціонной стороны дѣла, крайне спутанной, но исторически исключительно интересной, не входитъ въ нашу задачу. Слѣдуя болѣе узкому и спеціальному заданію, мы должны зато остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ частномъ вопросѣ, которому суждено было стать однимъ изъ главныхъ политико - идеологическихъ камней преткновенія на путяхъ антибольшевицкой борьбы. Объ этотъ камень разбились не эсэровскія только надежды и упованія. Онъ жестоко отмстилъ за себя и тѣмъ, кто именно въ немъ видѣлъ чуть ли не главную помѣху къ успѣшному одо-

лѣнію большевизма. Убранный вмѣстѣ съ эсэрами съ широкихъ путей общенаціональной борьбы съ большевиками, камень этотъ тянулъ и увлекъ за собой въ пучину и тѣхъ неразумныхъ строителей, которые отвергли его.

Мы говоримъ о вызывавшемъ сначала споры, а потомъ расколъ и насильственный переворотъ, — возстановленіи распущеннаго большевиками Учредительнаго Собранія.

Такое возстановленіе не вызывало ни въ комъ особаго энтузіазма. Даже въ эсэрахъ. И они сознавали техническія, психологическія и политико - правовыя трудности, возникавшія на этомъ пути. Они отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что перевыборы Учредительнаго Собранія диктуются всей обстановкой: не только въ силу порочности выборовъ по общепартійнымъ спискамъ людей, послѣ выборовъ разошедшихся по разныя стороны баррикады; не только вслѣдствіе самоустраненія изъ учредительнаго Собранія большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ — примѣрно *четверти* всего числа избранныхъ членовъ У. С.; но и вслѣдствіе того, что измѣнившіяся подъ вліяніемъ происшедшаго воля народа и мнѣніе избирателя требовали «провѣрки» и исправленія.

Однако, при большевикахъ новые выборы въ У. С. были исключены. Исключены были и обычные для мирнаго времени выходы изъ положенія, и, за отсутствіемъ возможности лучшаго, приходилось руководствоваться не тѣмъ, что лучшее врагъ хорошаго, а тѣмъ, какое зло является меньшимъ или какое изъ явно несовершенныхъ благъ — менѣе несовершенно. И тутъ, въ процессѣ незавершенной внѣшней войны и развертывавшейся войны гражданской, при всѣхъ неоспоримыхъ дефектахъ Учредительнаго Собранія 17 года, оно все же являлось слишкомъ цѣннымъ и незамѣнимымъ орудіемъ, чтобы защитники интересовъ Россіи и народовластія могли или должны были добровольно отъ него отказаться.

Это оказалось бы на руку только большевикамъ и заключившему договоръ съ ними, а не съ Россіей, внѣшнему противнику. Ибо Учредительное Собраніе оставалось *знаменемъ демократіи* и воплощеніемъ демократическаго принципа. Какъ Всероссійское, оно оставалось и *символомъ единства Россіи,* залогомъ реальной связи ея народовъ въ будущемъ. Оно оставалось, наконецъ, *единственной правообразующей силой,* источникомъ права и власти. Конечно, были пути, которые шли и мимо Учредительнаго Собранія. Но то были пути голаго насилія и произвола.

Все это было настолько самоочевидно, что могло стать общепризнаннымъ, если бы разгорѣвшіяся партійныя страсти, отталкиваясь отъ эсэровъ, не стали бы отталкиваться и отъ того учрежденія, въ которомъ у эсэровъ оказалось большинство; если бы не возникъ соблазнъ сказать о политическомъ противникѣ, что онъ потому цѣпляется за «фикціи» и «миѳы», потому хочетъ «гальванизировать политическій трупъ», что этотъ трупъ его собственный, эсэровскій; если бы хоть задумались надъ тѣмъ, что отъ того, что было, къ тому, что это же неминуемо и будетъ, нѣтъ достаточныхъ основаній ни логическихъ, ни историческихъ: если Учредительное Собраніе не одержало побѣды надъ совѣтской властью

6 января, съ одного маха, это еще не значило, что оно вообще непригодно для борьбы противъ большевиковъ.

Между тѣмъ именно такъ, не всегда добросовѣстно, очень рѣдко считаясь съ логикой и исторіей, зато почти всегда исходя изъ предвзятыхъ политическихъ и даже партійно - политическихъ посылокъ, разсуждало большинство не заядлыхъ только реакціонеровъ, но и исконныхъ либераловъ и даже отчаявшихся соціалистовъ. Ученые и публицисты пошли дружнымъ походомъ противъ «неисправимыхъ фантазеровъ, ничего не забывшихъ и ничему не научившихся», неспособныхъ «разстаться съ старыми фетишами, какъ дикарь съ старымъ амулетомъ». Въ этомъ походѣ торгово - промышленное «Утро Россіи» соперничало съ только что народившимся, при участіи Бердяева, Вал. Брюсова, Бѣлоруссова, Ключникова, Кизеветтера, Струве, Устрялова и др., еженедѣльникомъ «Наканунѣ»; отъ нихъ не отставали и демократически - интеллигентскія «Русскія Вѣдомости».

Совсѣмъ еще недавно славословившій и революцію, и Учредительное Собраніе проф. Устиновъ поспѣшилъ наукообразно доказать, что вообще «народъ осуществяетъ свою учредительную власть лишь медленной многолѣтней работой, а отнюдь не въ единомъ «Учредительномъ Собраніи», и «только неисправимые партійные филистеры могутъ еще не сознавать, что въ Россіи нѣтъ и не было почвы для подлиннаго Учредительнаго Собранія*). А Бѣлоруссовъ, возвѣстивъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о необходимости «общаго пересмотра идеологіи», сталъ доказывать, что «разрушено и пущено на смарку (?) не только выбранное осенью прошлаго года Учредительное Собраніе, а самая идея, порожденіе народолюбивой интеллигентской мысли»; «хорошая вещь народовластіе, но и его надо примѣнять во благовременіи и съ разумѣніемъ»; «нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамонѣ (!) демократическихъ доктринъ и лозунговъ**).

---

*) Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ ни за что не соглашавшійся пріять Учредительное Собраніе и «неисправимыхъ партійныхъ филистеровъ» В. М. Устиновъ съ упоеніемъ воспринялъ власть большевиковъ. Въ своемъ показаніи по дѣлу т. н. «Тактическаго центра» профессоръ писалъ: «Идея рабоче-крестьянской власти водворяется и проводится съ такой силой и послѣдовательностью организаторскимъ геніемъ тов. Ленина, впервые въ исторіи Россіи сплачиваетъ народъ съ властью, дѣлая власть родной стихіей народа, выраженіемъ его собственной организованной силы... Эта правда совѣтской власти идейно связала меня съ нею и сдѣлала поборникомъ и защитникомъ ея. Я убѣжденъ, что для предвидимаго умственнымъ взоромъ будущаго, только совѣтская власть спасительна». См. «Судъ надъ русской интеллигенціей» въ Сборникѣ «На чужой сторонѣ», т. III, стр. 155, — 1923.

) А. С. Бѣлоруссову (Бѣлевскому) довелось дожить до претворенія своего слова въ дѣло. Онъ былъ очень близокъ къ омскому «Дѣлу» 18 ноября, служа «божественному принципу отечества», воплощенному въ режимѣ адм. Колчака, и всячески разоблачая «мамону демократическихъ доктринъ и лозунговъ», травя чеховъ и т. д. (Ср. **Л. А. Кроль: «За три года». — Владивостокъ 1922. — Стр. 157-8, 190 и 192). По ироніи судьбы — это показательно и для режима — Бѣлоруссовъ оказался въ Сибири на посту предсѣдателя Комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе (существовала и такая комиссія при адм. Колчакѣ). Но омской атмосферы не выдержалъ до конца

Осторожнѣе другихъ, не всѣ свои корабли окончательно сжигая, подошелъ къ общему заданію П. И. Новгородцевъ. Оговариваясь, «Да не поймутъ меня такъ, будто бы я отрицаю самую идею Учредительнаго Собранія. Нѣтъ, я отрицаю только возможность ея осуществленія при наличныхъ условіяхъ жизни. Идею Учредительнаго Собранія, о которомъ такъ долго мечтали русскіе народолюбцы, я признаю великой и привлекательной», — членъ Учред. Собранія, проф. Новгородцевъ находилъ, что «Учредительное Собраніе въ условіяхъ современной русской жизни оказалось не только эфемернымъ, но и мертворожденнымъ».

Собравшемуся тотчасъ послѣ роспуска Учредительнаго Собранія третьему Съѣзду совѣтовъ Ленинъ доказывалъ: «Пока революція не выходила изъ рамокъ буржуазнаго строя, мы стояли за демократію. Но какъ только мы увидѣли въ ходѣ революціи первые проблески соціализма», такъ демократія была признана «одной изъ формъ буржуазнаго государства, за которую стоятъ всѣ измѣнники истиннаго соціализма». По существу столь же извилистой, схожей съ большевицкой діалектикой, была и аргументація А. А. Кизеветтера въ «Свободѣ Россіи» № 25 и «Наканунѣ» № 3. Полагая, что идея Учредительнаго Собранія «въ гораздо большей мѣрѣ кадетская, нежели соціалистическая», ученый историкъ счелъ возможнымъ и политически противоположить былую тактику защиты Учредительнаго Собранія, когда «были основанія предполагать, что Учредительное Собраніе явится дѣйствительнымъ хозяиномъ русской земли», — новѣйшей, «ясной и открытой» борьбѣ противъ Учредительнаго Собранія которое «теперь ненужно»*).

и этотъ врагъ «мамоны». И онъ сталъ жаловаться на «безпрограммность» власти, впадать въ отчаяніе. Гинсъ передаетъ слова Бѣлоруссова за полгода до паденія Колчака:

— «Я впалъ въ безнадежность: здѣсь, въ Омскѣ, нѣтъ людей воли, есть только люди мысли. Придешь къ нимъ, выскажешься, они согласятся. Проходитъ время, положеніе остается прежнимъ. Есть ли какой либо выходъ? Я думаю, нужно привлечь чеховъ на фронтъ (!), нужно оживить агитацію, укрѣпить авторитетъ совѣта министровъ»... Т. II, 271.

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ Кроль разсказывалъ о томъ, какъ ставился и разрѣшался вопросъ объ отношеніи къ Учредительному Собранію въ к.-д.-скомъ Ц. К. Оказывается, всѣ были согласны съ мѣткой характеристикой одного изъ членовъ Ц. К.: «Учредительное Собраніе, предсѣдателемъ котораго можетъ быть, на выборъ, Спиридонова или, въ лучшемъ случаѣ, Черновъ, — не Учредительное Собраніе». Это «мѣткое» bon mot сопровождалось не менѣе глубокомысленными соображеніями и ссылками на личную психологію и опытъ исторіи. «Привыкшіе къ чрезвычайно серьезному отношенію къ законодательству, мы просто были неспособны психологически воспринять то, что подъ видомъ и именемъ «земельнаго закона» было принято въ первомъ и единственномъ засѣданіи Учредительнаго Собранія». «Историческій опытъ показалъ, что только рѣдкія изъ Учред. Собраній выполнили свою миссію.. Тотъ же историческій опытъ говорилъ намъ, что разогнанный органъ народнаго представительства теряетъ свой моральный авторитетъ».

Всѣ члены к.-д.-скаго Ц. К., по свидѣтельству Кроля, соглашались съ тѣмъ, что Учредительное Собраніе — «трупъ». Только нѣкоторые полагали, что «бываютъ покойники, за которыми идетъ толпа, и, если возможно, надо испытать, не пойдетъ ли толпа за Учредительнымъ Собраніемъ противъ коммунистовъ». — Заслуживаетъ также вниманія, что едва ли не самый ради-

Своеобразной была и позиція, которую защищалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (въ запоздавшемъ выходомъ декабрьскомъ номерѣ и въ № 1-3 за 1918 г.) А. В. Пѣшехоновъ. Тамъ доказывалось, что, разгоняя Учредительное Собраніе, большевики и лѣвые эсэры дѣйствовали по с. - р. программѣ, противопоставивъ «диктатуру латышей и матросовъ — высшему органу народовластія», а партія с.-р., если и стоитъ за Учредительное Собраніе, то только потому, что располагаетъ въ немъ прочнымъ, своимъ большинствомъ. Стилизуя и преувеличивая дѣйствительные и мнимые дефекты избраннаго Учредительнаго Собранія, отразившаго народную волю не точно и не во всероссійскомъ масштабѣ, Пѣшехоновъ все же приходилъ къ заключенію, что, сколь ни несовершенно Учредительное Собраніе, « но вѣдь ничего лучшаго у насъ нѣтъ и въ ближайшее время быть не можетъ. Нужно этимъ, какъ ни какъ представительнымъ и всероссійскимъ, собраніемъ воспользоваться... Да, я думаю, что имъ можно воспользоваться, но не для переустройства Россіи по мысли и волѣ народной, для чего оно не годится, а для санкціи государственной власти», такая санкція «поможетъ упроченію этой власти и сдѣлаетъ для нея обязательнымъ новое обращеніе къ первоисточникамъ народной воли».

Такой выводъ, при всемъ его внутреннемъ противорѣчіи съ исходной критикой Пѣшехонова, — стоило ли такъ настойчиво разоблачать и дисквалифицировать «какъ ни какъ представительное и всероссійское собраніе», разъ завѣдомо извѣстно, что «ничего лучшаго у насъ нѣтъ и въ ближайшее время быть не можетъ» и «воспользоваться» имъ все равно придется, — былъ по существу уже не такъ далекъ отъ позиціи, защищавшейся и Бюро эсэровской фракціи У. С. и эсэровскимъ Ц. К. Въ цитированныхъ уже нами «Тезисахъ» опредѣленно указывалось, что «По возобновленіи своихъ занятій У. С. должно сосредоточить свое вниманіе на дѣлѣ защиты страны и возстановленіи ея политической и экономической независимости, согласно съ этой основной задачей, и установленіи государственной власти и разрѣшеніи тѣхъ задачъ соціально-политическаго строительства, которыя, по обстоятельствамъ срочности, требуютъ немедленнаго осуществленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Учредительное Собраніе должно приложить всѣ усилія къ тому, чтобы въ кратчайшій срокъ былъ созванъ новый органъ народнаго представительства, дабы народы Россіи могли возможно скорѣе вновь выразить свою волю» (Тезисъ 7-ой).

Болѣе подробное обоснованіе и развитіе этотъ тезисъ получилъ въ статьяхъ «Судьбы Учредительнаго Собранія» и «Задачи Учредительнаго Собранія», напечатанныхъ въ тѣхъ же сборникахъ «Народовла-

---

кальный к.д. того времени Кроль, считавшій возможнымъ «использовать» (!) Учредительное Собраніе, какъ знамя для борьбы съ большевиками, еще въ 18 году въ закрытомъ собраніи говорилъ, а три года спустя во всеобщее свѣдѣніе опубликовалъ, что, по его мнѣнію, «для Учредительнаго Собранія — счастье, что его разогнали. По составу и характеру своему Учредительное Собраніе могло бы только скомпрометировать себя и самую идею Учредительнаго Собранія. Разгонъ же Учредительнаго Собранія по крайней мѣрѣ не скомпрометировалъ идеи». («За три года», стр. 12 и 13).

стіе» №№ 1 и 2 за подписью М. Вишняка. Здѣсь подчеркивалось, что «Важно въ принципѣ признать, что избранное въ концѣ прошлаго года У. С. должно до *минимума* ограничить свою дѣятельность во времени и по содержанію. Дѣятельность Учредительнаго Собранія должна замкнуться предѣлами безусловно - необходимаго и напрячь всѣ усилія къ тому, чтобы въ кратчайшій срокъ былъ созванъ новый органъ народнаго представительства... Насущное и безотлагательное не можетъ ждать выборовъ въ новый органъ народнаго представительства: оно должно быть осуществлено уже избраннымъ Учредительнымъ Собраніемъ. То же, что хоть сколько - нибудь терпитъ отлагательство, неминуемо должно быть отложено до грядущаго законодательнаго собранія... Отъ политической мудрости большинства нынѣшняго У. С. будетъ зависѣть, гдѣ пройдетъ грань въ самоограниченіи Учредительнаго Собранія».

«Какъ бы низко ни расцѣнивать реальную силу Учредительнаго Собранія», — писалъ тотъ же авторъ въ московскомъ «Возрожденіи» отъ 8. VI. 918, — цѣлесообразно ли въ создавшихся условіяхъ пренебрегать той долей авторитета, которую У. С. за собой несетъ, несмотря ни на какія превратности судьбы, какъ олицетвореніе *единства* Россіи и необходимая *опора* власти.

Являются ли «демократическія доктрины и лозунги» лишь «мамоной», несовмѣстимой со служеніемъ «божественному принципу отечества и культурѣ» или, наоборотъ, наиболѣе прочнымъ выраженіемъ политической культуры и сознательнаго отношенія къ отечеству; и можетъ - ли, и должно ли, Учредительное Собраніе играть роль въ борьбѣ противъ большевиковъ только какъ идея или и какъ конкретно данная реальность, — было не отвлеченнымъ только разномысліемъ и разногласіемъ спорщиковъ - доктринеровъ. То было существо реальнаго расхожденія между отдѣльными политическими группами и отрядами антибольшевицкаго лагеря. На этомъ пунктѣ заострились всѣ сношенія и переговоры, обрывались безнадежно однѣ связи (съ «Національнымъ Центромъ») и устанавливались другія, съ Союзомъ Возрожденія. Неполная договоренность именно въ этомъ, какъ многимъ казалось, доктринерскомъ вопросѣ, имѣла самыя печальныя практическія послѣдствія.

Такой недоговоренностью была отмѣчена «Платформа» Союза Возрожденія Россіи. Она была очень краткой. Это и естественно, ибо участникамъ этого «персональнаго» объединенія дороже всего были практическія цѣли, хотѣлось возможно безспорнѣе охарактеризовать задачи объединенія. Платформа устанавливала въ общемъ видѣ —: «Задачу возсозданія разложенной нынѣ русской государственности Союзъ будетъ стремиться выполнить въ согласіи съ народной волей, выраженной путемъ всеобщаго и равнаго голосованія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Союзъ считаетъ необходимымъ, чтобы та новая власть, которая должна будетъ возникнуть въ борьбѣ за свободу и цѣлость Россіи и которой онъ будетъ оказывать поддержку, опиралась по мѣрѣ своего созданія на органы мѣстнаго самоуправленія, а съ освобожденіемъ русской терри-

торіи отъ врага собрала Учредительное Собраніе, которое и должно будетъ установить формы государственной жизни Россіи».

Платформа не уточняла, на какіе органы мѣстнаго самоуправленія должна опереться новая власть и какое Учредительное Собраніе должно быть ею созвано, — имѣющіе быть избранными или уже избранные, но большевиками беззаконно распущенные и упраздненные

Вспоминая «Изъ недалекаго прошлаго» исторію образованія Союза Возрожденія, одинъ изъ его основателей и виднѣйшихъ руководителей В. А. Мякотинъ писалъ: «Созывъ разогнаннаго большевиками Учредительнаго Собранія 1917 года основатели «Союза Возрожденія Россіи» признавали совершенно ненужнымъ и даже невозможнымъ, такъ какъ это собраніе, избранное при крайне ненормальныхъ условіяхъ, проявило полную неспособность къ государственнымъ дѣламъ, и не могло болѣе, по убѣжденію основателей Союза, имѣть никакого авторитета въ странѣ». Авторъ увѣряетъ, что «съ общаго согласія было рѣшено отказаться отъ всякихъ проектовъ какого - либо возстановленія перваго Учредительнаго Собранія. Поэтому въ платформѣ «Союза Возрожденія» шла рѣчь о выборахъ новаго Учредительнаго Собранія, Собраніе же 1917 года оставалось совершенно въ сторонѣ, какъ пройденный уже этапъ, къ которому незачѣмъ возвращаться». («На чужой сторонѣ». — Историко - литературные сборники подъ редакціей С. П. Мельгунова при ближайшемъ участіи Е. А. Ляцкаго и В. А. Мякотина. — 1923. Т. II, 182).

Какъ уже указано, въ платформѣ Союза, вопреки утвержденію Мякотина, рѣчь о выборахъ *новаго* Учредительнаго Собранія *не* шла. Не шла, правда, и рѣчь о возстановленіи распущеннаго Учредительнаго Собранія. Этотъ пунктъ въ платформѣ былъ обойденъ молчаніемъ, что врядъ ли объяснимо простой случайностью или упущеніемъ, а скорѣе практической потребностью, вынуждавшей отдать предпочтеніе болѣе «общей» и даже «каучуковой» формулѣ передъ формулой отчетливой, но грозившей немедленнымъ расколомъ или даже распадомъ съ трудомъ налаживавшагося объединенія.

Имѣются и другія, и не только апріорныя, основанія, опровергающія не столько свидѣтельство, сколько толкованіе Мякотинымъ платформы Союза Возрожденія.

Мы уже приводили заключеніе, къ которому приходилъ ближайшій тогда единомышленникъ и соредакторъ Мякотина по «Русскому Богатству» Пѣшехоновъ. Онъ тоже былъ однимъ изъ основателей и виднѣйшихъ руководителей «Союза Возрожденія». Несмотря, однако, на всѣ свои оговорки и сомнѣнія, Пѣшехоновъ, все же, въ отличіе отъ Мякотина, признавалъ пригодность «какъ ни какъ представительнаго и всероссійскаго собранія», если не для переустройства Россіи, то для санкціи имѣющей создаться государственной власти.

Какъ разъ на этомъ пунктѣ сорвалась вѣдь и попытка общепартійнаго, а не персональнаго только, соглашенія между центральными комитетами К. - д., н. - с., и с. - р. «Соглашеніе не состоялось, такъ какъ соціалисты-революціонеры настаивали на признаніи законнымъ Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками 6 января, а к. - д.

полагали, что оно потеряло юридическую силу», читаемъ мы у П. Н. Милюкова въ «Россія на переломѣ». Тамъ же приводится и текстъ документа, который передалъ русскимъ организаціямъ французскій посолъ Нулансъ, настаивая на сближеніи оставшихся вѣрными союзнической оріентаціи «Союза Возрожденія» и «Національнаго Центра». Въ этой «вербальной нотѣ» тоже говорилось, что «Учредительное Собраніе стараго состава соберется, но только на два - три засѣданія и безъ большевицкихъ членовъ въ какомъ-нибудь городкѣ Восточной Россіи, чтобы дать санкцію власти временной, но сильной и способной къ дѣйствію, какъ военной диктатурѣ или тріумвирату. Когда эта власть будетъ создана, Учредительное Собраніе должно объявить себя распущеннымъ. Впослѣдствіи, по освобожденіи русской территоріи и возвращеніи страны къ нормальной жизни, временная власть должна будетъ созвать на новыхъ основаніяхъ новое Собраніе, которое должно высказаться по поводу окончательнаго правительства Россіи». (См. Т. II стр. 17 и 41).

Милюковъ правильно замѣчаетъ, что въ такомъ соглашеніи было много недоговореннаго. Справедливо и его предположеніе, что «эти примирительныя формулы» были Нулансу «очевидно сообщены лѣвыми партіями». Совершенно очевидно, что союзники, озабоченные больше всего своими интересами, — возстановленіемъ противогерманскаго фронта, и меньше всего — положеніемъ Россіи, ведшіе переговоры о своемъ беззастѣнчиво съ обѣими сторонами одновременно, съ антибольшевиками и съ большевиками, стилизовали свою «вербальную ноту» въ мѣру собственнаго разумѣнія. Поэтому только и могла появиться въ «формулѣ лѣвыхъ партій» столь нелѣпая и внутренне чуждая имъ вещь, какъ «военная диктатура». Еще болѣе очевидно, что «лѣвыя партіи», вводящія въ формулу, которую онѣ сообщаютъ иностраннымъ дипломатамъ, упоминаніе объ Учредительномъ Собраніи стараго состава, не стали бы его скрывать и не могли бы отъ этого требованія отойти и въ «Союзѣ Возрожденія», въ который отдѣльные эсэры вступили съ вѣдома партійнаго Ц. К. и почти съ благословенія Бюро с. - р. - ской фракціи У. С.

Это и не имѣло смысла скрывать, да и не могло быть скрыто. Тѣмъ менѣе могло это остаться секретомъ отъ членовъ Бюро, которое находилось не только въ курсѣ всей «внѣшней» и «внутренней» политики эсэровъ и Междуфракціоннаго совѣта, но въ извѣстной степени направляло эту политику. Между тѣмъ никто изъ членовъ Бюро, даже изъ тѣхъ, кто входилъ въ «Союзъ Возрожденія», никогда не слыхалъ, чтобы кто - нибудь изъ эсэровъ доказывалъ или соглашался съ тѣмъ, что Учредительное Собраніе 17 года должно «остаться въ сторонѣ, какъ пройденный уже этапъ, къ которому незачѣмъ возвращаться». Не слышали этого ни редакторы сборниковъ «Народовластіе» (Аргуновъ, Вишнякъ, Розенблюмъ), ни редакторы газеты с. - р. - ской фракціи въ Москвѣ «Возрожденіе» (Бунаковъ, Вишнякъ, Коварскій, Сорокинъ).

Входившій въ «Союзъ Возрожденія» Аргуновъ еще въ 1919 г., по свѣжей памяти, удостовѣрялъ, что по мысли членовъ Союза задачи «уже существующаго» Учредительнаго Собранія должны были быть «крайне скромными: какъ органъ демократіи, У. С. должно было ограничиться

санкціонированіемъ той власти, которая къ этому времени создастся, затѣмъ проведеніемъ нѣкоторыхъ неотложныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ потребностями войны и, наконецъ, выработкой закона о выборахъ въ новое У. С. Необходимо отмѣтить, что при всемъ вполнѣ опредѣленномъ отношеніи къ данному У. С., Союзъ Возрожденія Россіи никоимъ образомъ не допускалъ возможности насильственнаго его упраздненія» (См. брошюру «Между двумя большевизмами», Парижъ. стр. 4).

Рѣшеніе «отказаться отъ всякихъ- проектовъ *какого - либо* возстановленія перваго Учредительнаго Собранія» не могло быть принято съ согласія эсэровъ, вошедшихъ въ «Союзъ Возрожденія», какъ бы сдержанно эти послѣдніе ни относились къ самому возстановленію У. С., какъ бы ни склонялись они къ ограниченію его дѣятельности крайнимъ минимумомъ. Такая возможность просто исключалась — психологически и политически — всей тогдашней обстановкой. Противорѣча тому, что открыто и публично отстаивали эсэры въ печати и во всѣхъ переговорахъ, такой отказъ лишалъ бы всякаго смысла существованія самое Бюро эсэровской фракціи и Междуфракціонный совѣтъ. Между тѣмъ и Бюро, и Совѣтъ даже и не думали о томъ, чтобы свернуться, а наоборотъ, всячески старались развить свою дѣятельность.

Мы и утверждаемъ поэтому, что руководители Союза Возрожденія умышленно — или *инстинктивно* — предпочли общую и недоговоренную формулу. Они, очевидно, меньше всего хотѣли быть доктринерами, предпочитая практическое объединеніе, хотя бы на неотчетливо формулированной платформѣ, совершенно отчетливому расхожденію. На спѣхѣ и умолчаніи, если угодно, на двусмысленности построенное соглашеніе все же казалось имъ лучшимъ исходомъ, нежели явный расколъ.

Такъ порѣшили въ Москвѣ въ апрѣлѣ — маѣ 18 года. Едва, однако, приняли эти рѣшенія, какъ жизнь стала уже вносить въ нихъ свои коррективы. Не предусмотрѣнные элементы стихіи внесли измѣненіе въ политическіе чертежи московскихъ Архимедовъ. Это было воспринято, какъ нелояльное нарушеніе достигнутаго въ Москвѣ соглашенія. освобождающее отъ соглашенія и другую сторону.

VII. — ФРОНТЪ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ

Выступленіе чехо - словаковъ. — Стихія и сознательность, импровизація и необходимость въ гражданской войнѣ. — Народное возстаніе на Волгѣ. — Народное возстаніе въ Сибири. — Роль «учредителей» тамъ и тутъ. — Образованіе Самарскаго Комитета Учредительнаго Собранія. — Борьба за У. С., какъ борьба за освобожденіе Россіи отъ большевиковъ и внѣшняго противника. — Безличное основаніе власти, внѣпартійной и общенаціональной. — Организація управленія и вооруженныхъ силъ. — Кульминація успѣха: взятіе Казани и золотого запаса. — Внѣшняя политика КОМУЧ-а. — Союзническая политика въ Европѣ и на фронтѣ гражданской войны.

Мы всѣ — неволью или вольно —
Свидѣтели мятежныхъ лѣтъ
Слыхали голосъ колокольный
И видѣли багровый свѣтъ...

А. Блокъ.

1.

Съ началомъ весны 18 г. событія пошли быстрѣе. Выступленіе чехословаковъ придало имъ головокружительный, вихревой характеръ.

Выступленіе было неожиданно для всѣхъ: для большевиковъ, для противниковъ большевиковъ, для самихъ чеховъ. Именно о немъ можно сказать, что оно случилось: никто его не дѣлалъ и не готовилъ. И чехи меньше всего хотѣли «увязнуть» въ русской междуусобицѣ и неразберихѣ, и большевики больше всего хотѣли удалить изъ Россіи это чужеродное обоюдоострое тѣло. Судьба чеховъ—и Чехіи—находилась въ прямой зависимости отъ исхода міровой войны на западномъ фронтѣ, а не гражданской — въ Россіи. И потому ихъ интересы и взоры были обращены туда, на Западъ, гдѣ эта судьба рѣшалась. Объявивъ себя, по соглашенію съ французскимъ командованіемъ, частью автономной чехословацкой арміи, формировавшейся во Франціи (согласно декрету президента французской республики отъ 17 декабря 17 г.), чехословаки въ Россіи вступили въ соглашеніе съ совѣтской властью о разрѣшеніи имъ безпрепятственно уйти кружнымъ путемъ, черезъ Владивостокъ, моремъ

во Францію. Оба соглашенія — съ представителемъ французскаго командованія ген. Табуи и съ совѣтскимъ «главкомомъ» Муравьевымъ — были заключены Масарикомъ въ февралѣ 18 г.

Соглашаясь съ большевиками, чехи не могли, разумѣется, вступить одновременно въ соглашеніе съ противниками большевиковъ. Этимъ уничтожались бы всѣ надежды и расчеты на лояльное содѣйствіе со стороны совѣтской власти передвиженію чехословацкаго войска. Препятствовали соглашенію съ антибольшевицкимъ лагеремъ и соображенія политическаго порядка. Къ тому времени, кромѣ добровольческой арміи ген. Алексѣева, проникнутой опредѣленно правыми, противореволюціонными настроеніями, другихъ формъ вооруженнаго сопротивленія большевикамъ еще не существовало. Масарикъ же опредѣленно отстаивалъ республиканскій характеръ чешскаго движенія, и борьбу за чешскую свободу хотѣлъ вести въ союзѣ съ соціалистами, а не въ борьбѣ противъ нихъ. По этимъ обстоятельствамъ онъ отказалъ въ просьбѣ о поддержкѣ добровольческаго движенія ген. Алексѣеву. Отказалъ въ томъ же и П. Н. Милюкову письмомъ отъ 19 февраля *(См. П. Н. Милюковъ:* «Россія на переломѣ», т. II, прим. къ стр. 25).

Съ теченіемъ времени содѣйствіе со стороны совѣтской власти все опредѣленнѣе перерождалось въ противодѣйствіе. Большевики охотно «маневрировали», но, относясь безъ «предубѣжденій» ко всякаго рода словамъ и «клочкамъ бумаги», не могли считать себя слишкомъ связанными соглашеніемъ съ «наемниками Антанты». Не справились еще большевики къ тому времени и съ самочинствомъ совѣтской власти «на мѣстахъ». Стало сказываться послѣ Бреста и давленіе нѣмцевъ, настаивавшихъ передъ большевиками на разоруженіи чеховъ. Уйдя съ боемъ, на переправахъ черезъ Днѣпръ, изъ занятой нѣмцами Украины, чехи уже въ мартѣ должны были заплатить командовавшему совѣтскими войсками Антонову - Овсѣенко — будущему «полпреду» въ Чехословакіи — пулеметами и орудіями за дальнѣйшее продвиженіе. Такого рода выкупной платежъ сдѣлался послѣ этого обычной нормой.

14 мая, по случайному поводу, на вокзалѣ въ Челябинскѣ произошло вооруженное столкновеніе между чехами и австрійскими военноплѣнными. Это столкновеніе привело чехословаковъ въ столкновеніе и съ челябинскимъ совѣтомъ. Совѣтъ арестовалъ чешскихъ солдатъ, а затѣмъ и делегацію, требовавшую освобожденія арестованныхъ. Товарищи послѣднихъ освободили ихъ силой и вооружились захваченнымъ у челябинскихъ красногвардейцевъ и на мѣстномъ складѣ оружіемъ. Москва отвѣтила арестомъ представителей россійскаго Отдѣленія «отбочки» чехословацкаго Національнаго Совѣта — Максы и Чермака. Послѣдовали телеграммы - приказы, сводившіе на нѣтъ всѣ прежнія соглашенія.

23 мая «Завѣдующій оперативнымъ отдѣломъ народнаго комиссаріата по военнымъ дѣламъ» Аралов телеграфировалъ пензенскому совдепу: — «Въ подтвержденіе раньше даннаго приказа (въ которомъ говорилось: «сдѣлайте все отъ васъ зависящее для поддержки организаціи чехословацкихъ коммунистовъ» и вступленія «чехословаковъ, находящихся въ поѣздахъ, въ ряды совѣтской красной арміи») предла-

гаю немедленно принять срочныя мѣры къ задержкѣ, разоруженію и расформированію всѣхъ эшелоновъ и частей чехословацкаго корпуса, какъ остатка старой регулярной арміи. Изъ личнаго состава корпуса формируйте красноармейскія и рабочія артели». А еще черезъ два дня самъ «наркомвоенморъ», въ присущемъ ему состояніи крайней революціонной запальчивости и раздраженія, опубликовалъ одинъ изъ своихъ «историческихъ» приказовъ, дорого обошедшійся и Совѣтамъ, — что было бы въ концѣ ужъ не такъ скверно, — и Россіи.

Троцкій обязывалъ «всѣ совдепы желѣзныхъ дорогъ отъ Пензы до Омска» *разоружить* чехословаковъ. «Каждый чехословакъ, который будетъ найденъ вооруженнымъ на желѣзнодорожной линіи, долженъ быть разстрѣлянъ на мѣстѣ, каждый эшелонъ, въ которомъ окажется хотя бы одинъ вооруженный, долженъ быть выгруженъ изъ вагоновъ и заключенъ въ лагерь для военноплѣнныхъ... Всякое промедленіе будетъ равносильно безчестной измѣнѣ и обрушитъ на виновныхъ суровую кару. Одновременно присылаются въ тылъ чехословаковъ надежныя силы, которымъ поручено проучить мятежниковъ. Съ честными чехословаками, которые сдадутъ оружіе и подчинятся совѣтской власти, будетъ поступлено, какъ съ братьями. Имъ будетъ оказана всяческая поддержка. Всѣмъ желѣзнодорожникамъ сообщить, что ни одинъ вагонъ чехословаковъ не долженъ продвинуться на востокъ. Кто уступитъ насилію и окажетъ содѣйствіе чехословакамъ съ продвиженіемъ ихъ на востокъ, будетъ сурово караться».

При самомъ «соглашательскомъ» отношеніи къ совѣтской власти — выбора больше не оставалось. Приказъ Троцкаго клалъ предѣлъ всѣмъ сомнѣніямъ и иллюзіямъ при самомъ лояльномъ отношеніи къ совѣтской власти и крайнемъ нежеланіи вмѣшиваться въ русскія дѣла. Депеша Троцкаго какъ бы провоцировала чехословаковъ на вооруженное выступленіе противъ большевиковъ или — на сдачу на милость и усмотрѣніе сидѣвшаго въ Москвѣ графа Мирбаха. Не чехи бросили жребій. Онъ былъ за нихъ вынутъ правительствомъ гражданской войны въ Россіи, РКП. Имѣли свою долю «заслуги» въ «превращеніи разстоянія между совѣтскимъ правительствомъ и чехословацкой добровольческой арміей въ пропасть» и чешскіе коммунисты. Какъ писалъ впослѣдствіи Яр. Папоушекъ о «Причинахъ чехословацкаго выступленія въ 1918 году», — чешскіе коммунисты въ Москвѣ, «вмѣсто того, чтобы перекинуть мостъ черезъ пропасть, старались въ личныхъ цѣляхъ сдѣлать мирное соглашеніе невозможнымъ» («Воля Россіи» № 8 - 9 за 1928 г. стр. 304, 321, 340 и др.).

Какъ ни хотѣлось чехословакамъ выйти изъ огня гражданской войны, полыхавшаго въ Россіи, какъ ни отталкивались отъ нея и какъ ни сопротивлялись, большевики все же толкнули ихъ въ противобольшевицкій лагерь, заставили ихъ отражать нападенія на чехословацкіе поѣзда у Маріановки (близъ Омска), въ Маріинскѣ, Ново - Николаевскѣ — 25 мая, въ Иркутскѣ — 26, въ Златоустѣ — 27-го и т. д.

Уже шли форменныя сраженія, въ которыхъ чехословаки насчитывали десятки убитыхъ и до сотни раненыхъ, а политическіе руководители войска, невзирая ни на что, упорно продолжали отстаивать преж-

нюю свою позицію лояльности въ отношеніи къ Совѣтамъ и невмѣшательства въ гражданскую войну. «У совѣтскаго правительства всюду очень много враговъ, которые стремятся соблазнить (!) насъ выступить въ ихъ пользу и низвергнуть существующее правительство, пишетъ «Чехословацкій Еженедѣльникъ» отъ 28 мая. Но это не является нашей задачей; наша цѣль — это далекій западный фронтъ, гдѣ мы будемъ биться съ нѣмецкимъ имперіализмомъ». И въ сообщеніи «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», разосланномъ изъ Челябинска отъ того же 28 мая, за подписью Б. Павлу и Рихтера, заявляется, что чехословаки «отстаиваютъ на мѣстахъ гражданскую власть Совѣтовъ. Чехословаки не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа*).

Событія опередили эти планы и желанія. Вопреки имъ, чехословакамъ *пришлось* вмѣшаться въ русскія дѣла и упразднить и гражданскую власть Совѣтовъ. Имъ пришлось биться не на «далекомъ западномъ фронтѣ», а тутъ же, на «восточномъ», поволжскомъ фронтѣ прежде всего съ совѣтской властью и лишь косвенно и непосредственно — съ нѣмецкимъ имперіализмомъ.

2.

Къ моменту выступленія противъ большевиковъ чехословацкій корпусъ былъ разбросанъ на огромной магистрали въ 8 тысячъ верстъ, соединявшей Пензу съ Владивостокомъ. Въ этой разбросанности была и слабость, и сила чехословаковъ: слабость — въ разсѣянности отдѣльныхъ частей и группъ, сила — въ повсемѣстномъ пребываніи и возможности единовременнаго выступленія по всѣмъ направленіямъ.

Тѣ, кто твердятъ о національномъ характерѣ Октября, о томъ, что большевизмъ и есть единственно - подлинная революціонная стихія

---

*) Только воображеніе Троцкаго, распаленное демагогіей и ощущеніемъ собственной своей оплошности, могло увидѣть въ выступленіи чехословаковъ осуществленіе «дьявольскаго, злостнаго, точно расчитаннаго плана». — Суть плана, по Троцкому, «состояла въ томъ, что для имперіалистовъ Франціи, разумѣется, было бы желательно имѣть лишній чехословацкій корпусъ, но что для нихъ въ 10 разъ стало важнѣе имѣть чехо - словацкій корпусъ на русской территоріи противъ русскихъ же рабочихъ и крестьянъ, создавъ такимъ образомъ то ядро, вокругъ котораго можно было бы группировать бѣлогвардейцевъ, монархистовъ, всѣ разсыпавшіеся по странѣ буржуазные элементы» и т. д. **(Л. Троцкій:** «Какъ вооружалась революція» т. 1., стр. 221 — Рѣчь-докладъ на чрезвычайномъ объединенномъ засѣданіи ВЦИК V созыва совмѣстно съ московскимъ совѣтомъ раб., кр. и солд. депутатовъ, профессіональными союзами, фабрично - заводскими комитетами 29 іюля 1918 года).

Болѣе поздніе большевистскіе источники, нѣсколько отошедшіе отъ запальчивости Троцкаго, отошли и отъ его точки зрѣнія. Въ обстоятельной работѣ **Н. Какурина:** «Какъ сражалась революція», т. 1. стр. 212, можно прочесть: «Нельзя сказать, чтобы чехословаки особенно стремились принять активное участіе въ гражданской войнѣ въ Россіи. Предшествующая исторія этого войска свидѣтельствуетъ о его стремленіи уклониться отъ участія въ ней, несмотря на желанія контръ - революціонеровъ привлечь ихъ на свою сторону».

подавляющаго большинства русскаго народа, есть проявленіе специфической «русскости», не должны все таки упускать изъ виду, что въ маѣ - іюнѣ 1918 года достаточно было демобилизованнаго корпуса въ составѣ 33.800 человѣкъ («штыковъ» было гораздо меньше, ибо въ оставъ корпуса входили и инвалиды, больные, нестроевые, музыканты, повара, писаря, врачи и т. д.)*) для того, чтобы буквально въ мгновеніе ока большевицкой власти не стало, чтобы она была свергнута на всемъ протяженіи отъ Пензы до Владивостока. И народъ, не поддержавшій въ свое время Учредительнаго Собранія, какъ злорадствовали справа и слѣва, пальцемъ не двинулъ, чтобы поддержать и «свою» «рабоче-крестьянскую» власть.

Телеграмма Троцкаго имѣла молніеносный эффектъ. Она привела въ движеніе весь чехословацкій корпусъ. 29 мая чехи заняли Пензу, Сызрань, Канскъ; 30-го — Батраки и мостъ черезъ Волгу; черезъ день — Тайгу, Томскъ, Петропавловскъ и т. д. Выступленіе чехословаковъ повсемѣстно вызываетъ въ отвѣтъ сочувственную «детонацію» со стороны окружающаго населенія. Слѣдуетъ взрывы возмущенія, «въ два счета» ликвидирующіе «власть Совѣтовъ на мѣстахъ». Повсюду дѣйствуютъ болѣе или менѣе однообразно .Организуютъ новую власть безъ опредѣленнаго и конкретнаго плана, часто импровизируя въ мѣру собственнаго разумѣнія и примѣнительно къ обстановкѣ.

Тутъ то и дали себя знать плоды длительной и неблагодарной, глухой и невидимой, подпольной работы по подготовкѣ возстанія противъ большевиковъ, въ которой, по признанію даже самыхъ непримиримыхъ противниковъ эсэровъ, соціалисты - революціонеры проявили «наибольшую активность» (Гинсъ) и «брали на себя иниціативу» (Деникинъ). Эта работа и побудила, и облегчила руководителямъ чехословацкаго корпуса выйти изъ того «внутренняго противорѣчія», въ которомъ они, по собственному ихъ признанію, очутились: не желая вмѣшиваться въ русскія дѣла и готовые «оставить на мѣстахъ гражданскую власть Совѣтовъ», они въ то же время хотѣли «биться съ германскимъ имперіализмомъ», фактическимъ въ то время союзникомъ Совѣтовъ. Историкъ и участникъ событій того времени, Яр. Папоушекъ подчеркиваетъ значеніе, которое имѣлъ для политическаго самоопредѣленія чеховъ тотъ фактъ, что повсюду, гдѣ военные отряды Совѣтовъ терпѣли пораженіе, «сейчасъ же начинали пріобрѣтать силу антисовѣтскіе элементы, организующіе безъ всякаго затрудненія новое правительство». Такое развитіе событій корпусомъ «привѣтствовалось. Не только потому, что благодаря такой ситуаціи значительно упрощалось положеніе, но и потому, что во главѣ мѣстныхъ правительствъ оказывались въ началѣ главнымъ

---

*) Кап. **В. Голечекъ:** «Чехословацкое войско въ Россіи» .— Иркутскъ, 1919. — Изд. информаціонно-просвѣтительнаго отдѣла чехословацкаго воен. министерства.

Опровергая «американскую ложь», Троцкій вынужденъ былъ признать 22 августа 18 г., что число бывшихъ военноплѣнныхъ, ставшихъ «солдатами совѣтской арміи составляетъ никакъ не больше одной двадцатой (!) части всего количества совѣтскихъ войскъ». («Какъ вооружалась революція» т. 1. стр. 209).

образомъ соціалисты - революціонеры, чрезвычайно близкіе чехословацкому корпусу, какъ своимъ міровоззрѣніемъ, такъ и своей союзнической оріентаціей».

О томъ же свидѣтельствуетъ и другой чехъ д-ръ Ф. Штейдлеръ. «Наши побѣды стали импульсомъ къ мѣстнымъ антибольшевицкимъ переворотамъ, подъ руководствомъ соціалистовъ - революціонеровъ, которые, впрочемъ, давно до нашего выступленія и независимо отъ него готовились къ перевороту... И надо признать, что явно антибольшевицкое настроеніе населенія значительно помогало нашимъ военнымъ успѣхамъ (См. «Вольная Сибирь», № 4. Прага, 1928)*).

Въ анти - большевицкомъ движеніи, какъ и въ большевицкомъ, сильна была стихія. Соперничая съ началомъ организаціонно - волевымъ и сознательнымъ,она для противниковъ большевизма,можетъ быть, была даже болѣе характерна. Чѣмъ дальше отъ столичныхъ очаговъ разложенія, отъ линіи фронта и желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ отчетливѣе проступала стихія. Въ глубинѣ деревенской Россіи большевизмъ никогда не былъ пріятъ. Отталкиваніе отъ него никогда не прекращалось, съ той видимой для всѣхъ разницей, что инстинктивное и пассивное сначала, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ все отчетливѣе смѣнялось оно прямымъ и сознательнымъ противленіемъ. Не надо преуменьшать значеніе стихійнаго начала въ войнѣ. Не надо, однако, и недооцѣнивать активнаго, организаціонно - сознательнаго участія въ ней.

Однимъ изъ авторовъ сборника, выпущеннаго въ Прагѣ «Обществомъ участниковъ волжскаго движенія», ген. С. А. Щепихинымъ, бывшимъ одно время начальникомъ штаба войскъ волжскаго фронта, нарисована выразительная картина того, какъ къ лѣту 18-го года «весь огромный степной районъ распался на отдѣльныя группы и единства, соотвѣтственно своему національному и экономическому положенію». Мѣстные интересы и соображенія довлѣли себѣ. Сопротивленіе совѣтской власти оказывалось, но оказывалось собственными средствами, каждый на свой рискъ: «ни общихъ лозунговъ, ни общегосударственныхъ цѣлей никто не ставилъ, каждый предпочиталъ отсиживаться или отбиваться по своимъ медвѣжьимъ угламъ». — «Впервые опредѣленная идеологія борьбы съ совѣтской властью стала проникать въ массы черезъ агитаторовъ партіи соціалистовъ - революціонеровъ... Будучи наиболѣе мощнымъ организованнымъ цѣлымъ, эта партія стала скоро тѣмъ бродиломъ, которое произвело сдвигъ въ настроеніи наиболѣе

---

*)Даже С. П. Мельгуновъ, всячески стремящійся дискредитировать и умалить усилія эс-эровъ въ противобольшевицкой борьбѣ, въ частности въ Сибири, не можетъ отрицать «инициативы и энергіи отдѣльныхъ членовъ эс-эровской партіи»; онъ вноситъ лишь нѣкоторое ограниченіе: далеко не всегда выступленіе противъ большевиковъ въ Сибири возглавляли соціалисты-революціонеры («Трагедія адмирала Колчака». — Т. I, стр. 56 и 57).

Другіе гораздо болѣе рѣшительны въ своихъ утвержденіяхъ. Такъ академикъ Ив. А. Бунинъ, въ первые годы своего пребыванія за рубежомъ, занявшійся тоже активной политикой, со словъ нѣкоего Гутмана (А. Гана) печатно утверждалъ: «чешскими штыками была водворена на Волгѣ власть эсэровъ, а вовсе не власть народа» («Общее Дѣло». — Парижъ, 23. XII. 1920 г.).

инертныхъ массъ крестьянства. Энергія, съ которой эсэры вели эту упорную работу по преодолѣнію инертности массъ, тѣ пріемы агитаціи, которые были примѣняемы, естественно внушали массамъ представленіе о силѣ партіи и импонировали имъ. Отсюда до полнаго объединенія всѣхъ разрозненныхъ очаговъ борьбы — одинъ шагъ. По всему Поволжью прошелъ какой-то токъ?.. (См. «Подъ стягомъ Учредительнаго Собранія» въ Сборникѣ I «Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.» — Стр. 171 и 181).

Какъ ни слабы, а, сравнительно съ нуждой, даже ничтожны, были силы, дѣйствовавшіе, со времени разгона Учредительнаго Собранія, въ Поволжьи и Сибири, однако, и онѣ наложили свою печать и оказали большое вліяніе на ходъ и исходъ послѣдующихъ событій. Какъ ни умалять «роль личности» и, въ частности, роль опредѣленныхъ лицъ въ волжскихъ событіяхъ, врядъ ли правильно утверждать, что «на Волгѣ и въ приволжскихъ округахъ вспыхнуло *стихійное, грандіозное* народное возстаніе», — какъ, въ явное противорѣчіе съ другими свидѣтелями очевидцами и съ самимъ собой, дѣлаетъ это одинъ изъ видныхъ участниковъ волжскаго фронта В. И. Лебедевъ (см. «Волю Россіи» за 1928 г. № 8 - 9, стр. 201). Это и объективно не такъ, и звучитъ, какъ преувеличеніе размѣровъ движенія и преуменьшеніе личной роли и отвѣтственности.

Конечно, въ извѣстной мѣрѣ Самара случайно стала и аванпостомъ, и однимъ изъ главныхъ центровъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ. Какъ замѣчаетъ другой участникъ борьбы И. П. Нестеровъ, — «еще никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла въ степяхъ Заволжья». Но, съ другой стороны, Самара была заранѣе намѣчена и сознательно выбрана въ качествѣ аванпоста и центра. Стихійныя возстанія вспыхивали въ Самарѣ и раньше: то артиллеристы, недовольные дѣлежомъ казеннаго имущества и техническаго матеріала, выкатятъ свои пушки противъ совѣтской пѣхоты, то «сухопутные моряки», собравшіеся въ Самарѣ, свергнутъ «революціонный комитетъ» и оставятъ въ обладаніи большевиковъ одинъ самарскій вокзалъ. Но къ политически осмысленному результату возстаніе привело лишь подъ воздѣйствіемъ цѣлесознательныхъ, въ подпольѣ готовившихъ его силъ, и, главнымъ образомъ, эсэровъ. *Какъ это было,* — разсказали въ «Волѣ Россіи» за 1928 г. №№ 8 - 9 и 10 - 11 организаторы возстанія И. М. Брушвитъ, П. Д. Климушкинъ, И. П. Нестеровъ, вмѣстѣ съ двумя другими членами Учредительнаго Собранія той же эсэровской фракціи Б. К. Фортунатовымъ и В. К. Вольскимъ, возглавившіе правительство переворота*).

Сибирь, которую объѣхалъ Брушвитъ съ цѣлью установленія связи, назначила совмѣстное выступленіе на 15 - 16 мая. «Мы работали со-

---

*) Несмотря на неимовѣрное, почти необозримое количество матеріала, исторически иногда совершенно никчемнаго, публикуемаго безпрестанно совѣтской властью по исторіи гражданской войны, — спеціально по исторіи борьбы въ Самарѣ нѣтъ почти ничего, если не считать попутныхъ замѣчаній и, конечно, «квалификацій» — по другимъ «исторіямъ»: Интервенціи, Колчаковщины и т. д.

вершенно независимо и даже не знали о томъ, въ какомъ положенiи находятся чехи», свидѣтельствуетъ Брушвитъ. И только отъ прiѣзжаго изъ Москвы, посланца эсэровскаго Ц. К., узнали въ Самарѣ о назрѣвавшемъ у чехословаковъ, сгруппировавшихся въ Пензѣ, конфликтѣ съ большевиками. «Тогда только постановлено было отправить меня (Брушвита) въ Пензу для связи съ чехословаками... Тогда только! Такимъ образомъ въ русской общественной средѣ готовились организованно къ выступленiю противъ большевиковъ задолго до прихода чехословаковъ, при чемъ имѣлось въ виду задержаться на Волгѣ и на Уралѣ».

Попавъ къ чехословакамъ въ Пензу, Брушвитъ, конечно, сталъ ихъ убѣждать въ томъ, что имъ не миновать физическаго столкновенiя съ Совѣтами. И когда его слова оправдались, и чехи, несмотря на все свое отталкиванiе, вынуждены были выступить противъ Совѣтовъ съ оружiемъ въ рукахъ, естественно, поднялся и авторитетъ тѣхъ, кто это выступленiе предвидѣли и, какъ могли, къ нему готовились. Выступленiе противъ Совѣтовъ, естественно, сблизило чеховъ съ эсэрами по мотивамъ политической солидарности и технической взаимопомощи.

Брушвитъ вѣдалъ «внѣшнiя сношенiя»: былъ живою связью сначала съ Сибирью, потомъ съ приближавшейся къ Самарѣ пензенской группой чехословаковъ. Климушкинъ вѣдалъ «деревню», собиралъ крестьянскiе съѣзды, готовилъ, какъ умѣлъ, «аппаратъ» на слѣдующiй день послѣ сверженiя большевиковъ, велъ переговоры о содѣйствiи съ другими мѣстными партiйными группами и безпартiйными организацiями. «Военное дѣло», сначала только партiйную «боевую дружину» и воинскiя части, сочувствовавшiя перевороту, а потомъ и техническое руководство возстанiемъ рабочихъ на Иващенковскихъ заводахъ — въ 40 верстахъ отъ Самары, центрѣ огромнѣйшихъ запасовъ патроновъ и снарядовъ, — вѣдалъ Фортунатовъ. Здѣсь, въ Иващенковѣ, впервые было произнесено имя КОМУЧ-а — Комитета Учредительнаго Собранiя, именемъ котораго иващенковскiе рабочiе захватили городъ и закрѣпились на вокзалѣ еще до прихода чеховъ.

Вспоминая прошлое, бывшiй командующiй поволожскимъ фронтомъ — «всѣми войсками Народной армiи и мобилизованными частями Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ», — чешскiй ген. Чечекъ писалъ: «Могу съ увѣренностью сказать, что Иващенково спасло насъ. Вывезенными оттуда матерiалами и порохомъ питались потомъ вся база Поволжскаго фронта, Урала и наша армiя. Иващенково поддерживало насъ цѣлыхъ полгода...»

Сколь ни ничтожны были силы эсэровъ въ Самарѣ, сколь ни «провинцiаленъ» былъ ихъ личный составъ, все же онѣ сыграли значительную, едва ли не рѣшающую роль въ фактѣ возстанiя, въ его успѣхѣ и закрѣпленiи успѣха. Только онѣ, можно сказать, и сыграли эту роль, ибо всѣ другiе круги русской общественности или вовсе умыли руки, или предпочли до времени политику выжиданiя и воздержанiя.

Мѣстная организацiя соцiалъ - демократовъ (меньшевиковъ) заявила, что «принципiально» она стоитъ за «активную борьбу съ большевиками», но, считаясь съ противоположной точкой зрѣнiя своего Ц. К., она практически «вынуждена воздержаться отъ активнаго участiя

въ борьбѣ». Такъ же отвѣтила и вліятельная организація рабочихъ печатнаго дѣла, позднѣе, когда опредѣлился исходъ возстанія, какъ и с. - д. -ская организація, оказавшая серьезнѣйшую поддержку перевороту. Лидеръ самарскихъ к.-д., безъ гарантіи того, что «чехи пробудутъ на Волгѣ такъ долго, какъ этого потребуютъ наши русскіе интересы», и самъ отказывался отъ имени мѣстнаго комитета принимать участіе въ возстаніи, и другихъ отъ этого предостерегалъ. «Само собой понятно наше сочувствіе цѣликомъ на вашей сторонѣ и *впослѣдствіи, когда* ситуація измѣнится и *если* вамъ (!) удастся убѣдить чехословаковъ остаться здѣсь надолго, мы не откажемся отъ активнаго участія въ борьбѣ съ большевиками, а пока мы будемъ пассивны».

Поддержку обѣщали лишь народные соціалисты... Иными словами – эсэры были съ самаго начала предоставлены самимъ себѣ. Помощники и совѣтчики, критики и ректификаторы пришли послѣ, уже на готовое, когда многаго нельзя было исправить, а другое, — по праву перваго обрѣвшаго — и не хотѣлось уступать. Это надо твердо помнить при оцѣнкѣ государственно - организаціонной импровизаціи, создавшейся въ Самарѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, и подъ давленіемъ внѣшней, объективной обстановки.

Организаторы возстанія меньше всего были «доктринеры». Не было среди нихъ и ученыхъ юристовъ. Въ этомъ, если угодно, можно видѣть положительное начало, обусловившее самый успѣхъ дѣла. Еще и сейчасъ одинъ изъ видныхъ участниковъ КОМУЧ-а и его историкъ С. Н. Николаевъ, въ интересномъ очеркѣ, помѣщенномъ въ томъ же № 8 - 9 «Воли Россіи», полагаетъ, что «теоретическія размышленія о сохраненіи чистоты и цѣльности формальныхъ юридическихъ принциповъ являются скорѣе обстоятельствомъ разлагающимъ и губящимъ живое дѣло». Какъ бы то ни было, но критикуя совершенно очевидные недостатки плана государственнаго преобразованія эсэровскихъ Сперанскихъ, собравшихся въ Самарѣ въ маѣ 18 г., надо имѣть въ виду и ту обстановку гражданской войны, при которой «въ три дня былъ не только теоретически разработанъ весь планъ управленія, но и были приглашены на всѣ отвѣтственныя мѣста должностныя лица»...

Планъ «управленія» былъ чрезвычайно простъ. «Во главѣ аппарата стоитъ комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія съ представителями отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ самоуправленій. Во главѣ арміи стоитъ военный штабъ, состоящій изъ трехъ лицъ: полк. Галкина (артиллеристъ, руководившій въ подпольѣ безпартійной офицерской организаціей), Фортунатова и Боголюбова, а дальше, въ нисходящемъ порядкѣ, идутъ министерства, губернскіе и уѣздные уполномоченные, начальники милиціи и т. д.»

Здѣсь былъ принципъ — *безличное* основаніе власти. Не тѣ *физическія* лица, которымъ посчастливилось одержать верхъ и свергнуть ненавистную власть Совѣтовъ, признавались носителями власти въ силу фактическаго ея захвата, не они несли «въ себѣ» основаніе власти, а то учрежденіе, вѣрнѣе, *учрежденія*, которыя созданы были единственнымъ источникомъ и «дарителемъ» власти — народомъ и его волеизъявленіемъ, обнаружившимся во всеобщемъ голосованіи. Отсюда и «упра-

вленіе» призваны возглавлять, на ряду съ членами Учредительнаго Собранія, и «представители отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ самоуправленій»*).

Принципъ былъ правильный — единственный, который могъ дать правовое основаніе власти. А необходимость такого основанія сознавали и искали его и тѣ, кто въ условіяхъ рискованной и нелегальной подготовки возстанія не имѣлъ ни вкуса, ни досуга «заниматься рѣшеніемъ формально - юридическихъ вопросовъ». Иначе обстояло съ *практическимъ* воплощеніемъ принципіально правильнаго начала.

Власть возглавлялась КОМУЧ-емъ, какъ властью верховной и временной — впредь до возстановленія Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и до - октябрьскаго законодательства и порядка, попранныхъ большевицкой властью. Личный составъ не былъ установленъ даже количественно. Численность Комитета была подвижна. Каждый членъ У. С. могъ стать членомъ самарскаго КОМУЧ-а, т. е. носителемъ верховной власти. Для этого достаточно было удовлетворять двумъ положительнымъ условіямъ и двумъ отрицательнымъ: оказавшись въ Самарѣ, заявить о своемъ желаніи вступить въ составъ КОМУЧ-а и не принадлежать ни къ большевицкой, ни къ лѣво - эсэровской фракціи У. С. Послѣднія исключались на основаніи соучастія въ органахъ власти, ведшей вооруженную борьбу съ органами и защитниками народовластія. И формально «уходъ» этихъ фракцій изъ засѣданія Учредительнаго Собранія 6-го января приравнивался къ «отказу отъ званія» члена Собранія, по ихъ убѣжденію, правомѣрно распущеннаго властью.

Въ идеѣ внѣпартійный и общенаціональный, КОМУЧ фактически возникъ какъ однопартійно - эсэровскій пятичленный органъ. Черезъ 4 мѣсяца къ 1-му октября, по даннымъ «Вѣстника Комитета членовъ Учредительнаго Собранія», въ КОМУЧ-ѣ было уже 95 человѣкъ. Достаточно одного этого факта, чтобы признать правильной характеристику Николаева, — «внутреннее строеніе новой власти не отличалось ни постоянствомъ формы, ни выдержанностью плана и системы». КОМУЧ являлся одновременно и верховной властью, и властью законодательной, и исполнительной. Власть не была раздѣлена ни по матеріальному своему содержанію, ни формально, по компетенціямъ.

---

*) По тому же принципу и образцу построена была новая власть и въ Архангельскѣ, гдѣ и юристы были, и правительство было возглавлено не эсэрами, якобы «лѣваго типа», а такимъ болѣе чѣмъ умѣреннымъ и государственно - мыслящимъ демократомъ, какимъ въ пору гражданской войны былъ Н. В. Чайковскій. — Послѣ сверженія совѣтской власти въ Архангельскѣ 2-го августа было возвѣщено, что «Отнынѣ носителями Верховной государственной власти въ сѣверномъ краѣ является Верховное Управленіе Сѣверной Области въ составѣ: членовъ Учредительнаго Собранія, а также представителей земствъ и городовъ въ этой области». И фактически въ правительство вошли, на ряду съ членами У. С., — преимущественно сѣверныхъ избирательныхъ округовъ: вятскаго, архангельскаго, вологодскаго, новгородскаго. — тов. городского головы г. Вологды и зам. предсѣдателя городской думы г. Архангельска. Юридическое различіе заключалось только въ томъ, что члены У. С. входили какъ бы по личному прямому праву, тогда какъ гласные — по представительству отъ соотвѣтствующаго городского или земскаго учрежденія.

Лишь въ порядкѣ технической необходимости произведено было суммарное распредѣленіе работы между членами КОМУЧ-а «завѣдывавшими» отдѣльными отраслями и фактическими «управляющими» различными «вѣдомствами». Только къ началу августа, съ образованіемъ такъ называемаго Совѣта управляющихъ вѣдомствами, произведено было нѣкоторое отдѣленіе власти «верховной» КОМУЧ-а отъ власти правительственной, надѣленной и законодательными функціями, — Совѣта управляющихъ вѣдомствами. Но и это разграниченіе страдало серьезнымъ порокомъ. Среди «управляющихъ» преобладающее большинство составляли члены У. С., въ качествѣ таковыхъ входившіе въ составъ органа «верховной власти» — КОМУЧ-а и такимъ образомъ сами себѣ подконтрольные*).

Были и другіе пороки не формально - юридической только структуры новой власти. И среди нихъ едва ли не наиболѣе серьезнымъ по своему непосредственному впечатлѣнію и массовому дѣйствію было присвоеніе флагу самарскаго правительства, на которомъ значилось: «Власть народа — власть Учредительному Собранію», *краснаго* цвѣта.

Поскольку эмоціи являются одной изъ самыхъ главныхъ силъ именно въ гражданской войнѣ, красный символъ, *за* который и *подъ* которымъ надо было сражаться и умирать по приказу КОМУЧ-а не только добровольцамъ, но и мобилизованнымъ для борьбы противъ большевиковъ, которые сражались и умирали за *такое же* красное знамя, — вносилъ, конечно, безысходную тоску и смуту въ души бойцовъ.

3.

Коллегіальныя, и въ своемъ личномъ составѣ подвижная, самарская власть имѣла много дефектовъ, организаціонныхъ и иныхъ. Но если къ этимъ дефектамъ подойти съ сравнительно - исторической точки зрѣнія, и сопоставить ихъ съ дефектами единоличной и военной власти, образовавшейся на югѣ, а потомъ и на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо - западѣ, — самая суровая критика должна, если не замолкнуть, то значительно смягчиться.

Между тѣмъ и по сей день, уже въ историческомъ аспектѣ, постигшую самарскую неудачу даже самые серьезные ученые продолжаютъ объяснять причинами и обстоятельствами мнимыми и несоотвѣтствующими реальностямъ. Такъ, по утвержденію историка Милюкова, «для всего хода борьбы» на Волжскомъ фронтѣ «роковое значеніе» имѣло то обстоятельство, что тамъ фактически преобладали соціалисты - революціонеры «лѣваго типа Чернова», а политической программой КОМУЧ-а

---

*) Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами составляли: Роговскій (предсѣдатель Совѣта и управляющій госуд. охраной), Климушкимъ (внут. дѣлъ), Былинкинъ (юстиціи), Филипповскій (торговли и промышленности), Лазаревъ (нар. просвѣщенія), Веденяпинъ (иностр. дѣлъ), Раковъ (финансы), безпартійный Красновъ (государств. контроль), безпартійный полковникъ Галкинъ (военн. дѣлъ), Нестеровъ (путей сообщенія), Бѣлозеровъ (почтъ и телеграфовъ), Масловъ П. Г. (земледѣлія).

будто бы была программа лѣвыхъ с. - р.*). Что КОМУЧ дѣйствовалъ въ качествѣ временнаго держателя власти именемъ распущеннаго Учредительнаго Собранія, и при этомъ руководствовался «рѣшеніями, спѣшно принятыми въ послѣднія минуты единственнаго засѣданія Учр. Собранія 6-го января», — это совершенно вѣрно. Но что «рѣшенія» эти составляли цѣлую «программу», и при томъ «программу лѣвыхъ с.-р.» — этого П. Н. Милюковъ и не пробовалъ доказать. Вѣроятно потому, что это и не можетъ быть доказано.

Среди эсэровъ оставались, конечно, программно - тактическія расхожденія и послѣ формальнаго откола лѣвыхъ эсэровъ послѣ Октября. Но рѣзкое расхожденіе «лѣвыхъ» и «правыхъ» — по признаку «соглашательства» съ не-соціалистическими элементами — обнаружилось позднѣе. Во время же существованія волжскаго фронта власть — и по личному составу КОМУЧ-а, и по проводимымъ имъ мѣропріятіямъ — была, конечно, не лѣвой, а «правой». Въ частности лидеръ «лѣвыхъ» В. М. Черновъ не только не былъ никакъ причастенъ къ самарской власти и волжской борьбѣ, но и физически очутился въ Самарѣ лишь наканунѣ самоупраздненія самарскаго правительства въ итогѣ государственнаго совѣщанія въ Уфѣ. Не лѣвыми были «все тѣ же с.-р.-ы», благодаря которымъ, по свидѣтельству Милюкова, усилилось «вліяніе русской точки зрѣнія» на чеховъ и, въ частности, удалось убѣдить ихъ задержаться временно на Волгѣ. Отнюдь не лѣвыми были и тѣ эсэры, въ чьихъ рукахъ «находилась» кооперація, дававшая «деньги на покупку оружія» для борьбы противъ большевиковъ, и съ которыми приходилось вступать въ сношенія всѣмъ офицерскимъ и инымъ организаціямъ. Лѣвымъ нечего было бы дѣлать и во всѣхъ «однобокихъ» правительствахъ, которыя возникали въ цѣляхъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ въ Самарѣ, Сибири, Архангельскѣ и «въ которыхъ с. - р. имѣли перевѣсъ» («Россія на переломѣ» т. II стр. 41, 34 и 31).

Можно и должно критически относиться къ волжской эпопеѣ и вообще — къ вооруженной борьбѣ противъ большевиковъ. Можно относиться отрицательно къ мѣропріятіямъ и даже къ личному составу правительствъ, земствъ, городовъ, коопераций, и прочихъ учрежденій, въ которыхъ въ 17 и 18 г. г. преобладали эсэры. Врядъ - ли, однако, допустимо критическое отношеніе къ эсэрамъ подмѣнять одной квалифи-

---

*) Г. Гинсъ противополагаетъ «не - черновцевъ» ихъ «товарищамъ-максималистамъ (!) изъ Самарскаго Комитета и Областной Думы». — Т. 1. стр. 181.

Ген. Деникинъ, не только какъ военачальникъ, но и какъ историкъ, смотрѣлъ и того проще. Для него «Комитетъ Учредительнаго Собранія — филіалъ центральнаго комитета партіи с.-р.-овъ» и «отображеніе совѣтскаго (!) правительства, только болѣе тусклое и мелкое, лишенное крупныхъ именъ, большевицкаго размаха и дерзанія» (См. «Очерки русской смуты». — Берлинъ, 1924 г. Т. III, стр. 98).

Другой авторъ, тоже историкъ, С. П. Мельгуновъ, несогласный, какъ и въ другихъ пунктахъ, съ Милюковымъ, пришелъ къ четвертому мнѣнію: «Комитетъ У. С. не служилъ, въ концѣ концовъ ни тому, ни другому, ни «партійному», ни «общенаціональному» дѣлу» (См. «Трагедія адмирала Колчака». — Бѣлградъ, 1930. — Т. I., стр. 119).

каціей ихъ «лѣвыми эсэрами» — широко распространенной и тѣмъ не менѣе объективно невѣрной. И вообще невозможенъ историческій подходъ, не корректируемый *сравнительной* оцѣнкой аналогичныхъ явленій: чтобы исторически объективно оцѣнить волжскую борьбу, необходимо знать и помнить, какъ протекала и протекла борьба на другихъ фронтахъ.

Дѣятельность самарскаго правительства проникнута была съ самаго начала служеніемъ «единой независимой свободной Россіи», въ которомъ находили сочетаніе и идея народовластія, и «вѣра въ Россію, въ русскій народъ, въ его свѣтлое будущее», гдѣ «свѣтлые благородные порывы, честь и совѣсть» сочетались съ задачей возстановленія въ странѣ «закона и порядка». Объ этомъ говорилось съ перваго же дня, когда возвѣщено было о «переворотѣ, совершенномъ нами благодаря подходу доблестныхъ чехо-словацкихъ отрядовъ», и изданъ былъ «Приказъ № 1 — О принятіи власти Комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія». Приказъ № 2 посвященъ былъ организаціи Народной арміи. «Для защиты возстановленныхъ органовъ истиннаго народоправства отъ посягательства подходящихъ большевицкихъ и нѣмецкихъ бандъ», Комитетъ членовъ У. С. «именемъ Учредительнаго Собранія» приказывалъ военному штабу «въ срочномъ порядкѣ приступить къ формированію дисциплинированной и сильной арміи». Но очень скоро добровольчество пришлось восполнить принудительнымъ наборомъ родившихся въ 1897 и 1898 г. г., и произведено было раздѣленіе подчиненныхъ и начальниковъ соотвѣтствующихъ чиновъ. Армія служитъ народу, націи, а потому безпартійна. Вхожденіе военно - служащихъ въ политическія партіи совершенно недопустимо. Внѣ службы всѣ равноправны и равнообязаны передъ родиной, внѣшнимъ выраженіемъ чего служатъ «гладкіе изъ простого сукна контръ - погоны» (изъ доклада КОМУЧ-у тов. управляющаго военнымъ вѣдомствомъ Взорова въ августѣ 18 г.).

Армія была наиболѣе уязвимымъ пунктомъ самарской власти. На 1-ое августа съ ней числилось 8.485 добровольцевъ и 21. 888 мобилизованныхъ. Она нуждалась во всемъ: въ амуниціи, экипировкѣ, винтовкахъ*), артиллеріи, инструкторахъ, деньгахъ, и т. д. Въ виду хроническаго безденежья добровольцы получали совершенно ничтожное жалованье: на всемъ готовомъ 15 руб. — солдаты и офицеры. По отзыву компетентныхъ свидѣтелей, части Народной арміи сражались охотно вблизи своихъ деревень. И здѣсь они были безпощадны по отношенію къ большевикамъ. Вдали же отъ родныхъ селеній онѣ представляли недостаточно устойчивую силу, значительно уступавшую въ крѣпости боевого духа чехословакамъ. Лучшими частями считались конный отрядъ Фортунатова и добровольческіе отряды рабочихъ Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ.

Вопреки утвержденіямъ многочисленныхъ «историковъ» — недру-

---

*) Большевистскіе источники доводятъ численность Народной арміи до 50 - 60 тысячъ человѣкъ. Но и они отмѣчаютъ, что «вооруженія хватало только на 25 тысячъ бойцовъ». См. среди «Воспоминаній и статей участниковъ борьбы съ учредиловской (!) и колчаковской контръ - революціей» ст. Какурина въ сборникѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь». — Госизд. 1928 г.

говъ Народной арміи, комиссаровъ и комитетовъ въ арміи не существовало. На стражѣ дисциплины стоялъ военно - полевой судъ.

«Часто упрекаютъ, что Народная Армія была слаба потому, что Самара ввела въ нее порядки временъ Керенскаго»*), — пишетъ большой недругъ не столько Самары, сколько эсэровъ и КОМУЧ-а ген. П. П. Петровъ, бывшій начальникъ оперативнаго отдѣла. И тутъ же прибавляетъ: «Да, положеніе о службѣ въ Народной Арміи, выработанное наспѣхъ въ тонахъ 1917 года лишь для того, чтобы не испугать лѣвые элементы и не затягивать рѣшенія, конечно, не отвѣчало принципамъ вполнѣ здороваго устройства арміи. Но вѣдь это было въ 1918 году на Волгѣ, гдѣ революціонный угаръ еще далеко не прошелъ и гдѣ крутое писанное возвращеніе къ обычнымъ старымъ порядкамъ могло возбудить разговоры и рознь. Одинъ разговоръ о погонахъ сыгралъ бы большую роль, какъ сыгралъ, по моему, вообще въ дальнѣйшей борьбѣ». Ген. Петровъ считаетъ «несомнѣннымъ, что многое, въ чемъ упрекаютъ КОМУЧ и «Штабъ изъ трехъ лицъ» совершенно несправедливо, а многое просто искажено или выдумано противниками «Учредилки», тоже людьми партійными». (См. «Отъ Волги до Тихаго Океана. Въ рядахъ бѣлыхъ». — Воспоминанія. Рига. 1930. — Стр. 49- 50).

Комитеты и комиссары въ арміи были упразднены. Распущены были Совѣты. Какъ органы власти, Совѣты были вовсе упразднены и замѣнены возстановленными органами мѣстнаго самоуправленія. Волостнымъ Совѣтамъ было предписано немедленно сдать дѣла волостнымъ управамъ. Но Самарскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ не былъ упраздненъ. Онъ былъ сохраненъ, какъ органъ «общественнаго мнѣнія пролетаріата». Срокъ и порядокъ выборовъ въ новый Совѣтъ былъ установленъ рабочей конференціей въ іюнѣ. Въ августѣ Совѣтъ началъ дѣйствовать, а въ концѣ сентября былъ упраздненъ. Какъ отмѣчаетъ бывшій управляющій вѣдомствомъ труда въ Самарѣ И. Майскій, — впослѣдствіи перебѣжавшій къ большевикамъ и дослужившійся до высокихъ степеней и званія «полпреда» въ Японіи и Финляндіи, — самарская «буржуазія и офицерство самое слово «Совѣтъ» не могли произносить безъ скрежета зубовнаго... Въ этомъ лежала одна изъ самыхъ главныхъ причинъ ссоры между Комитетомъ и поддерживавшими его вначалѣ правыми элементами». (см. «Демократическая контръ - революція» стр. 93. — Госизд. 1923 г.).

Возстановленіе Совѣта было безспорной ошибкой самарскаго правительства, позднѣе сознанной имъ и признанной. Подсказана она была неувѣренностью въ себѣ, необходимостью имѣть за собой рабочій классъ, близостью іюня 18 г. ко времени, когда Совѣты играли руководящую роль въ русской революціи, наконецъ, общей политической линіей — возстанавливать большевиками упраздненное и упразднять лишь то, что введено было большевиками.

Не вступая на путь новаго органическаго правотворчества и отме-

---

*) См., напримѣръ, мнѣніе ген. **И. Г. Акулинина:** «Уральское казачье войско въ борьбѣ съ большевиками». — «Бѣлое Дѣло». Лѣтопись бѣлой борьбы. — Т. II, стр. 124.

тая все наносное, имѣвшее своимъ происхожденіемъ узурпацію власти, самарское правительство денаціонализировало банки, возобновило дѣятельность государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій, возстановило частную собственность на процентныя бумаги, денаціонализировало и возвратило въ частное владѣніе фабрично - заводскія предпріятія, передало временно, «до изданія особаго распоряженія», въ вѣдѣніе городского самоуправленія захваченные большевиками дома, гостинницы, бани, кинематографы, возстановило институтъ фабричной и горной инспекціи, отмѣнило такъ называемый рабочій контроль и т. д.

Въ деклараціи КОМУЧ-а отъ 24 іюля говорилось, что, «желая оказать содѣйствіе тѣмъ лучшимъ представителямъ торгово-промышленнаго класса, которые искренне стремятся къ возрожденію родины и проникнуты желаніемъ всемѣрно содѣйствовать возстановленію нормальной хозяйственной жизни», Комитетъ признаетъ за предпринимателями «право требовать отъ рабочихъ интенсивнаго и доброкачественнаго труда въ теченіе всего рабочаго времени, опредѣленнаго закономъ и договоромъ, и увольнять не подчиняющихся этимъ требованіямъ, соблюдая соотвѣтствующія законныя нормы. Предпринимателямъ предоставляется право увольнять лишнихъ рабочихъ съ соблюденіемъ установленныхъ для этой цѣли законовъ и постановленій».

Тому же Майскому, какъ агенту самарской власти, принадлежало заявленіе, что «демагогическія утвержденія, будто Россія переживаетъ соціалистическую революцію, на время увлекли пролетаріатъ и лишили его ощущенія реальности; онъ потерялъ границу между мечтой и дѣйствительностью. Теперь жизнь возвращаетъ рабочій классъ на землю... Выполняя свой долгъ передъ пролетаріатомъ, революція въ правѣ требовать, чтобы пролетаріатъ въ свою очередь выполнилъ свой долгъ передъ революціей. Учредительное Собраніе гарантируетъ 8 часовъ рабочаго дня, но эти 8 часовъ они должны хорошо работать... Плохая работа при 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ не только страшный ущербъ для страны, но и позоръ для пролетаріата. Съ плохой работой должно быть покончено».

Твердыя цѣны на хлѣбъ были отмѣнены. Земельные комитеты возстановлены, при чемъ имъ рекомендовалось «принять къ точному и неуклонному исполненію первые десять пунктовъ Основного закона о землѣ», принятаго учредительнымъ Собраніемъ. Насильственное возвращеніе имущества воспрещалось и подлежало пресѣченію и преслѣдованію «самымъ строгимъ образомъ» такъ же, какъ и прямой захватъ.

КОМУЧ не переставалъ подчеркивать ,что руководится «преданностью родинѣ и стремленіемъ къ національному возрожденію ея, возсозданію боевой мощи, установленію порядка, улучшенію экономическаго состоянія страны, охранѣ труда, утвержденію демократическихъ принциповъ въ странѣ. Эти дѣйствія направлены также къ полному уничтоженію совѣтской власти и къ единенію съ союзниками. Комитетъ считаетъ необходимымъ ясно, открыто заявить: хотя большинство его принадлежитъ къ фракціи с. - р. Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, это не значитъ, что органъ власти есть проводникъ идей одной этой партіи» (Декларація отъ 1 августа).

Это — программа лѣвыхъ эсэровъ?!..

Гораздо ближе къ истинѣ утвержденіе Майскаго, въ обличительныхъ цѣляхъ доказывавшаго въ своей книгѣ «Демократическая контръ революція», что «Программа Комитета являла собой довольно точное воплощеніе программы обыкновенной буржуазной демкратіи». Это, можетъ быть, было и худо, можетъ быть, хорошо, — но это было такъ! Это подтверждается и болѣе заинтересованными и болѣе близкими — хронологически и топографически — свидѣтелями.

На торжественномъ засѣданіи земско - городскихъ дѣятелей, общественныхъ организацій, партій и союзовъ въ Симбирскѣ представитель к. - д. Бончъ - Осмоловскій свидѣтельствовалъ, что его партія счастлива оказать поддержку КОМУЧ-у и Народной арміи. Вышедшая въ Казани во второй половинѣ августа «Камско - Волжская Рѣчь» писала, что «государственная власть въ лицѣ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, смѣнившая въ цѣломъ рядѣ городовъ тиранію партіи большевиковъ, провозгласила на своемъ знамени *тѣ лозунги, за которые мы раньше боролись,* — возсозданіе единой Россіи, власть твердая, національная, внѣпартійная, съ широкимъ государственнымъ горизонтомъ... Неумѣстно разжигать классовую или партійную ненависть, когда дѣло идетъ о существованіи всей страны»*).

Классовой, и, главное, партійной ненависти КОМУЧ-у предотвратить, правда, не удалось. Но надо признать, что шла и пришла она не отъ КОМУЧ-а, а съ другой стороны. О характерѣ новой власти свидѣтельствуютъ не только ея мѣропріятія, но самая ея «фразеологія»; она не переставала говорить о «родинѣ», «національномъ возрожденіи», «полномъ уничтоженіи совѣтской власти» и т. д.; наконецъ, какъ уже отмѣчалось, о томъ же свидѣтельствуетъ и личный составъ органовъ власти. Многіе изъ высшихъ руководителей и идеологовъ волжскаго движенія впослѣдствіи сильно «полѣвѣли», кое кто даже переметнулся прямо къ большевикамъ, но это случилось впослѣдствіи: *тогда,* лѣтомъ 18 года, подавляющее большинство находилось едва ли не на крайнемъ правомъ флангѣ русской демократической и соціалистической общественности.

И характерно, что одни противники КОМУЧ-а обличали его въ слабоволіи и «керенщинѣ», въ то время какъ другіе обвиняли его какъ

---

*) Надо ли указывать, что и на противоположномъ фронтѣ по другимъ мотивамъ и въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ по существу удостовѣрялся тотъ же фактъ. — «Дѣятельность КОМУЧ-а съ самаго же начала носила рѣзко реакціонный характеръ», пишетъ напр. **П. Лисовскій** въ книжкѣ: «На службѣ капитала. — Эсэро - меньшевистская **контръ - революція».** 1928. — «Эта политика вызвала бурныя симпатіи къ КОМУЧ-у со стороны мѣстной буржуазіи, которая чувствовала въ КОМУЧ-ѣ свою власть, хотя сама въ ней и не была непосредственно представлена». — Другой авторъ А. Соколовъ, въ сборникѣ «Колчаковщина» изд. «Истпартъ при Уралобкомѣ РКП» 1924 г. удостовѣряетъ, что «буржуазія чувствовала, что приходятъ ея времена», что «собравшіяся въ Поволжьи подъ флагомъ Учредительнаго Собранія контръреволюціонныя офицерскія банды возбуждали меньше подозрѣній со стороны народныхъ массъ» и т. д. Подобныхъ отзывовъ можно привести сколько угодно.

разъ въ противоположномъ, осуждали — не только слѣва, что неудивительно, но и справа, — за чрезмѣрную суровость, за слишкомъ рѣшительную расправу съ реакціонными заговорщиками, съ бастующими и возставшими (въ томъ же Иващенковѣ) рабочими, съ крестьянами, не выполнявшими приказа о мобилизаціи, за обстрѣлъ артиллерійскимъ огнемъ деревни, отказавшейся подчиниться приказу о явкѣ новобранцевъ и т. п.

Но большевикамъ ли этимъ возмущаться? Реакціонерамъ ли справа объ этомъ печаловаться?

4.

Въ первое время самарскій фронтъ имѣлъ успѣхъ за успѣхомъ. Энтузіазмъ восполнялъ недостаточное умѣніе и подготовленность. Недостатки техническіе и организаціонные искупались натискомъ и героизмомъ, глубокой, часто слѣпой вѣрой въ правоту и удачу своего, народнаго дѣла; презрѣніемъ къ силамъ неправаго врага.

Уже черезъ недѣлю, 15 іюня, первое ядро добровольческой Народной арміи совмѣстно съ ротой чехословаковъ съ боемъ отняли у большевиковъ г. Ставрополь. Еще черезъ день была занята Сызрань. Чрезвычайно важный въ стратегическомъ отношеніи, центръ расположенія совѣтскихъ войскъ, Симбирскъ былъ взятъ небольшимъ отрядомъ въ 283 человѣка послѣ тяжкаго и рискованнаго перехода 150 верстъ въ трое сутокъ, днемъ и ночью. По составленному заранѣе плану была сдана КОМУЧ-у Уфа подполк. генеральнаго штаба Ф. Е. Махинымъ, занявшимъ командный постъ въ совѣтской арміи съ вѣдома эсэровскаго Ц. К.

Объемъ освобождаемой отъ большевицкой власти территоріи увеличивался чуть ли не съ каждымъ днемъ. Успѣхи подняли духъ и окрылили надеждами боровшихся противъ большевиковъ на другихъ фронтахъ. Они же вызывали растерянность и тревогу, временами — панику въ совѣтскомъ лагерѣ. Въ смежныхъ мѣстностяхъ съ напряженнымъ волненіемъ слѣдили за перемѣщеніемъ линіи фронта. Какъ правило, истомившееся подъ властью большевиковъ населеніе ждало освобожденія, а сопротивлявшаяся ему власть даже и не скрывала своей увѣренности, что освобожденіе отъ нея неминуемо. Смѣна власти почти всюду происходила безболѣзненно. «Совѣтская» власть уходила — приходила власть «учредиловская», «учредителей», КОМУЧ-а. Оказывавшіеся при этомъ налицо члены Учредительнаго Собранія, преимущественно, мѣстнаго происхожденія или избранія, всячески содѣйствовали признанію «самарской» власти, какъ власти центральной и руководящей.

Кульминаціоннымъ пунктомъ въ успѣхахъ было взятіе Народной арміей и чехословаками Казани 7-го августа.

«Намъ казалось», писалъ впослѣдствіи извѣстный Лацисъ, орудовавшій въ Казани въ качествѣ предсѣдателя Ч. К. по борьбѣ съ контръреволюціей «на чехословацкомъ фронтѣ», — «что Казань сдавать нельзя, что сдача Казани равняется открытію доступовъ къ Москвѣ, что

наша армія, разбитая подъ Казанью, покатится до Нижняго*), и непріятель, такимъ образомъ, тѣснымъ кольцомъ окружитъ насъ съ востока и сѣвера».

Вспоминая въ 1929 г., уже на положеніи изгнанника на берегахъ Босфора, свое славное прошлое, «Мѣсяцъ въ Свіяжскѣ» — кульминаціонный моментъ своихъ трудовъ и дней по укрѣпленію «диктатуры пролетаріата», Троцкій писалъ: «Весна и лѣто 1918 г. были изъ ряда вонъ тяжелымъ временемъ. Моментами было такое чувство, что все ползетъ, разсыпается, не за что ухватиться, не на что опереться. Вставалъ вопросъ: хватитъ ли вообще у истощенной, разоренной, отчаявшейся страны жизненныхъ соковъ для поддержанія новаго режима и спасенія своей независимости?.. Всюду гноились заговоры... Все осыпалось, не за что было зацѣпиться, положеніе казалось непоправимымъ... Судьба революціи въ наиболѣе критическіе моменты зависѣла отъ одного батальона (!), отъ одной роты (!!), отъ стойкости одного комиссара (!!!) *т. е. висѣла на волоскѣ.* И такъ изо дня въ день» *(Л. Троцкій:* «Моя Жизнь». т. II, стр. 123 - 126).

Прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, Троцкій угрожалъ и соблазнялъ: «Если какая - либо часть отступитъ самовольно, первымъ будетъ разстрѣлянъ комиссаръ, вторымъ — командиръ. Мужественные, храбрые солдаты будутъ награждены по заслугамъ и поставлены на командные посты. Трусы, шкурники и предатели не уйдутъ отъ пули» (Приказъ Предс. ВВС и Наркомвоенмора № 18). Подстрекая — «утопить чешскихъ наемниковъ и офицеровъ-громилъ на Волгѣ и раздавить ихъ преступный мятежъ противъ рабоче - крестьянской революціи», онъ доказывалъ, что «если мы вырвемъ Казань, то этимъ разобьемъ непріятельскій фронтъ. Симбирскъ и Самара падутъ сами собой. Англо - французскій ничтожный дессантъ не будетъ намъ страшенъ. Нѣмцу незачѣмъ будетъ наступать, разъ новаго фронта не образуется въ Россіи»**).

И тѣмъ не менѣе Казань была сдана — точнѣе — взята. Взятъ былъ ключъ, отпиравшій экономическій и стратегическій доступъ къ бассейну средней и нижней Волги, къ воротамъ Урала и Сибири, вмѣстѣ со всѣмъ находившимся тамъ россійскимъ золотымъ запасомъ***) номинальной стоимостью въ 657 милліоновъ р. (по курсу 18 г. около 6½ милліардовъ р.), запасами платины, серебра, кредитныхъ знаковъ, военнаго снаряженія, интендантскаго снабженія и т. д. Взяты были съ налету, порывомъ, отвагой и энтузіазмомъ. Ни рабочіе, ни крестьяне и не

*) Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ паденія Казани «совдепъ» въ Нижнемъ - Новгородѣ большинствомъ лишь въ два голоса отклонилъ предложеніе о немедленной сдачѣ Нижняго Народной арміи и признаніи власти КОМУЧ-а.

**) «Какъ вооружалась революція» т. 1. стр. 234 и 245 — Изд. Высш. военнаго революціоннаго совѣта 1923 года.

***) Троцкій разъяснилъ эту потерю такъ: «Захватъ золота былъ произведенъ по приказанію французскихъ, англійскихъ, японскихъ и американскихъ капиталистовъ. Русскій народъ послѣ октябрьской революціи отказался платить заграничнымъ ростовщикамъ по займамъ, заключеннымъ царями» (Тамъ же, стр. 261).

думали подержать падавшую «рабоче-крестьянскую власть», какъ, впрочемъ, не торопились они и позднѣе на помощь КОМУЧ-у. Бытописатель Казани того времени правильно замѣчаетъ: «Самая быстрота сдачи, сопровождаемая или злорадствомъ, или равнодушіемъ, должна была у новой власти возбуждать не малую тревогу. Большевицкая власть ушла изъ Казани, но разбуженный революціей соціальный утопизмъ далеко еще не былъ изжитъ ни рабочими, ни крестьянами. Оставалось... предъявленіе къ власти повышенныхъ требованій и ожиданіе отъ нея соціальнаго чуда» (См. у *В. Архангельскаго:* «Казань во время борьбы съ большевиками». — «Воля Россіи» №№ 8-9 и 9-10 за 1928 г.).

Отсутствіе личной отвѣтственности за судьбы Россіи и активнаго содѣйствія привѣтствуемой новой власти было характерно не для одной только Казани. Оно было гораздо болѣе распространеннымъ, за небольшими исключеніями, почти что *всеобщимъ* въ эпоху гражданской войны. Оно было характерно не для низовыхъ только, менѣе культурныхъ слоевъ. Въ еще большей мѣрѣ «шкурничествомъ» и «рвачествомъ» были заражены состоятельные «средне - высшіе» классы. Они стремились поймать «моментъ», использовать «конъюнктуру» и, вернувъ убытки, а, гдѣ можно, и наверставъ упущенное, бѣжать. Давали знать и мстили за себя вѣками взращивавшіеся навыки пассивнаго и «вѣрноподданническаго» отношенія къ власти. Грѣхи старой Россіи тяготѣли и надъ новой. «Русскаго обывателя» — жаловалась самарская «Земля и Воля» — «нужно обязательно принудить, призвать или напомнить, чтобы онъ лѣниво и неохотно пошелъ защищать свое гибнущее отечество, свою свободу, кровь, честь и свое достоинство»...

Со взятіемъ Казани, къ началу августа, боевой фронтъ съ лозунгомъ «Вся власть Учредительному Собранію!» протянулся черезъ Симбирскъ, Сызрань, Хвалынскъ, Вольскъ. У Балашова онъ переходилъ на лѣвый берегъ Волги и черезъ Николаевскій уѣздъ соединялся съ фронтомъ Уральскихъ казаковъ, тянувшихся отъ Николаевска на Александровъ - Гай. Оренбургъ и Орскъ защищались казачьимъ ополченіемъ и башкирами подъ общимъ руководствомъ атамана оренбургскаго казачьяго войска полк. Дутова (у ген. *В. Г. Болдырева,* верховнаго главнокомандующаго при Директоріи: «Директорія, Колчакъ, Интервенты», стр. 29. — Сибкрайиздат. 1925).

Фактически къ тому времени была освобождена отъ совѣтской власти значительно большая часть россійской территоріи: не говоря о югѣ, юго - западѣ и сѣверѣ, — все среднее Поволжье, Уралъ и Сибирь. Волжскій, почти 800 - верстный фронтъ держался совмѣстными усиліями Народной арміи, казачьихъ уральскихъ и оренбургскихъ войскъ и чехословаковъ. Съ послѣдними КОМУЧ-у удалось установить самыя лучшія и дружескія отношенія, организаціонно закрѣпленныя назначеніемъ командующимъ всѣми русскими войсками чешскаго полковника Чечека. Съ оренбургскимъ казачьимъ войскомъ самарская власть была связана личной уніей черезъ войскового атамана Дутова, вошедшаго въ составъ КОМУЧ-а и пользовавшагося всяческой, и прежде всего финансовой, поддержкой Самары. Наконецъ, въ отношеніи къ Уральскому войску публичный обмѣнъ заявленіями удостовѣрилъ, что позиціи ураль-

скаго правительства «совершенно тождественны съ той, которую занимаетъ Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія въ области основныхъ принциповъ и заданій».

Въ этомъ запротоколированномъ обмѣнѣ мнѣніями въ засѣданіи КОМУЧ-а 26 іюля получили оформленіе и нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, которымъ впослѣдствіи суждено было стать пунктами серьезныхъ расхожденій и осложненій для КОМУЧ-а.

«Мы мыслимъ себѣ Комитетъ, какъ *эмбріонъ* Учредительнаго Собранія, — формулировалъ точку зрѣнія КОМУЧ-а его предсѣдатель Вольскій, — а не какъ областной органъ. Въ силу этого *всѣ* члены Учред. Собранія (за исключеніемъ большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ) могутъ быть здѣсь въ Комитетѣ. Но.. въ Комитетѣ могутъ быть только члены Учредительнаго Собранія... Временная Верховная власть естественно должна сосредоточиться въ Комитетѣ членовъ У. С., и этотъ органъ, какъ *единственный въ Россіи правомочный органъ,* долженъ быть признанъ нормальнымъ органомъ, исполняющимъ общенаціональныя государственныя задачи». Отъ верховной власти, на которую КОМУЧ притязалъ, нераздѣльно онъ отличалъ власть правительственную — Всероссійское Правительство, которое должно было быть составлено «независимо отъ партійности или вхожденія въ составъ У. С.» въ началахъ представительства отъ областныхъ правительствъ: самарскаго, сибирскаго, уральскаго. Представитель послѣдняго Фомичевъ, со своей стороны, призналъ «тождественность» общихъ принципіальныхъ позицій и «пріемлемость» намѣченнаго КОМУЧ-емъ пути. Соглашеніе было достигнуто и относительно того минимума членовъ КОМУЧ-а, при которомъ онъ могъ бы себя считать «въ числѣ» для созданія центральнаго правительства. Кворумъ былъ опредѣленъ въ 150 членовъ У. С.

Дружественныя отношенія удалось установить и съ мѣстными инородческими организаціями: съ временнымъ народнымъ совѣтомъ Алашъ Орды (киргизами), Башкурдистаномъ и татарами Поволжья или внутренней Россіи.

За тюрко - татарами и мусульманами признаны были права культурно - національной автономіи: право открывать всевозможныя школы, строить свою религіозную жизнь, вѣдать общественное призрѣніе, просвѣщеніе и культуру и создать органъ національнаго самоуправленія, правомочный устанавливать и взимать спеціальные налоги для удовлетворенія національно - культурныхъ нуждъ. Словомъ, — полный комплексъ, такъ называемыхъ, правъ меньшинствъ. Въ отношеніи кайсакъ-киргизскаго народа Алашъ былъ признанъ, до окончательнаго утвержденія Учредительнымъ Собраніемъ, автономной областью съ тѣмъ, что дѣла общегосударственнаго значенія, касающіяся вѣдомствъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ, путей сообщенія и продовольствія, оставались въ вѣдѣніи центральной власти, а до ея созданія — КОМУЧ-а.

КОМУЧ твердо стоялъ на единственно правильной позиціи въ національномъ вопросѣ, что «для возсозданія единой, свободной, сильной Россіи и укрѣпленія въ ней федеративно - демократическаго строя, необходимо участіе въ предстоящей созидательной работѣ всѣхъ населяющихъ ее народностей, одушевленныхъ сознаніемъ, что каждой изъ

нихъ будутъ гарантированы условія самостоятельной автономно - творческой дѣятельности». Прежде, чѣмъ встать на гибельный и для нихъ, и для Россіи, путь сепаратизма, народы Кавказа торжественно заявили: «Разгонъ Учредительнаго Собранія оборвалъ послѣднюю связь, которая могла бы объединить всю Россію и всероссійскую революціонную демократію» (см. Декларацію Закавказскаго Краевого Центра отъ 12.1. 1918 г. въ «Документахъ и матеріалахъ по внѣшней политикѣ Закавказья и Грузіи»). Этотъ взглядъ раздѣлялъ и КОМУЧ. *Борясь за Учредительное Собраніе, онъ боролся за единство Россіи, и, борясь за единство Россіи,* за объединеніе «въ неразрывномъ союзѣ народовъ и областей въ предѣлахъ, установленныхъ федеральной конституціей, суверенныхъ», какъ гласила формула Учредительнаго Собранія, — *КОМУЧ и тѣ народности, которыя собрались для борьбы противъ большевиковъ на Волгѣ, не могли не бороться и за Всероссійское Учредительное Собраніе.*

5.

Менѣе успѣшной была внѣшняя политика КОМУЧ-а. Причины лежали не столько въ немъ, сколько во внѣ, въ «союзникахъ».

Союзники долго, очень долго, упуская всѣ сроки, технически и психологически колебались въ выборѣ «лошади», на которую поставятъ свою союзническую ставку. Они колебались въ своемъ отношеніи къ большевикамъ, какъ возможнымъ все таки противникамъ гогенцоллерновской Германіи, и анти - большевикамъ. Положеніе чрезвычайно осложнялось недовѣріемъ союзниковъ другъ къ другу, ихъ взаимнымъ соперничествомъ и ревностью*). Разнобой среди нихъ былъ необычайный, — ничуть не меньшій, чѣмъ въ русскомъ анти - большевицкомъ лагерѣ. И не только разныя миссіи сталкивались другъ съ другомъ. Столкновенія происходили и внутри миссій отдѣльныхъ державъ. И не военные только расходились, какъ обыкновенно, съ дипломатами. Дипломаты никакъ не могли согласиться между собой, даже внутри каждой миссіи. И въ то время, какъ уполномоченные, напр. французской и американской миссій кап. Садуль и полк. Робинсъ держались «соглашательской» по отношенію къ Совѣтамъ линіи, главы этихъ миссій, послы Франціи и Соединенныхъ Штатовъ Нулансъ и Фрэнсисъ не вѣрили въ успѣхъ этой линіи и возможность соглашенія съ Совѣтами. Двойную игру охотно играла ,конечно, и совѣтская власть, кокетничавшая одновременно и съ союзниками, и съ германцами. Ленинъ велъ «многообѣщающіе переговоры» съ Робинсономъ и де - Люберсакомъ, а Троцкій не переставалъ вести задушевныя бесѣды съ Садулемъ и ген. Лавернемъ, съ американскимъ генераломъ Джэдсономъ и Робинсомъ, съ англичаниномъ Локартомъ и съ чехами**).

---

*) Ср. напр., описаніе напряженнѣйшихъ отношеній и нескрываемой вражды, царившихъ между японцами — «германцами востока» и англичанами, англичанами и французами, американцами и японцами и т. д. у **Дж. Уорда**: «Союзная интервенція въ Сибири въ 1918 — 19 г. г.».

**) Еще 26 февраля Нулансъ телеграфировалъ Троцкому: «При вашемъ сопротивленіи Германіи можете расчитывать на военную и финансовую по-

И, потому, одинъ изъ младшихъ агентовъ французской миссіи имѣлъ впослѣдствіи всѣ основанія написать: «Многіе представители союзниковъ, упуская изъ виду цѣлое и общій интересъ цивилизованнаго міра, не видѣли ничего, кромѣ дурно понятаго интереса собственной страны. Какъ простодушный солдатикъ во время боя, они считали, что «чемоданы», которые падаютъ на сосѣдній секторъ, не имѣютъ никакого значенія. И такіе «чемоданы» сыпались градомъ по всему участку, занятому Антантой, къ великой радости совѣтскаго правительства»*).

Республиканцы и демократы у себя, представители французской, англійской, даже американской миссій становились, за немногими исключеніями, проводниками реакціонныхъ вліяній въ Россіи. Въ этомъ сказывалось не только непониманіе происшедшаго и окружавшаго, но и высокомѣріе, часто даже нескрываемое презрѣніе къ огромной и дикой, полуазіатской странѣ, не знавшей въ теченіе вѣковъ иной власти, кромѣ деспотической, и потому отъ вѣка опредѣленной сносить любое насиліе и издѣвательство. Вдали отъ мѣста дѣйствія руководители союзнической политики прислушивались къ разнымъ точкамъ зрѣнія, но сообразовывались они только со своими интересами и возможностями, никакъ не считаясь съ интересами и возможностями Россіи. Это явственно ощущали не лѣвые только обличители Антанты. Въ этомъ признавались сами союзническіе представители.

Такъ сыгравшій весьма серьезную и, на нашъ взглядъ, чрезвычайно плачевную роль въ Россіи англійскій представитель полк. Уордъ опредѣленно призналъ, что союзники предприняли интервенцію исключительно въ «своихъ собственныхъ цѣляхъ» и мало того, что не выполнили формально данныхъ ими обѣщаній и взятыхъ на себя обязательствъ. «Мы сдѣлали нѣчто худшее, чѣмъ это. Неисполненіе обѣщанія — только отрицательное преступленіе. Союзники ударились въ другую край-

---

мощь Франціи». А Садуль еще 7 мая переслалъ А. Тома завѣренія Троцкаго въ томъ, что «нельзя болѣе отрицать доброй воли Совѣтовъ совмѣстно работать съ Антантой».

Фрэнсисъ, взывавшій къ русскому народу оказать сопротивленіе Германіи и большевикамъ, обѣщая, со своей стороны, общесоюзническую помощь, — до начала мая 18 г. вообще былъ рѣшительнымъ противникомъ союзнической интервенціи въ Россіи. Свою перемѣну взгляда Фрэнсисъ датируетъ 2-мъ мая. См. исключительно интересную дипломатическую переписку между Фрэнсисомъ и Робинсомъ за время между 11 марта и 14 мая въ **Russian American Relations 1917-1920. — Documents and Papers. — New-York.** Особенно №№ 72, 105, 109 и др.

Весьма освѣдомленный во внѣшней политикѣ чеховъ Папоушекъ сообщаетъ, что еще въ концѣ марта англійское правительство обращалось къ французскому и чешскому Національному совѣту и, ссылаясь на то, что и Троцкій хотѣлъ бы, чтобы чехословацкая армія осталась въ Россіи, — просило, чтобы Національный Совѣтъ далъ свое согласіе на использованіе чехословацкаго войска въ Россіи для оккупаціи въ Сибири Омскаго округа или базы у сѣвернаго моря (Архангельскъ или Мурманскъ) или, наконецъ, Восточной Сибири совмѣстно съ Семеновымъ. «Начиная съ этого момента дискуссія между союзниками и совѣтскими дѣятелями о примѣненіи чехословацкаго войска уже не прекращалась».

*) *Capitaine Guinet* : « En mission à travers la Russie de Lénine ». — Paris 1921. — P. 321.

ность: ихъ помощь приняла характеръ прямой, преднамѣренной обструкціи». Уордъ говоритъ даже о прямомъ «дезертирствѣ» по отношенію къ русскому народу и увѣряетъ, что, будь онъ правителемъ, онъ сталъ бы «просить боговъ избавить его отъ двуличныхъ союзниковъ и черезчуръ осторожныхъ друзей» («Союзная Интервенція», стр. 26 и 170).

Тамъ, гдѣ шла реальная борьба, союзники не скупились на самыя щедрыя обѣщанія, увѣряя, что всяческая помощь не только будетъ оказана, но уже идетъ и съ востока, черезъ Владивостокъ, и съ сѣвера, черезъ Мурманскъ, Архангельскъ, Вятку. Обѣщанія эти ни въ какой мѣрѣ не выполнялись. И правъ былъ наблюдавшій дѣйствія союзниковъ на мѣстѣ французскій военный агентъ при чешскомъ Національномъ совѣтѣ, уже упоминавшійся нами Гинэ, когда писалъ: «Антанта вела войну безъ убѣжденій, желая казаться нейтральной, и вела ее такъ плохо, что вскорѣ побѣдители германцевъ вынуждены были отступать передъ красногвардейцами». Вѣчныя колебанія и промедленія, посылка ничтожнаго числа солдатъ «маленькими пакетами» вводили лишь въ заблужденіе тѣхъ, кто реально держалъ фронтъ, поддерживали въ нихъ лишь иллюзіи и миражи. И, можетъ быть, лучше было бы, если бы союзники не оказывали антибольшевицкому лагерю никакой помощи, нежели ту призрачную и ничтожную, которую они фактически оказали на дѣлѣ, а не на словахъ. Ибо предоставленный собственнымъ силамъ антибольшевицкій лагерь не обольщался бы безпочвенными мечтаніями, не вынуждался бы вмѣстѣ съ тѣмъ и считаться, а иногда и подчиняться чужеземнымъ политикамъ и стратегамъ. Расчитывая только на себя, антибольшевицкое движеніе, можетъ быть, пошло бы менѣе опрометчивыми и безотвѣтственными путями, проявило бы больше активности и больше умѣнія дѣйствовать если не солидарно, то хотя бы согласованно.

Союзническая стратегія и политика только проэцировались на Россію. Устанавливалась и рѣшалась же она за тысячи верстъ отъ русскаго театра дѣйствій, въ союзническихъ столицахъ. И тамъ унаслѣдованные отъ прежнихъ временъ военные и дипломатическіе представители Россіи весьма, конечно, мало были склонны оказывать содѣйствіе «соціалистическому» правительству Самары. Гораздо болѣе расположены были они отстаивать и представлять другія правительства. И ихъ симпатіи и взгляды опредѣленно сказывались въ тѣхъ нотахъ и депешахъ, которыя получала Самара.

На мѣстѣ реальной борьбы, въ Самарѣ, капитанъ французской службы Бардъ заявлялъ, по порученію посла Нуланса и начальника военной миссіи ген. Лаверна, что они «благодарятъ Комитетъ Учредительнаго Собранія за ту громадную работу, которую сдѣлалъ и дѣлаетъ Комитетъ въ интересахъ общесоюзническаго дѣла, и выражаютъ увѣренность, что союзники не замедлятъ оказать Комитету самую существенную финансовую и матеріальную помощь». (Журналъ Засѣданія КОМУЧ-а № 17 отъ 28 іюля). А изъ Парижа министръ иностранныхъ дѣлъ слалъ депешу «господину Веденяпину», въ которой значилось: «Былъ счастливъ узнать отъ Маклакова о созданіи правительства, имѣющаго цѣлью возсоединить Россію и возстановить нормальныя условія

жизни. Какъ только вы докажете намъ, что у васъ въ рукахъ реальная власть, что васъ слушаются въ Россіи, что вокругъ васъ группируются силы, — это произведетъ огромное впечатлѣніе. Такимъ образомъ ключъ къ вашей значительности за границей лежитъ скорѣе въ реальной силѣ, чѣмъ въ вашихъ легальныхъ правахъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія отнюдь не несомнѣнны. Всѣ здѣсь полагаютъ, что только У. С. можетъ реорганизовать россійское государство. Но невозможно отожествлять У. С. съ его Комитетомъ, изъ котораго исключены двѣ политическія партіи, что колеблетъ самый принципъ легальности... Вотъ почему ваше происхожденіе отъ У. С. не имѣетъ большого вѣса въ глазахъ Европы. Это скорѣе моральная, чѣмъ законная сила. Такимъ образомъ необходимо вашей уступчивостью, вашей реальной силой, дать намъ доказательства признанія васъ страной. Такое доказательство вызоветъ здѣсь общее облегченіе. Желаю вамъ всяческаго успѣха. Готовый помогать вамъ всѣми силами. — *Пишонъ*».

Въ этой характерной телеграммѣ есть пунктъ, носящій явные слѣды русскаго вліянія и внутреннихъ русскихъ споровъ. Это — указаніе на незаконность власти, черпающей свой авторитетъ изъ усѣченнаго У. С., — безъ большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ. Это указаніе совершенно въ духѣ и стилѣ русскихъ законниковъ, правосознаніе коихъ отказывалось мириться съ правопораженіемъ коммунистовъ и лѣвыхъ эсэровъ*) и въ то же время, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, болѣе чѣмъ снисходительно относилось къ произвольному самозарожденью и самопровозглашенію власти единоличнаго диктатора буквально изъ ничего, — уже безъ всякой тѣни основаній не только законныхъ, но и моральныхъ.

Между тѣмъ шедшая на Волгѣ борьба направлена была не только противъ большевиковъ, но и противъ общаго съ союзниками внѣшняго врага. Троцкій въ Москвѣ, Скоропадскій въ Кіевѣ, Красновъ въ Новочеркасскѣ находились въ прямомъ соглашеніи съ Германіей**). Даже добровольческая армія Деникина, опиралась на охраняемый Красновымъ и его соглашеніемъ съ нѣмцами Донъ, пользовалась въ борьбѣ противъ большевиковъ благами этого соглашенія, правда, не открыто, а прикровенно. И только фронтъ Учредительнаго Собранія съ начала и до конца, явно и внутри себя, остался вѣренъ союзнической оріентаціи. Не только всѣ оффиціальныя деклараціи и воззванія это подтверждали. Это подтверждается и частными сношеніями эсэровъ, такъ сказать, по партійной линіи.

Въ телеграммѣ, подписанной Веденяпинымъ, уже не въ качествѣ

---

*) При обсужденіи отношенія къ распущенному Учред. Собранію въ Ц. К. к.-д.-ской партіи: — «Не было разногласій и въ томъ, что безъ коммунистовъ и лѣвыхъ эсэровъ Учредит. Собраніе, какъ выразитель воли всего населенія, перестаетъ существовать», — разсказываетъ Л. А. Кроль: «За три года». — Стр. 12.

**) Въ Москвѣ сидѣлъ полномочный посолъ Германіи графъ Мирбахъ, въ Новочеркасскѣ — представители германскаго командованія ротмистры Фрейбергъ и Энгельсъ, въ Ростовѣ н/Д — майоръ Кахенгаузенъ, въ Кіевѣ — ген. Эйхгорнъ и Муммъ.

управляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, а въ качествѣ члена эсэровскаго Ц. К., по порученію послѣдняго, 2-го ноября, и адресованной въ Стокгольмъ делегированному с.-р.-ской фракціей членовъ У.С. для участія на международной соціалистической конференціи В. В. Сухомлину, говорилось: «Послѣдними своими соглашеніями большевики окончательно сдѣлали изъ нашей страны часть Германіи, помогающую нѣмцамъ разрѣшить продовольственныя затрудненія. Въ порядкѣ компенсаціи большевики пользуются всяческимъ содѣйствіемъ нѣмцевъ въ гражданской войнѣ. Главную силу красной арміи составляютъ германскіе и мадьярскіе военноплѣнные, латыши и даже китайцы. Много нѣмецкихъ инструкторовъ... Антибольшевицкій фронтъ не можетъ быть отдѣленъ отъ фронта противогерманскаго. Всякое запозданіе съ союзнической помощью, военной, финансовой и продовольственной объективно будетъ равнозначно измѣнѣ по отношенію къ намъ и къ чехамъ. Мы просимъ поэтому воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ союзныхъ странахъ».

Можно считать такую безусловную преданность общему дѣлу съ союзниками неправильной, — свидѣтельствомъ романтической вѣрности данному слову, а не политической дальновидности и гибкости. Можно считать самую вооруженную борьбу съ большевиками никчемной, заранѣе осужденной на неудачу «авантюрой», какъ ее и называли оффиціальные соціалъ - демократы меньшевики, во главѣ съ Мартовымъ и Даномъ, — «эсэровской авантюрой». Но чего сказать никакъ нельзя, ни при какихъ оговоркахъ, это — что лѣвый флангъ антибольшевицкаго лагеря поднялъ вооруженную борьбу не во имя интересовъ Россіи, какъ онъ, конечно, понималъ эти интересы, а въ своекорыстныхъ, партійныхъ, или программно - тактическихъ цѣляхъ. Въ пылу злободневной полемики, въ своей предвзятости не всегда считавшейся съ дѣйствительностью, это еще можно было утверждать. Но въ историческомъ аспектѣ такое утвержденіе никакъ не можетъ быть оправдано.

Участники волжской борьбы были демократы, соціалисты, революціонеры. Но это не мѣшало имъ быть и патріотами. Если бы они относились равнодушно къ интересамъ и судьбѣ Россіи, къ возстановленію ея государственнаго и международнаго значенія, имъ не стоило бы и рисковать — физически и морально — политическимъ соучастіемъ въ кровавомъ братоубійствѣ. Это очевидно и a priori. Это слѣдуетъ и изъ политики, заявленій и мѣропріятій, которыя проводилъ КОМУЧ. Много можно поставить на минусъ КОМУЧ-а, — и ошибки, и прегрѣшенія, неумѣніе и переоцѣнку своихъ и чужихъ силъ и т. д. Одного нельзя ему поставить въ укоръ, хотя бы при малѣйшемъ безпристрастіи, — недостаточное якобы радѣніе о судьбахъ отечества, недостаточную любовь и заботу о будущемъ Россіи, ея чести и достоинствѣ.

Прочтите «Записи», сдѣланныя «въ періодъ описываемыхъ событій» однимъ изъ наиболѣе активныхъ бойцовъ, организаторовъ и пропагандистовъ волжскаго фронта и власти КОМУЧ-а. О чемъ думаетъ, о чемъ мечтаетъ наединѣ съ собой этотъ «чрезвычайный» уполномоченный КОМУЧ-а «съ неограниченными полномочіями какъ по граждан-

ской, такъ и по военной части», бравшій Сызрань, Симбирскъ и — въ прямое нарушеніе военнаго приказа — Казань?*).

Вл. Лебедевъ думаетъ и говоритъ только объ «оскорбленіи Россіи», о «большихъ силахъ націи», о томъ, какъ «зажечь пламя патріотизма во всей Россіи и заставить союзниковъ считаться съ нами, какъ съ великимъ государствомъ», о Народной арміи, «борющейся во имя Россіи и только во имя ея», о «страшномъ, все выжигающемъ словѣ Россія. Нѣтъ того дѣла, на которое не пойдешь за него. Изъ-за него и изъ за слова Москва». «Взятіе Москвы — да это колоссальный электрическій разрядъ по всей нашей родинѣ. Это конецъ большевицкой власти, это конецъ германской оріентаціи, это самый могущественный призывъ къ борьбѣ съ германцами, это колоссальный подъемъ патріотизма по всей Россіи» и т. д.

Или — «О, какое безумное, бѣшеное чувство злобы и ненависти загорается въ сердцѣ противъ тѣхъ, кто цѣной сговора съ Вильгельмомъ пришли къ власти, тѣхъ, кто при помощи военноплѣнныхъ, латышей и китайцевъ бросили одну часть народа въ братоубійственную войну противъ другой... Въ Кіевѣ Милюковъ перемѣнилъ оріентацію на германскую и всюду приходится слышать о томъ, что въ случаѣ побѣды надъ большевиками его, какъ и большевиковъ, и Краснова, и Скоропадскаго придется судить за государственную измѣну». — Наконецъ, уже не политика, а явная лирика, наивная, восторженная, но патріотически чистая. «Сегодня ночью былъ заключенъ настоящій союзъ. Степановъ и Каппель послѣ моихъ рѣчей о будущихъ походахъ подали другъ другу руки и дали слово итти на Москву... Здѣсь снова рѣшалась судьба Россіи... Здѣсь изъ мечтаній о Москвѣ выросла желѣзная рѣшимость дойти до Москвы. Какъ чудесно жить на свѣтѣ... Это уже не жизнь, — это подлинное горѣніе и сгораніе. Какъ прекрасна Волга и несущаяся по ней мощная, организованная человѣческая волна, эти три батальона русскихъ и чешскихъ энтузіастовъ... Приходитъ извѣстіе, что Казань свободна. Что съ нами? Мы больше не люди... Какое счастье!..

---

*) «Записи» въ «Волѣ Россіи» включаютъ въ себя «Записки очевидца и участника сверженія большевистской власти на Волгѣ и въ Сибири», изданныя В. И. Лебедевымъ еще въ 1919 г. въ Нью - Іоркѣ подъ заголовкомъ: — « Борьба русской демократіи противъ большевиковъ». Между «Записями» и «Записками» есть существенное фактическое разногласіе. Въ «Запискахъ» разсказывается, какъ авторъ послалъ на аэропланѣ изъ Симбирска въ Самару капитана французской службы Барда, чтобы испросить разрѣшеніе наступать на Казань, и какъ «главнокомандующій Чечекъ по выслушаніи Барда и далъ разрѣшеніе на взятіе Казани» (стр. 34). А изъ «Записей», въ которыхъ воспроизводятся подлинные личные разговоры и ленты разговоровъ по прямому проводу, слѣдуетъ съ неопровержимостью, что Чечекъ не только такого разрѣшенія не далъ, а отдалъ приказъ обратнаго содержанія. Между тѣмъ руководители операціи — Степановъ, Фортунатовъ и Каппель — «за самоваромъ (на пароходѣ во время рейса). рѣшили по моему, главнымъ образомъ, настоянію не подчиняться». Лебедевъ убѣдилъ своихъ спутниковъ въ томъ, что «есть положенія и моменты, когда прямая обязанность военнаго патріота и революціонера не исполнять приказа... Пусть насъ судитъ Россія и Исторія, пусть насъ разстрѣляютъ, — но послѣ взятія Казани. Казань должна быть взята».

Какія минуты, это уже не жизнь!.. Это восторгъ, это безуміе!.. Григорьевъ плачетъ, Каппель и Степановъ въ слезахъ» (См. въ «Волѣ Россіи» №№ 8-9 за 28 г., стр. 116, 124, 139, 150-154).

Какъ во всѣхъ дневникахъ, и въ «Записяхъ» Лебедева избыточествуетъ «ячество». Но за неизбѣжными: «я» сказалъ, «я» приказалъ, «я» потребовалъ и т. д., нельзя же все таки не видѣть подлинныхъ думъ и мукъ о Россіи, за Россію, подтвержденныхъ и личной жертвенностью на дѣлѣ, а не словеснымъ лишь изобличеніемъ post factum недостаточной жертвенности другихъ. Эти настроенія, родственныя юношескимъ настроеніямъ Герцена и Огарева на Воробьевыхъ горахъ, можетъ быть, еще въ большей мѣрѣ близки карамзинскимъ настроеніямъ. Въ нихъ не мало отъ Карамзинской «Бѣдной Лизы», — этого не скроешь! Но есть въ нихъ нѣчто и отъ карамзинской «Исторіи государства Россійскаго», — это тоже безспорно!...

Нынѣшній единомышленникъ Лебедева и соредакторъ по журналу можетъ обличать «политическій романтизмъ» боровшихся на Волгѣ. Можетъ заключать въ ироническія кавычки «національный» характеръ поднятаго тогдашними руководителями партіи с. - р. возстанія. Можетъ доказывать заднимъ числомъ «иллюзорность возстановленія фронта» на томъ основаніи, что, какъ стало извѣстно впослѣдствіи, «исторіей не было отмѣрено достаточно времени, ибо судьба войны уже рѣшалась на западномъ и салоникскомъ фронтахъ» (см. у *В. В. Сухомлина* въ «Волѣ Россіи» въ №№ 10-11 за 28 г.). Онъ можетъ считать «совершенно несомнѣнымъ, что ошибочными были нѣкоторые изъ лозунговъ, съ которыми партія пошла къ возставшимъ и въ особенности политическое руководство движеніемъ» (см. ст. *В. Сухомлина* въ «Соціалистъ - Революціонеръ» № 3. — Парижъ 1931). Но исторически онъ, конечно, не правъ. Гораздо болѣе близки къ тому, что было, къ исторической правдѣ и къ тому, что можетъ быть объективно оправдано, тѣ, кто были «политическими романтиками» на Волгѣ, да и сейчасъ остались вѣрными девизу: «лучше пораженіе — чѣмъ измѣна». Это «лучше» во многихъ отношеніяхъ. Въ частности, — и въ «интересахъ Россіи», о которой хлопочетъ и Сухомлинъ, почему то твердо убѣжденный въ томъ, что «моральныя чувства» никакъ «не котируются на аренѣ международной политики» и вообще не являются ни «реальными фактами», ни «реальной силой».

Нѣтъ, съ исторической точки зрѣнія Сухомлинъ никакъ не болѣе правъ, чѣмъ Милюковъ, убѣжденный, что «роковое значеніе для всего хода борьбы» на Волгѣ имѣло то обстоятельство, что перевѣсъ здѣсь получили эсэры « лѣваго типа Чернова »*). Такіе « типы » въ волж-

---

*) Не раздѣлявшій тактики эсэровъ на Волгѣ М. Л. Коганъ - Бернштейнъ вышелъ тогда же изъ состава Ц. К. Направляясь въ Саратовъ къ Чернову, съ цѣлью побудить его скорѣе появиться въ Самарѣ, Коганъ - Бернштейнъ, при переходѣ на совѣтскую сторону черезъ линію фронта, былъ схваченъ и разстрѣлянъ большевиками.

ской борьбѣ не принимали никакого или почти никакого участія*).

Роковое значеніе имѣли совсѣмъ другого порядка обстоятельства и своимъ плацдармомъ они имѣли Сибирь.

---

*) Въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 10. VII. 1930 г. П. Н. Милюковъ призналъ «хорошо обоснованными и убѣдительными» возраженія, представленныя М. В. Вишнякомъ «тѣмъ, кто видѣлъ въ самарской власти засилье лѣвыхъ эсэровъ». Милюковъ призналъ, что «противники, судили о самарскихъ эсэрахъ по прошлому» въ «отсутствіи свѣдѣній» и «показаній свидѣтелей». Однако, соглашаясь съ тѣмъ, что въ «Самарѣ власть была въ рукахъ не лѣвыхъ, а «правыхъ» с.-р., настроенныхъ государственно и патріотически», Милюковъ полагаетъ, что «положеніе дѣлъ на самарскомъ фронтѣ представляется приблизительно такимъ же, какъ на другихъ фронтахъ. Демократическая программа остается на бумагѣ, а въ дѣйствительности сказываются грѣхи старой Россіи».

Но и въ такомъ ограничительномъ смыслѣ можно ли признать сужденіе П. Н. Милюкова правильнымъ? Достаточно поставить вопросъ: если самарскій фронтъ на самомъ дѣлѣ «приблизительно» былъ такимъ же, какъ и другіе фронты, чѣмъ объяснить ту ожесточонную и ни съ чѣмъ не сравнимую кампанію, которую вели именно противъ этого фронта представители и защитники всѣхъ другихъ фронтовъ и методовъ вооруженной борьбы противъ большевиковъ? Не объясняется ли это въ значительной мѣрѣ какъ разъ тѣмъ, что Самара, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ фронтовъ, свою демократическую программу не оставляла «на бумагѣ», а въ мѣру возможности проводила и воплощала въ жизнь? Не этимъ ли, главнымъ образомъ, и вызвано по адресу Самары столь страстное и единодушное возмущеніе со стороны «осважниковъ» на всѣхъ фронтахъ бѣлой борьбы? Не опровергается ли утвержденіе Милюкова противоположнаго смысла укоризной, направленной противъ КОМУЧ-а его страстнымъ недоброжелателемъ Мельгуновымъ? Вѣдь Мельгуновъ ставилъ КОМУЧ-у въ вину какъ разъ его стремленіе «облекать репрессіи въ одежду формальной законности»!

VIII. — ОБРАЗОВАНІЕ ВРЕМЕННОЙ РОССІЙСКОЙ ВЛАСТИ

Государственное Совѣщаніе въ Уфѣ. — Два крыла. — Смѣна властей въ Сибири. — Борьба Омска съ Самарой. — Взаимные упреки и притязанія. — Средняя позиція. — Медіаторы изъ Союза Возрожденія. — Московскіе проекты и уфимская реальность. — Вынужденное соглашеніе и содержаніе компромисса. — Избраніе пятичленной Директоріи. — Ея права и обязанности. — Условія созыва Учредительнаго Собранія перваго призыва. — Конецъ КОМУЧ-а. — Съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія, какъ «государственно-правовой органъ».

1.

Какъ уже упоминалось, въ концѣ января 18 г. на нелегальномъ собраніи членовъ сибирской Областной Думы создано было Временное Сибирское Правительство и «Западно - сибирскій Комиссаріатъ» для организаціи борьбы противъ «большевицкихъ палачей» и «скорѣйшаго возобновленія работъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія».

По личному своему составу и правительство, и комиссаріатъ были «однобоки»: и тутъ, и тамъ, какъ почти во всѣхъ общественныхъ и политическихъ организаціяхъ и учрежденіяхъ Россіи 17-го года, преобладали эсэры. Какъ записалъ впослѣдствіи П. Н. Милюковъ, со словъ Гришина́ - Алмазова, будущаго противника и эсэровъ, и сибирскаго правительства, — Гришинъ убѣждалъ право - настроенныхъ офицеровъ поддерживать, въ лицѣ сибирскаго правительства, идею власти, «имѣющей хоть какіе - нибудь признаки законности» (см. «Россія на переломѣ», т. II, стр. 32).

Эти «убѣжденія» не имѣли большого успѣха. Только постепенно, на тяжкомъ опытѣ быстротечныхъ и смѣнявшихся властей, пришлось Сибири оцѣнить значеніе «хоть какихъ - нибудь признаковъ законности». Пусть сибирское правительство перваго призыва существовало «больше какъ лозунгъ, чѣмъ какъ реальная величина», по выраженію недруга этого правительства и исторіографа Гинса. Но именно оно вдохновляло и руководило борьбой противъ большевиковъ въ начальный, наиболѣе рискованный періодъ, когда исходъ событій еще не опредѣлился.

Въ то время какъ на югѣ и на юго - востокѣ организація борьбы сосредотачивалась вокругъ опредѣленныхъ лицъ и именъ генераловъ и атамановъ, Корнилова, Алексѣева, Деникина, Каледина, Краснова, Дутова, — въ Сибири, какъ и на Волгѣ, противобольшевицкія силы объединялись вокругъ *идеи* народовластія и возстановленія работъ Учредительнаго Собранія. Организаціонная работа здѣсь была особаго порядка, требовала исключительнаго напряженія. Не случайно именно въ Народной Арміи на Волгѣ участіе интеллигентной молодежи и даже пожилыхъ общественныхъ дѣятелей пропорціонально было особенно значительнымъ. Гришинъ - Алмазовъ и П. Михайловъ, описываетъ Гинсъ, «изъѣздили всѣ города Сибири и повсюду вносили систему и единство плана въ кустарно формировавшіяся организаціи. Въ этомъ дѣлѣ требовалось много смѣлости, въ виду подозрительной бдительности большевиковъ, не разъ попадавшихъ на слѣды организаціи, а еще болѣе такта, въ виду разнородности политическаго состава организаціи».

И Гинсъ не можетъ отрицать, что для сверженія большевицкой власти, которое надо было готовить въ подпольѣ, эсэры были «незамѣнимы». Но какъ администраторы, они, за малыми исключеніями, были, по его мнѣнію, негодны*). Иными словами, и въ *историческомъ* аспектѣ Гинсъ поддерживаетъ версію, широко распространенную по партійно-политическимъ соображеніямъ въ 18-мъ году и сейчасъ не совсѣмъ оставленную: пусть эсэры, незамѣнимые «спецы» по сверженію, сдѣлаютъ свое дѣло, а затѣмъ на ихъ мѣсто придутъ другіе, болѣе пригодные «администраторы и работники» и будутъ дѣлать *свое* дѣло — править страной.

Здѣсь былъ источникъ многихъ недоразумѣній и непримиримыхъ противорѣчій внутри антибольшевицкаго фронта на Волгѣ**) и въ Си-

---

*) Въ явное противорѣчіе съ собой Гинсъ признаетъ, что «когда прибылъ (въ Омскъ) Павелъ Михайловичъ,.. наличность власти стала ощутительнѣе. Этотъ блѣдный человѣкъ, съ горящими черными глазами, работалъ день и ночь. Онъ немедленно созвалъ совѣщаніе изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, выяснилъ положеніе финансовъ, продовольственное, нужды желѣзныхъ дорогъ». — «Членъ Учредительнаго Собранія Фоминъ, несмотря на свою молодость (28 лѣтъ), проявилъ большую распорядительность и тактъ». — «Западно - сибирскій комиссаріатъ руководился преимущественно дѣловыми соображеніями. Это былъ правильный путь. Отсутствіе партійности сразу дало себя чувствовать и въ ходѣ дѣла, и въ общественныхъ отношеніяхъ». (См. т. I, стр. 87, 89, 90). — Наши частыя ссылки на Гинса, Мельгунова и др. объясняются отнюдь не литературными или историческими достоинствами этихъ трудовъ, а исключительно тѣмъ, что мы предпочитаемъ, гдѣ возможно, приводить отзывы тѣхъ, кого и самый ожестеченный противникъ перваго Учредительнаго Собранія не заподозритъ въ пристрастіи или какомъ-либо сочувствіи къ нему или къ эсэрамъ.

**) Предсѣдатель самарскаго союза промышленниковъ Неклютинъ (позднѣе министръ снабженія и продовольствія адм. Колчака), говорилъ еще въ Самарѣ «полушутя - полусерьезно»: «Мы понимаемъ разницу между вами и большевиками. Но ваша власть, которая насъ немного прирѣжетъ, но не дорѣжетъ, такъ же насъ не устраиваетъ... Мы знаемъ, и это самое главное, что вы работаете на насъ, разбивая большевиковъ, ослабляя ихъ позиціи... Мы будемъ до поры до времени васъ немного поддерживать, немного васъ подталкивать, а когда вы свое дѣло сдѣлаете, свергнете большевиковъ,

бири. Борьбѣ соціалистовъ противъ большевиковъ сочувствовали, ее поощряли и ей даже помогали, поскольку соціалисты вели разрушительную работу. Но поскольку «мавръ», успѣшно закончивъ дѣло сверженія большевиковъ и въ Сибири, и на Волгѣ, претендовалъ и на положительную работу и водительство по закрѣпленію достигнутыхъ успѣховъ, постольку правыми «государственно - мыслящими» элементами русскаго общества и, въ особенности, высшимъ офицерствомъ эти претензіи встрѣчались враждебно, какъ подсказанныя партійными интересами или личнымъ влеченіемъ къ власти.

Пока члены нелегальнаго сибирскаго правительства и западно - сибирскаго комиссаріата занимались подготовкой возстанія противъ большевиковъ, никто не оспаривалъ ихъ избранія, никто не возражалъ и противъ численнаго перевѣса эсэровъ. Съ января по іюнь 18 г. никто не поднималъ вопроса о томъ, что выборы произошли въ чрезвычайномъ порядкѣ, при далеко неполномъ составѣ сибирской Областной Думы, — 18 членовъ ея къ тому времени были уже арестованы большевиками, — на «частной квартирѣ», «исподтишка». Только *послѣ* одержанной надъ большевиками побѣды возникъ вопросъ о «первородномъ грѣхѣ сибирскаго правительства — фикціи выборности» (Гинсъ); о томъ, что у нѣкоторыхъ избранныхъ въ обстановкѣ большевицкаго террора не испросили предварительнаго согласія на избраніе; что правые члены правительства «недовольны компаніей болѣе лѣвыхъ (въ частности, «дальневосточными» членами правительства, очутившимися, во главѣ съ евреемъ и эсэромъ Дерберомъ, въ Харбинѣ); что сибирское правительство «намѣревается отстаивать, въ сущности, эсэровскія партійныя позиціи» и т. д.

Этихъ, довольно таки жалкихъ мотивовъ, скрѣпленныхъ обычными для критическаго времени поисками власти сильной и авторитетной, оказалось достаточно для того, чтобы темпераментный и самоувѣренный «патріотъ» рискнулъ въ мѣру собственнаго разумѣнія повернуть по своему колесо сибирскихъ событій.

По почину Ив. Михайлова, и формально безъ особаго сопротивленія со стороны западно - сибирскаго комиссаріата, 17/30 іюня особой «граматой» былъ провозглашенъ переходъ власти на всей территоріи Сибири къ пяти членамъ сибирскаго правительства, случайно очутившимся въ освобожденной отъ большевиковъ западной Сибири. Этимъ прямымъ нарушеніемъ постановленій сибирской Областной Думы и узурпаціей правъ и власти — и Думы въ цѣломъ, и правительства въ его 15-ти-членномъ составѣ — въ пользу пяти случайныхъ его сочле-

---

тогда мы и васъ вслѣдъ за ними спустимъ въ ту же яму»... (См. «Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.» — Сборникъ I, стр. 63).

Сибирскіе к.-д. отказывали въ содѣйствіи активной борьбѣ противъ большевиковъ не только эсэрамъ, но и представителямъ Добровольческой Арміи. Прибывшей въ Омскъ въ мартѣ 18 г. делегаціи, во главѣ съ ген. Флугомъ, они заявили по примѣру самарскихъ к.-д., о которыхъ упоминалось въ предыдущей главѣ, что считаютъ безнадежнымъ выступать противъ Совѣтовъ безъ поддержки со стороны союзниковъ и, въ частности, Японіи (см. «Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой арміи въ Сибирь въ 1918 г.» въ «Архивѣ русской революціи» № 9, стр. 251 и 271).

новъ, оказавшихся на территоріи западной Сибири: Вологодскаго, И. Михайлова, Патушинскаго, Крутовскаго, Шатилова — пролагался путь ко всѣмъ позднѣйшимъ узурпаціямъ и захватамъ власти, ставшимъ вскорѣ въ Сибири бытовымъ явленіемъ.

Ибо если можно было 17/30 іюня отстранить отъ власти своихъ же коллегъ и тѣхъ членовъ западно - сибирскаго комиссаріата, которые получили свои полномочія отъ всего состава правительства и фактически подготовили и осуществили антибольшевицкій переворотъ, создавъ самую возможность антибольшевицкой власти, почему нельзя было двумя мѣсяцами позднѣе, 21 сентября, устранить отъ власти не угодившихъ Михайлову членовъ новаго пятичленнаго правительства — Шатилова и Крутовскаго?! Если можно было присвоить себѣ «всю полноту государственной власти на всей территоріи Сибири», какъ значится въ грамотѣ» 21 сентября, почему бы 18 ноября не упразднить власть Временнаго Всероссійскаго Правительства (такъ называемой Уфимской Директоріи) и простымъ «постановленіемъ» сначала «принять на себя всю полноту верховной государственной власти», а затѣмъ съ тою же легкостью «передать временное осуществленіе» ея одному лицу, адмиралу Колчаку, «присвоивъ ему наименованіе Верховнаго Правителя»?!

Логика, право и, главное, психологія были тѣ же. Тѣми же были и пріемы, обозначившіеся уже при первомъ захватѣ — или переходѣ — власти. Управляющій дѣлами сначала западно - сибирскаго комиссаріата, а потомъ и новаго правительства Гинсъ удостовѣряетъ, что въ телеграммѣ, которую новое правительство, по вступленіи во власть, послало Дерберу, захватъ власти мотивировался «подымавшей голову реакціей, авантюристами, въ смѣлыхъ головахъ которыхъ безсиліе и неавторитетность комиссаріата порождаетъ замыслы захвата власти. Въ дѣйствительности такихъ замыслахъ тогда не было» (Гинсъ, I, стр. 97, — если, конечно не считать самого Михайлова и его единомышленниковъ, этотъ «замыселъ» *уже* осуществившихъ при крикахъ, что на захватъ власти покушаются другіе).

И Гинсъ не отрицаетъ наличности въ данномъ случаѣ *переворота.* Онъ лишь считаетъ, что «переворотъ произошелъ слишкомъ рано». И онъ признаетъ «политическую немощность» самозваннаго правительства. И даже сочувствующій перевороту Мельгуновъ не находитъ для его «историческаго» оправданія болѣе сильныхъ основаній, чѣмъ — «неавторитетность ли Комиссаріата и неопредѣленность его полномочій или просто (!) желаніе принять непосредственное участіе во власти побудили, наконецъ, членовъ правительства, избранныхъ 28 января, взять бразды правленія въ свои руки». «Это было правительство, созданное жизнью (?), идущее мимо нежизненныхъ фикцій и формальностей (!)» («Трагедія адмирала Колчака», т. I стр.84-85).

Совершенно очевидно, чтоо *такъ* можетъ быть оправданъ любой переворотъ и всякій захватъ власти.

Антибольшевицкое движеніе и власть въ Сибири имѣли приблизительно тѣ же корни и тѣ же заданія, что движеніе и власть на Волгѣ. И въ Сибири нѣкоторые общественные круги, «автономисты» и «безпартійные», активно боролись противъ возстановленія полномочій Всероссій-

скаго Учредит. Собранія, отстаивая учрежденіе единоличной военной диктатуры. Но серьезнѣйшее отличіе Сибири состояло въ томъ, что тамъ власть уже въ іюнѣ 18 г. стала открыто на путь силы. Въ новомъ сибирскомъ правительствѣ большинство составляли сторонники диктатуры, не отказавшіеся, правда, опереться и на «общественное признаніе». Въ декларацiи сибирскаго правительства, оглашенной передъ сибирской Областной Думой 15 августа въ Томскѣ, говорилось: «Временное Сибирское Правительство дѣйствуетъ, какъ власть суверенная, съ полномочіями, почерпаемыми не только отъ Областной Думы, совѣтъ министровъ избравшей, но также (!) изъ создавшагося переворотомъ фактическаго положенія вещей и единодушнаго признанія правительства со стороны всѣхъ круговъ населенія и общественныхъ организацій. Въ обстановкѣ, при которой совѣтъ министровъ принялъ на себя тяжелое бремя управленія, онъ не могъ поступить иначе, какъ объявивъ себя суверенною, ни отъ кого не зависящей властью».

Для самарскаго же правительства его *право* на власть стояло внѣ сомнѣній не потому только, что оно стремилось къ возможно болѣе полному осуществленію идеи народоправства, но и потому, что оно въ себѣ видѣло производное отъ избраннаго населеніемъ Учредительнаго Собранія, права котораго оспаривались какъ разъ тѣми, противъ кого и велась вооруженная борьба. Силы Народной Арміи должны были лишь поддержать и подкрѣпить авторитетъ КОМУЧ-а, дать ему возможность практически осуществить свою власть, а отнюдь не служить ея юридическимъ базисомъ*).

Въ этомъ психологически и политически разномъ отношеніи къ власти вообще и своей въ частности заложены бы корни всѣхъ послѣдую-

---

*) Когда уже изъ эмигрантскаго далека А. Кулишеръ считаетъ антитезу между **правомъ КОМУЧ-а и голымъ насиліемъ** сибирской власти **«въ корнѣ невѣрной»**, это доказываетъ лишь живучесть политическихъ страстей и предразсудковъ въ самыхъ, казалось - бы, критическихъ умахъ. Ибо единственный аргументъ, который при этомъ приводитъ Кулишеръ, — ниже всякой критики: онъ обращаетъ право въ простой итогъ случайнаго успѣха. По мнѣнію Кулишера, — «если бы идея **права** учредительнаго собранія существовала, какъ живая и дѣйственная идея въ народныхъ массахъ или хотя бы среди самихъ членовъ учредительнаго собранія, то не было бы ублюдочныхъ Комучей» и «съѣздовъ членовъ учредительнаго собранія», а было бы само Собраніе, которое сумѣло бы (?) открыться и взять власть въ свои руки, какъ умѣли это дѣлать «охвостья» разныхъ парламентовъ въ гражданскихъ войнахъ въ Европѣ и даже въ Китаѣ» (см. «Послѣднія Новости» — Парижъ, 19.III. 1931).

Здѣсь не только явное petitio principii : считается якобы установленнымъ то самое, что требуетъ еще доказательствъ (**какъ** именно «само Собраніе» могло взять власть въ свои руки?). Здѣсь и другое: если «идею права» ставить въ прямую и исключительную зависимость отъ фактическаго умѣнія и успѣха, отпадаетъ и необходимость, и самая возможность обсуждать вопросъ съ точки зрѣнія права и не-права. Отрицая право за «ублюдочнымъ» КОМУЧ-емъ не потому даже, что КОМУЧ былъ «ублюдочнымъ», а потому лишь, что онъ не побѣдилъ, — разсужденіе Кулишера переноситъ вопросъ о правѣ въ область столкновенія физическихъ силъ и фактовъ. Побѣдилъ вѣдь повсюду большевизмъ. Значитъ ли это, что и право на его сторонѣ?

щихъ разногласій, въ конечномъ счетѣ доведшихъ до открытаго столкновенія и насильственнаго переворота.

2.

Отъ непосредственнаго удара со стороны совѣтскихъ войскъ Сибирь была заслонена волжскимъ фронтомъ, который держали у Екатеринбурга чехи, въ центрѣ — Народная Армія и на лѣвомъ, южномъ флангѣ — оренбургскіе казаки. Это обстоятельство благопріятствовало лучшей организаціи сибирской вооруженной силы. Оно же открывало для сибирскаго правительства свободу политическаго маневра. Позволяло ему изображать изъ себя мудрое правительство, собирающее силы впрокъ для будущаго, въ интересахъ якобы самостоятельнаго сибирскаго государства.

Фронтъ давилъ на самарскую власть, связывалъ ее по рукамъ, заставлялъ подчиняться постороннимъ вліяніямъ, — въ частности уступать давленіемъ тыловой Сибири, не знавшей непосредственной угрозы фронта. И крайніе противники КОМУЧ-а и Народной Арміи не въ силахъ отрицать, что «отсрочка набора сибирской арміи и возможность нѣкоторой подготовки мобилизаціи явились результатомъ самоотверженной борьбы на берегахъ Волги, такъ называемой, народной арміи» (Гинсъ). Принимая на себя удары большевиковъ, КОМУЧ одновременно обезпечивалъ Сибири возможность организаціонной подготовки тѣхъ силовыхъ кадровъ, которые вскорѣ стали насѣдать на Самару. Время опредѣленно работало въ пользу Сибири и противъ КОМУЧ-а. Давленіе Сибири, ея политическія претензіи и интриги возрастали въ прямой зависимости отъ неудачъ на фронтѣ, — въ мѣру неудачъ Народной Арміи, недостаточно снабжаемой, въ частности, и по винѣ и оплошности сибирскаго правительства.

Считая себя «эмбріономъ» всероссійской власти, самарское правительство и КОМУЧ требовали своего признанія со стороны омскаго правительства Вологодскаго и Михайлова. Оспаривая эти притязанія, омское правительство ссылалось на провозглашенную имъ 4 іюля 18 г. «государственную независимость Сибири» и всячески отстаивало расширеніе сферъ своего вліянія не только морально - политическаго, но и территоріальнаго. Сибирское правительство способствовало укрѣпленію самостоятельности новаго уральскаго правительства въ Екатеринбургѣ. Измѣнивъ прежнія административныя границы, оно присоединило къ Сибири «челябинскій округъ», въ составѣ уѣздовъ Челябинскаго, Златоустовскаго и Троицкаго. Оно повело настоящую таможенную войну съ Самарой, образуя таможенныя заставы, взимая пошлины, реквизируя товары, шедшіе въ Россію, даже свободную отъ большевиковъ, отказывая въ выдачѣ кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ остро нуждалась, несмотря на свои запасы золота и серебра, Самара*).

---

*) **А. А. Аргуновъ** сообщаетъ, что у него имѣлась телеграмма за подписью министра финансовъ сибирскаго правительства, все того же Ив. Ми-

Правда, для войны, даже для таможенной, — какъ и для брака, по французской пословицѣ, нужны по меньшей мѣрѣ двое, двѣ стороны. И таможенную войну велъ не только Омскъ, но и Самара*).

Пусть предвзятымъ было отношеніе не только Омска къ Самарѣ, но и Самары къ Омску. Пусть требованія Самары были претенціозны, и даже не Омскъ, а Самара начала враждебныя дѣйствія! Между Омскомъ и Самарой была, однако, громадная и все искупающая разница: Самара вела войну противъ большевиковъ, тогда какъ Омскъ только готовился къ такой войнѣ за волжской завѣсой. «Два центра — Самара и Омскъ — двѣ власти съ государственнымъ аппаратомъ, но съ той огромной разницей, пишетъ свидѣтель и участникъ волжской борьбы, не слишкомъ расположенный къ КОМУЧ-у ген. Щепихинъ, — что самарская власть на фронтѣ была окрещена боевымъ огнемъ, ея формированія, какъ сухой хворостъ, быстро сгорали въ непрерывныхъ бояхъ» («Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.» I, стр. 202/3). И другой военный дѣятель самарскаго фронта, начальникъ оперативнаго отдѣла П. П. Петровъ, еще менѣе Щепихина расположенный къ эсерамъ, изъ эмигрантскаго далека обозрѣвая весь путь борьбы, продѣланный имъ отъ Волги до Тихаго океана, вынужденъ признать исключительное значеніе поволжскаго фронта, который «прикрывалъ работу Сибири и Урала, далъ значительную матеріальную часть для борьбы уральцамъ, Оренбургу, Уфѣ; наконецъ, далъ золотой запасъ въ 650.000.000 рубл. Для насъ, участниковъ борьбы на Волгѣ въ рядахъ такъ называемой Народной Арміи, самарскіе дни, когда мы были «дѣтьми Учредилки», какъ пѣлось въ «Самарскомъ шарабанѣ», несмотря на печальный конецъ, являлись самыми отрадными воспоминаніями въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ борьбы. Это было время юности движенія, со всѣми радостями, надеждами и огорченіями, когда мы вовсе не вникали въ политику, а работали, какъ умѣли, лишь бы имѣть успѣхъ на фронтѣ» («Отъ Волги до Тихаго океана». Въ рядахъ Бѣлыхъ. Воспоминанія. — Рига, 1930, стр. 47-48)**).

хайлова, въ которой правительство соглашалось дать Самарѣ заемъ, но подъ однимъ условіемъ, — чтобы Самара прислала въ Омскъ весь золотой запасъ, взятый Народной Арміей у большевиковъ въ Казани. «Кратко и откровенно», — замѣчаетъ Аргуновъ («Между двумя большевизмами». — Парижъ. 1919. Стр. 32).

*) Таможенная война продолжалась и послѣ объединенія всей территоріи и власти въ рукахъ адм. Колчака, какъ «верховнаго правителя». По свидѣтельству военнаго министра при Колчакѣ. **ген. Будберга,** командующій сибирской арміей «захватилъ единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозныя мастерскія, — все то, чего нѣтъ въ западной арміи, и не даетъ послѣдней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; въ отвѣтъ на это западная армія прижимаетъ сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы» (См. въ «Дневникѣ бар. А. Будберга», запись 8-9 мая 1919 года — «Архивъ Русской Революціи», т. XIV, стр. 237).

) И не характерно-ли, что въ «исторической» работѣ, почти цѣлыхъ два тома посвятивъ обличенію Самарской власти, КОМУЧ-а и Директоріи, С. П. Мельгуновъ не то что не оцѣнилъ, но даже не упомянулъ объ этомъ основоположномъ для исторіи гражданской войны **фактѣ?! Въ то время, какъ «національно» и «государственно» мыслящій Омскъ боролся противъ «пар-

Для успѣха военныхъ операцій Самара добивалась отъ Омска передачи ей грузовъ, направлявшихся въ адреса европейской Россіи и случайно скопившихся на сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Нуждами фронта вызывались и запретительныя мѣропріятія Самары по вывозу мануфактуры, нефти и т. д. Особое положеніе Самары, боевыя позиціи, ею занятыя въ *общемъ* интересѣ, могли оправдать и ея претензіи, и ея домогательства. А Омскъ? Какіе общіе интересы отстаивалъ Омскъ, когда, оспаривая притязанія КОМУЧ-а играть роль всероссійскаго центра, онъ на основаніи своихъ политико - юридическихъ возраженій отказывалъ фронту въ необходимомъ для успѣха борьбы противъ большевиковъ снабженіи? Не игралъ ли онъ объективно, хотя бы и вопреки своей волѣ, въ руки большевикамъ?

Судьбы большевизма и антибольшевицкаго движенія фактически рѣшались лѣтомъ 18 года на поволжскомъ фронтѣ. И защищая линію фронта противъ большевиковъ, добиваясь у Омска «необходимой координаціи въ дѣйствіи», Самара отстаивала — и противъ Москвы и противъ Омска — идею «*общности* борьбы *за единое* государство, *цѣлую* Россію», — какъ говорилось въ обращеніи КОМУЧ-а къ сибирскому правительству отъ 14 августа 1918 г.

Тренія и напряженныя отношенія между отдѣльными «территоріями» и правительствами на анти - большевицкомъ фронтѣ доходили до «переговоровъ относительно того, кто кого будетъ поддерживать на случай войны одной области съ другой», — какъ свидѣтельствуетъ предсѣдатель россійской «отбочки» чехо - словацкаго національнаго совѣта Б. Павлу. «Башкирскіе солдаты, когда имъ приходилось переходить для военныхъ дѣйствій съ одной стороны Урала на другую, должны были раньше обезоружиться на прежней территоріи и вновь вооружиться въ той области, въ которую вступали. Эгоизмъ и непониманіе общегосударственныхъ задачъ доходили до предѣловъ недопустимаго» («Чехословацкій Ежедневникъ» отъ 18 сент. 18 г.).

Послѣ долгихъ и мучительныхъ сношеній, «нотъ» и депешъ, декларацій и протестовъ, непосредственныхъ и черезъ посредство авторитетныхъ и нейтральныхъ лицъ и учрежденій, русскихъ и иностранныхъ, удалось, наконецъ, добиться того, что представители враждующихъ Самары и Омска согласились сойтись и попытаться намѣтить общее соглашеніе. Такая встрѣча на рельсахъ — двухъ поѣздовъ, самарскаго и ом-

---

тійнаго дѣла» Самары, Самара боролась не только съ Омскомъ, но и съ большевицкой Москвой: «Фронтъ Учредительнаго Собранія» былъ не только идеологической категоріей, онъ былъ фронтомъ въ самомъ прямомъ и военномъ смыслѣ этого слова. Даже Гинсъ относитъ на счетъ «самоотверженности» Народной арміи полученную Сибирью возможность въ теченіе всего лѣта 18 г. «организоваться и подготовить военныя силы», — направленныя ею въ первую очередь не противъ большевиковъ, а противъ тѣхъ, кто держали и возглавляли поволжскій фронтъ!

Впрочемъ, и Мельгуновъ признаетъ, что сибирскій «тылъ погубилъ и фронтъ, и все дѣло возрожденія Россіи» (т. III, стр. 154). Но относитъ онъ эту «пагубу» ко времени, когда всю политическую и военно - стратегическую сцену занялъ адміралъ Колчакъ, а въ «тылу» оказались эсъ - эры подъ псевдонимомъ «соціалистовъ - земцевъ».

скаго, — произошла въ Челябинскѣ. И 16 іюля при содѣйствіи и подъ давленіемъ заинтересованныхъ въ соглашеніи чехословацкаго совѣта, французской миссіи и «Союза Возрожденія Россіи», стороны согласились, въ концѣ концовъ, на томъ, что необходимо созвать новое, болѣе обширное совѣщаніе изъ представителей *всѣхъ* правительствъ и общественно - политическихъ организацій, дѣйствующихъ на территоріи, освобожденной отъ власти большевиковъ.

На новомъ совѣщаніи въ Челябинскѣ 20 августа установлены были время, мѣсто и составъ Государственнаго Совѣщанія, которое и открылось въ Уфѣ 8 сентября 18 года.

3.

Созывъ Уфимскаго Совѣщанія явился въ результатѣ соглашенія. Но самое совѣщаніе сдѣлалось пунктомъ пересѣченія безконечнаго числа противоборствующихъ страстей и вліяній. И слѣды этой борьбы, предварительнаго компромисса и послѣдующихъ, часто не искреннихъ, а только вынужденныхъ уступокъ отразились и на вышедшей изъ Уфимскаго совѣщанія власти. Коалиціонно - компромиссное Временное Всероссійское Правительство, въ принципѣ покоющееся на всеобщемъ признаніи и довѣріи, стало возбуждать сомнѣнія въ своей устойчивости на слѣдующій же день послѣ его избранія. И, конечно, въ первую очередь со стороны тѣхъ, для кого физическая сила была и оставалась главной основой и опорой и власти, и права.

Собравшіеся въ Уфѣ послѣдовали призыву предсѣдательствовавшаго на совѣщаніи Н. Д. Авксентьева, «употребили нечеловѣческія усилія, дали Аннибалову клятву не уйти, не уѣхать изъ Уфы, не построивъ единой государственности россійской, возглавляемой единымъ россійскимъ правительствомъ». Однако далеко не всѣ оказались убѣжденными въ цѣлесообразности самаго метода образованія власти путемъ общественнаго признанія и соглашенія. И сдержавъ «Аннибалову клятву», даже скрѣпивъ подписью и «торжественнымъ обѣщаніемъ» свою вѣрность новой власти, многіе тутъ же затаили противъ нея и недовѣріе, и вражду.

Въ Уфѣ было немного лицъ съ всероссійскимъ именемъ, но представлены на совѣщаніи были почти всѣ направленія россійской анти - большевицкой общественности: правительства самарское, омское и сѣвернаго Урала; представители правительствъ Башкиріи, Алаша, Туркестана, національнаго управленія тюрко - татаръ внутренней Россіи и Сибири и временнаго Эстонскаго правительства; казачьихъ войскъ: Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Иркутскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго; политическихъ партій с. р., с. д., н. с., к. д,, «Единство», Съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья; Союза Возрожденія Россіи. Всего — 23 группировки, на которыя распадались свыше полутораста участниковъ совѣщанія, значительнѣйшій секторъ коего — до 70 человѣкъ — составляли члены Учредительнаго Собранія, входившіе и не входившіе въ составъ КОМУЧ-а. Но чис-

ленное соотношеніе не имѣло рѣшающаго значенія, такъ какъ заранѣе было условлено, что постановленія будутъ приниматься не большинствомъ голосовъ, а по общему соглашенію. Можно было согласиться или разойтись; третье — маіоризація несогласныхъ — не имѣло смысла и соглашеніемъ исключалось.

Надъ множествомъ сложныхъ и острыхъ разногласій, раздѣлявшихъ совѣщаніе, доминировало основное — въ отношеніи къ Учредительному Собранію перваго созыва, большевиками распущенному, а властью, возглавлявшею волжскій фронтъ противъ большевиковъ, всячески отстаиваемому. Къ этому вопросу сводился и споръ объ отвѣтственности будущей власти въ періодъ до созыва Учредительнаго Собранія и о формахъ этой отвѣтственности: передъ кѣмъ? Періодически или непрерывно? Этотъ вопросъ отбрасывалъ свою тѣнь на споры и о численномъ и личномъ составѣ будущаго правительства.

На совѣщаніи образовались два крыла. *Лѣвое,* предводительствуемое эс-эрами и КОМУЧ-емъ и отстаивавшее начала народовластія и, вмѣстѣ съ ними, право на власть боровшагося противъ большевиковъ Учредительнаго Собранія: къ этому крылу примыкали по преимуществу національныя группировки, оффиціальное представительство Р. С. - Д. Р. П. (меньшевики) и съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья. И *правое* крыло, ядромъ и главой котораго была делегація Сибирскаго правительства, а главную «реальную» силу составляло представительство семи казачьихъ войскъ. Это крыло больше всего интересовалось организаціей «сильной» власти и потому отстаивало полную независимость будущаго правительства отъ какого бы то ни было контролирующаго органа. Оно всячески стремилось удлинить срокъ безотвѣтственнаго осуществленія власти и рѣшительно отказывалось признавать полномочія Учредительнаго Собранія перваго созыва, не отвѣчавшаго, по мнѣнію праваго крыла Уфимскаго совѣщанія, волѣ народа еще до того, какъ большевики его распустили.

Представлявшій партію к.-д. Л. А. Кроль довелъ до свѣдѣнія совѣщанія оффиціальное мнѣніе Ц. К. партіи, согласно которому Ц. К. находитъ, что «наилучшей формой для осуществленія сильной, рѣшительной, быстрой и энергичной власти была бы временная единоличная верховная власть. Къ великому несчастью для Россіи, если революція выдвинула титановъ разрушенія, анархіи и безпорядка, то, къ сожалѣнію, на фонѣ нашей революціи не явилось ни одного человѣка, которому вся нація, вся страна могла бы довѣрять и на котораго могла бы расчитывать, что онъ доведетъ страну до Учредительнаго Собранія» (см. «За три года», стр. 101). Но огласивши это мнѣніе, членъ Ц. К. партіи народной свободы и самъ не рискнулъ его поддержать. И для него, очутившагося на крайнемъ правомъ флангѣ уфимскаго совѣщанія, эти «директивы» Ц. К., привезенныя Пепеляевымъ изъ Москвы, были непріемлемы: «въ спасительность диктатуры я не только не вѣрилъ, но и считалъ ее гибельной для дѣла». Кроль правильно разсчиталъ —: «практически, при сложившейся обстановкѣ, предлагать Государственному совѣщанію диктатуру, какъ форму правленія, было безнадежно. Вы-

ступать съ такой формулой означало безцѣльно повредить своей политической репутаціи и уменьшить возможное свое вліяніе налѣво».

Внѣ того и другого крыла оказались неучаствовавшіе въ прямомъ и постоянномъ столкновеніи главныхъ дѣйствующихъ силъ — Самары и Омска. Не обладая уже рѣшительно никакими прерогативами власти, даже не претендуя ни на что, кромѣ моральнаго авторитета представлявшагося ими общественнаго мнѣнія, разно — и, потому, внѣ - партійный Союзъ Возрожденія Россіи игралъ роль примирителя и арбитра. Именно ему, какъ своеобразной «третьей силѣ», къ которой временами примыкали представители Уральскаго правительства и народно - соціалистической партіи, пожалуй, больше всего и обязано уфимское совѣщаніе тѣмъ, что закончилось оно все же соглашеніемъ, а не разрывомъ.

Умѣренные соціалисты — Авксентьевъ, Аргуновъ и особенно «дѣйствовавшая за кулисами» бабушка Брешко - Брешковская вносили примирительный духъ и способствовали сговору, — удостовѣряетъ Гинсъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что ихъ настроеніе, какъ и настроеніе другихъ «умѣренныхъ эс-эровъ было вовсе не боевое, а наоборотъ, искренне примирительное» (1.,211 и 222). Это свидѣтельство тѣмъ болѣе характерно, что тотъ же авторъ, какъ отмѣчалось выше, именуетъ эсэровъ и сибирской областной Думы, и самарскаго Комитета безъ дальнѣйшаго — «максималистами».

Согласить Самару, которая имѣла всѣ основанія считать фронтъ Учредительнаго Собранія не своимъ только «партійнымъ», но и общероссійскимъ дѣломъ, требующимъ безоговорочной поддержки со стороны всѣхъ анти - большевицкихъ силъ, и Сибирь, надъ которой «не капало», и которая, поэтому, и не спѣшила навстрѣчу самарскимъ домогательствамъ «партійныхъ» «максималистовъ», — было необычайно трудно. Уже во время совѣщанія нѣкоторые догадывались о томъ, что впослѣдствіи было подтверждено фактически и документально.

Считая на словахъ и во внѣ необходимымъ скорѣйшее созданіе единой центральной власти, сибирское правительство про себя и на дѣлѣ всячески тормозило совѣщаніе и саботировало его попытку создать такую власть. Начать съ того, что оно послало на Государственное совѣщаніе не своихъ руководителей, а второстепенные персонажи, игравшіе роль простыхъ исполнителей чужихъ предначертаній. Заставивъ уже собравшееся въ условленный срокъ совѣщаніе дожидаться омскихъ делегатовъ, омское правительство лихорадочно спѣшило заручиться лишними козырями для своей политической игры въ Уфѣ.

Въ ожиданіи благопріятныхъ результатовъ отъ своей поѣздки на востокъ, куда глава омскаго правительства Вологодскій вмѣстѣ съ Гинсомъ отправились для ликвидаціи восточно - сибирскихъ правительствъ эсэра Дербера и ген. Хорвата и полученія отъ нихъ признанія омскаго правительства за правительство всесибирское, Вологодскій, по свидѣтельству Гинса, «далъ въ качествѣ «секретной инструкціи» указанія делегатамъ въ Уфу не *особенно торопиться* съ организаціей власти». Делегатамъ рекомендовалось тщательно разрабатывать всѣ формальные и процессуальные вопросы — «юридическую регламентацію взаимоотношеній членовъ Директоріи между собой, условій ихъ выхода и замѣ-

ны, соотношенія ихъ съ министрами, порядка законодательства и т. д.», – «добившись съ *этой цѣлью перерыва работъ общаго собранія»* (Т. I, стр. 212). То же подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и представлявшій на уфимскомъ совѣщаніи омское правительство И. И. Серебренниковъ (см. «Сибирскій Архивъ» 1, стр. 11). О томъ же, на основаніи копій съ телеграммъ, бывшихъ въ его рукахъ, какъ «чрезвычайнаго уполномоченнаго» по разслѣдованію убійства Новоселова и ареста Крутовскаго, Шатилова и Якушева свидѣтельствуетъ А. А. Аргуновъ: «За подписью то Михайлова, то Вологодскаго, то отъ нихъ обоихъ въ Уфу, на имя сибирской делегаціи, летѣли телеграммы, въ которыхъ рекомендовалось делегатамъ держать твердо «правую» позицію и не итти на уступки въ виду того, что сибирское правительство накануне признанія его союзниками; въ одной изъ послѣднихъ телеграммъ рекомендовалось прямо итти даже «на разрывъ» уфимскаго совѣщанія и указывалось при этомъ, что это необходимо сдѣлать въ виду того, что лѣвое крыло (т. е. эс-эры) уфимскаго совѣщанія ослаблено взятіемъ большевиками Казани, Симбирска и угрожающимъ положеніемъ Самары». Въ одной изъ телеграммъ «своимъ» въ Омскъ, Вологодскій указываетъ, что союзники, съ которыми онъ велъ переговоры о признаніи омскаго правительства за правительство Сибири, видятъ въ появленіи всероссійской власти «новую досадную комбинацію» (См. «Между двумя большевизмами», стр. 31).

Гибельность этой коварной тактики и пагубность инструкцій, которыя давались «государственно - мыслящими» русскими патріотами, становятся особенно очевидными, если учесть ухудшившееся какъ разъ ко времени Государственнаго совѣщанія положенія на фронтѣ. Сѣвернѣе Уфы обозначился прорывъ, требовавшій большого напряженія для ликвидаціи. А 11 сентября, накануне появленія въ Уфѣ сибирской делегаціи, пала Казань. Государственное совѣщаніе открылось въ очень тревожный моментъ. Представитель чехословацкаго совѣта и войска выразилъ чувства многихъ, когда закончилъ свое привѣтствіе совѣщанію словами: «Намъ всѣмъ были даны уже два предостереженія. Мы всѣ должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьяго предостереженія!»

Для двусторонняго процесса объединенія КОМУЧ оказался на положеніи стороны «наименѣе благопріятствуемой» обстоятельствами. Сибирское же правительство, выжидавшее благопріятной «конъюнктуры» и дождавшееся неудачъ на фронтѣ, оказалось въ положеніи стороны «наиболѣе благопріятствуемой».

Защищая возстановленіе правъ Учредительнаго Собранія, КОМУЧ защищалъ не только свои «партійные» интересы и права, не только идею народовластія въ ея реальномъ, исторически единственно - данномъ воплощеніи, — но и *методъ возстановленія Россіи*, существенно различный съ методомъ большевизма, единственно ему противостоящій качественно. И не-большевиками осуществлявшійся методъ большевицкихъ насилій сохранялъ полностью свои ядовитыя свойства. И потому преодолѣніе большевизма КОМУЧ видѣлъ въ замѣнѣ большевицкаго метода устроенія государства иными методами, методами права. Правъ

поэтому большой недругъ КОМУЧ-а С. П. Мельгуновъ, когда отмѣчаетъ стремленіе КОМУЧ-а «облекать репрессіи въ одежду формальной законности». Гораздо менѣе правъ этотъ на рѣдкость пристрастный историкъ, когда такое похвальное стремленіе ставитъ КОМУЧ-у въ вину, полагая, что «проще было безъ надобности (?) не создавать демократическаго декорума» и, разъ фактически имѣли мѣсто два случая самосуда, — «едва ли надо было издавать спеціальный приказъ о самосудахъ, какъ это дѣлало самарское правительство» (см. «Трагедія адмирала Колчака» т. 1, стр. 124, 126, 132).

КОМУЧ заранѣе шелъ на ограниченіе компетенціи имѣющаго собраться Учредительнаго Собранія перваго созыва. Онъ заранѣе отказывался отъ постановки вопросовъ, которые требовали законодательнаго разрѣшенія въ мирное время, ограничивая Учредительное Собраніе разрѣшеніемъ задачъ организаціи обороны, освобожденіемъ и внѣшней независимостью страны и возможно болѣе скорыми перевыборами въ Новое Учредительное или Законодательное Собраніе. Онъ, вмѣстѣ съ Ц. К. партіи с. р., заранѣе соглашался установить численный составъ Собранія — кворумъ, — при наличности котораго только и допустимо реальное возстановленіе работъ распущеннаго Учредительнаго Собранія. Парируя распространенное обвиненіе въ томъ, что эс-эры хотятъ узурпировать права Учредительнаго Собранія, какъ цѣлаго, въ пользу отдѣльной части Собранія, по преимуществу эс-эрской, делегація Ц. К. партіи давала связывающее членовъ партіи обязательство только при опредѣленныхъ условіяхъ считать Учредительное Собраніе «въ числѣ», или въ законномъ составѣ.

За вычетомъ недоизбраннаго числа членовъ Учредительнаго Собранія и членовъ большевицкой и лѣво - эсэровской фракціи, ушедшихъ изъ Учредительнаго Собранія 6-го января, общій составъ У. С. былъ признанъ уменьшившимся вдвое, т. е. до 400 человѣкъ, а кворумъ — равнымъ половинѣ общаго числа членовъ У. С., избранныхъ и оставшихся вѣрными своему званію, т. е. 200 человѣкъ. Такой кворумъ былъ установленъ для 1-го января. И онъ понижался до трети общаго состава, т. е. спускался до 170 членовъ У. С., для 1-го февраля, признаннаго предѣльнымъ срокомъ возобновленія работъ Учредительнаго Собранія перваго созыва. Такъ намѣчались «минимумъ» личнаго состава и «максимумъ» отсрочки для возстановленія Учредительнаго Собранія. Этимъ не исключалась, однако, возможность того, что, собравшись въ установленномъ числѣ и въ указанный срокъ, члены Учредительнаго Собранія признали бы себя «не въ числѣ» или некомпетентными, просрочившими свои полномочія и т. п.

Этотъ планъ былъ, конечно, компромиссным и несовершеннымъ. Но онъ давалъ удовлетвореніе «учредиловцамъ» принципіальнымъ признаніемъ полномочій Учредительнаго Собранія перваго созыва и подведеніемъ правовой базы подъ ихъ борьбу за власть. Этотъ планъ, съ другой стороны, открывалъ обнадеживающія перспективы и противникамъ возобновленія работъ Учредительнаго Собранія и подотчетности ему новой власти. Кроль откровенно разсказалъ о «новомъ направленіи», которое приняла его мысль въ связи съ предложеніемъ эс-эровъ. «На

Государственномъ совѣщанiи присутствуетъ всего 70 членовъ Учредительнаго Собранія*). Это — все, что удалось собрать, и то съ большими трудностями. Собрать еще 180 (130) человѣкъ, находящихся большею частью въ совѣтской Россіи, откуда выѣздъ весьма затруднителенъ, задача вообще трудная, а въ короткій срокъ — неосуществимая». То же подтверждаетъ и Серебренниковъ: «Сибиряки *надѣялись,* что нужнаго количества членовъ У. С. къ 1 января не наберется, и что за пять мѣсяцевъ много можетъ утечь воды, такъ или иначе опредѣлится исходъ борьбы съ большевиками, и вообще тамъ видно будетъ, что дѣлать».

Противники КОМУЧ-а готовы были принять планъ въ явномъ расчетѣ и тайной надеждѣ, что практически онъ не реализуется. Кворумъ въ короткій срокъ «неосуществимъ», а пока что и въ теченіе ряда мѣсяцевъ новая власть можетъ дѣйствовать безконтрольно или «безъ помѣхъ», какъ выражался Кроль.

На этомъ соглашеніе въ Уфѣ, въ концѣ концовъ, и состоялось, — вынужденное для обѣихъ сторонъ.

Центральная власть создалась, но она была «вымучена» двойнымъ давленіемъ. Съ одной стороны, — большевицкимъ наступленіемъ, заставившимъ эвакуировать Симбирскъ, угрожавшимъ Самарѣ и приведшимъ въ Уфу большія скопленія бѣженцевъ, и, съ другой стороны, — воздѣйствіемъ иностранныхъ миссій, одновременно «нажимавшихъ» на Омскъ и на Самару. Подъ угрозой приближавшейся линіи фронта поддались прежде всего казаки, сначала уральскіе и оренбургскіе, а за ними и сибирскіе — главная «реальная сила» омскаго правительства. И на лѣвомъ флангѣ верхъ одержало болѣе примирительное и «соглашательское», правое теченіе. «Напряженная атмосфера разрядилась», вспоминаетъ Серебренниковъ, послѣ его заявленія въ согласительной комиссіи Государственнаго совѣщанія о томъ, что «идя навстрѣчу общему желанію заложить фундаментъ россійской государственности, сибирское правительство соглашается на то, чтобы Директорія была отвѣтственна передъ существующимъ Учредительнымъ Собраніемъ, но на извѣстныхъ условіяхъ».

Послѣ 15 дней и ночей спора 23-хъ общественныхъ группировокъ, дѣлавшихъ каждая свои заявленія и имѣвшихъ каждая свое liberum

---

*) По даннымъ «Вѣстника Комитета членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія» №№ 67 и 70, на 1-ое октября 1918 г. насчитывалось 95 членовъ Учредительнаго Собранія, вступившихъ въ КОМУЧ. Здѣсь не значатся члены У. С., не вступившіе въ составъ Комитета: Авксентьевъ, Аргуновъ, Брешко - Брешковская, Л. Кроль, Моисеенко, В. Павловъ и др. (полный списокъ воспроизведенъ въ № 8-9 «Воли Россіи». — Парижъ. 1928).

Одинъ изъ самыхъ мрачныхъ реакціонеровъ и изувѣровъ гражданской войны, бывшій одно время «главковерхомъ» при Колчакѣ — «верховномъ правителѣ», ген. **К. В. Сахаровъ,** возмущаясь «апломбомъ» и «самодовольствомъ» «учредиловцевъ», не стѣснявшихся называть себя «избранниками Русскаго народа», насчитываетъ среди нихъ «болѣе шестидесяти процентовъ іудеевъ» (см. «Бѣлая Сибирь», стр. 161. — Мюнхенъ 1923). — Не будемъ спорить съ «оцѣночными» эмоціями ген. Сахарова. Но, чтобы показать фактическую приблизительность его утвержденій, укажемъ, что на 95 «учредиловцевъ» на Волгѣ приходилось всего 6 «іудеевъ», т. е. 6%, а не «болѣе 60%», какъ съ преувеличеніемъ въ 10 разъ утверждаетъ Сахаровъ.

veto, т. е. возможность взорвать все совѣщаніе по своему усмотрѣнію, уфимское совѣщаніе свою задачу все - таки выполнило. На основаніи «Акта объ образованіи верховной власти», скрѣпленнаго подписями всѣхъ участвовавшихъ въ совѣщаніи, вмѣсто 19 автономныхъ правительствъ создавалась единая центральная власть, привѣтствуемая англичанами (Ольстеномъ и Ноксомъ), французами (Пишономъ и Буржуа), чехословацкимъ національнымъ совѣтомъ (Павлу) и б. русскимъ посланникомъ въ Римѣ Гирсомъ.

«Въ единодушномъ стремленіи къ спасенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости» «вся полнота верховной власти на всемъ пространствѣ государства россійскаго» вручена была 23 сентября 1918 г. Временному Россійскому Правительству въ составѣ пяти лицъ: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, ген. В. Г. Болдырева, П. В. Вологодскаго и Н. В. Чайковскаго. Этотъ основной списокъ кандидатовъ былъ предложенъ и поддержанъ *правымъ* крыломъ совѣщанія — делегаціей сибирскаго правительства, партіи к. д., конференціи казачьихъ войскъ и присоединившагося къ нимъ въ данномъ случаѣ Союза Возрожденія (за исключеніемъ Вологодскаго, всѣ остальные кандидаты были членами Союза Возрожденія). Не участвовавшіе въ Уфимскомъ совѣщаніи Астровъ, Вологодскій и Чайковскій избраны были заочно. И временно, до вступленія въ должность этихъ «извѣстныхъ странѣ» лицъ, были избраны для замѣщенія Астрова — В. А. Виноградовъ, Вологодскаго — В. В. Сапожниковъ и Чайковскаго — В. М. Зензиновъ. Своихъ замѣстителей имѣли и Авксентьевъ — А. А. Аргунова и Болдыревъ —генер. М. В. Алексѣева. Замѣщеніе энэса Чайковскаго болѣе лѣвымъ, эс-эромъ Зензиновымъ встрѣтило ожесточенное сопротивленіе со стороны праваго крыла и было «послѣдней уступкой», на которую пошли сибиряки, по свидѣтельству Серебренникова, въ расчетѣ на скорое появленіе Чайковскаго и, «главнымъ образомъ подъ вліяніемъ полученной сибирской делегаціей информаціи объ извѣстныхъ омскихъ событіяхъ 21 сентября», т. е. объ убійствѣ Новоселова и арестѣ Крутовскаго, Шатилова и Якушева (стр. 13-14)*).

Избранная «пятерка» признана была уфимскимъ совѣщаніемъ «единственнымъ носителемъ Верховной власти на всемъ пространствѣ государства россійскаго» до созыва Всероссійкаго Учредительнаго Собранія. Всѣ функціи верховной власти, отправляемыя временно областными правительствами, должны были быть переданы Всероссійскому

---

*) П. Милюковъ считаетъ, что «составъ правительства былъ выбранъ отчасти, какъ было намѣчено въ Москвѣ, но съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что вмѣсто трехъ лицъ, изъ которыхъ только одинъ соціалистъ, было выбрано пять лицъ, и изъ нихъ три соціалиста» («Россія на переломѣ» т. II, 47). — Подсчетъ Милюкова фактически невѣренъ, потому что Вологодскій въ сентябрѣ 18 г. могъ быть причисленъ къ соціалистамъ и тѣмъ болѣе эсэрамъ, вѣроятно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ, напримѣръ, Гр. Алексинскій къ большевикамъ или Ив. П. Алексинскій къ эн-эсамъ. Если Вологодскій и былъ когда - то соціалистомъ, — во время уфимскаго совѣщанія онъ, вѣроятно, и самъ не причислилъ себя къ нимъ.

А. Аргуновъ, знавшій лучше другихъ личный составъ партіи с.-р. свидѣтельствуетъ, что Вологодскій «не былъ никогда членомъ партіи с.-р.», что

Правительству, какъ только оно того потребуетъ. Установленіе предѣловъ компетенціи областныхъ правительствъ на началахъ широкой автономіи п. 3-ій «общихъ положеній» предоставлялъ «мудрости» временнаго всероссійскаго правительства. Особо были выдѣлены въ «Актѣ» «Обязанности правительства въ отношеніи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». Правительству вмѣнялось въ непремѣнную обязанность «неуклонное руководство непререкаемыми верховными правами У. С.» и «неустанное наблюденіе, чтобы въ дѣятельности всѣхъ подчиненныхъ временному правительству органовъ не было допущено ничего могущаго клониться къ умаленію правъ Учредительнаго Собранія или къ замедленію въ возобновленіи его работъ».

Видимо, не вполнѣ довѣряя «неустанному наблюденію» правительства въ этой области, КОМУЧ настоялъ на томъ, чтобы «обезпеченіе пріѣзда членовъ Учредительнаго Собранія и ускореніе и подготовка занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава» было поручено — въ качествѣ *единственнаго* предмета вѣдѣнія — Съѣзду членовъ У. С., какъ особому «государственно - правовому органу». Этому органу правительство обязывалось оказывать «всемѣрное содѣйствіе», а, по объявленіи Учредительнымъ Собраніемъ своихъ работъ возобновленными, правительство обязывалось представить У. С. отчетъ о своей дѣятельности и подчиниться, «какъ единственной въ странѣ верховной власти».

Такъ разрѣшался вопросъ и объ отвѣтственности новаго правительства. Новый «государственно - правовой органъ» не былъ надѣленъ властью контролирующей и, тѣмъ менѣе, правомъ свергать правительство выраженіемъ ему недовѣрія. Въ періодъ до созыва Учредительнаго Собранія — 1 января или 1 февраля — правительство оставалось несвязаннымъ въ осуществленіи своихъ полномочій.

4.

О достигнутомъ съ такими большими трудами соглашеніи въ Уфѣ можно сказать, что — не бывать бы счастью, да несчастье помогло; даже не одно, а *два* несчастья: потеря моральнаго авторитета сибирскимъ правительствомъ въ связи съ арестами и убійствомъ 21 сентября и потеря фактической власти самарскимъ правительствомъ послѣ отобранія большевиками Симбирска. Что равнодѣйствующая или средняя линія намѣчена была въ общемъ правильно, слѣдуетъ изъ того, что ка-

---

«не мѣшало ему, будучи «сочувствующимъ», строить на партіи свою карьеру, когда она была въ расцвѣтѣ силъ и популярности». — Л. Кроль отмѣчаетъ, что эс-эры относились къ кандидатурѣ Вологодскаго, какъ эс-эра, «съ насмѣшкой: они его своимъ и не думали считать». — Самъ Вологодскій, утверждая въ интервью въ «Сибирской Жизни» отъ 14 января 19 г., что онъ «когда - то принадлежалъ къ партіи с.-р.», относительно настоящаго завѣряетъ только въ своей демократичности: «въ душѣ (!) я остался такимъ же демократомъ, какъ и прочіе (?) русскіе демократы».

ждая изъ сторонъ могла искренне считать себя и побѣдительницей, и побѣжденной.

Вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ КОМУЧ-а и Святицкимъ, утверждавшимъ, что «дата 23 сентября 1918 года навсегда останется въ русской исторіи датой печальной и невыгодной для демократіи политической сдѣлки» («Къ исторіи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». — Москва. 1921 г.), Майскій могъ доказывать впослѣдствіи, что эс-эры понесли «огромное пораженіе», тогда какъ Зензиновъ и Серебренниковъ, принадлежавшіе въ Уфѣ къ противоположнымъ лагерямъ, могли согласно находить, что — «побѣдили эс-эры». Въ историческомъ аспектѣ, когда оперируютъ съ результатами, легко проявлять свою дальновидность. И *послѣ* того, какъ Директорія «не удалась», и Мельгунову просто сказать, что Государственное совѣщаніе «въ основѣ своей было до нѣкоторой степени ошибкой», и его антагонисту эс-эру С. П. Постникову легко было узрѣть «трагедію» совѣщанія въ томъ, что «соціалисты не поняли, что люди стараго порядка не могутъ быть ихъ союзниками даже въ борьбѣ противъ большевиковъ», и, проглядѣвъ «безнадежность» своей «коалиціонной тактики», зря «просчитались» (см. «Воля Россіи» № 8-9 за 1929 г.), — «проуфили» Учредительное Собраніе, какъ выражались впослѣдствіи отрекшіеся и отъ партіи с. - р., и отъ Учредительнаго Собранія Святицкій и Буревой.

Но въ исторической обстановкѣ, которая дана была россійской анти - большевицкой демократіи въ сентябрѣ 18 г., благополучный исходъ уфимскаго совѣщанія былъ, конечно, большой политической удачей. Найденные компромиссъ и соглашеніе самымъ своимъ фактомъ, если и не внушали чрезмѣрныхъ ожиданій, все же объективно свидѣтельствовали о ростѣ политической зрѣлости и отвѣтственности русской общественности.

Объясняя, почему делегаты Союза Возрожденія выдвинули на Государственномъ совѣщаніи «компромиссную формулу безотвѣтственной власти на опредѣленный срокъ», избранный членомъ Директоріи ген. Болдыревъ писалъ 30 сентября своему потенціальному замѣстителю — начальнику штаба южнаго фронта ген. Алексѣеву: «Мы исходили изъ того убѣжденія: если новая власть укрѣпится за періодъ безотвѣтственной работы, едва ли тогда явится у кого - либо желаніе итти противъ такой власти. И тогда будущее покажетъ дальнѣйшій ходъ государственной жизни Россіи. Если же этой власти не удастся справиться съ тѣми исключительными по трудности условіями работы, тогда становится безразличнымъ, — будетъ ли она безотвѣтственной или нѣтъ»...

Обратилась къ генераламъ Алексѣеву и Деникину и Директорія въ цѣломъ съ извѣщеніемъ объ образованіи единой и центральной власти Временнаго Всероссійскаго Правительства, съ выраженіемъ «восхищенія» одиннадцатимѣсячной борьбой добровольческой арміи противъ большевиковъ, съ надеждой «въ скоромъ времени принять на территоріи освобожденной Россіи усталыхъ бойцовъ, которые найдутъ здѣсь и отдыхъ, и справедливую оцѣнку своихъ трудовъ», и съ увѣренностью, что «государственная мудрость и высокія гражданскія качества руково-

дителей и горячая любовь офицеровъ и солдатъ къ родинѣ укажутъ Добровольческой арміи единый съ правительствомъ путь»...

Мѣру этой «государственной мудрости» и уровень «высокихъ гражданскихъ качествъ» и патріотической любви теперь можно точно опредѣлить, если знать, что «искреннее поздравленіе» Алексѣева, къ тому времени уже скончавшагося, съ избраніемъ въ замѣстители члена Директоріи, показалось Деникину и его тогдашнему окруженію «нѣсколько нескромнымъ и обиднымъ въ отношеніи его памяти»; а притязанія Директоріи быть властью всероссійской — совершенно необоснованными. Деникинъ отказался признать Директорію всероссійской властью, какъ «отвѣтственную и направляемую Учредительнымъ Собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства... и не пользующимся ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ»... Въ этомъ духѣ были составлены и «инструкціи», отправленныя въ Сибирь командированнымъ ген. Алексѣевымъ еще въ началѣ 18 года ген. Флугу и полк. Лебедеву. — Оказалось впослѣдствіи, добросовѣстно досказываетъ Деникинъ всю исторію помощи, оказанной Югомъ объединенію, достигнутому въ Уфѣ, что одинъ делегатъ Добровольческой арміи, ген. Флугъ сталъ военнымъ министромъ «Всероссійскаго правительства» Хорвата въ Харбинѣ, а другой делегатъ — полковникъ Лебедевъ очутился въ Омскѣ и «принялъ видное участіе въ ноябрьскомъ переворотѣ и непостижимымъ образомъ, не имѣя никакого командного стажа, сталъ вскорѣ начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго, адмирала Колчака» (см. «Очерки русской смуты» т. 3, стр. 259).

Участіе въ «выполненіи стратегической задачи, данной Уфой», Добровольческая армія не могла принять, такъ какъ сама «въ эти дни истекала кровью на поляхъ Ставрополя», — но партійно - политическую предвзятость, узость и высокомѣріе командованіе вооруженными силами юга Россіи было не въ силахъ подавить въ себѣ даже «въ эти дни».

И не только чуждый политики, но не перестававшій дѣлать ее «солдатъ» Деникинъ, а и испытанные политическіе и общественные дѣятели.

Въ рѣшительную оппозицію къ Директоріи сталъ и избранный въ Директорію б. московскій городской голова, к. д. и членъ Національнаго Центра и Союза Возрожденія Н. И. Астровъ. Ознакомившись со стенограммой Уфимскаго совѣщанія, Астровъ отказался отъ вступленія въ составъ Директоріи. Правда, отказъ этотъ былъ опубликованъ лишь 13/26 ноября 18 г., т. е. черезъ недѣлю послѣ того, какъ Директорія уже прекратила свое существованіе. Тѣмъ не менѣе мотивы отказа — въ виду нарушенія московскаго соглашенія Національнаго Центра съ Союзомъ Возрожденія и внутренняго соглашенія членовъ послѣдняго — сохранили свое значеніе, какъ широко распространенный взглядъ на необязательность Уфимскаго соглашенія даже для тѣхъ, кто его вырабатывалъ и принималъ.

Умѣренные круги русской общественности, рѣшительно отвергавшіе всѣ формально - юридическія основанія и претензіи «эс - эровскихъ» защитниковъ возстановленія правъ Учредительнаго Собранія, цѣпко держались за закругленность формъ, за строгое соблюденіе даже буквы своего соглашенія, за своеобразный «общественно - договорный»

легитимизмъ. Московское «соглашеніе» — или «схема» — представлялись имъ настолько незыблемыми и неприкосновенными, что они считали себя въ правѣ оспорить соглашеніе, принятое совершенно другими людьми и группами въ совершенно иной и непредвидѣнной, конечно, обстановкѣ, на томъ только основаніи, что это другое и новое соглашеніе не во всѣхъ пунктахъ совпадало съ тѣмъ, которое выработано было за нѣсколько мѣсяцевъ до того въ Москвѣ и до котораго подавляющему большинству собравшихся въ Уфѣ не было рѣшительно никакого дѣла.

Говорить поэтому о *нарушеніи* уфимскимъ совѣщаніемъ постановленій, принятыхъ въ Москвѣ, — легитимистски претенціозно, формально неправильно и жизненно неубѣдительно.

Если въ Москвѣ Національный Центръ и договаривался о чемъ-то со своими сочленами, входившими въ Союзъ Возрожденія и въ него не входившими, — этотъ «договоръ» могъ связывать только договорившихся. На уфимскомъ же совѣщаніи Національный Центръ вовсе не участвовалъ. Союзъ Возрожденія, какъ извѣстно, подбиралъ своихъ сочленовъ по личному признаку, а не на началахъ представительства группъ или партій. Руководившія же уфимскимъ совѣщаніемъ лица и группы, — въ частности Центральный Комитетъ и Бюро фракціи членовъ Учредительнаго Собранія эс - эровъ, — не участвуя въ Союзѣ Возрожденія, не принимали участія и въ московскомъ соглашеніи. Къ Союзу Возрожденія они въ Москвѣ относились только терпимо*). Къ національному же Центру, какъ организаціи правой, эс-эры и въ Москвѣ, и въ Сибири относились одинаково отрицательно. Но главное все же — не въ этомъ. Главное — если и закону въ силу измѣнившейся обстановки и «по нуждѣ» бываетъ «перемѣна», то тѣмъ болѣе — соглашенію. Московское соглашеніе — «res inter alios acta» — не могло обязывать участниковъ уфимскаго совѣщанія къ этому соглашенію совершенно непричастныхъ, а оговорка о «rebus sic stantibus», лежащая въ основѣ всякаго договора, молчаливо презюмировалась, конечно, и неписаннымъ соглашеніемъ въ Москвѣ.

Члены особаго совѣщанія при главнокомандующемъ вооруженными силами юга Россіи, и Н. И. Астровъ въ ихъ числѣ, вольны были думать, что Учредительнаго Собранія стараго состава «вообще не существуетъ и строить на немъ всероссійскую власть — значитъ и себя и другихъ вводить въ величайшее заблужденіе». Но это ни въ какой мѣрѣ не было ни обязательно, ни убѣдительно для участниковъ Государственнаго совѣщанія въ Уфѣ. Больше того: именно *это мнѣніе* и было «величайшимъ заблужденіемъ», такъ какъ оно наглядно опровергалось *фактомъ* существованія фронта Учредительнаго Собранія и самарскаго правительства. Эти факты учитывали не одни только эс-эры съ эс-деками и «мусульманскими правительствами», какъ нѣсколько пренебрежительно регистрируетъ историкъ Мельгуновъ. И близкій къ послѣднему Ф. З. Чембуловъ, оцѣнивая, въ качествѣ оффиціальнаго представителя

---

*) Говорить поэтому объ «измѣнѣ эс-эровскаго Центральнаго Комитета Союзу Возрожденія», — какъ это дѣлаетъ совѣтскій историкъ В. Владимирова (цит. сочин., стр. 324), никакъ не приходится.

трудовой народно - соціалистической партіи, сложившуюся обстановку, не могъ не отмѣтить публично передъ всѣмъ совѣщаніемъ «великую заслугу Комитета Учредительнаго Собранія, взявшаго на себя почннъ возсозданія нашей разсыпанной государственности» (см. «Русскій Историческій Архивъ — Прага. 1929 — Сборникъ I, стр. 92).

И развѣ не характерно, что какъ разъ делегатъ Союза Возрожденія, которымъ былъ ген. Болдыревъ, явился авторомъ того компромисса, который, будучи принятъ совѣщаніемъ, привелъ въ конечномъ счетѣ всѣ стороны къ соглашенію, а не къ разрыву. Болдыревъ пояснилъ въ согласительной комиссіи, почему онъ отступилъ отъ своего первоначальнаго «непризнанія Учредительнаго Собранія настоящаго созыва»: — потому что «группѣ членовъ Учредительнаго Собранія удалось возглавить собою движеніе, изыскивающее способы возрожденія Россіи» (стр. 130 стенограммы). Фактическая обстановка — военная, политическая, психологическая — заставила Болдырева, лично весьма мало расположеннаго къ эс-эрамъ и къ КОМУЧ-у, предложить совѣщанію признать, что «никѣмъ не отрицаются заслуги Учредительнаго Собранія настоящаго созыва», — того самаго, которое для Астрова въ его екатеринодарскомъ далекѣ «вовсе не существовало». Обстановка понудила къ этому Болдырева, *несмотря* на то, что онъ склоненъ былъ понимать «недоговоренную» и «каучуковую» платформу Союза Возрожденія въ томъ же смыслѣ, что и Мякотинъ, Астровъ и другіе, т. е. что въ основѣ ея лежитъ соглашеніе о созывѣ новаго Учредительнаго Собранія, а не уже существующаго, какъ это считали само собой разумѣющимся входившіе въ Союзъ Возрожденія въ Москвѣ эс-эры: Авксентьевъ, Аргуновъ, Бунаковъ, Вишнякъ, Моисеенко и др.

И когда сейчасъ, уже изъ историческаго далека, Мельгуновъ вновь повторяетъ вопросъ Деникина и Астрова: «кто въ сущности уполномочилъ Болдырева итти на компромиссъ отъ имени коалиціонной группировки?» — отвѣтъ на вопросъ простъ и неотразимъ: *жизнь! Та обстановка*, которая сложилась въ Заволжьи къ осени 18 года, и которую, конечно, никакая «группировка» не была въ состояніи предусмотрѣть заранѣе во всѣхъ подробностяхъ.

Самый фактъ возникновенія фронта Учредительнаго Собранія, во имя котораго боролись и умирали, какъ и фактъ появленія власти КОМУЧ-а, которую признавали и которой подчинялись, свидѣтельствовали неопровержимо о томъ, какъ и «не желая отрываться отъ дѣйствительности», Пфули и Вейротеры русской гражданской войны фатально отрывались отъ этой дѣйствительности тѣми схемами и диспозиціями, которыя вырабатывались ими впрокъ, и отступать отъ которыхъ они ни въ какомъ случаѣ не дозволяли другимъ, но не себѣ.

IX. — ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДИРЕКТОРІИ

Омская обстановка. — Реальная сила и сила идей. — «Учредиловцы» на сѣверѣ, на югѣ и на востокѣ. — Переворотъ 2-го августа въ Архангельскѣ. — Убійство Б. Н. Моисеенко въ Омскѣ. — Воззваніе с. - р. - овскаго Ц. К. и правые заговорщики. — За нѣсколько часовъ до международнаго признанія власти Директоріи. — Переворотъ 18 ноября. — Арестъ членовъ Директоріи въ Омскѣ. — Арестъ членовъ Учредительнаго Собранія въ Екатеринбургѣ и Самарѣ. — Убійства «учредиловцевъ» въ Омскѣ и на Байкалѣ. — Конецъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія перваго призыва.

1.

Директоріи отпущенъ былъ очень короткій срокъ жизни — меньше двухъ мѣсяцевъ. Съ перваго же дня ея существованія недруги стали метать жребій о ея ризахъ... Съ такимъ трудомъ налаженный компромиссъ, какъ и самый авторитетъ новой власти, стали подрывать, хотя и въ разныхъ цѣляхъ и несравнимыми средствами, — но съ обоихъ крайнихъ фланговъ одновременно.

За совершенно ничтожными исключеніями почти все, что стояло по правую сторону отъ Директоріи, свои расчеты связывало съ такъ называемой «реальной силой», — въ частности, съ прославленной въ Сибири буйной вольницей и атаманщиной, которая и знать и слышать не хотѣла ни о какихъ общественныхъ сговорахъ и мирныхъ соглашеніяхъ и, проникнутая патріотической увѣренностью въ возможность возстановленія Россіи только силою огня и меча, проявляла нескрываемое презрѣніе и отталкиваніе отъ не - единоличной, и въ большинствѣ своемъ глубоко штатской, власти.

Своей резиденціей Директорія избрала послѣ недолгихъ, но мучительныхъ колебаній — Омскъ. Этотъ выборъ оказался роковымъ. Диктовался онъ, однако, многими мотивами. Желаніемъ дѣйствовать изъ болѣе центральнаго, а не прифронтоваго пункта, какими были Уфа или Екатеринбургъ. Можетъ быть, опасеніемъ — и оно хорошо иллюстрируетъ отношеніе къ новой власти со стороны сибирской «общественности», —

«какъ бы Омскъ не постарался сдать большевикамъ Екатеринбургъ вмѣстѣ съ Директоріей», «не будетъ ли болѣе разумнымъ для единства борющейся съ большевиками стороны избавиться отъ такой части, какъ Уралъ, и отдать ее большевикамъ», — какъ передаетъ слова и настроенія омскаго лидера к. - д. Жардецкаго членъ Ц. К. той же партіи Л. Кроль (см. «За три года» стр. 151 и 140). Играло нѣкоторую роль, вѣроятно, и желаніе покончить съ неопредѣленностью и выяснить положеніе. «Мы должны сунуться волку въ пасть: или онъ насъ съѣстъ или онъ нами подавится», — говорилъ тому же Кролю Авксентьевъ. И, главное и несомнѣнное, — къ такому рѣшенію толкала необходимость возможно скорѣе получить въ свои руки правительственный аппаратъ, лучше всего, казалось, налаженный въ Омскѣ.

Каковы бы ни были мотивы, — но омскій «волкъ» не подавился Директоріей, а въ лицѣ испытаннаго спеціалиста по устройству заговоровъ, арестовъ и проч. полк. Волкова и не менѣе его прославленныхъ атамановъ Красильникова и Катанаева, вдохновляемыхъ и поощряемыхъ сибирской «общественностью», правыми к.-д., торгово - промышленными и монархическими кругами, — самъ Директорію «съѣлъ». Облеченные «всей полнотой верховной власти на всемъ пространствѣ государства Россійскаго» оказались въ Омскѣ плѣнниками своего аппарата, которому пришелъ на помощь глава этого аппарата и сибирскаго правительства членъ Директоріи Вологодскій.

Какъ уже упоминалось, судьбу областныхъ правительствъ уфимское государственное совѣщаніе предоставило «мудрости» избраннаго совѣщаніемъ Всероссійскаго правительства. Связанный ближайшимъ образомъ съ самарскимъ правительствомъ, КОМУЧ самоупразднился уже въ самомъ началѣ октября. Новый «государственно - правовой» органъ — *Съѣздъ* членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія избралъ своей резиденціей Екатеринбургъ. Самарское же правительство оставило для завершенія текущихъ дѣлъ нѣсколькихъ «управляющихъ вѣдомствами», объединенныхъ въ Совѣтъ управляющихъ.

Иначе сложились отношенія съ омскимъ правительствомъ. Добиться отъ административнаго совѣта самоупраздненія оказалось несравненно труднѣе и сложнѣе.

Административный совѣтъ въ Омскѣ отказался признать безоговорочно власть избраннаго въ Уфѣ всероссійскаго правительства. Онъ вступилъ на путь условнаго признанія и сталъ съ нимъ договариваться, какъ якобы равноправная въ спорѣ сторона, о порядкѣ своей ликвидаціи подъ условіемъ, что до того окончательно будетъ ликвидирована сибирская Областная Дума, и о кандидатахъ въ члены правительства, которое Директорія, въ качествѣ коллегіальнаго носителя верховной власти, формировала при себѣ. Договорившись одинъ разъ на уфимскомъ совѣщаніи, сибирское правительство стало вторично договариваться въ Омскѣ съ избранной уфимскимъ совѣщаніемъ Директоріей. Совмѣстно съ административнымъ совѣтомъ сибирское правительство предъявило Директоріи тезисы по вопросу объ упраздненіи и возстановленіи областныхъ правительствъ. Сибирское правительство соглашалось на ликвидацію его, какъ правительства областно-

го, но *подъ условіемъ,* — чтобы «формированіе совѣта министровъ опредѣлялось совмѣстно всероссійскимъ правительствомъ (т. е. Директоріей) и сибирскимъ правительствомъ *по обоюдному соглашенію*», — вспоминаетъ безъ особаго раскаянія и возмущенія представлявшій сибирское правительство на уфимскомъ совѣщаніи И. И. Серебренниковъ («Сибирскій Архивъ» I, стр. 17).

Такъ умиравшіе въ качествѣ членовъ Сибирскаго правительства воскресали къ новой жизни, уже въ качествѣ членовъ всероссійскаго правительства, тѣ же Сапожниковъ, Старынкевичъ, Серебренниковъ, Гаттенбергъ, Зефировъ и т. д., которые впослѣдствіи сами же санкціонировали сверженіе «верховной власти», при которой состояли, сохранивъ свои посты и при «верховномъ правителѣ» — Колчакѣ.

Насколько далека была Директорія отъ того, чтобы руководиться партійными «лѣвыми» симпатіями, показываетъ, въ частности, тотъ фактъ, что она по собственной иниціативѣ предложила постъ военнаго министра адмиралу Колчаку...

Уступая давленію и ультиматумамъ, Директорія вынуждена была согласиться на включеніе въ составъ своего совѣта министровъ «штатскаго Наполеона», по выраженію Болдырева, Ив. Михайлова, несмотря на связанные съ его именемъ арестъ и убійство Новоселова и прочія дѣянія. Въ захваченномъ у Зензинова послѣ ареста «Дневникѣ», обильно — и безцеремонно — использованномъ Гинсомъ, подъ 29 октября 18 года занесено: «Авксентьевъ и я заявили о своей готовности уйти въ отставку (если сибирское правительство будетъ настаивать на включеніе въ составъ всероссійскаго правительства Ив. Михайлова, а не Роговскаго), благодаря чему всероссійское правительство разсыплется... Вмѣстѣ съ гибелью всероссійскаго правительства потерпитъ крахъ послѣдняя попытка созданія единой центральной власти и неизбѣжна будетъ гражданская война. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при вхожденіи Михайлова, этого символа и дѣйствительнаго руководителя всей «сибирщины», — какой смыслъ имѣетъ нахожденіе въ составѣ всероссійскаго правительства представительства демократіи? Вотъ трагическій вопросъ, изъ котораго необходимо найти выходъ». Подъ давленіемъ своихъ товарищей эс-эровъ: Аргунова, Ракова, Роговскаго, Кругликова, Мазина, Пумпянскаго, Архангельскаго, которые «соглашались на вхожденіе Михайлова, лишь бы только не распадалась всероссійская власть», Авксентьевъ съ Зензиновымъ уступили, — «хотя и понимали прекрасно, что Михайловъ окажется для всероссійскаго правительства роковымъ человѣкомъ, что онъ погубитъ всероссійскую власть», записалъ Зензиновъ за три недѣли до того, какъ событіе это произошло.

Предсѣдательствовать въ этомъ, по существу томъ же сибирскомъ, переименованномъ во всероссійское, правительствѣ поручено было прежнему предсѣдателю сибирскаго правительства, члену Директоріи Вологодскому.

Однако и эти уступки, приближавшія Директорію, въ отступленіе отъ уфимскаго соглашенія, почти къ капитуляціи передъ правымъ секторомъ совѣщанія, возглавлявшимся и въ Уфѣ тѣми же сибиряками, — оказались недостаточны. Онѣ не удовлетворяли правую «обществен-

ность», а только вызывали съ ея стороны новыя домогательства и новый напоръ на Директорію, какъ «ставленницу эс-эровъ» и «эс-эровскаго» Учредительнаго Собранія.

За три съ лишнимъ недѣли до сверженія Директоріи на собраніи омскихъ к. - д. участникъ заговора, впослѣдствіи разстрѣлянный одновременно съ адмираломъ Колчакомъ, В. Н. Пепеляевъ характеризовалъ уфимское совѣщаніе, какъ «побѣду антигосударственныхъ элементовъ», а въ принятой резолюціи тѣ же омскіе кадеты вновь высказались въ пользу «единоличной диктатуры», считая очередной задачей своей партіи содѣйствіе «освобожденію страны отъ тумана неосуществимыхъ лозунговъ (завоеванія февральской революціи, вся власть Учредительному Собранію и т. д.), каковые являются въ данныхъ условіяхъ пагубными фикціями, самообманомъ и обманомъ». — На объединенномъ засѣданіи губернскихъ комитетовъ партіи к. д. будущій защитникъ полк. Волкова и атамановъ Красильникова и Катанаева присяжный повѣренный Жардецкій огласилъ 29 пунктовъ, при помощи которыхъ омскій «блокъ» рѣшилъ «извести» Директорію, предъявляя ей одно требованіе за другимъ. Одновременно съ этимъ к.д.-скіе делегаты въ Уфѣ объявлены были «партійными предателями и измѣнниками» (см. «За три года», стр. 151-152).

Уфимское отвѣтвленіе московскаго «Національнаго Центра» — такъ называемый «Всероссійскій Національный Союзъ», во главѣ съ Бѣлоруссовымъ и Савинковымъ, объявилъ диктатуру «формой организаціи власти», наиболѣе отвѣчающей моменту и цѣлямъ «объединенія и упорядоченія Россіи». Открыто усиливалась и монархическая пропаганда. При обсужденіи въ сибирской областной Думѣ предложенія объ окончательномъ прекращеніи ея занятій — для защиты этого предложенія въ Томскъ выѣзжалъ Авксентьевъ — лѣвое, соціалистическое *большинство* Думы вняло предложенію, а справа изъ устъ проф. Вейнберга раздалось неожиданное заявленіе, что сибирское населеніе «жаждетъ царя». На улицахъ и въ кабакахъ офицеры распѣвали «Боже царя храни». Скандальное пѣніе царскаго гимна произошло и на оффиціальномъ раутѣ въ честь прибывшаго англійскаго отряда: полупьяные офицеры, предводительствуемые все тѣмъ же «командиромъ партизанскаго отряда» воинскимъ старшиной Красильниковымъ, подъ наведенными револьверами, заставили оркестръ играть гимнъ, а собравшихся стоять и слушать.

Время отъ времени на улицахъ Омска находили трупы офицеровъ, неизвѣстно кѣмъ и почему — съ провокаціонной цѣлью или въ отместку — убитыхъ. Среди бѣла дня, 24 октября, внезапно исчезъ членъ Учредительнаго Собранія» и «Союза Возрожденія» и секретарь уфимскаго совѣщанія, правый с.-р. Б. Н. Моисеенко. Онъ былъ завлеченъ въ автомобиль на одной изъ главныхъ улицъ Омска, увезенъ, замученъ и убитъ. Совершенно такъ же, какъ это случилось при похищеніи ген. Кутепова 12 лѣтъ спустя... Парижъ 30 года имѣлъ свой аналогъ или прецедентъ въ Омскѣ 18-го г.

Среди версій, которыя пытались объяснить «загадочное» похищеніе Моисеенко, «стоустая молва», по выраженію Мельгунова, распро-

странила и ту, что Моисеенко — «жертва организаціи, поставившей себѣ цѣлью уничтожить членовъ У. С., дабы оно не могло собраться въ прежнемъ (нужномъ? — *М. В.)* числѣ». Эту версію Мельгуновъ считаетъ неубѣдительной и недоказанной. Для него — «скорѣе всего это было уголовное преступленіе на почвѣ, конечно, грабежа». Для Мельгунова даже «слѣды истязаній», обнаруженные на трупѣ, брошенномъ въ Иртышъ, — но не *найденномъ* — «лишь подтверждаютъ версію о грабежѣ». («Трагедія адмирала Колчака», II, стр. 65).

Большее, на что готовъ итти историкъ Мельгуновъ въ своей не столько исторической, сколько партійно - политической тяжбѣ съ эсэрами, это, — что «во всякомъ случаѣ исторія гибели Моисеенко никѣмъ не выяснена». Но и это его утвержденіе несправедливо и фактически невѣрно, поскольку Мельгуновъ цитируетъ, но ни однимъ словомъ не опровергаетъ показаній, приведенныхъ Д. Ф. Раковымъ въ его брошюрѣ «Въ застѣнкахъ Колчака».

На основаніи негласнаго разслѣдованія, произведеннаго Ан. Сперанскимъ, и другого «безусловно достовѣрнаго источника», Раковъ еще въ 19 году утверждалъ, что Моисеенко палъ первой жертвой монархической, строго законспирированной организаціи, имѣвшей повсюду свои развѣтвленія, а среди своихъ задачъ — и «физическое уничтоженіе» членовъ Учредительнаго Собранія. Въ Омскѣ эта организація именовала себя, въ цѣляхъ конспираціи, Михайловскимъ обществомъ охоты и рыболовства. Въ организацію входили всѣ дѣятели «союза землевладѣльцевъ», а изъ военныхъ: ген. Розановъ, кап. Крашенинниковъ, ген. Лебедевъ, Бѣловъ, Ивановъ - Риновъ, Красильниковъ, Анненковъ, Семеновъ, Калмыковъ и др. Раковъ приводитъ и фактическій составъ самаго преступленія. Схваченный около 6 часовъ на улицѣ близъ Коммерческаго клуба, Моисеенко былъ отвезенъ на одну изъ офицерскихъ квартиръ, повидимому, на квартиру капитана Крашенинникова (сына извѣстнаго предсѣдателя петербургской судебной палаты), съ которымъ Ракову одно время довелось сидѣть рядомъ на гарнизонной гауптвахтѣ г. Омска. Отъ Моисеенко добивались узнать, гдѣ касса съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія (не отсюда ли и сохранившаяся до сего времени легенда объ «уголовномъ преступленіи на почвѣ, конечно (!), грабежа»?). При этомъ его пытали. «Пытка продолжалась часовъ шесть - семь. Наконецъ, его, измученнаго, просто задушили, а трупъ бросили въ Иртышъ» («Въ застѣнкахъ Колчака», стр. 19-20).

Сколь ни загадочно похищеніе Моисеенко, какъ ни не выяснена полностью эта исторія, — въ свѣтѣ *послѣдующихъ,* тоже до конца не выясненныхъ убійствъ и расправы съ членами Учредительнаго Собранія, версія, откидываемая безъ дальнѣйшаго Мельгуновымъ, пріобрѣтаетъ всѣ признаки убѣдительности.

Во всякомъ случаѣ, и Мельгуновъ не въ силахъ оспорить записи въ Дневникѣ ген. Болдырева подъ 26 октября: «Въ городѣ убійство. Безъ вѣсти пропалъ Б. Н. Моисеенко»; и рядомъ — «Въ помѣщеніи, гдѣ происходятъ засѣданія Директоріи, былъ какой - то офицеръ, посланный будто бы Розановымъ собрать адреса членовъ Учредительнаго Собранія. Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что офицеръ этотъ членъ

какой - то военной организаціи, руководимой капитаномъ Головинымъ, имѣющей связь съ штабомъ Сибирской арміи. Розановъ заявилъ, что это провокація».

2.

Съ перемѣщеніемъ Директоріи въ Омскъ она не только попадала въ «осиное гнѣздо» сибирской атаманщины и вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость отъ своего же собственнаго «аппарата» и окружающей ее общественности, но и выходила изъ всякаго вліянія и даже непосредственнаго общенія съ тѣми, кто замѣнилъ КОМУЧ, т. е. со Съѣздомъ членовъ У. С., обосновавшимся въ Екатеринбургѣ.

Этотъ лѣвый контрагентъ уфимскаго совѣщанія, естественно, не склоненъ былъ отказаться отъ своихъ политическихъ цѣлей безъ борьбы и заявилъ свои претензіи въ первую очередь единомышленникамъ, вошедшимъ въ составъ Директоріи, — Авксентьеву и Зензинову. Каждая лишняя уступка Директоріи омскому давленію воспринималась въ Екатеринбургѣ очень болѣзненно, усиливая впечатлѣніе, что Директорія дѣлаетъ дѣло не всего коллектива, избравшаго его въ Уфѣ, а только одной его правой части, что она «не наша». Однако уподобить КОМУЧ Омску и сказать о нихъ одинаково, что они не были склонны считаться съ вынесенными Уфимскимъ Съѣздомъ рѣшеніями, — какъ это говоритъ П. Н. Милюковъ въ своемъ некрологѣ о Л. А. Кролѣ («Послѣднія Новости» отъ 24.IV. 931 г.), — совершенно неосновательно.

Никакой текущей политической работой Съѣздъ не былъ занятъ. Онъ существовалъ для будущаго, осуществляя свое единственное назначеніе — изыскивать мѣры и средства для переброски членовъ Учредительнаго Собранія изъ совѣтской Россіи на территорію, подвластную Директоріи. Это связано было съ огромными трудностями и требовало рессурсовъ, которыми Съѣздъ не располагалъ. За время пребыванія въ Екатеринбургѣ удалось перевести черезъ фронтъ всего одного члена учредительнаго Собранія. Самый «съѣздъ» находился въ текучемъ состояніи: его участники то и дѣло отлучались въ Томскъ, Омскъ и Самару для текущей работы въ правительственныхъ, земско - городскихъ и партійныхъ учрежденіяхъ.

Недовольство дѣйствіями — бездѣйствіемъ и попустительствомъ — Директоріи осложнялось ощущеніемъ безцѣльности компромисса, заключеннаго въ Уфѣ въ расчетѣ на двустороннюю обязательность уступокъ и жертвъ. Упало настроеніе у рядовыхъ участниковъ уфимскаго совѣщанія. Измѣнилось настроеніе и отношеніе и въ руководящемъ партійномъ органѣ эс-эровъ. Съ появленіемъ за Волгой В. М. Чернова и Н. И. Ракитникова и численно, и по своему вліянію, усилился лѣвый секторъ эс-эровскаго Ц. К., и раньше противившійся или по меньшей мѣрѣ опасливо относившійся къ «соглашенію съ буржуазіей» въ Уфѣ. Не аннулируя и не отказываясь отъ принятыхъ въ Уфѣ постановленій, Ц. К. обратился 22 октября «Ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ» съ воззваніемъ, которое позднѣе, послѣ переворота 18 ноября, противники Директоріи справа использовали въ качествѣ морально - историческаго опра-

зданія факта сверженія Директоріи, якобы только предупредившаго сверженіе Директоріи и захватъ власти, подготовлявшіеся слѣва, эс-эрами (см. Оффиціальное сообщеніе информаціоннаго отдѣла штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 21.XI 918 г., въ которомъ «самочинный арестъ» членовъ Директоріи ставился въ прямую и «несомнѣнную связь названныхъ членовъ Директоріи съ политическими дѣятелями, ведущими антигосударственную дѣятельность и работу по агитаціи въ молодой русской арміи съ цѣлью ея разложенія и созданія чисто партійнаго войска въ соотвѣтствіи съ пущенной въ Уфѣ прокламацiей комитета партіи соціалистовъ - революціонеровъ». — Перепечатано въ Сборникѣ документовъ: «Государственный переворотъ адмирала Колчака», изданномъ В. Зензиновымъ. — Парижъ, 1919 г).

Въ этомъ, имѣвшемъ историческія послѣдствія, воззваніи говорилось между прочимъ, что «главная побѣда партіи на Уфимскомъ совѣщаніи, выразившаяся въ признаніи послѣднимъ правомочности Учредительнаго Собранія настоящаго созыва, грозитъ стать чисто номинальной въ виду того, что своими послѣдними заявленіями руководящіе круги казачества и кадетскіе сторонники сибирской оріентаціи какъ бы совершенно игнорируютъ всѣ принятыя ими на себя въ Уфѣ общеполитическія обязательства». Перечисливъ «промахи» и «проявленія слабости и нерѣшительности» Директоріи: территоріальное разлученіе со Съѣздомъ членовъ У. С., передача важнѣйшихъ общегосударственныхъ функцій соотвѣтствующимъ министерствамъ сибирскаго правительства, подтвержденіе роспуска сибирской областной Думы, безнаказанность вдохновителей замышляемаго въ Омскѣ контръ - революціоннаго заговора, возстановленіе погонъ и дисциплины стараго типа, попытка ликвидаціи агитаціонно - культурно - просвѣтительной работы въ арміи и цѣлый рядъ личныхъ назначеній, отдающихъ армію въ руки реакціонныхъ генераловъ и атамановъ, — воззваніе продолжаетъ: «*Несмотря* на эти промахи и проявленіе слабости и нерѣшительности, партія с.-р., въ соотвѣтствіи съ принятыми ею на себя въ Уфѣ обязательствами, *продолжаетъ всемѣрно поддерживать центральное правительство въ его борьбѣ съ комиссаро - державіемъ и готова оказать ему такую же всемѣрную поддержку въ борьбѣ съ реакціонно - авантюристическими группами,* въ руки которыхъ мѣстами попала областная власть и которая стремится сдѣлать власть всер. врем. правительства чисто номинальной. Партія с. - р. далѣе готова оказать врем. правительству *всемѣрную поддержку въ дѣлѣ отстаиванія демократической свободы и независимости Россіи и установленія нормальныхъ отношеній съ союзниками* при условіяхъ, обезпечивающихъ страну отъ того, чтобы занятіе ея территоріи иностранными войсками не имѣло своимъ послѣдствіемъ ограниченіе ея суверенитета».

Далѣе слѣдовало то, что, по мнѣнію ген. Болдырева, занесенному имъ въ дневникъ, — «съ точки зрѣнія партіи можетъ быть и слѣдовало дѣлать, но о чемъ цѣлесообразнѣе было помолчать»: «Независимо отъ силъ и готовности временнаго правительства даннаго состава энергично дѣйствовать во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, центромъ тяжести своей тактики партія с. - р. должна сдѣлать собираніе собственныхъ и

примыкающихъ къ ней демократическихъ силъ вокругъ Учредительнаго Собранія и его преддверія — Съѣзда членовъ У. С.»

Еще менѣе осторожнымъ, по выраженію Болдырева, было, наконецъ, указаніе, что «въ предвидѣніи возможности политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контръ - революціи, всѣ силы партіи въ настоящій моментъ должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовыми выдержать удары контръ - революціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противобольшевистскаго фронта. Работа по собиранію, сплоченію, всестороннему политическому инструктированію и чисто военная мобилизація силъ партіи должна явиться основой дѣятельности Центральнаго Комитета, давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія». (Полностью воззваніе приведено въ статьѣ *С. Н. Николаева* «Конецъ КОМУЧ-а» въ № 45 «Совр. Записокъ»).

По части «предвидѣнія» воззваніе оказалось болѣе чѣмъ дальновиднымъ: заговоръ противъ Директоріи и переворотъ 18 ноября произошелъ какъ «по писанному»... еще 22.X въ воззваніи эс-эровскаго Ц.К Но по части практической подготовки къ предотвращенію «предвидѣннаго» сдѣлано ничего не было: отчасти за краткостью отпущеннаго исторіей времени, а отчасти и вслѣдствіе самаго факта оглашенія во всеобщее свѣдѣніе эс-эровскаго прогноза и мѣръ, которыми Ц. К. расчитывалъ предотвратить готовившійся переворотъ. Болдыревъ правильно занесъ въ свой дневникъ отъ 7 ноября: «въ сущности это были пока только слова, клочекъ бумаги, и не въ нихъ весь вредъ неосторожно появившейся прокламаціи. Вредъ въ томъ, что она оказалась сильнымъ козыремъ въ рукахъ сибирскаго правительства: недаромъ съ такимъ торжествомъ объявилъ объ ней въ Директоріи Вологодскій... И это въ то время, когда слѣдственная комиссія Аргунова не могла напасть на истинныхъ виновниковъ дѣйствительныхъ событій 21-22 сентября. Михайловъ и К-о дѣйствовали энергично, оставаясь, тѣмъ не менѣе, формально неуязвимыми, а Ц. К. с. - р. выдавалъ себя съ головой».

Правые круги омской общественности усиленно распространяли эс-эровское воззваніе. Именно отъ этихъ круговъ дошелъ текстъ воззванія въ первыхъ числахъ ноября и до членовъ Директоріи, принадлежавшихъ къ партіи с. - р. Для того, чтобы отвратить отъ Директоріи въ цѣломъ и отъ отдѣльныхъ ея сочленовъ нависшую надъ ними угрозу, Директорія единодушно постановила поручить министру юстиціи въ качествѣ генералъ - прокурора разслѣдовать это дѣло. Одновременно и столь же единодушно поручено было Болдыреву, уѣзжавшему на фронтъ,«принимать самыя суровыя мѣры, до разстрѣла включительно, противъ лицъ, которыя будутъ уличены въ разложеніи арміи и созданіи внутри ея какихъ - либо партійныхъ вооруженныхъ организацій» (Сборникъ Зензинова, стр. 193). Эс-эровскому Ц. К. члены Директоріи с.-р.-ы заявили о «совершенной недопустимости подобнаго рода обращеній, грозящихъ самыми печальными послѣдствіями»*).

---

*) Отошедшій впослѣдствіи отъ партіи с.-р. **Н. В. Святицкій** въ своемъ

Это не предотвратило того, что «всѣмъ государственно - мыслящимъ элементамъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ, очевидно стало, что посредствомъ соціалистической части Директоріи говоритъ и дѣйствуетъ Центральный Комитетъ партіи с.-р., руководимый противогосударственной его группой», которая въ своемъ обращеніи призываетъ не къ чему иному, какъ къ «вооруженной борьбѣ съ верховной властью», т. е. Директоріей, — какъ гласило болѣе позднѣе оффиціальное сообщеніе правительства адм. Колчака, выпущенное въ февралѣ 19 г. (см. Сборникъ документовъ, стр. 37 и 172).

При этомъ слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что за все время своего существованія Директорія всегда выступала солидарно и едино. Въ случаяхъ же расхожденій разграничительная линія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ проходила не между «лѣвой» или «соціалистической» частью Директоріи и «частью не-соціалистической» — это разграниченіе доктринерское и вымышленное, а между *четырьмя* и *однимъ* — Вологодскимъ. Бывали, конечно, и другія сочетанія. Но, какъ правило, к. д. Виноградовъ чаще ген. Болдырева соглашался съ Авксентьевымъ и Зензиновымъ. «Онъ то голосовалъ вмѣстѣ съ Авксентьевымъ и Зензиновымъ, то вмѣстѣ съ Болдыревымъ и Вологодскимъ, то начиналъ настаивать на своемъ», — свидѣтельствуетъ въ своихъ «личныхъ воспоминаніяхъ» о «С. - Р. и Колчаковскомъ переворотѣ» Ю. Ключниковъ (см. смѣновѣховскую газету «Наканунѣ» № 7 отъ 2.IV. 922 г. — Берлинъ). Случалось и «соціалистической части» раздѣляться на ся, и рѣшеніе принималось «всѣми противъ Н. Д. Авксентьева», какъ регистрировалъ Зензиновъ въ своемъ дневникѣ.

Существованіе особой «соціалистической части» Директоріи есть *мифъ*, пущенный въ оборотъ противниками Директоріи и поддерживаемый и сейчасъ въ работахъ, называющихся «историческими» и якобы стремящихся «только констатировать факты». Еще менѣе «историковъ» связанные фактами беллетристы, естественно, болѣе свободны въ своихъ утвержденіяхъ. Такъ И. А. Бунинъ, вѣроятно, и по сей день убѣжденъ что «усилія Самарскаго правительства, равно какъ и послѣдовавшей за нимъ Директоріи, устремлялись исключительно къ созданію единаго соціалистическаго фронта и къ компромиссамъ съ большевиками» («Общее Дѣло». — Парижъ 23.XII. 920 г.).

Можно рѣзко осуждать — и осудить — дѣйствія большинства эсэровскаго Ц. К., не отдавшаго себѣ твердаго отчета въ томъ, что Директорія, исторически единственно данная и послѣдняя попытка демокра-

---

«Очеркѣ событій на Востокѣ Россіи въ сентябрѣ - декабрѣ 1918 г.» указываетъ, что еще при разработкѣ «Положенія» о съѣздѣ членовъ Всер. Учр. Собранія, 26 сентября онъ, Святицкій, «особенно настаивалъ на предоставленіи съѣзду права имѣть свою, т. е. организованную самимъ съѣздомъ и состоящую исключительно подъ его властью воинскую охрану». Однако уже тогда Авксентьевъ и Зензиновъ «рѣзко запротестовали» противъ такого спеціальнаго батальона, заявивъ, что «въ государствѣ всякія воинскія части могутъ состоять въ непосредственномъ распоряженіи только самого правительства» (См. «Къ Исторіи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». — Москва. 1921, стр. 17).

тическаго возглавленія борьбы съ большевиками, и потому требуетъ къ себѣ сугубо - бережнаго и сочувственнаго отношенія. Можно признать недальновиднымъ, безтактнымъ и политически вреднымъ воззваніе, выпущенное и опубликованное эс - эровскимъ Ц. К. и тогда же встрѣтившее рѣзкій печатный протестъ со стороны праваго крыла «Съѣзда» во главѣ съ Е. Е. Лазаревымъ, Д. С. Розенблюмомъ, С. М. Лотошниковымъ, В. В. Подвицкимъ, В. Е. Павловымъ, Н. П. Огановскимъ и др. (см. *К. Буревой:* Распадъ. — Москва. 1923 г., стр. 36). Но какъ бы ни былъ суровъ приговоръ по отношенію къ эс-эровскому Ц. К. все же, и при самомъ инквизиціонномъ процессѣ, ему нельзя вмѣнить ничего большаго, чѣмъ обнаруженіе умысла, или, говоря технически - юридическимъ языкомъ, — даже не покушеніе на переворотъ, а лишь *приготовленіе* къ нему. И совершенно очевидно, что съ этимъ дѣяніемъ*) совершенно несравнимо законченное преступленіе или полный составъ государственнаго переворота съ физическимъ насиліемъ надъ носителями верховной власти, какимъ было событіе 17-18 ноября 18 г. Только при безоговорочно отрицательномъ отношеніи къ физическимъ и моральнымъ участникамъ переворота 18 ноября допустимо вообще какое - либо осужденіе тактики лѣвыхъ «учредиловцевъ», — тактики политически вредной, но исторіей, увы, оправданной.

Ибо что можно возразить Зензинову, когда уже изъ зарубежнаго и историческаго далека онъ писалъ: «правы, увы, оказались тѣ изъ соціалистовъ, которые... предостерегали противъ коалиціи съ буржуазіей, заранѣе убѣжденные въ коварствѣ и измѣнѣ послѣдней, въ неспособности понять глубокій смыслъ происходящихъ революціонныхъ событій. Исторія оправдала ихъ недовѣріе» (см. газету «Воля Россіи» № 67 за 1920 г.)?!

Пусть Директорія недостаточно учитывала тотъ ударъ въ спину, который ей готовили «черновцы». Но нанесли непоправимый ударъ — не только Директоріи, но и всему дѣлу борьбы съ большевиками — вѣдь не «черновцы», а «колчаковцы»! И этого тоже «со страницъ исторіи изъять нельзя».

Нельзя изъять и другого. Пусть подрывную работу противъ власти вели и правые, и лѣвые: правые противъ Директоріи, лѣвые позднѣе — противъ верховнаго правителя. Но была между тѣми и другими та громадная разница, что «правые», въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, совмѣстили свою борьбу противъ власти съ предательствомъ, тогда какъ «профессіональные подрыватели» находились въ открытой враждѣ и борьбѣ противъ власти верховнаго правителя съ перваго же дня ея образованія. Надо помнить, что Колчакъ и всѣ его министры *до* того, какъ

---

*) Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ разслѣдованіе дѣла объ эс-эровскомъ воззваніи было поручено генералъ - прокурору, Зензиновъ, въ присутствіи Авксентьева, освѣдомился у Старынкевича, въ какомъ положеніи дѣло? Тотъ отвѣтилъ: «все это дѣло раздуто, и, повидимому, никакого состава преступленія въ обращеніи Ц. К. найдено не будетъ» (см. Сборникъ документовъ, стр. 93). — То же подтвердилъ впослѣдствіи въ своемъ парижскомъ докладѣ и Ключниковъ: «прокламаціи нельзя приписывать рѣшающее значеніе» (у С. Мельгунова ч. II, стр. 91).

стать министрами верховнаго правителя, были и оставались на службѣ министрами Директоріи. И въ Архангельскѣ, какъ и въ Омскѣ, переворотчики были не только внѣ тѣхъ силъ, на которыя опиралась власть «верховнаго управленія сѣверной области», но и въ самомъ правительствѣ и главномъ командованіи.

3.

Омскій переворотъ явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи гражданской войны. Послѣ 18 ноября 18 г. по иному переставились участвовавшіе въ борьбѣ противъ большевиковъ силы, по иному и надолго установились отношенія между партіями, до того болѣе или менѣе согласно выступавшими противъ совѣтской власти.

П. Н. Милюковъ въ общемъ правильно резюмируетъ послѣдствія переворота, когда пишетъ: «послѣ изгнанія Авксентьева умѣренная часть с. р. совершенно стушевалась, а среди к. д. послѣ ухода Виноградова, окончательно возобладали правыя настроеінія. Элементы возможнаго умѣренаго центра были отброшены переворотомъ 18 ноября къ противоположнымъ полюсамъ политической жизни. На сцену выступили крайніе фланги, немедленно вступившіе другъ съ другомъ въ самую острую борьбу» («Россія на переломѣ», т. II, 53). Въ выигрышѣ отъ того оказались одни только большевики.

Бар. Будбергъ, одно время управлявшій военнымъ вѣдомствомъ при верховномъ правителѣ, назвалъ, въ своемъ чрезвычайно поучительномъ «Дневникѣ», сибирскихъ эс-эровъ «безплатными сотрудниками для большевиковъ». Если смотрѣть спокойнѣе въ историческую глубь и хронологическую даль*), нельзя не увидѣть, что роль такихъ «безплатныхъ сотрудниковъ для большевиковъ» *до* сибирскихъ эсъ-эровъ, подкапывавшихся подъ режимъ Колчака, успѣшно выполнили физическіе и моральные участники заговора противъ Директоріи, и, въ первую очередь, «министры-переворотчики», — «Михайловская пятерка», выдвинувшая адмирала на постъ Верховнаго правителя и составившая его верховный совѣтъ, «форменную олигархію», по характеристикѣ того же Будберга.

Это настолько очевидно, что защитники переворота съ обще - исторической точки зрѣнія сдѣлали отчаянную попытку оправдать переворотъ, доказавъ, что переворотъ вообще никѣмъ не былъ *произведенъ*, а

---

*) Подъ 3 мая 19 г. А. Будбергъ записываетъ въ свой «Дневникъ»: «Мальчики думаютъ, что изъ того, что они убили и замучили нѣсколько сотъ и тысячъ большевиковъ и замордовали нѣкоторое количество комиссаровъ, то сдѣлали этимъ великое дѣло, нанесли большевизму рѣшительный ударъ и приблизили возстановленіе стараго порядка вещей.. Мальчики не понимаютъ, что если они безъ разбора и удержа насильничаютъ, порятъ, грабятъ, мучаютъ и убиваютъ, то этимъ они насаждаютъ такую ненависть къ представляемой ими власти, что московскіе самодержцы могутъ только радоваться наличію столь старательныхъ, цѣнныхъ и благодѣтельныхъ для нихъ сотрудниковъ». — Проходитъ ровно 3 мѣсяца и Будбергъ констатируетъ 3-го августа: «нынѣ населеніе насъ ненавидитъ такъ же, какъ ненавидѣло комиссаровъ, если не больше»..

«произошелъ какъ бы *самъ собой»,* въ порядкѣ «полустихійнаго движенія», при которомъ «является второстепеннымъ уже сама организація дѣйствій»...

Эту гипотезу выдвинулъ С. П. Мельгуновъ первоначально въ своей, какъ всегда обширной и, какъ всегда, односторонней монографіи о Н. В. Чайковскомъ въ годы гражданской войны. Онъ развилъ ее подробнѣе въ части 2-й своей «Трагедіи адмирала Колчака».

Самъ Колчакъ подтвердилъ, что за нѣсколько часовъ до переворота съ нимъ, военнымъ министромъ Директоріи, вели бесѣду о «единоличной власти» его непосредственные подчиненные, моральные и физическіе участники переворота, — полк. Лебедевъ, Волковъ, Катанаевъ, ген. Андогскій, Суринъ. И Мельгуновъ отмѣчаетъ «странность» того, что не только съ министромъ разговариваютъ его подчиненные, но и онъ ведетъ съ ними разговоръ о возможности упраздненія той власти, которой якобы лойяльно служитъ, и о личной своей кандидатурѣ на постъ будущаго держателя «единоличной власти». Этотъ неопровержимый и для Мельгунова *фактъ* онъ пытается парировать или ослабить разсужденіемъ: это «было бы» странно, «при нормальныхъ условіяхъ», въ «мексиканской» же обстановкѣ Омска такой разговоръ представляется ничуть не страннымъ, а почти нормальнымъ.

Вопреки очевидности и безчисленному ряду свидѣтельствъ, иногда ближайшихъ къ заговорщикамъ лицъ*), Мельгуновъ доказываетъ отсутствіе заговора или, точнѣе, отсутствіе заговорщиковъ, ибо «никакихъ конкретныхъ данныхъ никто изъ противниковъ покойнаго Колчака и мемуаристовъ до сихъ поръ нигдѣ не привелъ». Это требованіе указать чуть ли не систему револьверовъ, при помощи коихъ «соціалистическая часть» Директоріи была схвачена и увезена, иначе, за отсутствіемъ «конкретныхъ данныхъ», признать, что не было ни заговора, ни заговор-

---

*) Г. Гинсъ опредѣленно называетъ погибшаго вмѣстѣ съ Колчакомъ В. Н. Пепеляева «однимъ изъ участниковъ переворота». — Другой «бывшій министръ колчаковскаго переворота», какъ характеризуетъ Мельгуновъ Сукина, свидѣтельствовалъ передъ нимъ, что на совѣщаніи, подготовлявшемъ переворотъ, принимали участіе: Волковъ, Красильниковъ, Лебедевъ, Андогскій и Михайловъ. Но для отрицающаго наличность заговора Мельгунова «совершенно очевидно», что Сукинъ «передаетъ только одинъ изъ многочисленныхъ слуховъ» и больше ничего. — Капитанъ, впослѣдствіи полковникъ, Щепинъ, признался Мельгунову, что былъ непосредственнымъ участникомъ переворота вмѣстѣ съ Андогскимъ, Сыромятниковымъ и Михайловымъ и что въ переворотъ былъ посвященъ членъ англійской военной миссіи Нельсонъ. Мельгуновъ видѣлъ даже «послужной списокъ» Щепина, въ которомъ значилось, что въ качествѣ «начальника особаго отряда, кап. Щепинъ принялъ отрядъ 17 ноября, сдалъ его 19». Но и документъ не убѣждаетъ его въ справедливости словъ собесѣдника. — Самъ Колчакъ удостовѣрилъ, что въ «самый моментъ переворота» онъ зналъ, что «иниціаторами и фактическими выполнителями» переворота были начальникъ гарнизона Волковъ, Катанаевъ и Красильниковъ и нѣсколько офицеровъ казачьихъ частей. Зналъ онъ и про участіе въ переворотѣ «нѣкоторыхъ членовъ совѣта министровъ». «Я знаю, и мнѣ говорилъ Лебедевъ, что въ этомъ принимала участіе почти вся ставка, часть офицеровъ гарнизона, штабъ главнокомандующаго и нѣкоторые члены правительства». — «Я сказалъ, — подтверждаетъ Колчакъ въ другомъ мѣстѣ, — что никогда не допущу кары надъ лицами, потому что,

щиковъ, — встрѣтило возраженія даже со стороны лицъ, политически близкихъ Мельгунову. И «не причисляющій себя къ «противникамъ» покойнаго Колчака» А. С. Изгоевъ съ полнымъ основаніемъ указалъ, что «напрасно Мельгуновъ требуетъ «конкретныхъ данныхъ». Онъ не можетъ не понимать, что при такого рода переворотахъ не ведутся ежедневно протоколы». И дальше: «Адмиралъ Колчакъ зналъ о переворотѣ. Его передвиженія свидѣтельствуютъ объ этомъ. Производство переворота, когда ген. Болдыревъ былъ на фронтѣ, не случайно. Колчакъ взялъ на себя всю отвѣтственность за переворотъ и, конечно, на его показанія на иркутскомъ судѣ нельзя смотрѣть, какъ на чистосердечную исповѣдь»...

Какъ бы то ни было, раньше или позднѣе осозналъ Колчакъ свою роль въ переворотѣ, но Колчакъ отлично понималъ, что онъ не только санкціонируетъ «преступный актъ» — арестъ членовъ Директоріи и прерывъ ея дѣятельности, но и соучаствуетъ въ преступленіи. «Если бы переворотъ окончился неудачно, мы были бы преступниками», говорилъ онъ въ зенитѣ своихъ успѣховъ, въ февралѣ 19 года (Л. Кроль стр. 167).

18 ноября, «вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій, прервавшихъ дѣятельность Временнаго Всероссійскаго Правительства», совѣтъ министровъ при этомъ правительствѣ «съ согласія наличныхъ членовъ Временнаго Всероссійскаго Правительства», т .е. при наличности и согласія *одного* Вологодскаго, принялъ на себя всю полноту верховной государственной власти и тутъ же передалъ ея «временное осуществленіе» произведенному въ адмиралы и получившему наименованіе «верховнаго правителя» военному и морскому министру Директоріи вице - адмиралу А. В. Колчаку. Одновременно съ арестомъ «соціалистической части» Директоріи, уже по прямому приказу верховнаго правителя посла-

---

разъ они это сдѣлали, я принялъ всѣ послѣдствія» (см. «Протоколы допроса адмирала Колчака» въ т. Х-мъ «Архива Русской Революціи», стр. 295 - 296).

Не будемъ приводить многочисленныхъ другихъ свидѣтельствъ иностранцевъ — иногда очевидцевъ, а иногда и попустителей и соучастниковъ переворота, — въ общемъ согласно подтверждающихъ наличность и заговора и заговорщиковъ. Всѣ эти свидѣтельства Мельгуновъ устраняетъ рядомъ произвольныхъ догадокъ и интерпретацій. Такъ, напримѣръ, Черчиль въ разгаръ успѣховъ Колчака открыто заявилъ въ палатѣ общинъ, что Колчака и его правительство «вызвали къ жизни» англичане. Мельгуновъ не можетъ съ этимъ примириться и категорическое утвержденіе руководителя военной политики Англіи онъ пытается ослабить вопросомъ: «Не слѣдуетъ-ли однако понимать эти слова въ томъ смыслѣ, что Великобританія оказала реальную помощь правительству Колчака?» (Ч. П. стр. 113).

Заявленіе Черчиля пріобрѣтаетъ особое значеніе при сопоставленіи его съ «пророческими предсказаніями» А. Ф. Керенскаго. Находясь въ Лондонѣ въ сентябрѣ 18 года, Керенскій писалъ Чайковскому: «эпизодъ, который случился съ вами въ Архангельскѣ, при первомъ удобномъ случаѣ повторится въ Омскѣ и Самарѣ. Это я категорически утверждаю» (письмо сохранилось въ архивѣ Н. В. Чайковскаго). Одновременно съ этимъ Керенскій предупреждалъ Авксентьева въ письмѣ, до адресата не дошедшемъ и воспроизведенномъ большевицкими историками (напр. Владимировой, стр. 368),

на была экспедиція въ Екатеринбургъ для разгона Съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія. Дѣло, начатое большевиками въ Петроградѣ, въ ночь на 7-ое января, получало свое завершеніе въ ноябрьскіе дни въ Омскѣ, Екатеринбургѣ и Уфѣ. И не случайно сорвалось съ устъ Колчака признаніе: «Если у большевиковъ и мало положительныхъ сторонъ, то разгонъ Учредительнаго Собранія является ихъ заслугой, — это надо поставить имъ въ плюсъ» (Протоколы, стр. 250)*).

Колчакъ сдержалъ свое слово, — «не допустилъ кары» надъ лицами, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Участники переворота были не только оправданы судомъ, они получили и тріумфъ, и повышеніе по службѣ. Полк. Лебедева Колчакъ назначилъ начальникомъ штаба, полк. Сыромятникова — вр. испр. обязанности «паштаверха», полк. Волкова — генералъ - губернаторомъ въ Иркутскъ съ производствомъ въ генералы; полковые старшины Красильниковъ (30 лѣтъ) и Катанаевъ (28 лѣтъ) — чинъ полковника и назначеніе на болѣе высокія должности въ Красноярскъ и Иркутскъ; получили «генералъ - губернаторства» уфимское и екатеринбургское и полк. Круглевскій съ ген. Бангерскимъ, совершившіе лихой набѣгъ на членовъ Учредительнаго Собранія, одинъ въ Уфѣ, а другой въ Екатеринбургѣ. При арестѣ членовъ Учредительнаго Собранія въ Екатеринбургѣ отъ случайной пули погибъ эсэръ Моксуновъ, членъ уральскаго областного комитета, спускавшійся по лѣстницѣ въ гостиницѣ. И только вмѣшательству чехословаковъ и ихъ настойчивости обязаны были арестованные «учредиловцы» В. М. Черновъ, В. К. Вольскій, И. С. Алкинъ, Н. В. Святицкій, В. И. Алмазовъ, Г. Ф. Алюновъ, К. С. Буревой, И. Е. Вольный, В. П. Вла-

---

что противъ Директоріи собираются «въ широкихъ размѣрахъ повторить coup d'Etat въ Архангельскѣ, совершенный съ вѣдома и по предварительному соглашенію съ англійскими военными властями», что къ дѣлу причастенъ генералъ англійской службы Ноксъ и срочно необходимо принять мѣры «къ выясненію всѣхъ заговорщиковъ въ Россіи» (см. Сборникъ статей **А. Керенскаго:** «Издалека», стр. 132). — Самъ Ноксъ утверждаетъ, что «переворотъ, приведшій Колчака къ власти, былъ совершенъ сибирскимъ правительствомъ» и, будто - бы, только «Англія объ этомъ не знала» — Slavonic Review — London. — 1925.III.). А въ личномъ письмѣ къ Мельгунову Ноксъ признаетъ, что о «готовящемся coup d'Etat онъ узналъ за 2 - 3 дня до 18 ноября отъ ген. Сахарова въ Манджуріи»; въ то же время Ноксъ допускаетъ, что «нѣкоторые члены его миссіи (напр., полк. Нельсонъ) могли быть освѣдомлены о готовящемся выступленіи и принять участіе въ одномъ изъ многочисленныхъ собраній въ Омскѣ, гдѣ обсуждался переворотъ» (Мельгуновъ, ч. II, стр. 113). — Мельгуновъ правъ только въ одномъ: «оффиціально Ноксъ, конечно, не «санкціонировалъ» переворота, но неоффиціально онъ, не только сочувствовалъ ему, но и содѣйствовалъ, какъ могъ, и **до** и **послѣ.** Отсюда и народная легенда объ «аглицкомъ адмиралѣ Кильчакѣ», которую приводитъ изъ солдатскаго письма Будбергъ.

*) Примѣрно такова же психологія и сподвижниковъ Колчака. Командующій, а потомъ и главнокомандующій при верховномъ правителѣ ген. **К. В. Сахаровъ** весь свой опытъ гражданской войны свелъ къ поразительному умозаключенію: «Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена впустую вслѣдствіе основной ошибки: не хотѣли признать соціалистовъ - революціонеровъ врагами народа, такими же, какъ большевики - коммунисты» (см. его «Бѣлая Сибирь». Стр. 161 — Мюнхенъ. 1923). Правда,

дыкинъ, Л. Я. Герштейнъ и П. И. Ракитниковъ тѣмъ, что все же избѣгли смерти и получили возможность покинуть предѣлы негостепріимнаго Екатеринбурга...

Изъ областныхъ правительствъ, постановленіемъ отъ 2-го ноября Директоріей формально упраздненныхъ, но фактически продолжавшихъ существовать, — одинъ лишь уфимскій Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами выступилъ рѣшительно въ защиту правъ свергнутой Директоріи. Совѣтъ обратился 19 ноября въ Омскъ съ протестующей телеграммой на имя Вологодскаго, въ которой отказывался признать узурпаторскую власть и выражалъ готовность выслать свои добровольческія части противъ «реакціонныхъ бандъ Анненкова и Красильникова»: «Не желая создавать новаго фронта междуусобной войны, С. У. В. предлагаетъ вамъ немедленно освободить арестованныхъ членовъ Временнаго Правительства, объявить врагами родины и заключить подъ стражу виновниковъ переворота, объявить населенію и арміи о возстановленіи правъ Всероссійскаго правительства». Въ противномъ случаѣ Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами, въ лицѣ Филипповскаго, Климушкина, Нестерова и Веденяпина, обѣщалъ Вологодскому объявить его «врагомъ народа», довести объ этомъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ и предложить всѣмъ областнымъ правительствамъ активно выступить противъ реакціонной диктатуры на защиту Учредительнаго Собранія, выдѣливъ необходимыя силы для подавленія преступнаго мятежа.

Телеграмма въ копіяхъ была сообщена Колчаку, Чехо - совѣту, Оренбургскому и Уральскому правительствамъ и войсковымъ кругамъ, правительствамъ Башкиріи и Алашъ - орды и ген. Болдыреву. Соотвѣт-

---

Будбергъ характеризуетъ Сахарова, какъ «бетонноголоваго», «держиморду аракчеевскаго типа, болѣе всего пригоднаго быть командиромъ дисциплинарнаго батальона» и проч. Но это уже не индивидуальный, а родовой признакъ, присущій въ той или иной мѣрѣ почти всѣмъ «бѣлымъ большевикамъ», какъ называетъ Будбергъ наиболѣе видныхъ «колчаковцевъ»: «вундерпаштаверха» Д. А. Лебедева, ген. Андогскаго, Дитерихса, Иванова - Ринова, (перекинувшагося впослѣдствіи къ большевикамъ и оказавшагося на роли вербовщика для красной арміи китайскаго генер. Фенга), Хрещатицкаго, атамана Калмыкова, Семенова, бывшаго тоже главнокомандующимъ при Колчакѣ и т. п.

Новѣйшій историкъ иностранецъ, не заинтересованный въ томъ или иномъ партійномъ освѣщеніи вопроса, устанавливаетъ, что именно атаманъ Семеновъ и былъ причиной гибели Колчака. Французскому генералу Жанену, можетъ быть, и удалось бы спасти армію Колчака и самого адмирала, если - бы тотъ не допустилъ безумной ошибки, обратившись за содѣйствіемъ къ Семенову. Отряды Семенова наводили такой ужасъ на населеніе, что Жаненъ «былъ лишенъ возможности совершить хоть одинъ шагъ, который могъ бы произвести впечатлѣніе поддержки семеновскихъ бандъ» (см. статью Фрид. Зибурга, имѣвшаго возможность ознакомиться съ исторіей гибели Колчака по первоисточникамъ, — въ Frankfurter Zeitung за февраль 1931 г). То же объясненіе даетъ и генералъ - квартирмейстеръ Колчака, ген. Зенковичъ, непосредственный свидѣтель задержанія адмиральскаго поѣзда. Онъ удостовѣряетъ, что соглашеніе между ген. Жаненомъ и Политическимъ Центромъ въ Иркутскѣ о безпрепятственномъ пропускѣ адм. Колчака было уже достигнуто, но его сорвали «недоразумѣнія съ войскомъ Семенова и звѣрства, имъ произведенныя» (см. «Бѣлое Дѣло», т. II, стр. 149).

ствующія депеши были посланы въ Лондонъ, Парижъ, Римъ, Вашингтонъ, Токіо, Прагу — министрамъ иностранныхъ дѣлъ и дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Омскѣ и Екатеринбургѣ. Но реальныхъ силъ въ непосредственномъ распоряженіи Совѣта управляющихъ вѣдомствами было очень немного. Главные кадры русско - чешскаго батальона, коннаго отряда Фортунатова, отряда имени У. С. и добровольческихъ частей Народной арміи находились далеко — держали фронтъ. Въ самой Уфѣ насчитывалось едва 800 плохо вооруженныхъ человѣкъ, расположенныхъ внять призыву Совѣта управляющихъ вѣдомствами, въ ближайшіе же дни вынужденнаго уже сосредоточить свои силы и вниманіе не на подачу помощи другимъ и ликвидацію переворота въ Омскѣ, а на элементарное самосохраненіе и огражденіе находившихся въ Уфѣ членовъ У. С. отъ новаго нападенія со стороны посланнаго адмираломъ Колчакомъ отряда Круглевскаго.

28 ноября Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами вынесъ постановленіе о передачѣ государственнаго золотого запаса Россіи подъ охрану Чехословаковъ. Тѣмъ временемъ отрядъ Круглевскаго, рядомъ удачныхъ маневровъ предупредивъ возможность сопротивленія, арестовалъ 2-го декабря 25 человѣкъ, въ томъ числѣ членовъ Учредительнаго Собранія: В. Н. Филипповскаго, И. П. Нестерова, Н. Н. Иванова, В. В. Подвицкаго, С. М. Лотошникова, В. Е. Павлова, С. Н. Николаева, Ф. Ф Федоровича, И. В. Васильева, К. Т. Почекуева, В. А. Алексѣевскаго, В. Т. Владыкина и служащихъ Съѣзда и Совѣта управляющихъ: Барсова, Марковецкаго, И. Девятова, Брудерера и др., и повезъ ихъ на расправу въ Омскъ. И въ Уфѣ, какъ и въ Екатеринбургѣ, только чехи предупредили кровопролитіе. Отсроченное на 20 сутокъ, оно было перенесено съ береговъ Уфы на берегъ Иртыша въ Омскъ. Темной ночью съ 22 на 23 декабря были умучены «взятые» изъ тюрьмы 9 человѣкъ, въ ихъ числѣ членъ Учредительнаго Собранія — Нилъ Фоминъ.

4.

Для ночного набѣга на членовъ Учредительнаго Собранія у верховнаго правителя нашлось болѣе чѣмъ нужно средствъ и охотниковъ. Но противъ залегшаго въ Читѣ атамана Семенова, не пропускавшаго оружія, обуви и проч. для фронта и державшаго въ рукахъ общее движеніе по забайкальской желѣзно - дорожной ниткѣ, верховный правитель былъ совершенно безсиленъ. «Мы — рабы положенія», — признавался онъ. «Я своими жалкими средствами что же могъ сдѣлать?» Не болѣе мощенъ былъ верховный правитель и въ отношеніи другихъ атамановъ — Красильникова, Анненкова и т. д.*). И, рабъ положенія, онъ обра-

*) «Мы сами насаждаемъ большевизмъ грабежами и насиліемъ», доносили по начальству подчиненные Колчаку чины, характеризуя подавленіе атаманомъ Красильниковымъ повстанческаго движенія въ Енисейской губерніи. А двумя мѣсяцами позже уже самъ командующій войсками иркутскаго

щался за помощью къ иностранцамъ, въ первую очередь — къ англичанамъ.

Замыслившіе на свой страхъ и рискъ насильственно прервать дѣятельность Директоріи, можетъ быть, и «руководились любовью къ родинѣ», какъ значилось въ оффиціальномъ сообщеніи министра юстиціи Старынкевича. Но цѣлей своихъ эти «патріоты» не достигли, — они достигли противоположнаго не только въ отношеніи внутри - россійскаго преодолѣнія большевиковъ, но и въ отношеніи охраны внѣшнихъ интересовъ Россіи передъ Европой и связаннаго съ этимъ признанія Европой антибольшевицкаго правительства правительствомъ Россіи.

Русскій дипломатическій представитель въ Лондонѣ К. Д. Набоковъ, ничего общаго не имѣвшій съ соціалистами и послѣ краха Директоріи продолжавшій и при Колчакѣ представлять русскіе интересы въ Лондонѣ, считалъ именно Директорію «первой, серьезной организаціей для борьбы съ большевиками». Только съ приходомъ къ власти избраннаго на уфимскомъ совѣщаніи правительства, приблизительно въ серединѣ октября 18 г., повѣренному въ русскихъ дѣлахъ въ Лондонѣ оффиціально «вновь было предоставлено право посылать шифрованныя телеграммы въ Омскъ и своимъ коллегамъ заграницей». И больше того. «Хотя мѣстные (англійскіе) агенты въ Сибири доносили, что «Директо-

---

военнаго округа ген. Артемьевъ докладывалъ военному министру Колчака: «Атаманъ Красильниковъ... занимается исключительно пьянствомъ и безобразіемъ, тѣмъ же занимаются его офицеры; солдаты производятъ самочинные обыски съ цѣлью грабежа, насилуютъ женщинъ. Все населеніе жаждетъ большевизма».

При этомъ надо имѣть въ виду, что красильниковскій отрядъ считался еще красой и гордостью той «реальной силы», на которую вынужденъ былъ опереться Колчакъ, послѣ того, какъ она свергла власть безсильной Директоріи: ген. Иностранцевъ считалъ красильниковскую бригаду, какъ военную силу, лучшей бригадой. — Почитатели и апологеты установившагося послѣ Директоріи режима признаютъ, что Красильникова и его сообщниковъ слѣдовало бы, конечно, предать суду, — «но для адмирала и для его правительства это было бы совершенно невозможно. Пришлось бы пойти на конфликтъ съ казачествомъ... Это угрожало большой опасностью для едва укрѣпившейся власти и еще неизвѣстно, чѣмъ бы такой конфликтъ окончился» (у Мельгунова, ч. III, стр. 54, 213 и др).

Не менѣе славны были подвиги атамана Анненкова при подавленіи повстанческаго движенія въ Славногородскомъ и Кузнецкомъ районахъ. Разстрѣлянные и выпоротые насчитывались тамъ **тысячами.** «Безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы», — заноситъ въ дневникъ Будбергъ.

Свой планъ былъ у ген. Сахарова: «полное использованіе атамана Семенова при поддержкѣ японцевъ; отправка золотого запаса въ Читу (атаману Семенову) подъ надежную охрану; затѣмъ планомѣрное, систематическое уничтоженіе эс-эровской измѣны»; арестъ и преданіе военно - полевому суду не только «всѣхъ руководителей заговора въ тылу, но и всѣхъ партійныхъ эс-эровъ въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ». По утвержденію Сахарова, адмиралъ Колчакъ «остановился» на этомъ планѣ, «но онъ категорически отказался отправить золото въ Читу». Въ этомъ сказалась, по выраженію того же Сахарова, «отрыжка старой ссоры» между Колчакомъ и Семеновымъ... (см. «Гражданская война въ Сибири и Сѣверной области». — Мемуары. Госиздатъ. 1927. — Стр. 98 и 101).

рія не прочна, что между с. - р. - ами и «военной партіей» идутъ раздоры, тѣмъ не менѣе рѣшено было признать Директорію, и 17 ноября (т. е. буквально за нѣсколько часовъ до выступленія Красильникова, Волкова и К-о! — *М. В.)* была даже заготовлена въ этомъ смыслѣ телеграмма въ Омскъ. Переворотъ 18-го ноября — роспускъ Директоріи и провозглашеніе Колчака верховнымъ правителемъ — заставили правительство задержать телеграмму. Когда я 19-го числа пришелъ къ лорду Роберту Сесилю — разсказываетъ К. Набоковъ, — онъ сказалъ мнѣ: «Мы были готовы признать Директорію. Она насильственно смѣщена. Кто можетъ поручиться, что не произойдетъ черезъ три недѣли того же самаго съ Колчакомъ? При такихъ условіяхъ намъ очень трудно принять рѣшеніе. Подождемъ, посмотримъ». *(К. Д. Набоковъ:* «Испытанія Дипломата». — Стокгольмъ. 1921. — Стр. 231 и 244).

И Англія стала выжидать, дождавшись, — правда, не черезъ три недѣли, а примѣрно, черезъ годъ съ небольшимъ, — не «того же самаго» буквально, но тоже насильственнаго сверженія и правительства Колчака. Англіи, какъ и всей Европѣ, сравнительно не трудно было выжидать. Труднѣе было Россіи. Ея интересы оказались не представлены и не ограждены на устроявшей Европу на долгіе годы мирной конференціи въ Версалѣ. И самые жестокіе критики Директоріи, какъ и самые необузданные почитатели верховнаго правителя, не могутъ никакъ опровергнуть этотъ прискорбный фактъ. Сумѣвъ предупредить признаніе Англіей боровшейся съ большевиками Директоріи — правительствомъ Россіи, русскіе патріоты дождались того, что правительствомъ Россіи Англія признала власть ВКП.

Противники «эс-эровскаго» Учредительнаго Собранія и недоброжелатели и самарскаго фронта, и Уфимскаго совѣщанія, и Директоріи, ретроспективно - исторически оправдывая свое предвзято - партійное отношеніе, ставятъ въ укоръ россійской демократіи и прежде всего «учредиловцамъ» - эс-эрамъ, что всю свою практику въ борьбѣ противъ большевиковъ они строили въ расчетѣ на «третью силу», фактически не существующую и вообще въ разгаръ гражданской войны невозможную. Измышленная доктринерами и создававшаяся искусственно «третья сила» фатально якобы дѣлала дѣло большевиковъ, разрушая то національно-государственное дѣло, которое — плохо или хорошо — пытались дѣлать другіе, патріоты и люди дѣла, а не прекраснодушныхъ словъ.

Нетрудно показать обратимость этого разсужденія противъ тѣхъ, кто его выдвигаетъ. Ибо если попытки создать «третью силу» фактически не удавались, то вѣдь не только потому, что онѣ срывались, но и потому, что ихъ срывали какъ разъ тѣ, кто никакъ не хотѣлъ претерпѣть, чтобы строительство Россіи — «плохо или хорошо» — возглавили не они, а другіе, «третья сила». Если до переворота и въ ближайшее время послѣ него еще можно было спорить о благотворности «усиленія» власти во что бы то ни стало, хотя бы цѣною насилія надъ всѣмъ лѣвымъ флангомъ, ведшимъ вооруженную борьбу съ большевиками, то теперь, изъ историческаго далека, какъ будто бы уже не можетъ быть сомнѣній, какія пагубныя послѣдствія, не только съ демократической точ-

ки зрѣнія, но и съ обще - русской патріотической, имѣлъ переворотъ 18-го ноября, — «выкидышный» варіантъ французскаго 18-го брюмера.

Заднимъ числомъ, ко времени составленія второго тома своихъ «Впечатлѣній и Мыслей», даже панегиристъ адмирала Колчака и страстный ненавистникъ «учредиловцевъ» Гинсъ спохватился и сообразилъ: «Какую отвѣтственность взяли на себя люди, которые въ ночь на 18 ноября рѣшили выдвинуть адмирала»! (т. II, стр. 369). Болѣе дальновиднымъ это было ясно тогда же, въ часы и дни переворота.

По прямому проводу изъ Челябинска ген.Болдыревъ, «какъ солдатъ и гражданинъ», «честно и открыто» предупреждалъ Колчака: «И здѣсь, и на фронтѣ я уже видѣлъ гибельность послѣдствій переворота, однимъ ударомъ разрушавшаго все, что было съ такимъ трудомъ создано за послѣдній мѣсяцъ. Я никакъ не могу стать на точку зрѣнія такого спокойнаго отношенія къ государственной власти, хотя можетъ быть и несовершенной, но имѣвшей въ своемъ основаніи признакъ народнаго избранія... Нанесенъ непоправимый ударъ идеѣ суверенности народа въ видѣ того уваженія, которое въ моемъ лицѣ упрочилось за титуломъ Верховнаго Главнокомандующаго и со стороны войскъ русскихъ, и со стороны союзниковъ... Я не позволилъ себѣ въ теченіе двухъ сутокъ ни одного слова, ни устно, ни письменно не обращался къ войскамъ и все ждалъ, что въ Омскѣ поймутъ все безуміе совершившагося факта и, ради спасенія фронта и нарождавшагося спокойствія въ странѣ, болѣе внимательно отнесутся къ дѣлу» (разговоръ по прямому проводу у В. Г. Болдырева, стр. 112.).

Въ отвѣтъ на эти мужественныя и патріотическія слова, адм. Колчакъ могъ только повторить клеветническое измышленіе оффиціальнаго сообщенія: «Директорія вела страну къ гражданской войнѣ въ тылу, разлагая въ лицѣ Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до ихъ вступленія на постъ верховной власти. Совершившійся фактъ ареста ихъ, конечно, актъ преступный, и виновные мною преданы полевому суду» и т. д. Еще черезъ два дня, при личномъ свиданіи съ верховнымъ правителемъ въ Омскѣ, Болдыревъ далъ совершенно отчетливую формулу: — «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему можетъ погубить не только васъ, но и дѣло, начатое въ Сибири»...

Въ свѣтѣ послѣдующихъ событій вѣщимъ трагизмомъ звучатъ и слова редактора челябинской «Власти Народа» отъ 22 ноября Евг. Маевскаго, — мѣсяцемъ позже нашедшаго мученическую смерть (вмѣстѣ съ Фоминымъ и другими) отъ рукъ разнузданной омской военщины. Маевскій писалъ: «Ужасъ охватываетъ за несчастную Россію, за ея судьбу. Израненная, полуживая, она пробуетъ приподняться, и вдругъ злая рука сбиваетъ ее снова на земь и въ кровь. И злорадствуютъ, торжествуютъ большевики — кто то протягиваетъ имъ руку помощи, отсрочивая ихъ неминуемую гибель. И злорадствуютъ и торжествуютъ всѣ враги Россіи, которые только ждутъ, чтобы воспользоваться ея безпорядкомъ, ея безвластіемъ и наложить на нее свою тяжелую руку...

Нѣтъ имени, нѣтъ оправданія тому, что произошло въ Омскѣ. Покушеніе на верховную власть, покушеніе въ отвѣтственныя и трагиче-

скія минуты жизни нашей Родины — есть великое преступленіе. Ничто не можетъ оправдать этого покушенія, ничто въ богатой переворотами русской исторіи не можетъ сравниться съ тѣмъ, что произошло теперь въ Омскѣ. Народъ никогда не признаетъ этого переворота, онъ никогда его не проститъ».

И въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ «Власть Народа» правильно умозаключала: «Оправдать омскую авантюру — это значитъ оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно такъ же, хотя и въ менѣе голомъ видѣ, чѣмъ омская, это значитъ оправдать октябрьскій большевицкій переворотъ. Тотъ, кто утверждаетъ омскій переворотъ, тотъ не можетъ отрицать октябрьскаго большевицкаго переворота. Тотъ, кто соглашается на омскій переворотъ, тотъ выбиваетъ самъ у себя всякую почву, всякое оправданіе для борьбы съ большевицкой авантюрой».

5.

Главная драма въ борьбѣ «учредиловцевъ» противъ большевиковъ разыгралась въ Омскѣ. Но «фронтъ Учредительнаго Собранія» создался не только на востокѣ, онъ существовалъ и на сѣверѣ, въ Архангельскѣ. Была попытка — слабая и съ самаго начала оборванная — создать «Комитетъ Учредительнаго Собранія» и на югѣ, на мѣстѣ дѣйствія Добровольческой арміи.

Въ Екатеринодарѣ, съ «пришлой россійской демократіей», какъ выразился Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» (т. III, 207), расправились въ два счета своими средствами. Борьба «учредиловцевъ» противъ пропаганды монархизма Суворинымъ на Дону и Шульгинымъ на Кубани слишкомъ рѣзко расходилась съ господствовавшими у командованія и его политическаго окруженія настроеніями. И стоявшій во главѣ юго - восточнаго Комитета членовъ У. С. и газеты «Сынъ Отечества» Гр. И. Шнейдеръ былъ безъ дальнѣйшаго арестованъ и высланъ. Явившійся къ нему, по порученію Деникина, ген. - лейт. Вязьмитиновъ мотивировалъ арестъ, какъ мѣру предупрежденія противъ покушенія, подготовлявшагося на Шрейдера группой офицеровъ... При неограниченной власти, которой обладалъ единолично «царь Антонъ», какъ въ шутку называли ген. Деникина члены его Особаго Совѣщанія, неудивительно, что тюрьма изъ мѣста заключенія преступниковъ могла превратиться въ мѣсто охраненіе жизни намѣченныхъ преступниками жертвъ.

На сѣверѣ «учредиловцы» пустили болѣе глубокіе и крѣпкіе корни. И чтобы ихъ уничтожить, понадобились объединенныя усилія заговорщиковъ отечественныхъ и иностранныхъ — англичанъ.

Въ результатѣ успѣшнаго заговора и возстанія противъ большевиковъ образовалось въ Архангельскѣ 2-го августа 18 г. «верховное управленіе сѣверной области» въ составѣ членовъ Учредительнаго Собранія преимущественно сѣверныхъ областей и представителей земствъ и городовъ архангельской и вологодской губерній. Правительство состави-

лось изъ предсѣдателя эн-эса Н. В. Чайковскаго (члена У. С. отъ Вятской губ.) и эс-эровъ: А. А. Иванова (членъ У. С. отъ Архангельской губ.), С. С. Маслова (отъ Волгодской губ.), А. И. Гуковскаго (отъ Новгородской губ.), Г. А. Мартюшина (отъ Казанской губ.), Я. Т. Дѣдусенко (отъ Самарской г.), М. А. Лихача (отъ Сѣвернаго фронта), к. - д. П. Ю. Зубова (тов. гор. головы г. Вологды) и праваго к.д. Н. А. Старцева (замѣстителя предсѣдателя архангельской городской Думы).

Мѣропріятія этого правительства не встрѣчаютъ осужденія со стороны даже такого придирчиваго къ лѣвымъ критика, какъ Мельгуновъ. И онъ считаетъ «неосновательной» характеристику, которую далъ архангельскому правительству «полевой военный прокуроръ» Добровольскій, утверждавшій, что всѣ члены правительства, за исключеніемъ Чайковскаго, принадлежали къ «нашимъ крайнимъ эс-эровскимъ теченіямъ» (см. «Борьба за возрожденіе Россіи» въ Сѣверной области» т. II «Архива Русской Революціи», перепечатано Госиздатомъ въ «Гражданской войнѣ въ Сибири и Сѣверной области», стр. 232/3. — 1927). И Мельгуновъ выражаетъ «сожалѣніе», что ген. Деникинъ «за отсутствіемъ данныхъ» въ моментъ писанія своихъ «Очерковъ» повторилъ ту же неправильную характеристику (см. «Ник. Вас. Чайковскій въ годы гражданской войны». — Парижъ. 1929. — Стр. 86).

И все же... И умѣренное правительство Чайковскаго не предупредило «нелѣпаго заговора» (выраженіе Чайковскаго) и пагубной авантюры (выраженіе Мельгунова)!

Нашлись и въ Архангельскѣ, какъ въ Омскѣ, недовольные лѣвымъ составомъ правительства и характеромъ его дѣятельности, и среди нихъ въ первую очередь — нѣкій капитанъ 2-го ранга Г. Е. Чаплинъ, работавшій «подъ англичанина», по его собственному выраженію, по сверженію большевиковъ и назначенный новой властью «командующимъ всѣми морскими и сухопутными вооруженными силами верховнаго управленія». Если вѣрить Чаплину — а ему можно вѣрить только условно*) —

*) Въ воспоминаніяхъ кап. **Чаплина:** «Два переворота на сѣверѣ» переворотъ противъ большевиковъ приравнивается къ перевороту противъ правительства Чайковскаго. Онъ не одинъ разъ заставляетъ вспомнить разсказъ безсмертнаго Ивана Александровича, съ тою, впрочемъ, разницею, что Чаплинъ, въ отличіе отъ Хлестакова, подчеркиваетъ — «какъ старый кадровый офицеръ, я никогда ни писателемъ, ни литераторомъ не былъ... — Чаплинъ сообщаетъ, что Н. В. Чайковскій пріѣхалъ въ Архангельскъ какъ бы на все уже готовое — приготовленное Чаплинымъ — «дней за пять до переворота»... «по порученію Уфимской Директоріи, въ составъ которой входилъ ген. Алексѣевъ»... — Несообразность этого, какъ и другихъ, сообщенія станетъ наглядной, если вспомнить, что переворотъ въ Архангельскѣ произошелъ 2-го августа, а Уфимская Директорія была избрана лишь 23 сентября! Съ другой стороны, ген. Алексѣевъ въ Уфимскую Директорію не вошелъ, а 25 сентября скончался въ Екатеринодарѣ. Чаплинъ описываетъ, какъ онъ разговаривалъ съ союзными послами: «Я объявилъ посламъ, что согласенъ съ ними говорить лишь при условіи созданія правительства безъ участія въ немъ Лихача, Маслова и Дѣдусенко». И рядомъ съ этимъ — напоминаніе: «Не надо забывать, что область во всемъ, отъ вооруженія, снабженія и до продовольствія, въ тѣ дни всецѣло зависѣла отъ союзниковъ, и съ ними волей - неволей приходилось считаться» (см. «Бѣлое Дѣло». — Лѣтопись бѣлой борьбы. — Т. IV, стр. 19,29 и 31).

онъ на первомъ же засѣданіи новаго правительства заявилъ, что «не считаетъ для себя достаточно авторитетнымъ званіе члена «Учредилки», избраннаго въ періодъ смуты подъ явнымъ давленіемъ большевиковъ»... Во всякомъ случаѣ вскорѣ «чувство долга» и, какъ полагается, патріотизмъ подсказали ему образъ дѣйствія. Предваряя моментъ, «когда союзники, потерявъ терпѣніе, уберутъ правительство и создадутъ власть, угодную имъ, превративъ область во временную колонію Антанты», Чаплинъ рѣшилъ создать власть «угодную» ему. «Поэтому я пришелъ къ твердому рѣшенію правительство ликвидировать и поставить во главѣ вооруженныхъ силъ области генерала, имя котораго было бы, если не популярнымъ, то хотя - бы всероссійски извѣстнымъ».

Добывъ списокъ генераловъ, живущихъ въ Англіи, Франціи и Финляндіи, Чаплинъ не задумался въ выборѣ: онъ «немедленно указалъ на генерала Гурко». Когда же союзники признали Гурко «непріемлемымъ, какъ слишкомъ праваго», Чаплинъ на началахъ «чистой лоттереи», но, по его мнѣнію, очень счастливо, намѣтилъ ген. Миллера.

Не обошлось въ данномъ случаѣ, какъ въ Омскѣ, и безъ внутренняго предательства — со стороны Старцева. Сыгралъ свою роль и «случай», заставившій Чаплина выступить раньше предположеннаго срока. Работавшій «подъ англичанина» Чаплинъ узналъ 6-го сентября отъ своего единомышленника англійскаго генерала Пуля, что союзные послы рекомендовали своимъ правительствамъ признать власть «верховнаго управленія сѣверной области». Для патріотическаго сознанія Чаплина эта перспектива показалась столь устрашающей, что онъ рѣшился дѣйствовать немедленно, «иначе признаніе союзниками верховнаго управленія усложняло вопросъ замѣны власти и дѣлало ее невозможной безъ серьезнаго конфликта». Чаплинъ рѣшилъ арестовать членовъ правительства и сослать ихъ въ Соловецкій монастырь...

Командующему войсками было, конечно, нетрудно привести этотъ планъ въ исполненіе. Арестованные были вскорѣ освобождены изъ заключенія, по требованію союзныхъ пословъ, но главное Чаплинымъ было достигнуто. Остались и гибельныя послѣдствія его преступленія*). Въ первую очередь оказалась сорванной мобилизація: на призывъ унтеръ-офицеровъ явилось всего 3 человѣка, вмѣсто предполагавшихся 300 - 400. Обострились отношенія между солдатами и офицерами, вновь заподозрѣнными въ контръ - революціи. Повысилось настроеніе и въ рабочей средѣ, какъ въ отношеніи къ русскимъ «командующимъ классамъ», такъ и въ отношеніи къ командующимъ союзникамъ, «имперіалистамъ и интервентамъ»; вспыхнула всеобщая забастовка.

Кап. Чаплинъ откровенно разсказалъ, *какъ это* бываетъ — вѣрнѣе - - *дѣлается,* — когда авантюристы - патріоты на собственный страхъ и рискъ берутъ на себя рѣшеніе судебъ антибольшевицкой борьбы, воз-

---

*) Впрочемъ, и девять лѣтъ спустя уже имѣя передъ собой всѣ реальные результаты своей авантюры, Чаплинъ остается убѣжденъ, что для его дѣянія (ареста неработоспособнаго правительства») «довольно трудно подыскать статью закона для отдачи подъ судъ» и формулировки «состава преступленія» («Два переворота», стр. 31).

главляя ее избраннымъ — по жребію или въ иномъ порядкѣ — генераломъ. Мы знаемъ теперь уже опытнымъ путемъ, что всѣ эти затѣи спасать отечество въ порядкѣ индивидуальной дальновидности и рѣшительности заканчивались одинаково плачевно, какъ бы въ силу нѣкоей соціологической закономѣрности, дѣйствовавшей одинаково и на востокѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, и на западѣ (у Юденича и Родзянко).

Архангельское дѣйство 6-го сентября было своего рода генеральной репетиціей — не только въ буквальномъ смыслѣ, но и въ переносномъ: какъ репетиція генераловъ — къ омскому дѣйству 18 ноября. Тамъ и тутъ много общихъ чертъ и сходства не только въ соціально - политической обстановкѣ, но и въ психологіи заговорщиковъ и даже въ самой техникѣ переворота. Ноксъ имѣлъ своимъ предтечей — или аналогомъ — Пуля; Волковъ съ Красильниковымъ — Чаплина съ Гейденомъ; Иванъ Михайловъ — Старцева; Колчакъ — Миллера и т. д. Характерно и совпаденіе: члены Директоріи были арестованы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда только что пріѣхавшіе въ Омскъ бывшіе члены архангельскаго правительства — Дѣдусенко, Лихачъ и Масловъ — разсказывали, на квартирѣ у Роговскаго, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ архангельскій переворотъ.

Неудивительно, что подъ непосредственнымъ и живымъ впечатлѣніемъ отъ переворота въ Омскѣ, Чайковскій, «какъ членъ всероссійскаго временнаго правительства (Директоріи) и предсѣдатель временнаго правительства сѣверной области», негодующе телеграфировалъ Колчаку, Вологодскому и представителямъ союзныхъ правительствъ: «Отказываюсь подчиниться диктаторской власти... Вы, командиры сибирскихъ войскъ, назначенные верховной властью и члены областного сибирскаго правительства, осмѣливаетесь захватить власть въ свои руки, вы убиваете принципъ преемственности законной власти, единственнаго носителя его — Учредительнаго Собранія, вы нарушаете государственную дисциплину, вы мараете русское оружіе политическимъ насиліемъ. Такимъ же образомъ вы препятствуете возсозданію Россіи, вы лишаете Россію возможности участвовать въ международномъ конгрессѣ мира, вы поднимаете большевицкое знамя гражданской войны. Заклинаю васъ: опомнитесь! Немедленно сложите власть! Возстановите Директорію! Спасите Россію отъ позора, клятвопреступности, моральной безпринципности, политическаго младенчества! Сила, не освѣщенная правомъ, обречена на гибель!»

Этотъ голосъ остался, конечно, неуслышаннымъ.

6.

Власть, возглавлявшая анти - большевицкое демократическое движеніе именемъ Учредительнаго Собранія и въ цѣляхъ обезпеченія его созыва, была сломлена. Всероссійское Учредительное Собраніе перваго созыва окончательно приказало жить. Немногіе уцѣлѣвшіе отъ ареста члены Учредительнаго Собранія вынуждены были, хотя бы на ближай-

шее время, уйти въ подполье. Каждый сталъ искать для себя и за себя выходъ изъ положенія.

Формально единственный правильный выходъ — борьба на два фронта противъ обѣихъ диктатуръ, Ленина и Колчака, — фактически сводился къ реальной борьбѣ на томъ *или* другомъ фронтѣ, либо противъ Ленина, либо противъ Колчака. Выборъ часто опредѣлялся простымъ мѣстонахожденіемъ не пріемлющихъ ни той, ни другой диктатуры.

На территоріи, очутившейся подъ властью Колчака, самые активные борцы противъ большевиковъ подъ впечатлѣніемъ предательскаго удара въ тылу радикально мѣняютъ свою политическую оріентацію. Въ личномъ порядкѣ переходятъ на сторону большевиковъ члены Учредительнаго Собранія Фортунатовъ, Пумпянскій, эстонецъ Сельяма, предсѣдатель башкирскаго правительства Валидовъ. Другіе гибнутъ, но не сдаются: помимо уже упомянутыхъ, умученныхъ членовъ Учредительнаго Собранія с.-р. Моисеенко, Фомина, Б. Маркова и П.Михайлова *), погибъ Д. Сургучевъ въ Златоустѣ, К. Т. Почекуевъ — подъ Омскомъ, спасаясь отъ угрозы полевого суда.

Наконецъ, нѣсколько членовъ Учред. Собранія, убѣгая отъ Омскаго диктатора, рѣшили вступить въ соглашеніе съ диктаторомъ московскимъ. Гражданская война, вспыхнувшая внутри антибольшевицкаго лагеря, отнимала, по ихъ мнѣнію, послѣдній смыслъ у войны съ большевиками и ставила вопросъ о ликвидаціи послѣдней. А послѣ перемирія на западномъ фронтѣ, объявленнаго за недѣлю до омскаго переворота, отпадалъ и другой, патріотическій мотивъ, вызвавшій возстаніе противъ большевиковъ: отпадала угроза завоеванія нѣмцами. Принимая чаемое и желаемое за дѣйствительное и возможное, Вольскій, Буревой, Святицкій и Шмелевъ, — къ которымъ впослѣдствіи присоединился Ракитниковъ, — рѣшили, что для совмѣстной борьбы съ реакціей и вмѣшательствомъ иностранцевъ большевики не могутъ не согласиться на образованіе однороднаго соціалистическаго правительства, до новыхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе отвѣтственнаго передъ собраннымъ въ Москвѣ У. С. перваго созыва. Чтобы усилить вѣсъ и авторитетъ это-

---

*) Товарищи по партіи, Учредительному Собранію и Западно - сибирскому комиссаріату, Бор. Марковъ и Павелъ Михайловъ были умерщвлены 5-го января 20 г. въ числѣ 31 заложника, взятыхъ ген. Сычевымъ. «Предварительныя данныя оффиціальнаго разслѣдованія объ инквизиціи, совершенной со средневѣковой жестокостью на Байкалѣ, рисуютъ картину, которая должна вызвать въ каждомъ изъ насъ не только чувство отвращенія, но и внутренняго протеста противъ столь варварской политической мести» — писалъ «Чехословацкій Ежедневникъ» въ № 17 отъ 24. I. 920 г. «Два палача (однимъ былъ извѣстный по Екатеринбургской и Омской дѣятельности, англичанинъ по происхожденію, Грандъ) съ помощью двухъ другихъ ничтожествъ изъ семеновскихъ войскъ расправились съ несчастными. Орудіями инквизиціи служили нагайки, полѣнья и желѣзные ломы для скалыванья льда. Жертвъ раздѣвали и замучивали. Ихъ вещи тотчасъ же дѣлили между собой семеновскіе офицеры, надзиравшіе за убійствомъ. Изъ нихъ особенно проявилъ себя предсмертнымъ мучительствомъ жертвъ войсковой старшина Сипайло». — По даннымъ Комиссіи Политическаго Центра, разслѣдовавшей, при участіи представителей французской, британской, чешской и японской военныхъ миссій, — «звѣрское убійство на Байкалѣ (заложниковъ) было произведено по

го фантастическаго плана, досужая молва произвольно и неосновательно къ названнымъ, мало что говорившимъ именамъ, придала и громкое, для многихъ символическое, имя Чернова.

Не слишкомъ добросовѣстные противники поспѣшили возвѣстить, что въ переговоры съ большевиками вступила партія с.-р. и Съѣздъ «Учредителей». Объ этомъ дважды сообщилъ и совѣтскій наркомъ Чичеринъ союзнымъ правительствамъ въ «нотахъ», въ которыхъ всѣ члены делегаціи были возведены въ члены эс-эровскаго Ц.К., и торжествующе подчеркивалось, что партія с.-р., «эта наиболѣе непримиримая противница большевиковъ, нынѣ раскаялась во всѣхъ былыхъ прегрѣшеніяхъ и отказалась отъ лозунга Учредительнаго Собранія». О томъ же позорномъ концѣ партіи с.-р. и «охвостья» Учредительнаго Собранія на разныхъ концахъ Россіи, въ Омскѣ и въ Одессѣ, съ одинаковымъ чувствомъ удовлетворенія возвѣстили столь разные тогда еще люди и дѣятели, какъ Ю. В. Ключниковъ и А. В. Пѣшехоновъ. Въ телеграммѣ въ Лондонъ и Парижъ за № 94 отъ 23 ноября Ключниковъ оповѣщалъ, что «Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія сталъ проявлять склонность къ оріентировкѣ въ сторону большевиковъ». Свергнутая же Директорія, «въ числѣ коей Авксентьевъ и Зензиновъ, входятъ въ Центральный Комитетъ соціалистовъ - революціонеровъ», не предпринимала нужныхъ мѣръ противодѣйствія. Основываясь на совѣтскомъ радіо и «полученныхъ непосредственно съ востока» свѣдѣніяхъ, и Пѣшехоновъ утверждалъ, что переговоры съ совѣтской властью «были начаты президіумомъ Съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія» и велись «отвѣтственными органами» партіи с. - р.*).

Здѣсь все было невѣрно. Авксентьевъ и не входилъ въ эс-эровскій Ц. К. послѣдняго состава, а Зензиновъ, вступивъ въ составъ Директоріи, вышелъ изъ партійнаго Ц. К. Съ роспускомъ КОМУЧ-а до переворо-

---

распоряженію начальника читинской контръ - развѣдки Черепанова». — Ср. также «Каторга и Ссылка» № 4, стр. 196. — Госиздатъ — Москва. 1922.

Это безчеловѣчное избіеніе заложниковъ послужило однимъ изъ психологическихъ и политическихъ основаній къ требованію Политическаго Центра союзникамъ о выдачѣ ему «Верховнаго правителя». Какъ замѣчаетъ бывшій депутатъ Парижа и членъ французской военной миссіи въ Сибири, офицеръ Лазисъ, — «адмиралъ Колчакъ сдѣлался жертвой жестокости своихъ подчиненныхъ, выдавшихъ 31 соціалъ - революціонера атаману Семенову. Негодующее населеніе Иркутска требовало выдачи Колчака временному правительству для суда надъ нимъ».

Можно и должно возмущаться актомъ выдачи беззащитнаго правителя тѣми, кому онъ довѣрился и кто его завѣрилъ въ своемъ покровительствѣ. Не надо, однако, упускать послѣдовательности событій и спокойно проходить мимо не менѣе возмутительной выдачи и расправы съ другими заложниками — въ числѣ 31 была и женщина: Вѣра Ермолаева, — учиненной подвластными Колчаку.

*) Во имя «великаго имени Учредительнаго Собранія» А. В. Пѣшехоновъ безпощадно клеймилъ — «учредиловцевъ», или, по другой терминологіи «черновцевъ», мало чѣмъ отличавшихся, на взглядъ многихъ, отъ большевиковъ. «Тѣхъ же щей, да пожиже влей» — вотъ и вся, какъ я когда - то выразился, разница.. Какъ же квалифицировать поведеніе «учредиловцевъ»? Не должны ли мы назвать его измѣной?.. Измѣной тому дѣлу, которому они служили, тому знамени, подъ которымъ они собирали свои силы.. Конечно,

та 18 ноября никакого «Комитета» членовъ Учредительнаго Собранія не существовало; тѣмъ менѣе могъ онъ оріентироваться въ сторону большевиковъ. Спеціальный Комитетъ возникъ послѣ переворота въ Омскѣ. Его избралъ Съѣздъ для «ликвидаціи заговора, наказанія виновныхъ и возстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи, освобожденной отъ большевиковъ», и состоялъ онъ изъ: Чернова, Вольскаго, Федоровича, Брушвита, Фомина, Алкина и Иванова; иначе говоря, изъ 7-мичленнаго Комитета *одинъ* только Вольскій «проявилъ склонность къ оріентировкѣ въ сторону большевиковъ». Наконецъ, «отвѣтственные органы» партіи, въ лицѣ московскаго и одесскаго Бюро эс-эровскаго Ц. К., формально отмежевались и рѣзко осудили самочинныя дѣйствія Вольскаго и Ко, считая, что они «не способствуютъ объединенію демократіи, а препятствуютъ ему»*). Выйдя изъ партіи, диссиденты образовали группу «Народъ».

Историческая Немезида отомстила одинаковымъ образомъ и Ключникову, и Пѣшехонову, заставивъ ихъ обоихъ продѣлать то самое, за что они съ такимъ граждански - патріотическимъ негодованіемъ клеймили другихъ. Смѣнивъ вѣхи, Ключниковъ быстрѣе, Пѣшехоновъ болѣе замедленнымъ темпомъ, — оба они отправились въ большевицкую Каноссу замаливать свои былыя прегрѣшенія: Ключниковъ — у Колчака, Пѣшехоновъ — у Деникина и — въ демократической общественности.

Немезида отомстила высшей местью и тѣмъ, кто свою личную и якобы сильную власть противопоставилъ народовластію и власти, избранной многоголовымъ и неустойчивымъ собраніемъ. Возстававшіе противъ власти Учредительнаго Собранія перваго созыва, почти на слѣдующій же день послѣ переворота вынуждены были начать завѣрять, что задача ихъ «заключается въ томъ, чтобы путемъ побѣды надъ боль-

---

это — измѣна, самая подлинная измѣна, всѣ объективные признаки таковой на - лицо. Однако и за всѣмъ тѣмъ я не считаю возможнымъ удовлетвориться этой квалификаціей.. Ибо въ глубинѣ своей души они народовластію никогда не служили, этимъ знаменемъ они только прикрывались, — другихъ и, быть можетъ, себя имъ обманывали... «Что задумалъ, дѣлай скорѣй!» — сказалъ Христосъ Іудѣ... И «измѣну» учредиловцевъ я встрѣтилъ съ чувствомъ своего рода душевнаго облегченія: наконецъ - то! Такъ же я отнесусь и ко всѣмъ другимъ «измѣнамъ», какія еще будутъ», — обѣщалъ Пѣшехоновъ въ началѣ 19 года, еще не предвидя своей собственной измѣны.

Не ограничивая никакъ и ничѣмъ своихъ категорическихъ и необоснованныхъ сужденій, онъ пророчилъ: «**Всѣ** с.-р. будутъ обрызганы грязью, по которой «учредиловцы» шли до большевицкой Москвы, и **всѣ** они будутъ запятнаны кровью, которая будетъ пролита с.-р.-ами во славу совѣтской власти». (См. Двухнедѣльный журналъ «Грядущій День» № 1. — Мартъ 1919 г. — Одесса).

*) Еще 10 декабря 18 г. эс-эровскій Ц. К. предостерегалъ противъ «соглашательства» съ большевиками, какъ возможной реакціи на омскій переворотъ и диктатуру адмир. Колчака. Въ резолюціи подчеркивалось, что борьба противъ большевизма можетъ прекратиться только тогда, когда его приверженцы капитулируютъ и согласятся сдать власть свободно избранному Учредительному Собранію. Пока на это надеждъ нѣтъ, миръ съ большевиками означалъ бы отказъ отъ основныхъ началъ народоправства и руководящихъ принциповъ партіи. — Перепечатано во многихъ изданіяхъ, въ частности, — въ екатеринбургской газетѣ «Горный Край» отъ 25. I. 1919 г. и нью-іоркской « **Struggling Russia** » отъ 26. IV. 19 г.

шевиками дать странѣ извѣстное успокоеніе, чтобы имѣть возможность собрать Учредительное Собраніе, на которомъ была бы высказана воля народа» (отвѣтъ Колчака на запросъ уральцевъ: какія цѣли ставитъ себѣ верховный правитель? — см. «Допросъ» стр. 185).

Еще черезъ нѣсколько дней Учредительное Собраніе уже смѣняется Національнымъ, такъ какъ слово Учредительное «слишкомъ скомпрометтировано.Опытъ созыва Учредительнаго Собранія, собраннаго въ дни развала страны, далъ слишкомъ односторонній партійный составъ... Повтореніе такого опыта недопустимо. Вотъ почему я и говорю о созывѣ Національнаго Собранія, гдѣ народъ, въ лицѣ своихъ полномочныхъ представителей, установитъ формы государственнаго правленія, соотвѣтствующія національнымъ интересамъ Россіи» (заявленіе Колчака представителямъ печати 28 ноября). Еще черезъ нѣсколько времени Національное Собраніе сливается съ Учредительнымъ, и Комиссія для разработки вопроса о выборахъ «всероссійскаго представительнаго собранія учредительнаго характера» (подъ предсѣдательствомъ Бѣлоруссова) мирно уживается рядомъ съ недвусмысленными угрозами колчаковскихъ генераловъ: «Пусть доберется до Москвы; мы имъ покажемъ тогда Учредительное Собраніе!» (у Кроля: «За три года», стр. 167).

И на югѣ генералъ Деникинъ «твердо стоялъ» па томъ, что никто не въ правѣ предрѣшать ни будущей формы правленія, ни даже того, — «будетъ ли собрано Учредительное или Національное Собраніе, или Земскій Соборъ, или, наконецъ, можетъ быть, воля народа выльется въ такой формѣ, которую мы теперь и не предвидимъ» (см. «Изъ воспоминаній» ген. Лукомского т. VI «Архива Русской Революціи», стр. 141). Впрочемъ, и Деникинъ не слишкомъ долго защищалъ свой агностицизмъ и предѣльное непредрѣшенство. Въ составленной и подписанной Деникинымъ, «въ значительной степени по настоянію представителей союзнаго командованія», политической программѣ Добровольческой арміи цѣлью ея борьбы ставилось — «довести Россію до Національнаго Собранія» (Тамъ же).

Адмиралу Колчаку пришлось все - таки еще разъ столкнуться съ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія перваго состава, — исходившимъ на этотъ разъ уже отъ Верховнаго Совѣта союзниковъ въ Парижѣ.

За подписью Клемансо, Ллойдъ Джорджа, Орландо и Сайонжи была послана 26 мая 19 г. нота, въ которой, среди условій, па которыхъ союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы соглашались продолжать помощь, оказываемую Колчаку, значилось на первомъ мѣстѣ: «Какъ только адм. Колчакъ достигнетъ Москвы, онъ тотчасъ же созоветъ Учредительное Собраніе, избранное свободнымъ, закрытымъ и демократическимъ голосованіемъ, въ качествѣ высшей законодательной власти для Россіи, передъ которой должно быть отвѣтственно правительство Россіи. Если же къ тому времени порядокъ не будетъ въ достаточной мѣрѣ возстановленъ, адм. Колчакъ созоветъ Учредительное Собраніе, избранное въ 1917 г., чтобы оно засѣдало, пока не станутъ возможны новые выборы» (см. **Winston S. Churchill.** C. H. M. P. : «**The World Crisis. The Aftermath**» — p. 181).

Отъ себя Черчиль телеграфировалъ 28 мая дополнительно ген. Ноксу, предлагая ему употребить все его вліяніе на то, чтобы побудить адм. Колчака «подчеркнуть полностью широкія основанія для выборовъ въ Учредительное Собраніе и установленія демократической свободы, которыя декретируетъ будущее правительство Россіи» (тамъ же, стр. 216). Колчакъ внялъ дружественному совѣту, щедро наобѣщалъ и созывъ Учредительнаго Собранія, и готовность «не удержать власти ни на одинъ день больше того, что потребуютъ интересы страны» и проч.*). По своему отношенію къ Учредительному Собранію 17 г., «выбранному при насильственномъ режимѣ большевиковъ, и большинство (?) членовъ котораго въ настоящее время дѣйствительно находятся въ ихъ рядахъ», Колчакъ остался вѣренъ до конца.

Формально къ идеѣ новаго Учредительнаго Собранія вынуждены были, въ концѣ концовъ, апеллировать всѣ русскіе генералы и адмиралы, принявшіе на себя «всю полноту власти» — въ Омскѣ, Архангельскѣ, Екатеринодарѣ, Крыму, Псковѣ. Подлинное же ихъ отношеніе къ Собранію, воля котораго не совпала бы съ волей того или иного диктатора - побѣдителя, легко предугадать по общей ихъ политической линіи — подавленія гражданскихъ свободъ и самодѣятельности населенія.

---

*) Двумя мѣсяцами позже адм. Колчакъ выпустилъ воззваніе, уже совершенно «демагогическое», по выраженію не то членовъ Комиссіи по подготовкѣ «Всероссійскаго Представительнаго Собранія учредительнаго характера», не то С. Мельгунова (см. т. III, стр. 305). Въ немъ возвѣщалось, что «уничтоживъ самодержавіе большевиковъ - комиссаровъ, вы, крестьяне и солдаты, тотчасъ же начнете выборы въ У. С. Я вамъ обѣщаю это передъ лицомъ всей Россіи и цѣлаго свѣта».

X. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Причины пораженія демократіи и фронта Учредительнаго Собранія. — За что боролась «третья сила»? — Обвинители и хулители. — Побѣдители и отступники. — 6 января въ Петроградѣ и 18 ноября въ Омскѣ. — Историческое оправданіе и политическіе выводы. — Совѣщаніе членовъ Учредительнаго Собранія въ Парижѣ и Исполнительная Комиссія. — Завтрашній день русской исторіи.

1.

Какъ и чѣмъ объяснить неудачу анти - большевицкаго движенія, поднятаго лѣвымъ флангомъ русской демократіи подъ флагомъ и лозунгомъ возстановленія правъ и занятій распущеннаго большевиками Всероссійскаго Учредительнаго Собранія? Почему снова произошелъ «срывъ» или претерпѣла крахъ «всероссійская» власть въ Омскѣ въ ноябрѣ 18 г., какъ годомъ раньше въ Петербургѣ, Москвѣ и по всей Россіи?

Тамъ и тутъ были общія причины, были и причины спеціальныя и особыя. Были причины, лежавшія *внѣ* тѣхъ силъ, которыя подняли возстаніе противъ большевиковъ и руководили имъ въ первой, рѣшающей стадіи. Но были и причины внутреннія, опредѣлившія неуспѣхъ.

Былъ прежде всего порокъ воли, недостаточно активное утвержденіе «воли къ власти» и «революціоннаго дерзанія»; можетъ быть, чрезмѣрная приверженность къ праву и справедливости; влеченіе, со стороны расцѣниваемое, какъ недугъ, — къ возможно менѣе кровопролитной ликвидаціи междуусобія. Отсюда и линія сговора съ другими, вмѣсто собственнаго самоутвержденія; «соглашательство» во что бы то ни стало и погоня за «честной коалиціей» даже тогда, когда отъ коалиціонныхъ настроеній и даже чести остались только слова безъ реальнаго содержанія и смысла. Отсюда ставка на «мудрость», сознательность и жертвенность народа, который добровольно приметъ на себя и понесетъ всѣ тяготы гражданской борьбы, поднятой въ *его* интересахъ и *во имя* его. Съ этимъ связывалась неизбѣжно и переоцѣнка роли слова и убѣжде-

нія, какъ едва ли не главнѣйшей функціи и мѣры воздѣйствія государственной власти. Въ этомъ сказывалось и нѣкоторое неумѣніе, за отсутствіемъ опыта, управлять государственнымъ аппаратомъ, и опредѣленное пониманіе задачъ управленія.

Относиться къ такому пониманію можно по разному, но отрицать его не приходится, какъ невозможно отрицать и то, что сравнительно съ другими властями, власть самарская, а потомъ и «всероссійская», образовавшаяся въ Уфѣ, была и болѣе гуманной и болѣе честной властью, вѣрившей не только въ свое слово, но и въ чужое, и до конца дней своихъ «наивно» признававшей святость клятвы и присяги. При общемъ озвѣрѣніи въ пору гражданской войны, естественно, что именно такая «прекраснодушная» власть обрекалась на роль первой и наиболѣе легкой жертвы. Но и тѣ, кто, злоупотребивъ довѣріемъ, путемъ предательства и насилія, во имя фиктивной цѣли — якобы болѣе энергичной борьбы съ большевиками — одержали верхъ надъ этой властью, только на время, и сравнительно очень короткое, избѣгли участи, уготованной имъ непревзойденными профессіоналами гражданской войны.

Болѣе чѣмъ неосновательны и вымышлены всѣ попреки «учредиловцевъ» въ томъ, что они влеклись «похотью» къ власти и боролись только въ личныхъ интересахъ, за возстановленіе своего, «эс-эровскаго» Учредительнаго Собранія. Ихъ можно скорѣе обвинять въ ослабленной воли къ власти, а никакъ не въ обратномъ. Столь же неосновательны утвержденія, будто самарская власть, какъ позднѣе и Директорія, претендуя на всероссійское свое значеніе, шли путемъ не общенаціональнаго объединенія подъ своей эгидой разныхъ классовъ и группъ въ ихъ противостояніи большевицкой тираніи, — а преслѣдовали якобы свои узко - партійные интересы. Они, можетъ быть, переоцѣнили потребность въ безотлагательномъ образованіи *всероссійской* власти въ то время, когда основная толща населенія не возвысилась до сознанія ея необходимости и жила мѣстными, своими, а не общими, интересами, — но и только.

Тутъ давали себя знать силы, лежавшія внѣ тѣхъ круговъ, которые подняли и вдохновляли возстаніе противъ большевиковъ во имя утвержденія правъ народа.

Оба соціальныхъ фланга — имущихъ и неимущихъ, отъ высшаго офицерства и до низшихъ слоевъ города и деревни, — одинаково близоруко расцѣнивали свои интересы и одинаково оказались далеки отъ подлинныхъ нуждъ страны и государства. Корыстныя вожделѣнія имущихъ верховъ, уклонявшихся систематически отъ финансово-экономическаго бремени, питали вражду ко *всякой* сущей власти во имя власти мифической и грядущей. На этомъ питательномъ бульонѣ всходили сѣмена реакціи. А на другомъ флангѣ неимущіе низы, не успѣвшіе еще изжить до конца демагогическіе посулы большевиковъ, въ «соглашательствѣ съ буржуазіей», не скрывавшей своихъ реакціонныхъ устремленій, находили достаточное оправданіе для собственной инерціи и выжидательно - критической позиціи. Верхи были активно враждебны соціалистамъ. Низы, въ своемъ большинствѣ, въ лучшемъ случаѣ, пас-

сивно - благожелательны, отсиживаясь и выжидая, какая сторона возьметъ верхъ.

Гражданская борьба наглядно показала, что низы, какъ и верхи, руководились не столько общенаціональнымъ сознаніемъ, сколько мотивами классоваго и соціально - политическаго порядка. И единственное, что отличало однихъ отъ другихъ, это — *фразеологія:* фальшивая, патріотически - національная у верховъ и болѣе чѣмъ откровенная у низовъ.

Верхи вели борьбу не только политическую. И не только противъ большевиковъ вели они свою борьбу. Они вели и *соціальную* борьбу противъ захватчиковъ — крестьянъ и рабочихъ; и *національную* противъ захватившихъ въ свои руки судьбы Россіи «инородцевъ»; и партійно - политическую — противъ всѣхъ соціалистовъ. Словомъ, они боролись противъ всѣхъ силъ — и стихій — русской революціи. Съ своей стороны и низы, поскольку они осмысливали анти - большевицкое движеніе, не ограничивали его однимъ голымъ низверженіемъ насильнической власти, а привносили въ борьбу и общія, вѣковыя цѣли соціальнаго, политическаго и національнаго раскрѣпощенія. Изъ историческаго далека легко видѣть, почему въ 1918 г. побѣдило не анти - большевицкое движеніе, расколотое множествомъ и различіемъ цѣлей, которыя преслѣдовали каждый изъ его отрядовъ, а побѣдили большевики, сильные единствомъ своего руководства и цѣли — волей къ самосохраненію во что бы то ни стало.

Поволжско - сибирское движеніе, поднятое «учредиловцами», имѣло много дефектовъ. Оно допустило много ошибокъ, выяснившихся только позднѣе, вольныхъ и невольныхъ упущеній и даже, можетъбыть, преступленій. Но сравнительно съ другими фронтами и возглавлявшими ихъ властями оно было наиболѣе *почвеннымъ*, наиболѣе *свободолюбивымъ*, наиболѣе *отвѣчавшимъ историческимъ нуждамъ Россіи.* Если за всѣмъ тѣмъ оно все - таки потерпѣло крушеніе, какъ позднѣе и другіе фронты, объясненіе этому приходится искать въ нѣкоторой его преждевременности, въ томъ, что, вспыхнувъ досрочно, оно и угасло прежде, чѣмъ побѣдило.

Организаціонно недостаточно подготовленное, форсируемое не въ мѣру горячими патріотами и противниками большевицкой тираніи, оно разразилось не безъ участія «случая» — неожиданнаго и никѣмъ непредвидѣннаго выступленія чехо - словаковъ. Это выступленіе было слишкомъ серьезно и въ то же время достаточно реально, чтобы не воспользоваться имъ во имя доктринерскихъ соображеній и необходимости выждать, пока не будетъ подготовлена болѣе благопріятная обстановка. съимпровизированное исторіей чехо - словацкое выступленіе вызвало и русскую импровизацію. Зрѣвшее и подготовлявшееся въ тиши, антибольшевицкое движеніе детонировало и перешло къ дѣйствію раньше срока положеннаго исторіей и психологіей народа.

То, что случилось, имѣло, конечно, достаточныя основанія къ тому, чтобы случиться. Но изъ того, что что-либо случилось, отнюдь, конечно, не слѣдуетъ, что и «всѣ другія комбинаціи» были невозможны. Можно не раздѣлять радостнаго ощущенія Герцена по случаю того, что «исто-

рія не имѣетъ libretto», ибо иначе она была бы «неинтересной, скучной, смѣшной», сдѣлалась - бы «театральной пьесой съ заранѣе извѣстной развязкой». Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ: «въ исторіи все импровизація, все воля, все ex tempore, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ, есть условія, святое безпокойство, огонь жизни и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силы, итти вдаль, куда хотятъ, куда только есть дорога, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ геній»...

Этимъ святымъ безпокойствомъ были исполнены люди, поднявшіе возстаніе противъ большевиковъ лѣтомъ 18 года. И въ этомъ ихъ морально - политическое оправданіе. «Учредиловцамъ» не удалось проложить дорогу къ освобожденію Россіи. Россіи все еще приходится ждать своего «генія». Это не умаляетъ «вызова бойцамъ», который раздался изъ ихъ устъ по всей Россіи, на сѣверѣ и на востокѣ, въ Архангельскѣ, въ Заволжьѣ и въ Сибири.

2.

Если попытаться отвѣтить на укоризненно - самобичующій вопросъ — восклицаніе поэтессы Гиппіусъ:

> «Наша надежда и воздыханіе
> Учредительное Собраніе —
> Что мы съ нимъ сдѣлали?!»

— придется прежде всего уточнить, кто такіе эти «мы», погубившіе «молитву» и «мечту» нашихъ дѣдовъ и героевъ.

«Мы» — это *всѣ*, — всѣ политическія партіи, классы и народы россійскіе!..

Одни «губили» активно, другіе пассивно. Одни — измѣняя прошлому и предавая Учредительное Собраніе, другіе — не считаясь съ нимъ, единственно даннымъ реально, прекраснодушествуя или переоцѣнивая свои силы и одновременно недооцѣнивая силы врага, силы тлѣна и разложенія, — въ экономіи міра играющія не меньшую роль, чѣмъ силы сцѣпленія и добра.

Народъ не поддержалъ Учредительнаго Собранія, — значитъ ли это, что У. С. было исторически обречено и должно быть, теперь и раньше, осуждено и морально -политически?

«Историософски» это можно утверждать, только стоя на почвѣ пріятія и оправданія *всей* исторіи безъ изъятія, со всѣми ея преступленіями и злодѣяніями безъ исключенія. Если *все* дѣйствительное *разумно* и разумно *только* въ дѣйствительности сущее, — о, тогда, конечно, и разгонъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія тоже разуменъ, какъ разумны и октябрьскій переворотъ, и брестъ - литовскій миръ, и надругательства надъ церковью и религіями, семьей и т. д. Больше того — *только* большевизмъ и разуменъ, только *онъ* въ такомъ случаѣ и пріемлемъ, ибо онъ единственный торжествующій, только *его* народъ — пусть пассивно! — и «поддержалъ»!..

«Народъ и не думалъ о поддержкѣ тѣхъ, кто считали себя его избранниками, а на дѣлѣ были тѣнями уже исчерпаннаго періода революціи», — писалъ Троцкій черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Разгона Учредительнаго Собранія» («Правда» отъ 20-IV, 924), — еще не предвидя того «глуповатаго безсилія», коимъ вскорѣ обернется его собственная «напыщенная» сила. И тотъ же мотивъ — на другомъ полюсѣ русской общественности. «Какъ смѣете вы называть себя избранниками народа, исконными выразителями его воли, если онъ пальцемъ не шевельнулъ, когда выгнали васъ изъ Таврическаго дворца?!.. Царствіе ваше окончилось. Сгиньте, окаянные, сгиньте навсегда!.. Россія проклянетъ вскорѣ имена ваши...», — писали правые большевики въ февралѣ 1918 года въ «газетѣ патріотической и отнюдь не контръ - революціонной», какъ значилось на аншлагѣ московскаго «Фонаря». Этотъ мотивъ повторяютъ и позднѣе люди самыхъ разныхъ политическихъ направленій*).

На нашъ взглядъ, народъ — отнюдь не «богоносецъ»; онъ носитель не одного только праведнаго начала. И въ исторіи отнюдь не предустановлена и обезпечена одна только «гармонія». Народъ — всякій народъ — способенъ и падать, и очень низко, и ошибаться — и очень глубоко. Расхожденіе между разумнымъ и нелѣпо - стихійнымъ, между цѣлесообразнымъ и случайнымъ, свѣтлымъ и темнымъ — для исторіи извѣчно. Воспринимать это расхожденіе можно по разному — трагически или эпически, — но, какъ фактъ, оно не устранимо и не умалимо. Можно считать «страшнымъ» для «свободолюбія» народа, — что онъ остался «нѣмымъ», когда «пришелъ матросъ и разогналъ Учредительное Собраніе». Но нельзя при этомъ забывать, что народъ остался «нѣмъ», безмолвенъ и недвижимъ или, во всякомъ случаѣ, недостаточно активенъ и при *всѣхъ другихъ* попыткахъ преодолѣнія большевицкаго насилія, во *всѣхъ другихъ* случаяхъ поруганія его вѣры, государства, семьи, хозяйства.

Нельзя приговоръ и осужденіе Учредительнаго Собранія видѣть въ томъ, что его не поддержалъ народъ, — не осуждая одновременно съ тѣмъ и самого себя и всѣхъ другихъ, — въ частности всѣ другія учрежденія, методы и попытки борьбы съ большевизмомъ, оказавшіеся вѣдь не болѣе счастливыми, чѣмъ «контръ - революціонное большинство» Учредительнаго Собранія или «полубольшевики», — эс-эровъ называютъ вѣдь по разному. Всѣ герои историческихъ неудачъ могутъ одинаково печалиться и негодовать. Злорадствовать имъ, одинаково, не дано! Радоваться можетъ только «третій», празднующій побѣду надъ всѣми. Кто

---

*) Славящійся своимъ народолюбіемъ **В. Шульгинъ** полагаетъ, что въ отличіе отъ своего обыкновенія, народъ, не поддержавъ Учредительнаго Собранія, «въ данномъ случаѣ — проявилъ «здравый смыслъ». (Возрожденіе» отъ 24. VII. 1927). А право - лѣвый слѣдственникъ большевизма евразіецъ **Л. Карсавинъ** идетъ еще дальше: онъ считаетъ, что эс-эровское Учредительное Собраніе вообще «никакой народной воли не выражало... а угнетавшій отъ имени интернаціонала русскихъ людей Ленинъ кое - что выразилъ, какъ, съ другой стороны, и генералъ Корниловъ» («Евраз. Временникъ» кн. V, 38. — 1927).

оставляетъ за собой право судить и побѣдителя, — не можетъ осуждать побѣжденнаго за одинъ только фактъ пораженія.

Пораженіе Учредительнаго Собранія было не частнымъ и личнымъ, — оно было *общимъ и всероссійскимъ*. Свобода, равенство и право оказались вновь сняты съ историческаго порядка дня Россіи болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ десятка лѣтъ. Вновь началось хожденіе по политическимъ мукамъ великой въ этомъ отношеніи неудачницы Россіи. Это было въ духѣ, въ стилѣ и въ традиціи русской исторіи, въ которой еще Герценъ отмѣчалъ «странную вещь, что почти всѣ наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда торжествомъ».

Да, Учредительное Собраніе и его большинство — партія соціалистовъ - революціонеровъ — потерпѣли пораженіе. Но въ ихъ лицѣ и вмѣстѣ съ ними пораженіе было нанесено и всей Россіи. Мало кто изъ прежнихъ и нынѣшнихъ обвинителей Учредительнаго Собранія сумѣлъ осознать и этотъ фактъ. Мало кто сумѣлъ возвыситься надъ своей партійной предвзятостью. Отрицательное отношеніе къ Учредительному Собранію только на томъ основаніи, что Собраніе «эс-эровское», установилось еще *до* того, какъ оно стало дѣйствовать и за свои дѣйствія удостоилось разгона.

«Мы противъ Учредительнаго Собранія, мы сдѣлаемъ такъ, что это Собраніе не состоится, и большевики идутъ рядомъ съ нами», — говорилъ въ концѣ декабря 17 года нѣкій жандармскій полковникъ другой видной особѣ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ царскаго времени. Этотъ «планъ правыхъ, — по описанію А. А. Демьянова въ «Рулѣ» отъ 10-V, 923 г. —былъ таковъ: помочь большевикамъ свалить Учредительное Собраніе, а затѣмъ, когда У. С. будетъ «ликвидировано», то тутъ то и провозгласить pronunciamento ; во главѣ власти поставить диктатора съ программой возстановленія стараго дореволюціоннаго правительства». Не одни только жандармскіе полковники и не только крайніе правые круги предвкушали разгонъ Учредительнаго Собранія. Генералъ Лукомскій вспоминаетъ, какъ въ концѣ 17 года, т. е. опять таки *до* разгона Учредительнаго Собранія, въ политическомъ совѣщаніи при ген. Алексѣевѣ, въ которое входили въ качествѣ сочленовъ ген. Корниловъ, Калединъ, Деникинъ, Лукомскій, Романовскій, Милюковъ, кн. Григорій Трубецкой, Федоровъ и Струве, — «*всѣ* высказались единодушно, что объ Учредительномъ Собраніи 1917 года не можетъ быть рѣчи, что выборы въ это Собраніе были произведены подъ давленіемъ большевиковъ и что составъ этого Собранія не можетъ быть выразителемъ мнѣнія Россіи» («Архивъ Русской Революціи», т. V. 143. — 1922)*).

Естественно, что послѣ обозначившейся неудачи Учредительнаго Собранія издѣвательства надъ «смердящимъ Лазаремъ» стали прини-

---

*) Вожди складывавшейся какъ разъ въ это время Добровольческой Арміи не могли, однако, не учесть факта разгона Учредительнаго Собранія большевиками. И учитывая агитаціонно - политическую эффективность лозунговъ, штабъ Добровольческой Арміи, въ первомъ своемъ оповѣщеніи о возникновеніи Арміи, 9 января 1918 года, т. е. черезъ два дня послѣ роспуска Учредительнаго Собранія, подчеркнулъ, что цѣлью своею она ставитъ борьбу съ большевиками и «защиту (!) Учредительнаго Собранія»». — Двусмыслен-

мать еще болѣе рѣзкія формы. Не довольствуясь личными выпадами противъ «неисправимыхъ фантазеровъ», «ничего не забывшихъ и ничему не научившихся», не способныхъ «разстаться съ старыми фетишами, какъ дикарь съ старымъ амулетомъ», пытающихся «гальванизировать трупы и воскрешать мертворожденныхъ» (см. московскій еженедѣльникъ «Наканунѣ» съ участіемъ В. Я. Брюсова, Бѣлорусскаго, Ключникова, Струве, Устрялова и др. отъ 1-IV 1918 г.), — обличать стали Учредительное Собраніе, какъ *таковое*.

Какое, казалось - бы, дѣло бывшему толстовцу, позднѣе монархисту, потомъ раскаявшемуся эксъ-монархисту и понынѣ нераскаянному антисемиту Ив. Наживину до Учредительнаго Собранія? Во всякомъ случаѣ, какъ ни мало привлекательно оно въ его глазахъ, — меньшинство, разогнавшее «контръ - революціонное большинство», казалось - бы, еще того менѣе достойно его симпатій. Однако... «Вотъ разогнали эти матросы Учредительное Собраніе и въ этомъ огромная (!), неоспоримая (!!) заслуга большевиковъ передъ родиной (!!!)» («Что же намъ дѣлать?» — Изд. «Русская Культура» 1919). И тотъ же по существу комплиментъ по адресу большевиковъ повторилъ и «Верховный правитель» адм. Колчакъ!

Здѣсь сказалась психологія, которая съ Брандовской категоричностью, теоретически не пріемля «средняго» зла или сравнительнаго блага, довольно быстро и покорно примиряется практически со зломъ большимъ и крайнимъ. Такъ многіе изъ офицеровъ, которые отказывали въ поддержкѣ Учредительнаго Собранія за его якобы «соглашательство» съ большевиками, — какъ до того они отказывали въ защитѣ и Временному Правительству, и московской городской Думѣ, когда тѣ перешли къ вооруженной борьбѣ съ большевиками, — потомъ послушно поддерживали и защищали большевиковъ. Эти офицеры даже въ свои собственныя, военныя, не эс-эровскія организаціи шли не безъ внутренняго сопротивленія и, когда шли, шли сотнями, въ лучшемъ случаѣ — тысячами. И они же по первому зову являлись десятками тысячъ на регистрацію къ большевикамъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ уйти на разстрѣлъ или на муку и униженія «концлагерей».

Въ «Архивѣ русской революціи» напечатаны интересныя воспоминанія С. В. Милицына, въ дореволюціонное время помощника оберъ - секретаря сената, а въ январьскіе дни Учредительнаго Собранія — предсѣдателя ротнаго комитета Преображенскаго полка и предсѣдателя объединеннаго комитета отъ представителей полковъ преображенскаго, семеновскаго, финляндскаго, волынскаго, петербургскаго и московскаго, — т. е. тѣхъ самыхъ частей, отъ настроенія и активности

ную формулировку находимъ мы и въ той «корниловской программѣ», которую пропагандировала впослѣдствіи командированная въ Сибирь «делегація» ген. Флуга. Подъ п. 8 въ ней значилось: «сорванное большевиками Учредительное Собраніе должно быть созвано вновь». И рядомъ съ этимъ — «Выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены свободно, безъ давленія на народную волю и во всей странѣ» (см. «Архивъ Русской Революціи». — Берлинъ. 1923. — Т. IX, стр. 286).

коихъ фактически зависѣла судьба Учредительнаго Собранія. «Приходили депутаціи эс-эровъ Учредительнаго Собранія и просили полкъ выступить на защиту народа и Собранія. Говорились громкія рѣчи и дѣлались кѣмъ - то подозрительныя попытки вывести полкъ на улицу. Такъ, къ намъ нѣсколько разъ звонили, что семеновскій полкъ уже выступилъ и ведетъ бой съ латышами, а въ семеновскомъ сообщали, что милліонныя казармы окружены тѣми же латышами, а у Кирочной идетъ перестрѣлка съ красногвардейцами и литовцами... Я слушалъ и думалъ: вотъ во что вылилась давнишняя мечта всѣхъ нашихъ свободолюбцевъ объ Учредительномъ Собраніи? Толпа, идущая привѣтствовать это Собраніе, разстрѣливается не царскими полицейскими, а русскими рабочими, и народъ молчитъ и не встаетъ на защиту своихъ избранниковъ. Какая же цѣна этому народу и какое у него можетъ быть будущее?»... У Милицына былъ свой планъ дѣйствій —: «Пусть пока эти двѣ партіи бьются! Наша задача объединить и организовать убѣжденныхъ противниковъ большевизма, такіе среди солдатъ есть, и ихъ мы не должны уступать ни большевикамъ, ни соціалистамъ - революціонерамъ... Никакихъ партійныхъ программъ, никакихъ реставраціонныхъ затѣй. Цѣль одна — если представится возможнымъ, — взять власть въ солдатскія руки и возстановить порядокъ. На это солдаты могутъ пойти. Имъ не чужда мысль, что пора винтовки для себя использовать... Въ душѣ мы думали, что логически приведемъ къ военной диктатурѣ, хотя бы только скрытой» (т. II, 180, 184 и 185).

Въ Петроградѣ и въ Ростовѣ на/Д. настроенія военныхъ «активистовъ» были болѣе или менѣе созвучны. Ихъ тактика была — дать «додраться» большевикамъ съ полу - большевиками, эс-эрами, оставаясь равнодушными и держа «нейтралитетъ» въ отношеніи обоихъ противниковъ. *Ни* съ большевиками, по примѣру жандармовъ, *ни* съ межеумочнымъ Учредительнымъ Собраніемъ! А своимъ собственнымъ, *третьимъ* путемъ!

Но третьи пути далеко не всегда даются исторіей. И потому и случилось, что русскіе патріоты и государственники, не желавшіе поддерживать Всероссійское Собраніе даже въ борьбѣ противъ большевиковъ, вынуждены были поддерживать мѣропріятія англійскихъ, нѣмецкихъ, японскихъ и даже греческихъ военачальниковъ, не справляясь ни съ убѣжденіями, ни съ цѣлями иностранныхъ противниковъ большевизма. Третій путь — или сторона — только видимо сохранялъ нейтралитетъ въ отношеніи къ обоимъ борющимся лагерямъ. Фактически онъ отдавалъ преимущество большевикамъ, уже овладѣвшимъ властью, передъ Учредительнымъ Собраніемъ, которому еще лишь предстояло низвергнуть большевицкій режимъ и овладѣть властью.

Не будемъ останавливаться подробнѣе на всѣхъ обвиненіяхъ и издѣвкѣ надъ Учредительнымъ Собраніемъ, исходившихъ и исходящихъ отъ его явныхъ противниковъ справа и слѣва, отъ сторонниковъ диктатуры личной или коллективной. Далеко, къ сожалѣнію, не все благополучно въ этомъ отношеніи было и въ демократическомъ лагерѣ русской общественности, — демократію восполнившей соціализмомъ. И тамъ не дооцѣнили того, что не во множественности путей — спасеніе:

что бываютъ историческіе моменты, когда реально даны только *два пути.*

Роль большинства въ Учредительномъ Собраніи отнюдь, конечно, не была безупречна, дальновидна и во всемъ цѣлесообразна. По истеченіи «земской давности», изъ историческаго далека менѣе всего имѣетъ смысла утаивать, замалчивать или затушевывать, чьи бы то ни было политическія ошибки и прегрѣшенія. Партія эс-эровъ — и не одна она, конечно! — не дооцѣнила физическую устойчивость противника, переоцѣнила его морально-политическіе устои — революціонное происхожденіе большевизма и соціалистическую направленность большевиковъ. Многимъ не вѣрилось, а иные и вовсе не допускали, чтобы большевики такъ - таки и рѣшились на разгонъ Учредительнаго Собранія или на разстрѣлъ, по царскому образцу, мирной демонстраціи трудящихся. Не только Церетели говорилъ, что «съ трудомъ вѣрится, чтобы большевики осмѣлились разогнать Учредительное Собраніе. Имъ ни народъ, ни исторія этого не простили бы. Я убѣжденъ, что большевики только пугаютъ». И хотя на слѣдующій день послѣ того, какъ, не посчитавшись ни съ народомъ, ни съ исторіей, большевики все - таки и мирную демонстрацію разстрѣляли, и У. С. разогнали, эс-эровское «Дѣло Народа» и писало: «О, мы совершенно не изумлены и не захвачены врасплохъ тиранической тактикой т. наз. рабоче - крестьянскаго правительства. Мы предсказывали еще въ день открытія Учредительнаго Собранія его неизбѣжный разгонъ партіей большевиковъ... Насъ поэтому даже не поразилъ разстрѣлъ рабочихъ, мирно демонстрировавшихъ во имя лозунга: вся власть Учредительному Собранію!» — это была, конечно, только полемическая похвальба, дальновидностью прикрывавшая горечь и растерянность.

Именно тѣмъ, что «неизбѣжность» разгона У. С. и въ особенности разстрѣла мирныхъ манифестантовъ заранѣе никакъ не могла быть установлена, и объясняется принятый фракціей эс-эровъ планъ кампаніи. Расчитывая обойти противника, она оказалась сама обойденной, — это нерѣдко бываетъ при маневренныхъ операціяхъ. Въ январьскіе же дни 18 года въ Учредительномъ Собраніи иного движенія, кромѣ обходнаго, — увы, не было дано. Можетъ быть не было сдѣлано достаточно яркаго жеста, не было сказано «исторической фразы», которая примирила бы съ Учредительнымъ Собраніемъ лѣтописцевъ, расцѣнивающихъ людей, учрежденія и событія не по внутреннему ихъ существу и драматизму, а исключительно по внѣшней сценичности, яркости и успѣху, —но это уже вопросъ иной.

Политическіе лѣтописцы ждали, почти жаждали *крови* «учредиловцевъ», — не однихъ, такъ другихъ, не большевиковъ, такъ полу-большевиковъ, эс-эровъ. И они даже не замѣтили той *пытки удушьемъ,* которой было подвергнуто Учредительное Собраніе, того *томленія* и *кошмара,* которые оно избыло. Что «пальба могла ежеминутно начаться», — это признавалъ и Арцыбашевъ; онъ только огорчался, что «ея, все таки, не было», и кровь пролилась только на улицѣ и на слѣдующій день — въ Маріинской больницѣ, а не въ Таврическомъ дворцѣ («За Свободу» Варшава.—10-III, 1924 г.).Хулители Учредительнаго Собранія вмѣ-

няли въ вину «учредиловцамъ» и спеціально В. М. Чернову, что у нихъ «не достало мужества погибнуть на своемъ посту» (*А. С. Изгоевъ* въ «Рулѣ» отъ 30-XI, 1923), что «и на сей разъ лидеры партій умѣли погибать только на словахъ» (*П. Рыссъ:* «Русскій Опытъ», стр. 215. — Парижъ 1921 г.), — какъ раньше «погибали кн. Львовъ и Керенскій» (а позднѣе, очевидно, ген. Деникинъ, Врангель, Юденичъ, Миллеръ и т. д.). Какъ будто главное назначеніе государственнаго или политическаго дѣятеля — смерть!? И какъ будто раньше соціалистовъ - революціонеровъ не обвиняли — и тотъ же самый Изгоевъ! — какъ разъ въ обратномъ: въ излишней готовности и «умѣніи» умирать, а не жить, бороться и творить!..

Большинство обвиненій и претензій, обычно предъявляемыхъ къ «эсэровскому» Учредительному Собранію, либо поверхностны и мелководны, направлены не въ сердцевину вопроса, а по «касательной», придавая мелкому, второстепенному и случайному значеніе рѣшающаго, либо упускають изъ виду *перспективу,* не считаются съ *обстановкой* — исторической, политической и психологической, которая была дана Россіи 18 года.

Когда причину неудачи У. С. хотятъ видѣть въ пропорціональной системѣ выборовъ по спискамъ и при этомъ ссылаются на авторитетъ саратовскихъ крестьянъ —: «Развѣ мы знали, кого выбирали? Дали намъ списки, мы за нихъ голосъ подавали, а не за людей, которыхъ мы сами выбрать хотѣли. Если бы мы своихъ выбрали, кто бы ихъ посмѣлъ разогнать!» — «При слабо развитой политической жизни, при полномъ почти незнакомствѣ съ партійными программами и тѣмъ болѣе партійными людьми, выборы по спискамъ не удовлетворяютъ сознательной потребности» (см. упоминавшіяся уже воспоминанія О. С. Минора, стр. 133), — нельзя не вспомнить судьбы 1-ой Государственной Думы. «Дума народнаго гнѣва» была избрана, хотя и ограниченными кадрами избирателей, но по мажоритарной системѣ. И тѣмъ не менѣе ее разогнать посмѣли. Реакціей на разгонъ Думы явилось лишь выборгское воззваніе, составленное, но не приведенное въ исполненіе. Реакціей же на разгонъ избраннаго по спискамъ Учредительнаго Собранія явились какъ ни какъ волжское и архангельское возстанія.

Болѣе серьезными и какъ будто ранящими являются укоры и обвиненія не столько Учредительнаго Собранія, сколько руководящихъ круговъ фракціи с.-р. со стороны бывшихъ ея сочленовъ, — Н. П. Огановскаго, примкнувшаго къ партіи с.-р. со спеціальной цѣлью быть выбраннымъ въ У. С. (онъ говорилъ объ этомъ совершенно откровенно) и Б. Ф. Соколова, не отстававшаго отъ фракціи с.-р. въ Учредительномъ Собраніи, очевидно только за отсутствіемъ другой, болѣе активной анти - большевицкой силы. Бюро фракціи с.-р. вмѣняется, съ одной стороны, двусмысленно - демагогическая «викжелистская» политика, желаніе «перетянуть на свою сторону массы, соблазненныя большевицкими посулами», «лицемѣріе» и даже «трусость» (См. «Дневникъ члена Учредительнаго Собранія» *Н. Огановскаго* въ «Голосѣ Минувшаго», № 4-6. — Москва. Апрѣль - іюнь 1918, стр. 146, 157 и др.). А съ другой стороны, — пассивная «вялость» и «расплывчатость», отсутствіе у

эс-эровскихъ «парламентаріевъ» «дерзости, подлиннаго революціоннаго активизма», опасеніе «рискованной» и «сомнительной авантюры», отказъ фракціи, *какъ фракціи,* отъ внѣпарламентской борьбы за Учредительное Собраніе, отъ санкціи подготовлявшагося на первый день Рождества 17 года «изъятія» Ленина и заблаговременнаго назначенія на 5-е января *вооруженнаго* выступленія большевиковъ и т. д. и т. д. (См. *Б. Соколова:* «Защита Всероссійскаго Учредительнаго Собранія» въ «Архивѣ Русской Революціи», Т. XIII, стр. 27, 39, 44, 47, 55 и др. — 1924 г.).

Чтобы ввести въ рамки исторической, политической и психологической перспективы всѣ эти обвиненія и попреки, одни фактически невѣрные, другіе спорные, всѣ одинаково пристрастные, — достаточно привести собственныя признанія обвинителей.

Въ чемъ видѣлся Огановскому выходъ изъ положенія, не для партіи с.-р., конечно, — «партія наша пропала» (стр. 161), — а для единомышленныхъ съ нимъ не - мытарей и не - фарисеевъ? «Гибнетъ родина, гибнетъ недавно еще огромное, могущественное государство, гибнетъ демократія и всѣ завоеванія революціи, т. е. земля и воля народныя. Но остановить ее (эту гибель) у отдѣльныхъ людей нѣтъ силъ и средствъ, остается намъ, зрячимъ, пока молча глядѣть, сложа руки на груди. Но да будетъ! Непреодолимое должно свершиться!» — записываетъ бывшій энэсъ и бывшій эс-эръ, ставшій заслуженнымъ спецомъ при большевикахъ, въ свой дневникъ отъ 12 января 1918 г. А наканунѣ разгона, 4-го января, онъ дѣлится затаенной мыслью: «Ужъ очень чудной многимъ казалась мысль: «неужели вотъ этотъ самый Иванъ Ивановичъ, мой землякъ изъ Нижегородской губ., котораго я прекрасно зналъ, только потому, что онъ сталъ «лѣвымъ», «безъ пяти минутъ большевикомъ», подведетъ меня, два мѣсяца назадъ его ближайшаго товарища, подъ разстрѣлъ»... А, можетъ быть завтра не будетъ и крови и начнется лишь нудная партійная грызня, подобная той, которая погубила революцію 1905 года»...

И Б. Соколовъ, обличая «невооруженную Правду» и «пассивное величіе», противопоставленныя «активному Ничтожеству» большевиковъ, самъ же отмѣчаетъ и полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ у бюро фракціи, и невозможность для фракціи «уйти въ подполье», и вскрывшуюся тогда же провокацію Коноплевой и Семенова, будущихъ свидѣтелей въ процессѣ эс-эровскихъ смертниковъ*). Возставая противъ эс-эровскаго законничества и парламентаризма, этотъ любитель риска и авантюръ вынужденъ признать: «Въ томъ, какъ обсуждался порядокъ дня перваго Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, въ его схемѣ, начертанной Комиссіей, въ проектахъ рѣчей было одно общее, что больше всего бросалось въ глаза. Это — желаніе удержать Учредительное Собраніе на елико возможной высотѣ. Не дать его уронить въ глазахъ народныхъ. Не позволить втоптать Великую Идею — Великое

*) Семеновъ показывалъ на процессѣ почти буквально словами Б. Соколова, что вооруженное выступленіе съ его, провокатора, участіемъ не произошло потому, что у эс-эровъ «не хватало мужества и рѣшительности на это выступленіе» (см. «Извѣстія» отъ 15-VI 1922 г.).

Учрежденіе въ грязь... Какъ бы то ни было, но разработанный Комиссіей планъ былъ и импозантнымъ, и не лишеннымъ красоты*). Ибо кристаллизація его должна была происходить вокругъ Великой Идеи народоправства и подчеркнуть «священность Учредительнаго Собранія»... По существу пятое января было завершеніемъ героическаго періода революціонной демократіи. Ибо готова была фракція во имя народа принести свои жизни на алтарь борьбы. Нѣтъ — *соглашательскимъ* нельзя было назвать ни въ коемъ случаѣ поведеніе фракціи». И «біологъ - эволюціонистъ», на многое ставшій глядѣть глазами пореволюціонныхъ «Вѣхъ», почти пальцемъ указываетъ на ту причину, которая побуждала бюро фракціи соблюдать сугубую осторожность. «Въ памяти многихъ были неудачи московскаго и петроградскаго вооруженныхъ выступленій на защиту Временнаго Правительства. Эти выступленія показали безсиліе и неорганизованность демократіи. Отсюда возникла своего рода боязнь передъ новыми вооруженными возстаніями».

Да, эсэровское большинство было противъ форсированнаго открытія военныхъ дѣйствій, какъ оно было противъ преждевременнаго возстанія на Волгѣ, безъ достаточной подготовки, организаціонной или «ходомъ вещей», — въ единственномъ разсчетѣ на стихію, на счастливую звѣзду или, наконецъ, на «кривую», которая не можетъ же въ концѣ концовъ не вывести въ правомъ дѣлѣ. Ходъ событій — и до, и послѣ 5-го января — какъ будто бы неопровержимо подтвердилъ, что скорѣе все-таки *недо*оцѣнили мѣру «безсилія и неорганизованности демократіи», нежели ее *пере*оцѣнили.

Б. Соколовъ передаетъ живописную сцену на собраніи 1-го и 2-го балтійскихъ экипажей 3-го января. Послѣ ряда проникновенныхъ рѣчей какой - то матросъ - энтузіастъ вскочилъ на эстраду и закричалъ:

«— Братцы, товарищи, поклянемся, что не пойдемъ противъ народнаго собранія...

— Клянемся!..

— На колѣни, товарищи, на колѣни!

И вся многотысячная толпа матросовъ становится на колѣни и кричитъ: «Клянемся не итти противъ Учредительнаго Собранія». Именно — «не итти противъ», — справедливо комментируетъ Б. Соколовъ. «О томъ, чтобы итти *за* Учредительное Собраніе они даже не думали. Ихъ энтузіазма, ихъ волеизъявленія хватило только на то, чтобы быть пассивными»...

Въ этомъ было *главное*. И при такой настроенности, когда «люди, говорившіе утромъ «да», вечеромъ говорили «нѣтъ», — звать къ оружію было, дѣйствительно, сомнительной авантюрой. И, считаясь съ этой психологіей массъ, фракція У. С., *какъ фракція*, къ оружію и не звала. Среди нихъ не было — или было немного — любителей гражданской

---

*) Также и у Огановскаго: — «Излагается и обсуждается прекрасно составленная «программа дня». Но бюро не обманываетъ себя въ томъ, что ее удастся провести полностью. Цѣль этой программы показать народу, что Учредительное Собраніе можетъ дать настоящіе законы, которыхъ ждетъ страна, а не заборные плакаты.. Надъ составленіемъ документовъ потрудились достаточно, написаны они отчетливо и даже величественно» (стр. 148).

войны. Говоря словами одного изъ членовъ — «пятерки», руководившей фракціей въ засѣданіи Учредительнаго Собранія, Е. М. Тимофеева, — словами, сказанными имъ не въ Учредительномъ Собраніи, а 4½ года спустя передъ революціоннымъ трибуналомъ въ Москвѣ отъ лица всѣхъ обвиняемыхъ эс-эровъ - смертниковъ: «Мы сдѣлали все, чтобы помѣшать гражданской войнѣ до тѣхъ поръ, пока Учредительное Собраніе не было разогнано... Вы разстрѣливали рабочихъ, которые шли по улицамъ, неся красные знамена и плакаты, и привѣтствовали Учредительное Собраніе. Вотъ причины, вызвавшія гражданскую войну».

Кто теперь не знаетъ роли, какую въ успѣхѣ военныхъ операцій играетъ состояніе духа сражающихся, ихъ «мораль». Тѣмъ большее значеніе оно имѣетъ въ войнѣ гражданской, въ которой аналогичное значеніе имѣетъ и вопросъ объ «отвѣтственности» за войну, кто ее *началъ*, кто *первымъ* открылъ огонь. Въ этомъ отношеніи фактъ разгона Учредительнаго Собранія, послѣдовавшаго за разстрѣломъ мирныхъ демонстрантовъ въ честь У. С., имѣлъ рѣшающее значеніе. Своей наглядностью и показательностью онъ убѣждалъ всѣхъ колеблющихся, развязывалъ психологію, давалъ полное морально - политическое оправданіе переходу къ военнымъ дѣйствіямъ, возлагалъ неоспоримую отвѣтственность за пролитую кровь на большевиковъ. Чтобы вспомнить *тогдашнія* настроенія, достаточно привести слова тогдашняго Горькаго, всегда чуткаго ко всякой перемѣнѣ политической погоды и крѣпнущему вѣтру. «5-ое января разстрѣливали рабочихъ Петрограда, безоружныхъ. Разстрѣливали безъ предупрежденія о томъ, что будутъ стрѣлять, разстрѣливали изъ засадъ, трусливо, какъ настоящіе убійцы... Я спрашиваю «народныхъ» комиссаровъ, — обращался Горькій къ своимъ бывшимъ и нынѣшнимъ друзьямъ, — среди которыхъ должны же быть порядочные и разумные люди, понимаютъ ли они, что, надѣвая петлю на свои шеи, они неизбѣжно удавятъ всю русскую демократію, погубятъ всѣ завоеванія революціи? Понимаютъ ли они это? Или они думаютъ такъ: или мы —власть, или пускай все и всѣ погибнутъ»?

Послѣдующее показало, что не только мало сознательные и анархизированные войной и революціей низы были мало расположены активно защищать и итти *за* Учредительное Собраніе. Не больше государственнаго разума и дальновидности проявили и верхи, весьма, казалось бы, понаторѣлые во всякаго рода политическихъ вопросахъ и проблемахъ.

Если даже Пѣшехоновы не только по своимъ соображеніямъ, но и по мотивамъ патріотическимъ и народолюбивымъ проглядѣли историческій смыслъ и политическое значеніе сохраненія Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, реально единственно даннаго: если соціалъ - демократы меньшевики уже въ концѣ 18 года поспѣшили признать на своемъ «всероссійскомъ совѣщаніи», что «въ настоящее время лозунгъ У. С. можетъ быть использованъ, какъ знамя и прикрытіе прямой контръреволюціи и что даже новые выборы, произведенные въ такой обстановкѣ, грозили бы сдѣлать У. С. не органомъ революціи, а органомъ контръ - революціи», и потому «за исходный пунктъ» надлежитъ принять «совѣтскій строй, какъ фактъ дѣйствительности», то, явно, россій-

ская демократія еще не дозрѣла до того, чтобы имѣть, — или, что равнозначно: чтобы умѣть защищать — свое Учредительное Собраніе.

И, можетъ ли быть что болѣе показательнымъ для отсталости русской политической культуры, чѣмъ мнѣніе дальновиднаго евразійца Карсавина о томъ, что «особенно опаснымъ въ періодъ окончательнаго паденія коммунизма можетъ оказаться «учредительное собраніе», ибо нѣтъ увѣренности, что «найдется второй Желѣзнякъ» («Евразійскій Временникъ», V, 56. — 1927)*).

3.

Русская общественность не доцѣнила силы, длительности и пагубности большевицкаго овладѣнія Россіей. Отсюда легкомысленная увѣренность, что съ большевиками ничего не стоитъ справиться «въ два счета», только бы полу - большевики, родные или двоюродные братья большевиковъ, не мѣшали и не мѣшались. Отсюда и убѣжденіе, что «учредиловцы», да и всякое Учредительное Собраніе, лишь препона на пути реальнаго преодолѣнія большевиковъ и большевизма, — нужны дѣла, а не слова, воины, а не политики, единоначаліе, а не многоглаголаніе.

Русская общественность не доцѣнила факта существованія и сохраненія хотя бы «символа», хотя бы «охвостья» Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, для борьбы противъ большевиковъ. Она отвернулась отъ него, не считаясь съ тѣмъ, что Учредительное Собраніе было единственнымъ правовымъ источникомъ власти, что внѣ и взамѣнъ его можетъ существовать и длиться только хаосъ, произволъ и усмотрѣніе диктаторовъ коллегіальныхъ или единоличныхъ. Русская общественность изъ своего столичнаго далека проглядѣла то, что въ глубинѣ Россіи, «на мѣстахъ» и на окраинахъ было самоочевидно. Она недооцѣнила факта существованія Учредительнаго Собранія для сохраненія цѣлости и единства россійской державы.

Центробѣжныя волны пронеслись по всей русской равнинѣ, докатившись и не пощадивъ ни Дона, ни Кубани, ни Сибири. Надо помнить даты. 7-го января было «распущено» большевицкимъ декретомъ Учре-

---

*) Хронологическое первенство этого взгляда должно быть признано за «Свободной Рѣчью» (екатеринодарскій органъ партіи народной свободы), которая еще 11. V. 1919 г. предупреждала, что если «на свѣтъ Божій выглянетъ сборище, подобное первому (Учредит. Собранію), очевидно, съ нимъ придется поступить по примѣру матроса Желѣзняка». — Болѣе поздній варіантъ Маркова 2-го гласилъ: «Одинъ Желѣзнякъ разогналъ первое Учредительное Собраніе, другой разгонитъ второе» (см. отчетъ о собраніи «Объединенія легитимистовъ» въ парижскихъ газетахъ: «Возрожденіе» отъ 12. XII. 1930 г.).

Въ большевицкомъ литературномъ журналѣ «Звѣзда» № 3 за 1930 г. нѣкій А. Прокофьевъ опубликовалъ поэтическое «Слово о матросѣ Желѣзнякѣ». Въ немъ между прочимъ говорится:

— «Черновъ поднимаетъ сѣдѣющій кокъ.
Сзади его стоитъ Желѣзняковъ.
Ваша исчерпана партитура.
За Желѣзняковымъ — диктатура.
Стой, эс-эръ, не перечь...»

дительное Собраніе, а 12-го января уже провозгласила свою независимость Эстонія; 14-го «отдѣлилась», согласно «четвертому универсалу», Украина; 13-го февраля самоопредѣлилась Литва; 17-го марта — Закавказье; и 1 апрѣля выкинула апрѣльскую шутку Латвія, — присоединившись на время къ Германіи - побѣдительницѣ...

Сколь слабымъ ни было Учредительное Собраніе, какъ бы ни было обосновано критическое и даже отрицательное къ нему отношеніе, нельзя все - же упускать изъ виду его непримиримости къ большевикамъ. Революціонное по своему происхожденію и соціалистическое по своему личному составу, большинство Учредительнаго Собранія не поддалось антидемократическому соблазну и искушенію. Оно твердо стояло на почвѣ демократическихъ принциповъ и отрицанія совѣтской диктатуры. Оно претерпѣло пораженіе, но оно осталось себѣ вѣрнымъ. Демократическихъ началъ Учредительное Собраніе не предало и не нерушило, а большевиковъ оно вынудило обнаружить окончательно и предъ всѣмъ міромъ ихъ *лже* - демократическую личину и *анти* - демократическую сущность. Какъ сурово ни оцѣнивать Учредительное Собраніе по мотивамъ партійно - политическимъ, въ исторію оно войдетъ, пусть какъ неудачливое, но тѣмъ не менѣе стойкое и непримиримое отрицаніе большевицкой тираніи.

Такъ случилось, что противобольшевицкое Собраніе состояло въ своемъ подавляющемъ и активномъ большинствѣ изъ соціалистовъ. И этого факта оказалось достаточно для того, чтобы несоціалистическая общественность забыла, что Собраніе — противобольшевицкое, и по своему происхожденію и титулу власти единственное, ни съ чѣмъ не сравнимое и незамѣнимое орудіе борьбы съ совѣтской диктатурой. Когда борьбу противъ этой диктатуры вмѣсто Учредительнаго Собранія возглавили «верховный правитель» Колчакъ, «царь Антонъ», баронъ Врангель, «вождь царскаго корня» вел. кн. Николай Николаевичъ и другіе менѣе крупные, но не болѣе задачливые претенденты на званіе не то Бонапарта, не то Мономаха, — имъ на собственномъ тяжкомъ опытѣ пришлось оцѣнить отрицательныя стороны произвольнаго и единоличнаго возглавленія междоусобной борьбы, отсутствіе легальнаго титула власти и авторитетнаго народно - представительнаго органа. Это давало себя остро чувствовать во время борьбы въ Россіи; даетъ себя знать и за ся рубежами. Международное общественное мнѣніе искренне возмущалось большевицкой деспотіей, но оставалось равнодушнымъ, а часто и враждебнымъ ко всѣмъ генеральскимъ и велико - княжескимъ мечтамъ и попыткамъ сверженія Совѣтовъ. Въ отрицательномъ отношеніи западно - европейской демократіи и соціалистовъ къ большевизму рѣшающую роль сыгралъ не столько даже фактъ захвата большевиками власти въ октябрѣ, сколько фактъ разгона ими Учредительнаго Собранія въ январѣ. И по сей день большевицкіе сателлиты на Западѣ передъ западно - европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ вынуждены скрывать и искажать подлинныя взаимоотношенія между большевицкой властью и Учредительнымъ Собраніемъ.

Меньшинство Учредительнаго Собранія готово было въ свое время претерпѣть «Учредилку», *если и поскольку* она согласилась бы поста-

вить свой штемпель на большевицкое декретное творчество. И правое крыло противниковъ большевиковъ тоже готово было мириться съ «Учредилкой», *поскольку* связывало съ ней преувеличенныя надежды на немедленное сверженіе большевиковъ и возможность пожать для себя чужіе плоды и труды. Когда же «плодовъ» Учредительное Собраніе не принесло, всю горечь своего разочарованія правая общественность обратила противъ не оправдавшихъ ея фантастическихъ разсчетовъ «трусливыхъ учредиловцевъ», «двуличныхъ соціалистовъ» и постылой «четырехвостки».

Глубоко поучительно, какъ легко и быстро отвернулись отъ преодолѣнія большевизма методомъ военной диктатуры тѣ самые, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этотъ именно методъ восхваляли и защищали. Какъ только «бѣлая мечта» обнаружила на дѣлѣ свою несостоятельность, многіе изъ наиболѣе видныхъ ея идеологовъ вернулись на покинутыя позиціи демократіи и Учредительнаго Собранія.

Когда въ концѣ 1920 г. крымская эпопея закончилась эвакуаціей за границу ген. Врангеля со всей его арміей и правительствомъ, за рубежомъ пріобрѣлъ особую остроту вопросъ, какъ оградить интересы, достояніе и достоинство Россіи отъ заинтересованныхъ въ расхищеніи и расчлененіи Россіи иностранныхъ хищниковъ. Побѣда большевиковъ на всѣхъ фронтахъ гражданской войны выдвигала совѣтскую власть, въ качествѣ естественнаго и единственно - правомочнаго представителя Россіи. Съ другой стороны, представительство за Россію и представительство національныхъ интересовъ русскаго народа еще съ дореволюціонныхъ временъ монополизировали правые круги русскаго зарубежья. Въ противовѣсъ тѣмъ и другимъ возникъ планъ созданія *демократическаго* органа представительства россійскихъ интересовъ, — органа, опирающагося, хотя бы въ прошломъ, на формальныя полномочія народа, на его довѣренность и избраніе.

Отдѣльные члены Учредительнаго Собранія, волею случая или судьбы очутившіеся за-границей, выступали и раньше со всевозможными заявленіями и протестами по поводу обозначившагося признанія Европой власти большевиковъ за «законное правительство Россіи» (см., напримѣръ, протестъ группы членовъ У. С. с.-р. отъ 14-III, 1920 г.). Крушеніе Крыма ставило тотъ же вопросъ въ болѣе общемъ видѣ. И 15 декабря 1920 г. отъ имени инициативной группы членовъ У. С. с.-р.-овъ за подписью Авксентьева, Керенскаго и Минора опубликовано было въ Парижѣ обращеніе къ «рожденной мартовской революціей республиканской демократической Россіи», которой предлагалось поднять заграницей свой независимый голосъ въ защиту національныхъ интересовъ Россіи. — «Пока Россія лишена государственныхъ органовъ, по праву заграницей ее представляющихъ, не могутъ молчать члены Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Пусть внѣ У. С. они не представляютъ воли народа и не въ правѣ дѣйствовать его именемъ. Никто, однако, не можетъ снять съ нихъ долга выступить на защиту Россіи». Инициативная группа высказывалась, поэтому, за немедленный созывъ въ Парижѣ частнаго Совѣщанія членовъ У. С., «для разработки формъ и средствъ защиты чести, достоинства и достоянія государства россійска-

го передъ лицомъ народовъ всего міра впредь до возсозданія въ Россіи законной, свободно самимъ народомъ признанной, государственной власти».

Эта инціатива встрѣтила сочувствіе и поддержку со стороны находившихся заграницей эн-эсовъ, «Союза Возрожденія» и меньшинства к.-д.-ской партіи, возглавляемаго членами Учредительнаго Собранія Милюковымъ, Винаверомъ, Коноваловымъ и др. Отъ имени парижскаго комитета партіи послѣдніе опубликовали заявленіе въ духѣ «новой тактики», намѣченной Милюковымъ въ сторону рѣшительнаго отказа отъ какой - либо связи съ явными или скрытыми («непредрѣшающими») монархистами и реставраторами. Заявленіе предлагало разсматривать «предложенную группой с.-р. мѣру, какъ первый шагъ на пути сближенія враждовавшихъ доселѣ группъ русской общественности и образованія объединеннаго фронта для возсозданія новой русской государственности». Оно выражало увѣренность, что намѣченное Совѣщаніе придетъ къ мысли «объ образованіи постоянно дѣйствующаго органа, включающаго въ свой составъ, какъ группы, представленныя въ средѣ членовъ Учредительнаго Собранія, такъ и нѣкоторыя другія группы, стоящія на почвѣ признанія началъ мартовской революціи 1917 года и могущія придать такому органу должную авторитетность и компетентность въ представительствѣ новой Россіи за - границей».

Частное совѣщаніе членовъ У. С. состоялось въ Парижѣ съ 8-го по 21-ое января 1921 г. Въ немъ приняли участіе 22 члена У. С. с.-р., 1 н.-с., 5 к.-д., 1 октябристъ, 3 представителя татарско - мусульманскаго населенія и 1 — казачьяго. Принявъ рядъ резолюцій — объ отношеніи иностранныхъ державъ къ совѣтской власти, о снятіи блокады и торговыхъ соглашеніяхъ, о концессіяхъ, раздаваемыхъ совѣтской властью иностранцамъ, объ отторженіи отдѣльныхъ частей россійской территоріи, объ отношеніи къ окраиннымъ государственнымъ образованіямъ и національностямъ, Совѣщаніе выдѣлило изъ себя девяти - членную Исполнительную Комиссію. На нее было возложено проведеніе въ жизнь постановленій Совѣщанія и изученіе вопросовъ о положеніи россійскихъ гражданъ, интернированныхъ за-границей, военноплѣнныхъ и бѣженцевъ, равно какъ и охрана россійскихъ правъ и имуществъ на основаніи нормъ международнаго права.

За полтора года своего существованія Исполнительная Комиссія Совѣщанія членовъ У. С. не пропускала ни одного случая, чтобы не выступить публично въ органахъ западно - европейскаго и американскаго общественнаго мнѣнія или передъ соотвѣтствующими политическими и общественными дѣятелями съ заявленіями, ходатайствами или протестами по поводу тѣхъ или иныхъ событій, касающихся внутреннихъ или внѣшнихъ интересовъ Россіи (международной конференціи въ Генуѣ, польско - совѣтскаго договора въ Ригѣ, помощи голодающимъ, положенія въ тюрьмахъ и террора въ Россіи, «препятствій къ доставкѣ продовольствія въ Кронштадтъ» и т. д. — См. «Бюллетени Совѣщанія членовъ Россійскаго Учредительнаго Собранія» № 1-3).

Однако, задача, поставленная Совѣщаніемъ, не была достигнута. Ибо не суждено было осуществиться главной надеждѣ и основной пси-

хологической и политической предпосылкѣ самаго существованія Исполнительной Комиссіи, не пробудились здоровыя силы демократіи въ Россіи, не создалось организованное движеніе противъ большевиковъ. Вспыхнувшія было возстанія матросовъ въ Кронштадтѣ и крестьянъ Тамбовской и другихъ губерній центральной Россіи были очень скоро подавлены безпощаднымъ терроромъ большевиковъ и неслыханнымъ даже въ анналахъ Россіи царемъ - голодомъ 21-го года.

Жизнедѣятельность Комиссіи постепенно стала замирать, пока не была ликвидирована и формально въ 22-мъ году.

Всероссійское Учредительное Собраніе прекратило свое существованіе окончательно и безповоротно, въ цѣломъ и въ своихъ «Осколкахъ», въ Россіи и за рубежомъ. Но идея Учредительнаго Собранія, конечно, не умерла. Къ ней возвращались *справа*, «бѣлые» вожди, — увы, слишкомъ поздно, въ послѣднія трагическія минуты своего «водительства». И Колчакъ, и Деникинъ, и Юденичъ, и даже Врангель вынуждены были вернуться къ постылой для нихъ идеѣ Учредительнаго Собранія*), — для того, впрочемъ, чтобы вновь все позабыть къ моменту писанія своихъ мемуаровъ...

Но къ той же идеѣ возвращаются — одни раньше, другіе позже — и *слѣва*, тѣ, кто искренне или лицемѣрно вынуждены порвать съ диктатурой коммунистической партіи, выродившейся въ личный режимъ. И на нашихъ глазахъ «бывшіе члены ВКП», разорвавшіе со Сталинымъ, но не отдѣлавшіеся еще отъ мифа и призрака «совѣтской формы государственнаго устройства», связываютъ свои новыя надежды съ созывомъ новаго Учредительнаго Собранія. Одни изъ, такъ называемыхъ, «невозвращенцевъ» разсчитываютъ, что Учредительное Собраніе, избранное на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, «приведетъ къ совѣтскимъ формамъ государства» (якобы только извращеннымъ диктатурой Сталина), другіе же — что «свободный, демократически избранный съѣздъ вынесетъ постановленіе о созывѣ Учредительнаго Собранія» (Двухнедѣльникъ «Борьба» №2. — Парижъ отъ 10-V. 1930 г.).

Всероссійское Учредительное Собраніе явно не удалось, — какъ «не удалась» и февральская революція, какъ «не удались» и христіанство, по свидѣтельству Достоевскаго, и вообще вся человѣческая исторія. Среди многихъ причинъ этой великой неудачи были и причины идеологическаго характера. Слишкомъ затянулся самодержавный періодъ

*) Ср. ноту адм. Колчака и его воззванія (о которыхъ выше), рѣчь ген. Деникина на казачьемъ верховномъ кругѣ въ Екатеринодарѣ въ январѣ 1920 г. и самобытный проектъ врангелевскаго учредительнаго собранія въ октябрѣ того же 20-го года.

Подчиненный ген. Юденичу ген. — м. Родзянко въ печатномъ воззваніи къ населенію указывалъ: «Про бѣлыя войска говорятъ разный вздоръ. Объявляю, что подчиненные мнѣ отряды имѣютъ одну цѣль: свергнуть большевиковъ и установить въ странѣ народную власть въ лицѣ Учредительнаго Собранія. Всѣ, кто стоитъ за Учредительное Собраніе въ Россіи, должны примкнуть къ моимъ войскамъ» (см. «Великую Россію», основанную В. Шульгинымъ, 17. VIII, 1919; **В. Маклаковъ: «La Constituante Russe »** въ **La Revue de France.** 15. V. 1921; **Георгій Покровскій:** «Деникинщина». — Берлинъ. 1923. — Стр. 269 и др.).

одъ русской исторіи, и народившаяся еще при самодержавіи русская общественность слишкомъ долго развивалась въ атмосферѣ безправія и произвола, подъ прямымъ вліяніемъ отталкиванія и вражды къ началамъ самоуправленія и народоправства. Отсюда и характерное для русской общественности *условное* признаніе демократическаго принципа и его воплощенія — Учредительнаго Собранія, отношеніе къ нимъ не какъ къ самоцѣнности, а «постольку - поскольку», въ зависимости отъ мѣста, времени и прочихъ преходящихъ обстоятельствъ и соображеній партійной тактики и стратегіи.

На слѣдующій день послѣ разгона Учредительнаго Собранія центральный органъ п. с.-р. «Дѣло Народа» писало: «Мы вечра пережили еще не полномочное Учредительное Собраніе. Это только предисловіе къ Учредительному Собранію». И, дѣйствительно, Учредительному Собранію такъ и не удалось стать ничѣмъ большимъ, какъ *предисловіемъ* къ грядущему. Учредительное Собраніе умерло, но мы не можемъ не воскликнуть: — *да здравствуетъ Учредительное Собраніе!*

Только чрезъ Учредительное Собраніе можетъ Россія притти къ свободѣ и благосостоянію. Только этимъ путемъ, переставъ быть совѣтской, Россія не станетъ и евразійски-великорусской, не сведется къ предѣламъ евразійской Великороссіи!

«Къ Учредительному Собранію Россія придетъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ блужданій по песчаной и безводной пустынѣ анархіи, — почти пророчески писалъ, еще до октябрьскаго переворота, безвременно скончавшійся отъ совѣтскаго сыпняка проф. В. М. Гессенъ. Она придетъ къ нему измученная и обезсиленная, растерявшая по пути значительную часть революціонныхъ иллюзій. Она придетъ къ нему охваченная стремленіемъ къ порядку и жаждою власти. При такихъ условіяхъ Учредительное Собраніе окажется въ такой мѣрѣ авторитетнымъ и могущественнымъ, что о какомъ бы то ни было противодѣйствіи его волѣ не можетъ быть и рѣчи» («Русское Учредительное Собраніе и выборы въ него». — Петроградъ. 1917). — Что въ 17-мъ году проф. Гессену представлялось исключенной возможностью — «не можетъ быть», то въ опытѣ пережитаго кажется уже категорической необходимостью — никакого противодѣйствія и *не будетъ!*..

Что идея Учредительнаго Собранія, въ извѣстномъ смыслѣ, «вѣчна», и что внѣ его вообще нѣтъ выхода для Россіи — весь вопросъ лишь во времени, — поняли и не порвавшіе съ властью очереднаго партійнаго диктатора большевики «партійцы». Только до времени это свое пониманіе они держатъ подъ спудомъ.

— «Ведешь дневникъ? — спрашивалъ Радекъ Каменева въ 1921 году. Такъ запиши, что я тебѣ скажу! Мы идемъ къ возрожденію капитализма и Учредилкѣ! Такъ будетъ, потому что иначе и быть не могло. Я былъ правъ» («Извѣстія» отъ 1-XI, 1927 г.)...

Да, такъ будетъ, потому что иначе и быть не могло!

И когда *это* будетъ, станетъ яснымъ и то, что права была демократія, а не тѣ, кто боролись противъ нея слѣва и справа. И тогда оправдано будетъ и Всероссійское Учредительное Собраніе перваго созыва.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Предисловіе 7

Глава I. **Проблема учредительной власти въ исторіи политическихъ идей и учрежденій.** — Идея учредительной власти въ историческомъ развитіи. — Американская практика и европейская теорія. — Доктрина французской революціи. — Конституанта и Конвентъ. — Духъ и стиль 18-го вѣка и современное правосознаніе въ ученіи объ учредительной власти. — Общественное провозглашеніе, какъ первичная норма права и какъ источникъ учредительной власти. — Внѣзаконное преобразованіе государства, какъ принципъ французскаго публичнаго права и какъ фактъ русской исторіи. — Учредительное Собраніе, какъ порядокъ преобразованія фактической власти во власть регулярную и правовую 9

Глава II. **Идея Учредительнаго Собранія въ исторіи общественнаго самосознанія Россіи.** — Декабристы: «якобинцы» и «демократы». — Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россія» и «Свобода». — Хиліастическія чаянія соціальнаго переворота и «счастье» Россіи — въ отсталости ея политическаго развитія. — Проблески идеи Учредительнаго Собранія. — Учредительное Собраніе въ программѣ «Народной Воли». — Историческіе дефекты и заслуги въ политической идеологіи «Народной Воли». — Ея наслѣдники. — «Группа освобожденія труда» и программы 1884 и 1887 гг. 30

Глава III. **Идея Учредительнаго Собранія на перевалѣ XIX - го вѣка.** — Политическое пробужденіе и новыя попытки построенія программъ. — Программа Россійской Соціалъ - Демократической Рабочей Партіи и ея отношеніе къ принципамъ демократіи. — Партія Соціалистовъ - Революціонеровъ и ея программа. — «Освобожденіе» и «Союзъ Освобожденія».—Идеологія революціи и оппозиціи — Программа Конституціонно - Демократической партіи. — Учредительное Собраніе, какъ основной лозунгъ революціи 1905 г. — Попытка монополизаціи этого лозунга. — Его модификація. — «Законодательное Собраніе съ учредительными функціями». — Партіи, принявшія требованія Учредительнаго Собранія. — Ихъ отношеніе къ этому требованію 44

Глава IV. **Революція 1917 г. и Всероссійское Учредительное Собраніе.** — Изъ міра идей въ міръ вещей. — Универсальная клятва вѣр-

ности Учредительному Собранію. — Непредрѣшимость воли будущаго хозяина русской земли. — Затяжной характеръ власти Временнаго правительства и срокъ выборовъ въ Учредительное Собраніе. — Кто виноватъ? — Объективныя причины отсрочекъ и запозданія. — Повышенныя требованія и организаціонно - техническія трудности. — Срокъ выборовъ, какъ пунктъ партійно - политической борьбы. — Особое Совѣщаніе по изготовленію закона о выборахъ въ У. С. — Отношеніе къ нему и къ его задачѣ со стороны русской общественности. — Основныя начала наиболѣе демократическаго избирательнаго закона въ мірѣ. — «Мертворожденный» законъ въ лимитрофныхъ странахъ. — Русскій прецедентъ и западно - европейская практика послѣ войны. — Выборы во Всероссійское Учредительное Собраніе. — Всероссійская Комиссія по выборамъ. — «Обезпеченіе созыва въ срокъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія», какъ одинъ изъ лозунговъ большевицкаго переворота. — Легкость переворота и разсчетъ на большинство въ У. С. — Цыфровые итоги. — Побѣда оппозиціи и перемѣна позиціи. — Совѣты, какъ единственно возможная форма диктатуры пролетаріата 65

Глава V. **Первый и послѣдній день Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.** — На улицѣ и въ Таврическомъ дворцѣ. — Правящее меньшинство и оппозиціонное большинство. — Гегемонія с.-р.-овъ. — Рѣчь предсѣдателя. — Планы с.р.-овъ, большевиковъ и лѣвыхъ с.-р.-овъ. — Звѣринецъ и циркъ. — 17-ти часовая Голгофа. — За кулисами Таврическаго дворца. — Уходъ большевиковъ и лѣвыхъ с.-р.-овъ. — Выступленіе Желѣзнякова. — Постановленія Учредительнаго Собранія. — «Вчерашній день русской революціи» или завтрашній день русской исторіи? 98

Глава VI. **Всероссійское Учредительное Собраніе въ гражданской войнѣ.** — Роль идей въ гражданской войнѣ. — Два лагеря по признаку признанія и отрицанія идеи и факта Учредительнаго Собранія. — «Осколки» Долгаго Парламента въ Англіи 17-го вѣка. — Положительныя и отрицательныя стороны с.-р.-скаго возглавленія вооруженной борьбы противъ совѣтской власти. — VIII-ой Совѣтъ партіи С. - Р. въ Москвѣ и мѣры «спасенія родины и революціи». — Возстановленіе Учредительнаго Собранія перваго созыва или созывъ новаго У. С.? — Программа и тактика с.-р., н.-с., с.-д., к.-д., и Союза Возрожденія 117

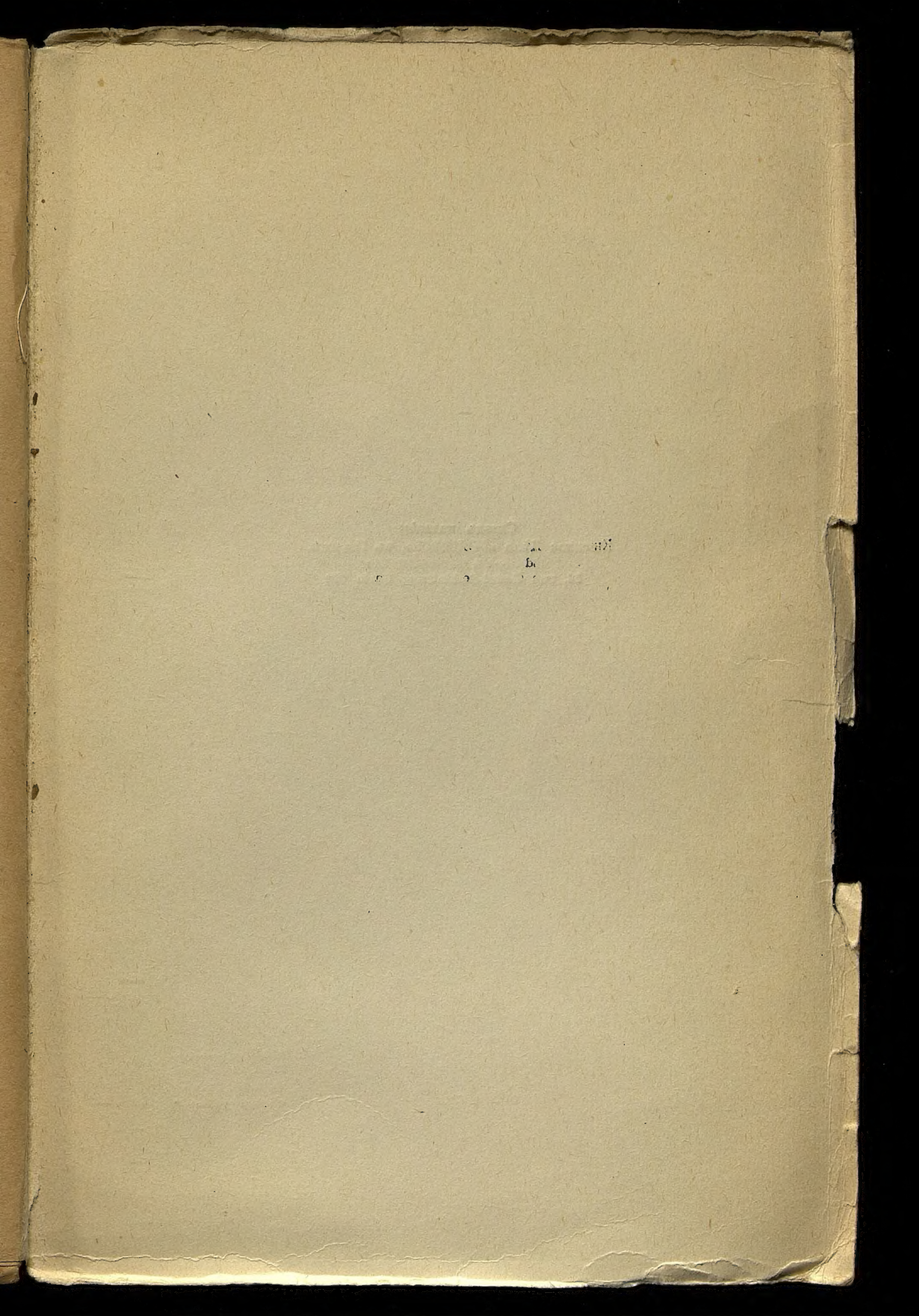
Глава VII. **Фронтъ Учредительнаго Собранія.** — Выступленіе чехословаковъ. — Стихія и сознательность, импровизація и необходимость въ гражданской войнѣ. — Народное возстаніе на Волгѣ. — Народное возстаніе въ Сибири. — Роль «учредителей» тамъ и тутъ. — Образованіе самарскаго Комитета Учредительнаго Собранія. — Борьба за У. С., какъ борьба за освобожденіе Россіи отъ большевиковъ и внѣшняго противника. — Безличное основаніе власти, внѣпартійной и общенаціональной. — Организація управленія и вооруженныхъ силъ. — Кульминація успѣха: взятіе Казани и золотого запаса. — Внѣшняя политика КОМУЧ-а. — Союзническая политика въ Европѣ и на фронтѣ гражданской войны 142

Глава VIII. **Образованіе временной Всероссійской власти.** — Государственное Совѣщаніе въ Уфѣ. — Два крыла. — Смѣна властей въ Сибири. — Борьба Омска съ Самарой. — Взаимные упреки и притязанія. — Средняя позиція. — Медіаторы изъ Союза Возрожденія. — Московскіе проекты и уфимская реальность. — Вынужденное соглашеніе и содержаніе компромисса. — Избраніе пятичленной Директоріи. — Ея права и обязанности. — Условія созыва Учредитель-

наго Собранія перваго призыва. — Конецъ КОМУЧ-а. — Съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія, какъ «государственно - правовой органъ». 170

Глава IX. **Жизнь и смерть Директоріи.** — Омская обстановка. — Реальная сила и сила идей. — «Учредиловцы» на сѣверѣ, на югѣ и на востокѣ. — Переворотъ 2-го августа въ Архангельскѣ. — Убійство Б. Н. Мойсеенко въ Омскѣ. — Воззваніе с.-р.-овскаго Ц. К. и правые заговорщики. — За нѣсколько часовъ до международнаго признанія власти Директоріи. — Переворотъ 18 ноября. — Арестъ членовъ Директоріи въ Омскѣ. — Аресты членовъ Учредительнаго Собранія въ Екатеринбургѣ и Самарѣ. — Убійства «учредиловцевъ» въ Омскѣ и на Байкалѣ. — Конецъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія перваго призыва 190

Глава X. **Заключеніе.** — Причины пораженія демократіи и фронта Учредительнаго Собранія. — За что боролась «третья сила»? — Обвинители и хулители. — Побѣдители и отступники. — 6-ое января въ Петроградѣ и 18-ое ноября въ Омскѣ. — Историческое оправданіе и политическіе выводы. — Совѣщаніе членовъ Учредительнаго Собранія въ Парижѣ и Исполнительная Комиссія. — Завтрашній день русской исторіи 218

Складъ изданія:
Книжное Дѣло «РОДНИКЪ», въ Парижѣ.
Editions «LA SOURCE»
34, rue Godot-de-Mauroy, Paris (9e)

Edition et Imprimerie
Rapide de la Presse
O. Zeluk, Directeur
4, r. Saulnier, Paris 9e